МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

М А Т Е Р И А Л Ы
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

18–19 апреля 2019 года

В пяти частях

Часть четвертая

Минск МГЛУ
2019

УДК 800
ББК 81.2
М34

Р е к о м е н д о в а н ы Редакционным советом МГЛУ

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я : Н. П. Баранова (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич (*зам. ответственного редактора*), Н. П. Баранов, А. Н. Гордей, Н. С. Евчик, Н. Т. Ерчак, В. А. Капранова, Т. П. Карпилович, И. Г. Колосовская, Н. Е. Лаптева, Л. М. Лещёва, С. Е. Олейник, В. А. Павловский, А. Л. Подгайский, О. А. Полетаева, Т. В. Поплавская, В. В. Яскевич

М34 **Материалы** ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 18–19 апр. 2019 г. : в 5 ч. Ч. 4 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2019. – 272 с.

ISBN 978-985-460-939-3 (Ч. 4).

ISBN 978-985-460-927-0.

Четвертая часть сборника содержит материалы четырех секций конференции – «Фонетика», «Перевод и обучение переводу», «Грамматика», «Стилистика и лингвистика текста».

Издание предназначено для специалистов в области лингвистики, преподавателей иностранных языков, аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 800
ББК 81.2

ISBN 978-985-460-939-3 (Ч. 4)
ISBN 978-985-460-927-0

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2019

ФОНЕТИКА

В. С. Абламейко

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ НА СЛУХ

Раскрытие механизмов восприятия речи человеком имеет огромное значение для постижения устройства звуковой системы языка и ее функционирования, без чего невозможно успешное обучение языку.

На правильность восприятия высказывания влияют такие факторы, как установка слушателя на конкретную задачу, возможность встречного прогнозирования, основанного прежде всего на знании темы звучащего сообщения, характер звукового сигнала, выбор стратегии слушания. Конечной целью процесса восприятия всегда является извлечение смысла, путь к которому основан на декодировании речевого сигнала, даже если стоит академическая задача идентификации интонационной структуры текста или написания фонетического диктанта. Тем самым семантизация является неотъемлемой частью восприятия.

Несмотря на отсутствие единства в толковании механизма процесса восприятия общим является понимание того, что точная идентификация фонетических характеристик речи играет ключевую роль в правильном осмыслении высказывания.

Проведенное исследование явилось результатом анализа 50 аудиотестов и диктантов на среднем и продвинутом этапах обучения языку в специальном учреждении высшего образования.

В соответствии с предварительно выработанной гипотезой были выделены следующие фонетические факторы неверного распознавания и осмысления высказывания.

1. Придание фонемам «большей свободы» фонетической реализации, что приводит к отождествлению воспринимаемого звука с фонемой, в число аллофонов которой данный звук не входит. Причиной этой трудности является большая дробность градаций в системе английского вокализма по ряду и подъему языка и дифференциация гласных по длительности и напряженности, которые отсутствуют в родном языке испытуемых. Особенно явно это явление прослеживается при восприятии имен собственных и аббревиатур, где возможность встречного прогнозирования затруднена.

Оригинальный стимул:	Восприятие:
1. The sizes I needed ***weren't*** *in stock* ‘Размеров, которые мне были нужны, не было в наличии’.	*1. The sizes I needed* ***went*** *in stock.*
2. The largest ***covered*** *market <…>* ‘Самый большой крытый рынок’.	*2. The largest* ***carpet*** *market <…>* ‘Самый большой рынок ковров’.

3. Transport is a strong ***theme*** *which will recur <…>*

‘Транспорт – это тема, которая будет часто повторяться <…>’.

4. All prices included ***VAT***

‘Все цены включали НДС’.

5. I’ll borrow some from ***Jenny*** *next door*

‘Я одолжу немного у моей соседки Дженни’.

3. Transport is a strong ***thing*** *which will recur <…>*

‘Транспорт – это вещь, которая будет часто повторяться <…>’.

4. All prices included ***the guarantee / the ID / VIT***

‘Все цены включали гарантию’

5. I’ll borrow some from ***Johnny / Jane*** *next door*

‘Я одолжу немного у моей соседки Джонни / Джейн’.

2. Значительное количество ошибок было вызвано восприятием дифтонгов как монофтонгов, что коррелирует с отклонениями на уровне продуцирования. Как известно, в силу отсутствия таких звуков в родном языке, произнесение дифтонгов вызывает сложности у билингвов и часто заменяется монофтонгами.

Оригинальный стимул:

1. <…> so I ***failed*** *maths <…>*

‘<…> поэтому я не сдал математику <…>’.

2. You didn’t ask me to get ***steak***

‘Ты не просила меня купить стейк’.

Восприятие:

1. <…> so I ***fell*** *maths / so I* ***felt much*** *<…>*

‘<…> поэтому я чувствовал много <…>’.

2. You didn’t ask me to get ***stick***

‘Ты не просила меня купить палку’.

3. Трудность при восприятии согласных в ряде случаев вызывала дифференциация согласных фонем по фортисности/глухости – ленисности/звонкости.

Оригинальный стимул:

1. It helped me keep a secret ***once***

‘Однажды это помогло мне сохранить секрет’.

2. Tourist ***buses*** *arrive*

‘Туристические автобусы приезжают’.

3. Its aim is to ***relieve*** *poverty … in any part of the world*

‘Ее задача – снизить уровень бедности населения в любой части мира’.

Восприятие:

1. It helped me keep a secret ***ones****.*

2. Tourist ***passes*** *arrive*

‘Туристические пропуски приезжают’.

3. Its aim is to ***relief*** *poverty … in any part of the world.*

4. Явление омофонии явилась причиной следующих ошибок:

Оригинальный стимул:

1. This has been the ***site*** *of the royal palace <…>*

‘На этом месте находится королевский дворец’.

Восприятие:

1. This has been the ***sight*** *of the royal palace <…>*

‘Это достопримечательность королевского дворца’.

*2. The objective **here** is to reduce costs <…>*	*2. The objective **hear** is to reduce costs <…>.*
‘Целью здесь является снижение цен’.	
*3. They are usually careful not to eat **too** much fatty food*	*3. They are usually careful not to eat **to** much fatty food.*
‘Обычно они стараются не употреблять в пищу слишком жирные продукты’.	

5. Схожесть звучания, обусловленная объективной перцептивной сложностью, вызванной слиянием лексических единиц в рамках акцентно-ритмической группы в силу частотности явлений ассимиляции, элизии, редукции служебных частей речи. Идентификация границ и состава акцентно-ритмической группы не всегда помогает в правильном осмыслении речевого сигнала.

Оригинальный стимул:	Восприятие:
*1. My next **door** neighbour Greg is a maths teacher <…>*	*1. My next **or** neighbour Greg is a maths teacher… / **co-neighbour** <…>*
‘Мой сосед Грэг – учитель математики’.	‘Мой следующий или сосед Грэг – учитель математики’.
*2. <…> to join **a community of** travelers <…>.*	*2. <…> to join **a communitive** travelers.*
‘<…> стать членом общества путешественников <…>’.	
*3. Welcome to the “**Seasoned** Chef” <…>*	*3. Welcome to the “**Seas and** Chef”*
‘Добро пожаловать в программу «Бывалый Шеф-повар» <…>’.	‘Добро пожаловать в программу «Моря и шеф-повар»’.
*4. I am going to give it **a go***	*4. I am going to give it **ago** / I am going to give it **to go.***
‘Я собираюсь попробовать это сделать’.	

В этой связи знания об особенностях реализации фонетической системы исключительно важны для формирования правильной перцептивной базы изучаемого языка и, в конечном счете, точного распознавания звукового сигнала.

Проведенный анализ фонетических трудностей при восприятии речи еще раз подтвердил известное положение о тесной связи между речепроизводством и восприятием. Явления, представляющие трудности в обучении говорению, представляют сложность и на уровне восприятия, хотя эта связь имеет более разносторонний характер в силу особенностей каждого из видов речевой деятельности.

Т. В. Аникеева

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ОТРЕЗКАХ

Просодическая структура публичного дискурса представляет собой актуализацию речевого воздействия в комплексном проявлении экстралингвистических факторов, которые обладают различным эффектом доминирующего воздействия на внутристилистическую варитивность. Трудность определения значимости того или иного социального фактора в просодически интегрированном речевом акте предполагает необходимость учета социальной принадлежности говорящего. Вычленение профессионально зависимых просодических индикаторов интерстилистической вариативности публичной речи требует целенаправленной унификации речевого материала путем максимальной нейтрализации эксплицитности проявления других экстралингвистических факторов.

Лингвистически актуальной также продолжает оставаться потенциальная возможность выявления профессионального статуса говорящего в пределах минимальной просодической единицы речи. Попытка проведения удостоверительного эксперимента была направлена на подтверждение объективной достоверности при определении профессиональной принадлежности информанта как маркера внутристилистической вариативности публичной речи.

С этой целью из публичных аудиовыступлений представителей профессиональных сообществ английских актеров, политиков, юристов и учителей были вычленены относительно самостоятельные просодические единицы различной протяженности, изолированные в различных участках текстов (начальном, медиальном, финальном), а именно: интонационные группы (синтагмы), фразы и сверхфразовые единства (фоноабзацы), в дальнейшем СФЕ. Протяженность каждой интонационной группы, в среднем, составляла от 2 до 15 слогов, например, интонационые группы *‘we do that cheerfully’, ‘well, changes that have been proposed’, ‘those people opposite who spoke’,* фразы *‘One of three women are beaten, coerced into sex or otherwise abused throughout the world’,* СФЕ *‘I started questioning gender-based assumptions a long time ago. When I was eight, I was confused at being called bossy’*. Указанные отрезки подобного типа в их разной последовательности были предъявлены опытным аудиторам-фонетистам, которым было предложено в форме предпочтительного выбора отметить принадлежность каждого сегмента тому или иному лицу: политику, юристу, актеру, учителю, а также отметить в графе трудность отнесения отрезка речи к одной из них. Количественные данные идентификации профессиональной принадлежности и их усредненные показатели свидетельствуют о том, что разграничение между ними в принципе возможно в пределах минимальной речевой единицы – синтагмы, но не у всех профессиональных сообществ. Легче всего опознавалась речь даже в таких участках у актеров в 10 % случаев. Что касается идентификации в пределах фразы и СФЕ, процент повышался как у полити-

ков и актеров, которые по всем признакам образовали полярные группы, так и у смежных групп носителей – учителей и юристов. Увеличение речевого отрезка до объема СФЕ позволило, в целом, опознать профессиональную принадлежность говорящего, в среднем, в 80 % случаев. При этом речь актеров и политиков в 95 и 85 % случаев соответственно, что фактически подтверждает данные проведенной ранее идентификации профессиональных сообществ говорящих носителями языка на материале целостного осознанного сообщения, составляет 85, 78 и 65 % по оценкам трех разных групп наивных аудиторов (носителей английского языка, белорусских неносителей, владеющих английским языком на высоком уровне, и немецких лингвистов, не владеющих английским языком).

Проведенное нами ранее исследование английской публичной речи позволило установить профессионально зависимые просодические варианты устных высказываний. Сопоставительный анализ просодических структур указанных отрезков показал, что идентификация профессиональной принадлежности обусловлена различием в совокупности проявления тональных и темпоральных признаков речепроизводства различными говорящими. В первую очередь, наиболее дистантными признаками является паузальная делимитация текстов, степень экспрессивности речи, проявляющаяся в частотности эмфатических ударений и предпочтительной реккурентности используемых тональных завершений фраз и тональной вариативности предъядерного контура. Так, длинные паузы перерывов фонации и использование низкого и высокого восходящего тона наиболее характерно для профессионального сообщества актеров; эмотивно-экспрессивная интенция актеров выражается восходяще-нисходящим эмфатическим тоном. Речь политиков характеризуется использованием высокого нисходящего тона в качестве типичного тонального завершения фраз и высокого нисходящего эмфатического тона. Юристов отличает от всех других групп использование коротких, длинных пауз и пауз хезитации, а также предпочтительность употребления высокого нисходяще-восходящего тона в нефинальных интонационных группах. Предпочтительным типичным видом паузации в речи учителей являются короткие паузы сегментирования речевого потока при соблюдении четкого взаимодействия синтаксического структурирования фраз и семантической значимости выделения смысловых центров. Указанные дистинкторы были установлены естественным образом на базе распространенных отрезков речи.

Л. Г. Воробьева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОСОДИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

По признанию многих лингвистов, убеждающая интенциональность говорящего в выборе выразительных языковых средств является одной из составляющих функций диалогического общения в различных сферах речевой коммуникации. Необходимость интеллектуального и эмоционального

воздействия на собеседника возникает в различных видах как деловых контактов, так и в повседневной обиходно-бытовой сфере речевого общения. Языковые средства, используемые для достижения убеждающего эффекта, разнообразны. В силу широты лексической семантики выбор слов оказывается универсальным инструментом, с помощью которого осуществляются самые разные виды дискурсивного воздействия. Перлокутивный эффект применения речевых стратегий эмоционального воздействия может быть представлен как прямыми, так и имплицитными языковыми приемами. Лексико-грамматические средства реализуют различные виды тактик как позитивного, так и негативного воздействия. В частности, активное использование риторических вопросов, интерактивная консолидация за счет частого употребления местоимения ‘мы’, повторы, создающие эффект нарастающего напряжения, частое употребление вопросов в отрицательной форме, безличные конструкции и другие, могут быть прототипной формой как похвалы, так и порицания, демонстрируя при этом признаки стремления говорящего к объективной оценочности. Как известно, в устной коммуникации просодия является универсальным средством передачи как эксплицитной, так и имплицитной интенции воздействия, способным усиливать, замещать, дополнять, изменять определенную словесную номинацию путем различного интонирования одной и той же вербальной содержательности фразы. Задача данного исследования состояла в установлении и описании специфики высотно-тональной организации английских высказываний как способа реализации воздействия в плане расслоения их жанрово-стилистической принадлежности.

В качестве речевого материала были взяты образцы официально-деловой и непринужденной английской диалогической речи в исполнении носителей, владеющих орфоэпической нормой современного английского языка. Доминирующим критерием разграничения текстов был тип отношений между говорящими и тема беседы, которые были продиктованы либо социальным положением участников диалога (деловые партнеры, учитель-ученики, коллеги, родственники, друзья), либо тематически-деловым (производственным) или нейтрально-бытовым содержанием речевого общения:

1. You ˎ needn’t have gone ˈˈnear her { un ˎ less you ˎˎ liked ‖ ‘Не надо было подходить к ней, если ты не хотел’. *There was ˈsuch a ˎ pack ˋ you could ˈeasily have ˄ˇavoided her* ‘Там было столько народу, что ты легко мог с ней не встретиться’.

2. >Well, { I ˈthink ˈfirst and ˄ˇforemost { there’s what I ˎ call the enˈvironmental ˈcase ‖ ‘Так в первую очередь это то, что я называю экологическим аспектом’. *We ˈall ˎ know { that ˎ cars conˈsume ˈvaluable ˈenergy ˌsources‖* ‘Мы знаем, что автомобили потребляют ценную электроэнергию’.

Одним из значимых функционально-коммуникативных требований при отборе образцов для сравнительного анализа было наличие в речи коммуникантов интенции убеждающего воздействия на адресата.

Фразы, идентифицированные носителями и неносителями английского языка с высоким уровнем его владения в 85 % случаев как фрагменты официально-деловой или непринужденно-бытовой сфер их принадлежности в общем количестве 60 единиц, были представлены в просодической транскрипции опытными аудиторами-фонетистами. Сравнение стиледифференцирующих акцентно-тональных признаков проявления воздействующего характера в выразительности речевых структур проводилось путем их контрастивного анализа на различных функциональных участках тонального контура финальных и нефинальных интонационных групп, а именно в зоне тонального завершения фраз и на предъядерном участке тонального контура.

Анализ показал как наличие инвариантных просодических признаков в актуализации интенции убеждающего воздействия, так и их стилистическую специфику. Стилистически универсальным признаком проявления просодического воздействия является использование высокого нисходящего тона в завершении интонационных групп. В обеих стилистических выборках частотность его употребления идентична (37 %). При этом большая частотность данного кинетического тона в терминальной зоне нефинальных интонационных групп являлась индикатором усиления воздействующей интенции говорящих.

Частотная предпочтительность употребления низких нисходящего и восходящего терминальных тонов зарегистрирована в диалогах непринужденного характера. При этом официально-деловые и непринужденные фразы отличает разная рекуррентность их употребления. Более высокое начало низких нисходящих тонов в официально-деловых фразах позволяет говорящим достичь ее более категоричной убедительности.

Частое употребление нисходяще-восходящего тона в финальных интонационных группах в обоих стилях речи указывало на установку информантов снизить в определенной мере директивный характер звучания речи. Одним из стилистических приемов повышения информативной значимости сообщений в официально-деловой речи являлось более частое использование восходяще-нисходящих тонов в предъядерной части высказываний, а в непринужденной речи – в зоне завершения.

Результаты исследования убеждают в наличии константных контрастов тонального структурирования фраз в зависимости от их ситуативной принадлежности.

Н. Е. Гвоздикова

ОСОБЕННОСТИ АРТИКУЛЯЦИИ И ДИКЦИИ В ПЕНИИ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

«У всех звуков, из которых складывается слово, своя душа, своя природа,свое содержание, которые должен почувствовать говорящий», – утверждал К. С. Станиславский.

Пение является единственным видом музыкально-исполнительского искусства, в котором музыкальное воплощение органически сочетается с выразительным донесением речевого текста, где происходит процесс интеграции музыки и слова. Перед голосовым аппаратом ставится задача не только формирования красивого певческого тона, но и одновременно ясного и четкого произношения поэтического текста. Поэтому вопросы дикции и артикуляции на сегодняшний день являются едва ли не одними из самых актуальных в вокально-исполнительском мастерстве. Ведь пение предполагает слаженность, отточенность и единовременность всех составляющих элементов работы голосового аппарата (дыхания, звукообразования, дикции и артикуляции). Современное эстрадное исполнительское искусство в широком понимании этого слова в большинстве случаев «грешит» очень плохой дикцией. Слушатели часто не понимают, о чем поется в песне, в результате страдает звуковая подача голоса, а отсутствие фразировки приводит к бессмысленному набору слов.

Что же мы понимаем под терминами артикуляции и дикции?

Артикуляция – это работа артикуляционных органов, формирующих звуки речи. Артикуляционный аппарат фактически является главным настройщиком голоса. С его помощью поющий и создает наиболее благоприятные, выгодные условия работы гортани – так называемый оптимальный импеданс, позволяющий значительно увеличивать коэффициент полезного действия всего голосового аппарата, а также управлять динамикой звучания голоса. В конечном счете, вся вокальная техника определяется техникой артикуляции. Интенсивность и согласованность работы артикуляционных органов определяет качество произношения звуков речи, разборчивость слов или дикцию. Под *дикцией* понимается четкое, ясное и отчетливое произношение всех звуков с правильной их артикуляцией, при четком и внятном произнесении слов и фраз. Дикция является средством донесения текстового содержания до слушателей и одним из важнейших средств художественной выразительности в раскрытии музыкального образа.

Автор считает необходимым сконцентрировать внимание на том, что четкость произношения в вокальном мастерстве касается не фразы в целом, не слова в отдельности, а каждой буквы. И петь их следует не так, как они пишутся, а как произносятся согласно транскрипции. Песня, исполняемая на иностранном языке, создает дополнительные трудности в произношении, передаче текста и донесении чувств и эмоций исполнителя и автора конкретного произведения. Иностранный язык требует от исполнителей максимальной концентрации сил и внимания для более четкого и ясного произношения текста, верно выстроенной фразировки и распределения смысловых акцентов. Через изучение иноязычных песен глубже постигается другая музыкальная культура, у которой есть свои специфические черты, особенности, раскрывается душа народа. Кроме того, в песнях совершенствуются навыки иноязычного произношения, развитие музыкального слуха, чувства ритма, что представляется весьма практичным для студентов лингвистического вуза.

С текстом, тем более англоязычным, торопиться не следует, чтобы закрепить звуко-высотное соотношение составляющих мелодию звуков. Как правило, песня изобилует многочисленными высотными перепадами и неудобными в вокальном отношении ходами мелодической линии. Для преодоления указанных сложностей исполнителю необходимо обязательно ознакомиться с переводом исполняемого произведения в целях понимания содержания и авторской идеи. Очень полезно четкое проговаривание каждой части текстового материала в медленном темпе (как в работе со скороговорками), а также в ритме данной мелодии, чтобы было закреплено положение губ, языка и других элементов артикуляционного аппарата. Это значительно упрощает и ускоряет работу над дикцией. Кульминация музыкальной композиции подчеркивается не только ритмическим «сбоем», но и другими выразительными средствами: яркой динамикой (*forte*), твердой атакой звука, использованием в звучании приема *marcato.* Необходимо учитывать, что дикция очень тесно связана с атакой звука (началом пения). Если начало пения невнятно, размыто, то песня начинается фактически с середины фразы. Очень полезно во всех отношениях спеть песню на любом этапе работы без сопровождения (*acappella*), особенно для ансамблевого пения, интонационно выверяя каждый вокальный голос.

Несмотря на то, что английский язык для вокального исполнения считается более удобным, чем русский, имеется ряд различий фонетики русского и английского языков, представляющих определенные трудности для вокалистов: 1) в отличие от русского языка, в английском языке есть деление гласных на долгие и короткие звуки, и случайная смена одного звука на другой может привести к значительным изменениям, вплоть до возникновения нового смысла слова; 2) в английском языке все гласные представлены двумя главными классами: монофтонгами и дифтонгами, однако особую сложность могут представлять трехэлементные сочетания; 3) следует помнить, что вне зависимости от учета следующего звука, согласные в английском языке не смягчаются, т.е. отсутствует смыслоразличительная палатализация согласных, характерная для русского языка; 4) большую роль в фонетике английского языка имеет интонация, она сочетает в себе высоту тона, ритм, фразовое ударение и темп. Эти несколько примеров демонстрируют малую часть различий между фонетикой русского и английского языков. Конечно, при работе над конкретным произведением нужно детально проработать текст и учесть фонетические особенности используемого в тексте языка. Разбор текста подразумевает под собой правильное произношение слов, ударения, подстрочный перевод, определение главных слов во фразах. Вокалист должен научиться произносить текст без остановок, в нужном ритме и темпе, и при этом быть независимым от мелодии.

Помочь в данной работе сможет знакомство с понятием «общепевческая артикуляционная база», выдвинутым Ариадной Карягиной в методических рекомендациях «Современный вокал». Это понятие предполагает включение

в процессе постановки голоса таких артикуляционных мышечных движений, которые обеспечат международный эталон звучания голоса. Каждый хорошо обученный профессиональный певец является «счастливым обладателем» таких качеств голоса, как свобода и тембральная ровность, разборчивость, «полетность», развитый звуко-высотный диапазон и т.д. Эти качества являются неотъемлемой частью звукового эталона. Такая база создана для всех певцов, независимо от их национальности и происхождения. Приведем несколько важных качеств вокальной речи, на которые нужно обратить внимание при работе над иностранным произведением, независимо от его исходного языка: 1) гласные должны создаваться по общим законам формирования певческого голоса; 2) при пении одной из важных задач является выработка стабильного положения гортани и мягкого неба; 3) «близкий» звук должен достигаться включением речевого резонатора и «вокальной маски» на всем диапазоне голоса с опорой на переднеязычные согласные; 4) согласные в конце слова должны исполняться четко и на дыхательной опоре.

В правилах произношения французского, немецкого, итальянского и испанского звуков, как и в других языках, есть ряд исключений и нюансов, которые необходимо учитывать. В итальянском языке чистота гласных звуков является одним из основополагающих факторов правильного и четкого пения. Одной из трудностей является большое число слов и фраз, в которых чистые гласные следуют друг за другом очень плотно и быстро, и каждому из них следует уделить внимание. Например, итальянское притяжательное местоимение «miei» содержит три отдельных и четких гласных звука, ни один из которых нельзя пропустить или слишком утрировать. Пение на французском языке требует особого внимания к носовым гласным. Французские носовые гласные не нужно петь в утрированной носовой манере. Пения в нос следует избегать всегда. Необходимо помнить о «посылаемом вперед» звуке. Пение на немецком языке всегда требует концентрации на умлаутах, а также на разнице между твердыми и мягкими согласными звуками. Таким образом, хотелось бы вновь обратить внимание на важность артикуляционных органов и дикции в плане художественной выразительности, передаче характера и эмоционального настроя исполняемых вокальных произведений. Исполнение будет качественным, если воедино будут представлены все виды вокальной работы (дыхание и его опора, звукообразование и звуковедение, чистота интонирования, ясная дикция и четкая артикуляция, умение показать широкий и ровный диапазон голоса, ритмическая точность, ансамблевая слитность (умение петь в единой певческой манере), владение фразировкой и верной расстановкой акцентов)) в сочетании с умением сценически воплотить песню (умение двигаться, регулировать свою мимику и жесты).

Е. Д. Долматова

РЕАЛИЗАЦИЯ СОГЛАСНОГО КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ

Общеизвестно, что процессы взаимовлияния и модификации звуков проявляются наиболее отчетливо в комбинациях контрастирующих элементов звуковой цепи, т.е. в сочетаниях СГ и ГС. Вполне закономерно поэтому, что модификации качественно-количественных характеристик гласных и согласных в потоке речи изучены в основном в данных сочетаниях. Интерес к исследованию звуковых комплексов типа СГ обусловлен тем, что для абсолютного большинства языков он является наиболее частотным. В ряде работ указывается, что даже последовательность типа ГСГ по СГ-правилу может быть представлена в виде структуры Г-СГ. Именно в слоге СГ, как отмечает Л. В. Бондарко, существуют оптимальные условия для реализации фонологически существенных признаков сегментных единиц.

Следует указать, что модификации согласных в сочетаниях СГ на межсловных стыках изучены в меньшей степени. Очевидно, что для установления роли аллофонического варьирования согласных в делимитации слов в потоке речи важно как изучение консонантных сочетаний на межсловных стыках, так и изучение сочетаний согласных с гласным на «внешнем», межсловном, стыке (С_Г, *a**t a**ll* ‘совсем, полностью’, С#Г, ˈ*whi**te*** ˎ***u**rn* ‘белый кофейник’) по сравнению с внутрисловными сочетаниями (СГ, *a **ta**ll* ‘высокий’).

Исследование, результаты которого обсуждаются в данном докладе, было направлено на выявление функциональных возможностей аллофонических модификаций английских смычно-взрывных согласных в вышеуказанных типах стыков в зависимости от степени связности элементов сочетания СГ.

Экспериментальное исследование проводилось методом аудитивного анализа с привлечением группы опытных аудиторов-фонетистов (n=5). Аудиторам предъявлялись стимулы в последовательности СГ, поскольку данная минимальная последовательность содержит информацию о внутрислоговости/межслоговости, межакцентности/внутриакцентности.

В результате аудитивного анализа были выявлены перцептивные варианты реализации словоконечных и словоначальных согласных в изучаемых типах стыков, которые ассоциируются с определенной степенью смысловой связанности смежных элементов высказывания и приводят к однозначной смысловой сегментации речи, а также варианты, которые могут приводить к нейтрализации позиционных аллофонических различий между словоконечным и словоначальным согласным и тем самым к нейтрализации межсловных границ. Так, например, при предъявлении слога СГ сильноаспирированные реализации глухих смычно-взрывных согласных в подавляющем большинстве случаев воспринимаются как словоначальные. Вместе с тем ряд сильноаспирированных реализаций согласных был ошибочно отне-

сен аудиторами к словоконечным, что, по-видимому, связано с меньшей тщательностью и небрежностью артикуляции. В то же время сильноаспирированные словоконечные согласные, реализованные на межсловных внутриакцентных и межакцентных стыках, при более тщательной артикуляции, большей зашумленности и более тесной связанности смежных лексических единиц ошибочно воспринимаются как словоначальные. Становится очевидным, что определенное качество звука (сильноаспирированный, слабоаспирированный, фрикатизированный звук и т.д.) не является единственным выражением тесноты связи между двумя компонентами. Вследствие этого возникает вопрос о том, *что именно* несет информацию о межсловной (межслоговой) связи при одинаковом качестве звука, в одинаковой дистрибуции.

Тем самым возникает необходимость рассмотрения согласной фонемы как конституэнта слога, т.е. вместе с гласным в определенной позиции в речевой цепи, позиции в слове и в отрезке, большем, чем слово. В случаях, когда сильно-/среднеаспирированные или аффрицированные реализации согласных верно соотносятся аудиторами с изучаемыми типами стыка, наблюдается разная теснота связи и «плотность» шумового сигнала на внутрислоговом, межслоговом, межсловном стыке. Иными словами, межсловность (межслоговость) содержит существенную для восприятия информацию о роли консонантного сегмента в конституировании слога в разных позициях относительно более высоких единиц, в то время как само различение физического свойства звука (например, сильноаспирированный, среднеаспирированный, слабоаспирированный или африцированный) сохраняется и может быть оценено как вариант репрезентации этой фонемы.

Верное распознавание словоначальных и словоконечных аллофонов на стыках в случаях, когда они реализуются одним и тем же перцептивным вариантом, по-видимому, может быть объяснено не только изменением фазы взрыва по длительности, интенсивности и степени аспирированности, но и модификациями длительности переходных участков на согласном и гласном, а также принятием во внимание модификации предшествующего гласного (Г)СГ.

Е. Б. Карневская

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ДИСКРЕТИЗАЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИ ТОЖДЕСТВЕННЫХ КАТЕГОРИЙ
(из опыта моделирования просодической структуры фразы)

Изменения в лингвистической парадигме, отводящей в настоящее время главенствующую роль изучению речевой деятельности человека, привели к необходимости критического осмысления концептуальных и методологических основ исследования каждой из языковых подсистем. В исследовании звукового строя языка это привело, наряду со смещением фокуса научного

поиска на звуковую форму речевой деятельности человека, к существенным изменениям в трактовке соотношения фонологии и фонетики. Требование строгого разграничения данных понятий, как принадлежащих к разным научным дисциплинам, стало по сути тормозить развитие фонетической науки. Само определение лингвистической ценности исследований по критерию фонологичности изначально отрицает наличие данной ценности в многочисленных экспериментально-фонетических работах. Это касается, в частности, фонетических моделей описания тонального контура высказывания, выделяемых, как подчеркивается оппонентами, по признакам и различиям градиентного (gradient), а не категориального (yes/no) характера. В то же время попытки провести четкую грань между фонологией и фонетикой оказываются практически недосягаемой задачей, в первую очередь, из-за трудностей отделения категориальных от градиентных и качественных от количественных признаков.

Нужно признать, однако, что тезис о единстве фонологии и фонетики, пришедший на смену изложенному «ортодоксальному» взгляду, остается пока не более, чем декларативным утверждением, поскольку оба термина, войдя в научный обиход, сохраняются в нем и при этом используются не как синонимы-эквиваленты.

Определенным шагом к объективному раскрытию неразрывной связи между фонологией и фонетикой стало расширение толкования фонологической системы языка как таковой, с включением в нее нормы вариантов фонетической реализации фонологических единиц, возникающих в результате внутриуровневых и межуровневых отношений между этими единицами. Этой же цели служит, на наш взгляд, все более широкое использование составного термина *фонетико-фонологический*. Он отражает реальность и одновременно неразделимость двух ступеней анализа единиц и явлений звуковой структуры языка. Фонология с ее акцентом на функциональности (дистинктивности) звуковых характеристик в данном случае не противопоставлена фонетике с приписываемым ей приоритетным вниманием к модификациям формы безотносительно к их дистинктивности/недистинктивности.

Конструктивность широкого подхода к толкованию фонологии наиболее явно доказывается на сегментном уровне, поскольку при таком понимании не только аллофония, но и внутриаллофонное варьирование органически входят в фонологическую систему языка, описание которой действительно становится фонетико-фонологическим.

В отношении принципов просодического анализа речи со всей очевидностью можно констатировать изоморфизм между сегментным и просодическим уровнями с точки зрения рассматриваемой проблемы единства фонетики и фонологии. Однако если анализ сегментных единиц всегда опирался на установленный инвентарь фонем, то в просодии ситуация значительно сложнее, поскольку создание подобных списков просодических единиц продолжает оставаться актуальной задачей просодических исследо-

ваний. Тем не менее, в высотно-тональной подсистеме просодии для многих языков, в том числе для английского и русского, уже установлены списки микро- и макроединиц, и вместе с тем существуют разногласия по поводу определения критериев дискретизации и статуса выявленных вариантов.

Общеизвестно, что число выделяемых разными авторами высотно-диапазональных вариантов, различаемых в рамках категориальных типов высотно-мелодических изменений – тонов и тональных контуров, варьирует в достаточно широких пределах (от 2 до 6–7). Такое же варьирование, естественно, характеризует дискретизацию высотных уровней и регистров в диапазоне голоса говорящего. Если квалифицировать его как фонетическое, то мы должны признать сам процесс дискретизации обусловленным сугубо физиологическими факторами, т.е. порогами слухового восприятия, и выбор большей или меньшей степени дискретизации тогда объясняется только авторским предпочтением.

Результаты специальных исследований, в том числе направленных на лингвистическое обеспечение многоязычного синтеза речи, показали, что вариативность в реализации категориальных тональных типов, т.е. различаемых на основе качественного признака – направления изменения ч.о.т., – обусловлена в принципе теми же факторами, что и выбор самого типа: коммуникативными, семантико-прагматическими, логико- и эмоционально-модальными, стилистическими. Иными словами, указанное варьирование позволяет выделять функциональные варианты, составляющие парадигму в рамках категории, в качестве которой выступает тот или иной тональный тип: нисходящий, восходящий, нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий. По аналогии с аллофонами фонем каждый из вариантов обладает большим фамильным сходством реализующих его структур по сравнению с типом в целом. В то же время в отличие от аллофонов-фонем это сходство относится не только к форме, но и к семантике и функциям тональных структур. Характерно, что функциональность фонетической дискретизации обнаруживается не только в ключевом элементе просодического контура – ядерной акцентной единице, но и на других, предъядерном и заядерном, участках контура.

Оценка качества синтезируемой речи, созданной на основе разработанной нами компилятивной дифонно-просодической модели, показала, что ударные просодические диффоны (слоги типа СГ) предъядерных акцентных единиц, отобранные из естественной русской и английской речи носителей языка без учета позиции акцентной единицы в названной части контура, стали причиной низкой оценки качества просодического аспекта синтезируемой речи и ее качества в целом. Информанты-носители языка и аудиторы-эксперты оценили реализации, в которых ударный слог начальной акцентной единицы был представлен срединным, более низким по высотному уровню дифоном, как неадекватные речевой ситуации с точки зрения передаваемой информации и звучащие «странно» с точки зрения их представления о норме интонационной структуры. Таким образом, фонологи-

чески тождественные реализации, принадлежащие к одной категориальной единице – средне-высокому статическому тону, обладают функционально значимыми фонетическими различиями. Тем самым экспериментально подтверждается необходимость двух этапов в анализе и репрезентации просодических характеристик высказывания, что и достигается фонетико-фонологическим анализом.

Т. К. Кохнович

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИЗВИНЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ОБОИХ КОММУНИКАНТОВ

Языковые единицы с семантикой извинения не выходят из зоны внимания лингвистики. К изучению данных единиц обращаются как исследователи в области прагматики, рассматривая их в качестве средств реализации речевого акта извинения, так и ученые, занимающиеся вопросами межкультурной коммуникации, что связано с интересом к специфике выражения извинения в разных языках. Широкое употребление формул извинения, принятое в ситуациях естественной интеракции многих языковых сообществ, объясняется той важной функцией, которую они выполняют, – социальной функцией поддержания гармонии межличностных отношений между участниками коммуникации.

Мы рассматриваем извинение как полиинтенциональный речевой акт, объединяющий ряд коммуникативных намерений, таких как оправдание, раскаяние, признание собственной вины и т.д. Извинению предшествует неудачное или неправильное вербальное или невербальное действие говорящего, что позволяет характеризовать его в целом как реактивный акт.

Употребление тех или иных форм извинения в речи позволяет судить о степени вины автора, его эмоциональности. Извинения могут быть выражены эксплицитно, с использованием перформативных глаголов *entschuldigen*, *verzeihen*, *vergeben*, а также их номинализаций *Entschuldigung*, *Verzeihung*, *Vergebung*. Четкой разницы в употреблении глаголов *entschuldigen* и *verzeihen* не существует, однако немецкий лингвист В. Ланге видит в слове *Verzeihung* более высокий стиль по сравнению с синонимом *Entschuldigung*. При совершении действий, проступков, которые имели для адресата серьезные последствия, а также при большой разнице в социальном статусе, употребляется форма *„Vergeben Sie bitte!“*. Извинение может быть выражено также имплицитно. Это проявляется в выражении сожаления по поводу принесенного ущерба, признанием вины или указанием на ненамеренность действия: *tut mir leid*, *ich bedaure*, *leider*, *dummerweise* и т.д. Такие высказывания, следующие за неудачным результатом действий, выражают отказ говорящего взять на себя вину за происшедшее. Формула *tut mir leid* и ее синонимы – выражение смирения с ситуацией, которую уже нельзя изменить. Реже употребляются косвенные речевые акты извинения в виде фразы *„Wie*

kann ich das wieder gutmachen?“. Продуктивным языковым показателем наличия извинения в пропозициональной части высказывания является словосочетание *übelnehmen*, которое логично рассматривать как включающее имплицитную просьбу о прощении и просьбу не обижаться, поскольку причинившее ущерб действие было ненамеренным.

В повседневных ситуациях признание вины рассматривается как полноценное извинение. Признание вины может быть выражено следующим образом:

а) эксплицитное обвинение говорящим самого себя, например: *Das ist meine Schuld. Das ist mein Fehler. Ich bin daran schuld*;

б) негативная оценка говорящим своего поступка: *Ich bin ein Riesenkamel gewesen, dass ich von Ihnen fort bin*;

в) выражение раскаяния с полным признанием вины и убеждение адресата в том, что лучше было бы не совершать этого неверного поступка: *Ich bitte um Entschuldigung für mein Benehmen, ich sollte das nicht tun.*

Особое значение в ситуации извинения имеют отношения автора и адресата. Адресат в силу своей коммуникативной роли имеет большую инициативу в соответствующей речевой ситуации. Он не просто слушающий, ему следует верно интерпретировать высказывание и уместно реагировать на него. Характерной и идеальной репликой может быть согласие принять извинение: *Ich verzeihe dir.* Но эксплицитное согласие принять извинение встречается в повседневном общении редко, поскольку такая реакция идентифицирует вину говорящего и равносильна порицанию, которое ущемляет личность собеседника. Этикет требует сохранения не только лица адресата, но и авторитета адресанта, поэтому согласие принять извинение выражается чаще различными описательными формулами, которые немецкий лингвист И. Ребайн называет «сведением к пустяку» поводов для извинения, например: *vergessen, geschenkt, gewährt, ist schon gut.* Ситуативная краткость реагирующих реплик отображает картину живого диалога. Своей лаконичностью они создают особую спокойную атмосферу. Кроме того, эксплицитно-перформативное согласие принять извинение в виде формул *ich verzeihe dir, ich entschuldige dich* выглядело бы пафосно.

Согласие принять извинение не всегда эксплицируется. Для этого может быть использовано предложение не возвращаться больше к обсуждению произошедшего инцидента: *Ach, Paul, sprechen wir doch nicht davon. Es ist gar nicht so wichtig.* Согласие на принятие извинения может сопровождаться также невербальными средствами, поскольку вербальная реакция прощения акцентировала бы внимание на проступке, не сохраняя тем самым лицо собеседника: *„Verzeihst du mir?“ – Sie nickte.*

Одной из реакций на извинение может быть отказ принять извинение: *Eure Entschuldigung nützt mir jetzt nicht mehr.* Подобный отказ является репликой, которая противоречит принципам успешного коммуникативного общения и означает, что адресат сомневается в искренности извинения. В случае невиновности извиняющегося ответные реплики могут иметь

оттенок утешения: *Da gibt es nichts zu entschuldigen.* Адресат может подвергать сомнению виновность говорящего и поэтому не принимает извинение: *Verzeihen? Was gab es zu verzeihen?*

Редким случаем являются ситуации обоюдного извинения, которые служат восстановлению нормальных отношений между коммуникантами и представляют собой экспликацию успешности данного речевого акта.

Следует отметить, что некоторые извинения не требуют никаких обязательных реплик. Так, например, нарушение правил хорошего тона или покоя совершается говорящим одновременно с извинением: *Entschuldigen Sie, wenn ich Sie störe, aber ich habe es eilig.*

Анализ научной литературы показывает, что речевые акты извинения успешно осуществляются при соблюдении следующих условий:

1. Говорящий совершил действие, причинившее адресату некоторый ущерб. Он признает причинение ущерба и просит адресата не обижаться и не принимать этот инцидент во внимание в дальнейших отношениях между ними.
2. Действие говорящего причиняет ущерб адресату. Говорящий опасается, что адресат может обидеться или оскорбиться, если говорящий не принесет свои извинения.
3. Говорящий чувствует вину по отношению к адресату. Он искренне сожалеет о том, что причинил адресату ущерб и хотел бы сохранить с ним прежние отношения.
4. Акт извинения является попыткой восстановить коммуникативное равновесие и вернуться к положению дел, существовавшему до причиненного ущерба.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что перлокутивный эффект извинений может оцениваться с позиции адресанта и адресата: адресант сохранил «лицо», выразив сожаление или раскаяние по поводу произошедшего, он просит прощения, чтобы сохранить с адресатом прежние отношения; с другой стороны, адресат осознал ситуацию и принимает извинения, что способствует восстановлению контакта.

В. В. Лопатько, Л. И. Трибис

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ИНТЕРЪЕКЦИОННЫХ ЕДИНИЦ В УСТНОЙ РЕЧИ

Интеръекционные единицы (ИЕ) трактуются в лингвистике как неотъемлемый атрибут речевого общения и один из эффективных способов проявления эмоционально-волевой экспрессии устного высказывания. Они выступают важным средством отражения чувств и состояний говорящего, не называя их, чем и отличаются от других лексических единиц, связанных по своей семантике с выражением эмоций. ИЕ обладают яркой коннотативной характеристикой, повышают образность непринужденной диалогической

речи, придают ей лаконичность и особую экспрессивность с одновременным выполнением существенной коммуникативной функции – языковой экономии, позволяющей в предельно сжатой форме выразить все многообразие смысловых и эмоциональных оттенков. Поэтому первоначально кажущиеся неопределенными и второстепенными в репликах собеседниках ИЕ несут значительную функциональную и коммуникативную нагрузку. Неопределенность ИЕ объясняет разнообразие подходов к их изучению, интерпретации лингвистического статуса и обилия терминологии от «эквивалента слова» (В. В. Виноградов) и «словоформы» (А. И. Смирницкий) до «суррогата предложения» (А. А. Реформатский), от «неясной туманной категории» (Л. В. Щерба) до «фразы для выражения эмоций» (D. Truck, D. Crystal). Однако семантически и прагматически функционирующие в процессе языковой коммуникации, они выступают полноправными высказываниями, поскольку могут быть охарактеризованы через наличие определенной интерактивной речевой ситуации, отражающей мир эмоций и волевых импульсов участников устного диалога.

Кроме того, ИЕ признаны конвенциональными средствами, которые говорящий извлекает из вокабуляра, знает их заранее и употребляет как готовые речевые формулы, не конструируя их в процессе общения. Наиболее удачные и рекуррентно повторяемые образования становятся носителями определенного значения и понятны всем членам языкового коллектива. Так, у американской молодежи распространено выражение «Shut up!», которое отражает крайнюю степень удивления или восторга, не являясь грубой сленговой единицей.

Особую важность в устной реализации ИЕ приобретают просодические средства, которые помогают определить их экспрессивно-модальный потенциал в речевой ситуации. Поскольку они обладают большой ситуативной валентностью, одна и та же единица может характеризовать до 30 различных эмоциональных состояний, от гнева и досады до радости и удовлетворения. Занимая инициальные позиции в репликах собеседников, ИЕ служат стартовым сигналом в определении коммуникативно модальных признаков и прагматического характера речевой ситуации, а ее конкретное содержание раскрывается в сочетании с просодией всего высказывания.

Экспериментальным материалом данного исследования послужили 110 диалогических единств, содержащих ИЕ, вычлененных из 10 англоязычных художественных фильмов. Каждая речевая ситуация неоспоримо и наиболее ярко отражала эмоциональное состояние собеседников и их неординарную оценку реальной действительности, как в негативной оценке (гнев, раздражение, возмущение, страх, недовольство, ирония, обида, боль, стыд), так и в позитивном отношении (восторг, удивление, радость, удовлетворение, нежность, дружелюбие, уважение). Результаты проведенного аудитивного анализа позволили выделить ряд тенденций, свойственных ИЕ в их соотношении с последующей репликой коммуникантов.

Инициальные ИЕ были выделены в отдельную интонационную группу в 86 %, реализованы отдельной автономной фразой в 10 % или занимали срединную позицию в реплике говорящего в 4 %. Наиболее рекуррентным терминальным тоном в просодической структуре ИЕ группы негативной коннатации зарегистрирован высокий (70 %), средний (20 %) и низкий (8 %) нисходящий тон, вариативность которого зависит от степени эмоционального напряжения ситуации. В первых 4 случаях мелодические модели ИЕ произнесены в расширенном голосовом диапазоне с преобладанием эмфатического варианта тона, увеличенной громкостью и грудным ларингальным тембром. Увеличенная слоговая длительность и замедленный темп произнесения позволяют говорящему придать особую значимость как ИЕ, так и всей реплике.

– Taking off the play? It will cost you a fortune. And Dolly… – To ˥˥Hell with ˥˥Dolly| ˉI ˩say ˩I'm ˥˥tired. ˩Take the ˩play ˥˥off! (гнев)

– ˩Good ˥˥Lord,| ˩these ‖people are ˥˥crazy| and ˥˥dangerous. (страх)

– The ˩boat has ˧˩gone. ˥˥Bull it! – ˩My ˥˥sentiments are ‖exactly the ˥˥same.

– ˥˥Ouch| It ˥˥hurts. ˩What ˧˩is it? – ˧˩Iodine. (боль)

– ˩Oh, ˩dear ˥˥Heaven, I'll ‖call you a ˥˥taxi and ˥˥pay for it.| Is ˊˊthat all ˙right? (возмущение)

Просодическую структуру последних видов ИЕ отличает наличие более ровного среднего и низкого нисходящего или нисходяще-восходящего тона в зауженном частотном диапазоне, которые совместно с пониженной громкостью, ускоренным темпом и фаукальным голосовым тембром создают некоторую монотонность произнесения. Такой комплекс просодических параметров образует некоторое однообразное мелодическое звучание всей фразы.

– ˉOh, ˧˩dear me|, what an ˩awkward situ˧˩ation. I ˩haven't re˩ceived the invitation.

– ˩Go a˧˩head,| turn me a ˧/worm,| a ˧/bird.| ˧˩Any you may ˧/want. I ˩don't ˧˩care any˧/more. (обида)

– For ˩God's ˧˩sake,| Reggie,| uh,| ˧˩look,| ˩we are ˧˩sorry. ˧/Well, we a˧˅pologize. (стыд)

– ˧˩Dear me,| you ˩can't ˧|know what ˧˩sorrow that ˧|brings me. (печаль)

В просодической структуре ИЕ позитивной коннотации отмечаем большую вариативность мелодического движения – высокий нисходищий (62 %), нисходяще-восходящий (22 %), низкий или средне восходящий (15 %) терминальный тон. В случаях выражения восторга, удивления, радости зафиксированы увеличение звуковой длительности гласных и сонантов, широкий голосовой диапазон, различие по длительности ударных и безударных слогов и большая рекуррентность нисходящего терминального тона.

– ˥˥That's it.| ˥˥Perfect! ˩That's ˥˥his hand. (восторг)

– ˧˩Oh, ˧˩my ˧˩God! ˩Donna will ˧˩kill you,| when ˩she ˧˩finds it ˧/out – ˧˩That's it,| when ˩she ˧|finds it ˧/out,| it ˩will be ˧˩too ˧˩late. (изумление)

– ˧˩Oh, ˧˩my ˧˩God,| it's ˧˩him (they haven't seen each other for 50 years).

– ˧↘What on ˧↘earth is ˧↘going ˧˩on, ˧/sir? – ˩That's ˙all ˧˩right, ˙arch˧/bishop.

Однако в просодической модели последних видов зарегистрированы значительные тональные модификации в более узком голосовом диапазоне с пологим низким восходящим или нисходяще-восходящим терминальным тоном.

– ˉOh, ˧ho-˩ho-˩ho,| you ˧sound ˩like ˙your ˨˩mother. – ˧I ˧do ˩not.

– ˩Look ˧here, ˩boys,| it's a ˧hen ˩party, | ˧˧women ˧only.

– I ˩see| the ˧robbery ˩business ˩must be ˩pretty ˅˨good. (ирония)

– ˩Promise you'll ˧call me ˩soon. – A ˩word of ˅˨honor,| I ˅˨will.

Особенно хотелось бы отметить гиперлабиализацию звуков, богатый обертонами назальный теплый тембр голоса при пологом низком восходящем тоне в выражении нежности.

– Good gracious, you'll be getting a moustache soon.

Из приведенных примеров отчетливо видно, что характерной особенностью фраз, следующих за ИЕ, является повторение ядерного тона, которое свидетельствует о тесной взаимосвязи составляющих реплику говорящего компонентов в реализации одного общего модально-прагматического значения. Высокая степень насыщенности выразительными просодическими средствами – эмфатическими тонами, вариативным тональным диапазоном, скользящей или прерванной шкалой, высокой предшкалой, разнообразием тональных контуров, частотным выделением функциональных слов – образует своеобразный фонетический комплекс и способствует созданию просодической экспрессивности интеръекционных единиц в устной речи.

Л. Д. Маркарова, Д. Л. Новикова

РОЛЬ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА В РЕЧИ БИЛИНГВОВ

Исследования просодии и пунктуации английского и русского языков и особенностей их соотношения проводятся уже на протяжении многих десятилетий. Тем не менее, интерес к данной проблематике сохраняется, что подтверждается новейшими публикациями по материалам исследований в данной области. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает рассмотрение просодико-пунктуационного соотношения в аспекте билингвизма и фонетической интерференции.

Результаты проводимых экспериментальных исследований на материале русско-английского академического билингвизма, в частности, показывают, что пунктуация играет важную роль в распознавании синтаксической, а через нее и семантической структуры предложения билингвом. В этом плане, в силу известных различий между контактирующими языками в отношении пунктуационной системы, а именно, необязательности пунктуации в английском предложении по сравнению с русским, декодирование семантико-синтаксической структуры вызывает дополнительные трудности у билингвов при чтении вслух.

Целью предпринятого нами исследования являлось определение роли наиболее частотного знака препинания – запятой – как сигнала просодического членения фразы.

В качестве экспериментального материала были выбраны сложносочиненные союзные предложения – то есть те конструкции, которые требуют обязательного пунктуационного отделения в русском языке, тогда как в английском языке употребление знака препинания в подобных случаях факультативно. Предполагалось, что данное пунктуационное несовпадение в системах родного и изучаемого языка может представлять потенциальную сложность для билингвов.

Испытуемым, студентам-билингвам, для устного воспроизведения были предложены английские предложения, выделенные из аутентичных текстов. При этом одной группе студентов предлагались сложносочиненные союзные предложения без запятой, а другой группе – сложносочиненные предложения, части которых были отделены запятой: *His students were adults and he enjoyed the work immensely* ‘Его студенты были взрослыми людьми, и работа приносила ему огромное удовольствие’. *A man fell ill, and the doctor was sent for* ‘Один человек заболел, и к нему вызвали врача’.

В результате проведенного аудитивного анализа прочитанных фраз была получена их просодическая разметка и, прежде всего, было обозначено синтагматическое членение: его наличие или отсутствие. Реализации испытуемых-билингвов были соотнесены с соответствующим эталоном, в качестве которого служили оригинальные аутентичные записи текстов и их просодическая разметка.

При сопоставлении локализации членения был отмечен высокий процент совпадений в чтении испытуемых-билингвов и носителей языка (92 %), что в определенной степени подтверждает роль союза как эксплицитного сигнала членения фразы. В то же время присутствие знака препинания (запятой), по сравнению с его отсутствием, в идентичных синтаксических условиях, оказалось значимым для выбора типа членения. Запятая является несомненным положительным сигналом более сильного синтагматического членения. В частности, при отсутствии запятой, преобладало нейтральное или слабое синтагматическое членение (73 %).

Далее анализировался выбор ядерного тона в первой интонационной группе в зависимости от наличия/отсутствия запятой после первой части сложносочиненного предложения. При наличии запятой испытуемые-билингвы, в основном, выбирали средне-высокий нисходящий тон полного (глубокого) завершения (56 %) и нисходяще-восходящий тон (31 %), в то время как низкий восходящий тон был отмечен в 8 %, высокий восходящий – в 5 % случаев. Носители языка использовали средне-высокий нисходящий тон в 75 % случаев, нисходяще-восходящий и низкий восходящий тон – в 20 % и 5 % случаев соответственно.

В отличие от первой группы фраз (с запятой), при чтении сложносочиненных союзных предложений, в которых запятая отсутствовала, испытуемые-билингвы преимущественно использовали в первой синтагме средний

восходящий (65 %) и нисходяще-восходящий терминальный тон (20 %), в то время как нисходящий и низкий восходящий тон встретились в 10 % и 5 % случаев соответственно. В то же время, в речи носителей языка, отсутствие пунктуации в исследуемых фразах не привело к каким-либо изменениям в выборе терминального тона. Соотношение средне-высокого, нисходяще-восходящего и низкого восходящего тона осталось практически неизменным.

Для объективизации перцептивных данных была вычислена длительность паузы между интонационными группами (там, где она была) в сопоставляемых фразах в речи билингвов и носителей языка. По результатам этого этапа анализа, в речи носителей языка в предложениях с запятой и без нее средняя длительность паузы имела существенные различия (451 мс и 255 мс соответственно) только в предложениях с достаточной протяженностью (3–5 знаменательных слов) первой синтагмы, в то время как при малой длине первой синтагмы (2–3 знаменательных слова) пауза даже при наличии запятой была короткой. Таким образом, фактор протяженности высказывания может нейтрализовать роль запятой.

Данные, полученные на конкретном примере английского сложносочиненного союзного предложения, свидетельствуют о влиянии знаков препинания как сигнала автономизации части высказывания, в частности, на выбор типа синтагматического членения и терминального тона.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что различия пунктуационных норм в русском и английском языках могут затруднять устную интерпретацию английского письменного текста русско- и белорусскоязычными билингвами. В силу указанных трудностей, изучение просодико-пунктуационной корреляции должно занять более весомое и значимое место при обучении просодии текста на 1–3 курсах.

М. А. Мацнева, В. В. Яскевич

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ СИНТЕЗА РЕЧИ НА ОНЛАЙН-СЕРВИСАХ

Искусственный интеллект играет все большую роль в жизни современного общества, способствуя улучшению качества жизни. Ведущее место в области развития искусственного интеллекта занимают речевые технологии. Они представляют для лингвистов особый интерес, поскольку любые речевые технологии строятся на алгоритмах, которые разрабатывают специалисты в области прикладной лингвистики.

Не секрет, что эти технологии сделали значительный шаг вперед, от формантного синтеза к компилятивному и далее к корпусному. Несмотря на заметный прогресс, существующие программы и онлайн-сервисы не могут синтезировать речь, которую можно было бы назвать полностью естественной.

Задача настоящего исследования состояла в том, чтобы обнаружить и систематизировать те слабые места, которые требуют дальнейшей работы лингвистов по усовершенствованию речевых технологий. Для этого нами был подобран ряд микроконтекстов для озвучивания по принципу text-to-speech. Использованные микроконтексты отражают различные функции интонации.

Озвученные программным обеспечением фрагменты были размечены и проанализированы. После проведения анализа можно сделать несколько основных выводов.

В ходе исследования использовались следующие программные продукты: GoogleText-to-Speech, rSpeak, acapela-group, Яндекс.Переводчик. При озвучивании текста все они качественно справляются с отражением таких функций интонации, как формообразующая и делимитативная. Однако, если касаться модальной и кульминативной функций, эти сервисы еще далеки от успешного синтеза естественной речи.

Например, фразу *What a beautiful **day!*** компьютер произнесет с интонацией обычного повествовательного предложения.

С развитием технологий синтеза речи расширяется выбор особенностей синтезируемого голоса. Различные ресурсы позволяют работать с мужскими, женскими, детскими и даже подростковыми голосами различного тембра, эмоциональной окраски и скорости произношения, шепота. Также возможен выбор различных акцентов английского языка. В некоторых программах заложена возможность синтеза речи с определенной эмоциональной окраской, например, компьютер может прочитать весь текст радостным, грустным или злым голосом (заранее заданным пользователем). Но изменение эмоциональности в течение диалога, в зависимости от лексического оформления, пока не предусмотрено.

В качестве примеров можно привести фразы с эмоционально окрашенной лексикой. Пунктуационные знаки не всегда учитываются программами, так например, фраза, в конце которой стоит точка, и фраза с восклицательным знаком, произносятся одинаково. В целом, синтезированная компьютером речь звучит монотонно, поскольку используется ограниченный репертуар мелодического движения, в частности, как правило, отсутствует нисходяще-восходящий тон.

Любые тема-рематические смещения редко находят свое отражение в процессе автоматического озвучивания, поскольку они требуют более глубокого семантического анализа контекста.

Некоторые из использованных программ лучше справляются с задачей синтеза речи, чем другие, но, тем не менее, системные ошибки просодического характера наблюдаются во всех программах.

Например, в микродиалогах *– I can't meet you this week because I'm busy. – That's ok, let's meet next **week**, – There's somebody's bag in the **car**. – Whose **bag**?* смещения ядерного акцента, как правило, не происходит (жирным шрифтом выделена позиция ядерного акцента).

Ниже приведены дополнительные примеры ошибок в тема-рематическом членении:

– Will anyone help me in my ***work****? – I will if you* ***like****.*

– Will anyone send this letter tomorrow? – I'll take care of ***that****.*

– I want this letter to be sent ***tomorrow****. – All* ***right****, I'll take care of* ***that****.*

– Do you know his ***name****? – Do I know his* ***name****?* ***Why, certainly****.*

Таким образом, задача лингвистов на данном этапе состоит в разработке подробных и детальных алгоритмов, учитывающих необходимость передачи тонких, но крайне важных для естественного звучания нюансов. Эти алгоритмы должны отражать заданную лексико-грамматической структурой экспрессивность и обусловленное контекстом тема-рематическое членение.

Н. Г. Медведева

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГОВОРЯЩИХ ПО ПРОСОДИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ СТУДЕНТАМИ РАЗНОГО УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

С целью определения умения идентифицировать территориальную принадлежность идентичных речевых образцов как индикаторов разного уровня владения английским языком был проведен специальный слуховой эксперимент.

В эксперименте принимали участие студенты первого и второго курсов лингвистического университета, владеющие английским языком на среднем уровне (Intermediate Level); студенты третьего и четвертого курсов с уровнем выше среднего (Upper-Intermediate Level), а также преподаватели университета, уровень владения языком которых являлся приближенным к его носителям (Advanced Level).

Для определения территориальной принадлежности говорящих всем испытуемым было предложено прослушать 30 вопросов из фильмотек в исполнении профессиональных актеров-носителей британского, австралийского и канадского вариантов. В экспериментальный анализ были включены синтаксические структуры общих и специальных вопросов в двух стилистических разновидностях равного количества в каждом территориальном варианте. Вопросы были смонтированы в случайной последовательности и аудиторы не были ограничены в количестве прослушиваний.

Сравнение аудированых данных показало, что наибольшее количество правильного узнавания территориальных вариантов вопроса по просодической структуре наблюдалось у аудиторов продвинутого уровня (Advanced) и составляло 48,8 %. Наименьшее количество показали студенты уровня Intermediate, у которых количество правильных ответов равнялось 36,3 %. Студенты уровня Upper-Intermediate определили территориальные варианты вопросов в 39,3 % случаев (табл.).

Таблица

Количество правильно идентифицированных вопросов в стилях речи, %

Уровень		**Intermediate**		**Upper-Intermediate**		**Advanced**	
Всего распознано		36,3		39,3		48,8	
Австралийский		38		38		41,3	
официально-деловой	непринуж-денный	26	50	22	54	25	32,5
Британский		35		37		58,8	
официально-деловой	непринуж-денный	36	34	48	26	52,5	65
Канадский		36		43		46,3	
официально-деловой	непринуж-денный	40	32	48	38	57,5	35

Существенных различий в количестве идентифицированных вопросов того или иного варианта выявлено не было (речь о студентах, владеющих языком на среднем уровне). Так, австралийский вариант был идентифицирован в 38 % случаев, при этом процент его узнавания в структурах непринужденных вопросов составлял 50 %; количество правильных ответов при определении канадского варианта составлял 36 %, а в официально-деловых вопросах он был опознан несколько лучше, т.е. в 40 % случаев. Неожиданным оказалось определение британского варианта как правильного только в 35 % случаев, значительной разницы в распознавании данного территориального варианта в зависимости от стилистической разновидности не было обнаружено (36 % вопросов официально-делового стиля и 34 % непринужденного).

У студентов уровня Upper-Intermediate наибольшее количество распознаваний наблюдалось при прослушивании вопросов канадского варианта и составило 43 %, при этом чаще всего узнавались официально-деловые вопросы (48 %) по сравнению с вопросами непринужденной сферы общения (38 %). По количеству правильных ответов, австралийский и британский варианты находятся в приблизительно одинаковой зоне – 38 % и 37 % соответственно. Следует отметить, что наименьшую трудность для распознавания представляют австралийские непринужденные вопросы – количество правильных ответов составило 54 %, в то время как в британском варианте официально-деловые вопросы чаще распознавались правильно в 48% случаев по сравнению с непринужденным стилем, где количество идентификаций составляло только 26 %.

Среди преподавателей большее количество правильных ответов имело место в британском варианте английского языка в 58,8 %. Примечательно, что непринужденные вопросы оказались наиболее узнаваемыми (65 % по сравнению с идентификацией данного варианта в звучании официально-деловых вопросов – 52,5 %). Канадский вариант по количеству правильных ответов в 46,3 % случаев находится на втором месте. Наиболее частыми

в распознавании данного варианта были вопросы официально-деловой сферы общения (57,5 % случаев). Австралийский вариант распознавался в 41,3 % случаев, с наибольшим количеством идентификаций данного варианта в звучании непринужденных вопросов в 32,5 % случаев по сравнению с формальным звучанием – 25 % случаев.

Эксперимент позволяет сделать позитивную оценку уровня владения языком студентами университета по всем рассматриваемым уровням. Сходство полученных результатов говорит об орфоэпической близости всех территориальных вариантов. Различия в показателях свидетельствуют о недостаточной осведомленности о специфике просодического варьирования территориальных вариантов, что в дальнейшем будет частично восполнено в курсе теоретической фонетики английского языка.

Л. П. Морозова

О ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЯХ ПРОСОДИИ

«Язык живет… в конкретном речевом общении,
а не в абстрактной лингвистической системе
форм языка…» (В. Н. Волошинов)

Характерный для современной лингвистики интерес к языку в его реальном функционировании в условиях дискурса во многом определил актуальные направления исследований в области просодии французской речи. В настоящее время ученые сосредотачивают свое внимание на выяснении того, что происходит за пределами фразы, т.е. какое участие принимает просодия в построении и структурировании дискурса.

Примечательно, что первыми, кто обратился к этой проблеме, оказались специалисты в области дискурсивного анализа, которых интересовала роль просодии: 1) в делимитации дискурсивных единиц, сопоставимых с абзацем в письменной речи (E. Delais-Roussarie et al., 2011), и 2) в маркировании коммуникативной (информационной) структуры (C. Portes, 2004)

Решение первой задачи осложнялось и до сих пор осложняется отсутствием однозначного представления о формальных критериях, на основании которых возможно вычленение такого рода единиц и, прежде всего, расхождениями во взглядах относительно того, какие микро- и макросинтаксические связи позволяют установить их границы.

Специалисты в области просодии в свою очередь вычленяют единицы просодической организации дискурса, которые они называют *paragraphe oral, période intonative*, основываясь при этом исключительно на фонетических признаках, таких как: 1) одновременное падение тона и интенсивности на последнем слоге (M.-A. Morel, L. Danon-Boileau, 1998); пауза длительностью более 300 мсек, интервал падения на завершающем участке не менее 4 полутонов, тональный разрыв между завершением и началом следующей единицы порядка 3 полутонов (A. Lacheret, B. Victorri, 2002).

Очевидно, что использование фонетических критериев для вычленения базовой единицы дискурса приводит к циркулярности в решении вопроса о том, какова роль просодии в обозначении ее границ. Во всяком случае выяснение того, конгруэнтно ли просодическое членение дискурса макросинтаксическому, представляет собой задачу на перспективу.

Что касается коммуникативной структуры, исследования устного французского дискурса продемонстрировали ее многокомпонентный характер в условиях спонтанной речи. Так, наряду с ремой в ней выделяют «пострему»; «преамбулу», предшествующую реме и включающую «связку», «показатели модальности», «тематическую рамку», «обособленную лексическую опору» (M.-A. Morel, L. Danon-Boileau, 1998). При этом однозначной зависимости между компонентами коммуникативной структуры и их просодическим воплощением не установлено. Отмечается лишь, что связность элементов преамбулы осуществляется за счет иерархии тональных уровней, а обособленная лексическая опора и следующая за ней рема просодически разграничиваются. Авторы сосредотачивают свое внимание на том, как осуществляется иерархизация информации с точки зрения ее информативной значимости: путем разрыва мелодической линии в сторону понижения тонального уровня (вводные конструкции) или в сторону повышения (эмфаза).

Обращение фонетистов к просодии дискурса поставило наряду с уже упомянутыми целый ряд других вопросов, касающихся дискурсивных функций просодии. В частности, из анализа дискурса известно, что каждая фраза представляет собой некоторый этап в его развертывании, являясь сигналом начала изложения информации, возражением, перефразированием и т.д., а более крупные отрезки формируют основные линии дискурса: тезис, обоснование, иллюстрацию, вывод и т.д. (F. Lefeuvre, E. Moline, 2011).

Вопрос о том, какие просодические средства и каким образом участвуют в маркировании перечисленных составляющих дискурса, находится на начальной стадии разработки. В этом отношении во французском языке на настоящий момент исследована лишь роль так называемой импликативной интонации, выявленной П. Делаттром в составе 10 базовых интонаций французского языка (P. Delattre, 1966, 1977) и характеризующейся восходяще-нисходящей конфигурацией кривой ч.о.т. на главноударном слоге. Установлено, что эта интонация используется как средство обозначения составляющих полемической аргументации при столкновении противоположных аргументов и прежде всего в высказываниях, опровергающих предыдущее утверждение оппонента. Кроме того, ей приписывается функция управления интеракцией: в метадискурсивных высказываниях говорящий с ее помощью направляет интерпретацию слушающим содержания высказываний посредством указания на то, что эти высказывания прерывают «течение» дискурса и являются комментарием или выводом. В обоих случаях просодически отмечаются те формулировки, на которые слушающий должен в первую очередь обратить внимание, так как они служат ключом к пониманию мысли говорящего (C. Portes, 2004).

На участие просодии в регулировании речевого взаимодействия собеседников указывают многие исследователи французского дискурса (Roulet et al., 2001; Grobet et al., 2005; P. Mertens, 2009). Так, установлено, что восходящее движение тона с широким интервалом подъема в конце французского утвердительного высказывания служит сигналом того, что говорящий не готов передать слово собеседнику и собирается продолжить свою мысль. Напротив, нисходящее движение тона на главноударном слоге утвердительного высказывания с падением до низкого уровня указывает на возможность вступления в разговор другого участника.

Просодии также отводится значительное место в выражении референциального аспекта коммуникации – указании на изменение направления коммуникативной деятельности говорящего (Roulet et al., 2001), однако строгое и непротиворечивое описание просодических средств, участвующих в реализации данной функции, еще предстоит.

Общепризнанным является тот факт, что просодия служит средством контекстуализации высказывания. Включение выказывания в контекст осуществляется, как отмечают исследователи французского дискурса, путем маркирования просодической структуры высказывания посредством ее отклонения от той, которая приписывается данной лексико-синтаксической последовательности «по умолчанию» на основе учета лексической, синтаксической и метрической составляющих. К числу такого рода отклонений относится нарушение соответствия между прототипической организацией коммуникативной структуры высказывания, в которой при прямом порядке членов предложения тема совпадает с подлежащим (группой подлежащего), а рема со сказуемым (группой сказуемого), и просодическим выражением коммуникативной структуры. К просодическим средством контекстуализации, привносящим дополнительные смыслы в высказывание, относится перцептивно релевантное выделение элемента высказывания – фокализация.

Исследования устного дискурса также показали, что просодии принадлежит одна из центральных ролей в создании языкового «портрета» устных жанров. В качестве просодических признаков жанра называются его темпоральные, акцентно-мелодические, ритмические характеристики. Яркой иллюстрацией этого положения служит жанр спортивного репортажа, безошибочно идентифицируемый по просодическим признакам даже без участия вербального ряда.

Многообразие дискурсивных функций просодии, перечень которых в настоящей статье отнюдь не является исчерпывающим, ставит вопрос о том, насколько возможна их интеграция в единую модель функционирования просодии в дискурсе. Проблема осложняется еще и тем, что в выражении значений, передаваемых просодией, одновременно участвуют и другие языковые средства и практически невозможно определить, какая роль принадлежит каждому из них. В результате ряд исследователей просодии французской речи приходит к пессимистическому заключению, что попытки искать формальные просодические показатели, однозначно связанные с передачей того или иного значения, иллюзорны.

Представляется, что решение проблемы соотношения разнообразных прагматических значений, выявляемых в дискурсе, с просодическим воплощением высказываний, станет возможным, если будут установлены категории, значения которых просодия способна передавать собственными средствами, и если будет принято положение о том, что зависимости, наблюдаемые в функционировании просодии, носят статистический характер.

Т. М. Насонова, М. А. Мацнева

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ВТОРОСТЕПЕННОГО СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из особенностей словесной просодии в английском языке является существование двухударных многосложных слов с неравными по степени фонетической выделенности слогами, выделяемые главным и второстепенным словесным ударением. Особенность фонетической реализации слогов, отмеченных как главным, так и второстепенным словесным ударением, являлась предметом целого ряда исследований, но до сих пор остается актуальной ввиду существования множества действующих факторов вариативности и многообразия изучаемого лексического материала. Одной из причин продолжающихся дискуссий по поводу фонетической природы главного и второстепенного ударений и их статуса является, на наш взгляд, наблюдаемое в некоторых исследованиях смешение понятий словесного ударения и фразовой акцентуации.

Необходимость разграничения понятий словесного и фразового ударений продиктована прикладными задачами фонетических исследований. Интерес представляет не столько и не только акцентная структура слова, сколько особенности реализации его акцентной структуры в контексте фразы, то есть в речи. Одной из важнейших прикладных задач фонетических исследований является преподавание иноязычного произношения. Для решения этой задачи необходимо установить определенные тенденции и сформулировать на их основе конкретные правила для реализации двухакцентных слов в речи неносителя языка. Таким образом, предметом исследований выступает не акцентная структура слова, а ее реализация во фразе при различных просодических условиях. Словесное ударение в данной взаимосвязи рассматривается как предпосылка для фразовой акцентуации, тем не менее, не обязательно реализуемая просодическими средствами – в английском языке нередки случаи фразовой дезакцентуации слова ввиду смысловых и ритмических факторов.

Традиционно, что получило отражение в произносительных словарях, второстепенным словесным ударением отмечен слог, в котором сохраняется полное качество гласного, получающий слоговую выделенность наряду с тем

слогом, на который падает главное словесное ударение. Для таких многосложных слов, как *examination* ‘экзамен’ главное ударение притягивает суффикс, но второй слог корневой морфемы сохраняет полное качество гласного под влиянием ретентивной и ритмической тенденции и получает второстепенное ударение. В словах со смысловыми приставками второстепенное ударение получает приставка, таким образом показывается ее смысловая значимость наряду с корневой морфемой. Необходимость разграничения данных двух градаций словесного ударения тесно связана с их реализацией во фразе и корреляцией с фразовой акцентуацией. Фонологическое неравноправие главного и второстепенного словесных ударений проявляется в том, что слог, несущий главное словесное ударение, будет с наибольшей вероятностью выделен в речи ядерным фразовым ударением, в отличие от слога, отмеченного второстепенным словесным ударением. При этом фразовая акцентуация последнего, а также выделение фразовым ударением обоих словесноударных слогов не в ядерной позиции во фразе весьма вариативно и представляет интерес для исследователя.

Для определения, каким образом акцентная модель двухударного слова соотносится с фразовой акцентуацией, нами был проведен аудитивный анализ на материале звуковых иллюстраций двухакцентных английских слов в современных произносительных онлайн-словарях издательств Longman (LPD) и Cambridge (CPD). Для анализа было отобраны 25 примеров многосложных слов с суффиксами, притягивающими ударение, а также 25 многосложных слов со смысловыми приставками. Все слова имеют акцентную структуру «второстепенное ударение + главное ударение», что отмечено в обоих словарях ($_{|}$- $^{|}$-). Каждое слово начитано диктором-носителем британского варианта английского языка и диктором-носителем американского варианта английского языка. Таким образом, для каждого слова проанализировано четыре варианта прочтения, что составило в общей сложности 200 реализаций. Слова прочитаны в так называемой изолированной позиции, то есть во фразе, состоящей только из одного слова. Такая позиция позволяет сопоставить различные реализации, нивелируя иные просодические факторы. Очевидно, что в данной ситуации ядерное фразовое ударение падает на последний словесноударный слог, отмеченный главным ударением. Интерес представляет предшествующий слог, отмеченный в словаре второстепенным ударением. Его фразовая акцентуация оказывается неоднозначной. В обоих словарях, как видно из приведенной ниже таблицы, в речи носителей обоих национальных вариантов наблюдается значительная вариативность в степени фразовой выделенности данного слога – он получает как частичное фразовое ударение на низком уровне, так и полное фразовое ударение на высоком уровне голоса.

Таблица

Просодическая реализация двухударных слов
с второстепенным словесным ударением, предшествующим главному, %

Многосложные слова	Произносительный словарь LPD				Произносительный словарь CPD			
	британский английский		американский английский		британский английский		американский английский	
	ˈm\m	ˌm\m	ˈm\m	ˌm\m	ˈm\m	ˌm\m	ˈm\m	ˌm\m
С суффиксами	64	36	52	48	36	64	56	44
С приставками	36	64	88	12	44	56	72	28

Мы видим, что первое ударение, являющееся второстепенным в акцентной структуре многосложных слов с суффиксами (*-tion, -bility, -tee, -sque* и т.п.), реализуется как полное фразовое (ˈm) в речи британцев с вариативностью от 36 % до 64 % и в речи американцев с вариативностью от 52 % до 56 %. Второстепенное ударение на смысловой приставке (*dis-, extra-, inter-* и т.п.) произносится как полное фразовое в речи британцев в 36 % – 44 % и в речи американцев в 72 % – 88 % реализаций.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в речи носителей английского языка обоих национальных вариантов не наблюдается смысловой разницы между реализацией второстепенного ударения с частичным или полным фразовым акцентом в речи. Второстепенное ударение в данной категории слов выступает для носителя языка как маркер просодической выделенности, степень которой может быть различной. Более того, второстепенный статус данного словесного ударения не исключает возможность его реализации с ядерным фразовым ударением, произнесенным с кинетическим тоном. Например, в словах со смысловыми приставками ядерным ударением во фразе может быть выделена приставка для выражения контраста: *I didn't say I agree, I* ˈ***DIS****agree* '*Я* не говорил, что я согласен, я НЕ согласен'. В связи с этим напрашивается вывод, что во взаимосвязи словесного и фразового ударений основным критерием их корреляции выступает смысловой критерий, то есть степень фразового выделения соотносится со смысловой важностью морфемы в конкретном контексте. Известно также, что в предъядерной позиции просодическая реализация двухударной акцентной модели подвержена ритмическому фактору и стремлению к изохронности: *The* ˈ***Uni****ˑversity of* ˈ*Warwick.* 'Университет Уорика', *The Uni*ˈ***ver****sity of* ˈ*Texas* 'Университет Техаса'. Таким образом, в данной позиции оба слога фонологически равноправны и могут быть реализованы с различной степенью предъядерного фразового ударения.

Принимая во внимание прикладную задачу преподавания иноязычного произношения носителям русского языка, в родном языке которых сложные слова не сохраняют двухакцентную структуру и имеют фонетическую

редукцию одной из основ, обозначим главную рекомендацию по овладению акцентной нормой двухударных слов английского языка. Она заключается в максимальном сохранении фразового акцентирования в обоих слогах, включая слог с второстепенным словесным ударением, поскольку его редукция является нарушением произносительной нормы английского языка, а полное фразовое выделение вполне соответствует наблюдаемым тенденциям в речи носителей британского и американского вариантов английского языка.

И. И. Панова

ВАРИАТИВНОСТЬ АКЦЕНТУАЦИИ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ В ОРФОЭПИЧЕСКОЙ НОРМЕ И РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Как неизбежное следствие свободного типа акцентологической модели английского языка словесное ударение в нем представляет собой интерентную семантико-морфологическую сущность каждого полисиллабического слова, фиксируемого в нормативной лексикографии. Вместе с тем общепризнанная данность происходящих акцентных изменений слов в устной речи выводит слоговыделенность за пределы ее синтагматико-морфологической обозримости в силу допустимого варьирования словесного ударения во всей просодической парадигме или в отдельных сегментах ритмико-интонационной организации английской фразы.

В данном исследовании, ориентированном, с одной стороны, на обзор изменений нормативной кодифицированности акцентных структур различных словоформ в словарях, составленных на разных синхронных срезах, была также предпринята попытка установления границ вариативности слоговыделенности с точки зрения предпочтительности либо консервирования орфоэпически нормативных акцентных моделей слов, или, наоборот, увеличения количества их вариантной реализации в речи.

В течение последних 10 лет нами по однотипному принципу были проведены серии сравнительного изучения акцентных структур различных морфологических классов полисиллабических производных и сложных слов в словарях, а также их воспроизведения носителями английского языка, в изолированном предъявлении и позиционно разной локализации в ритмически идентичных трехакцентных фразах. В качестве объекта исследования были взяты многосложные слова, в большей степени регулируемые правилами их однотипной акцентуации с одним или с двумя ударениями, а именно:

– существительные с суффиксом *-ion* типа *manifestation, affiliation*;

– глаголы, образованные при помощи суффиксов *–ize, -fy, -ate*: *specialize, identify, stimulate*;

– различные части речи с отрицательными префиксами типа *disillusion, unfamiliar, misunderstand*;

– сложные одно- и двухударные слова с высокой степенью смысловой целостности в их двух наиболее продуктивных классах «существительное + существительное (N+N)» и «прилагательное + существительное (A+N или N+A)» в различных орфографических вариантах, т.е. в их слитном, дефисном или раздельном написании, например: *cornerstone, court-house, carrier box*.

Выбранные частеречные единицы в разной количественной представленности образуют четыре акцентные модели разноместной дистрибуции степеней выделенности, а именно: ⊥⊥, ┬⊥, ⊥┬, ‗⊥.

Сравнение акцентных структур 1600 разных классов слов, зафиксированных в произносительных словарях Д. Джоунза выпуска 1952 года и в последующей редакции его выпусков другими английскими фонетистами в 1979 и 2006 годах, показало динамику изменения в них степени слоговой проминантности, сокращение и (реже) увеличение количества ударений в их общей совокупности в 26 % случаев в указанной выборке. Примечательной в данном сравнении является тенденция возврата в последнем переиздании произносительного словаря к более раннему периоду кодификации акцентных моделей словарных статей.

Наиболее консервативными являются акцентные структуры суффиксального образования глаголов, сохраняемые в 100 % случаев, двухакцентные существительные с суффиксом *–ion* в 94 % и прилагательные с суффиксами *–ic* и *–ive* в 96 % случаев. Акцентные структуры сложных слов менее вариативны в 90 % случаев при их слитном написании.

На разных последующих этапах фонетического исследования 400 слов были озвучены семью носителями английского языка в их изолированном виде и внутрифразовом контексте, например:

A broadsheet is a type of newspaper. The synonym of broadsheet is tabloid. He never reads a broadsheet.

Disillusion changes people. He experienced disillusion in love. Failures lead to disillusion.

Совпадение изолированного произнесения всех сравниваемых классов слов, различающихся по количеству и степени выделенности ударных слогов в произнесении разных носителей языка с их словарным акцентным типом, имело место в диапазоне от 10 % до 90 % случаев. Менее вариативными в изолированном произнесении были указанные выше виды глаголов и сложные слова слитного написания, в то время как, например, изолированное произнесение орфоэпически двухударных существительных в их изолированной реализации сохранялось только в 40% случаев.

В качестве примера количество совпадений речевых вариантов производных слов и сложных существительных относительно их однотипных акцентных структур в последнем произносительном словаре показано на табл. 1 и 2.

Таблица 1

Отрицательные прилагательные префиксального образования, %

Акц. тип / Реализация		⊥ ⊥	⊤ ⊥	⊥ ⊤	⊥ —	— ⊥
Изолированное произнесение		80	10	20	0	40
Позиция во фразе	Нач.	40	0	10	10	30
	Сред.	10	0	10	0	80
	Кон.	0	20	90	60	100

Например: ˈ*Un*ˈ*easy* ˈ*means* ˏ*hard.* ˈ*Love is an* ˈ*uneasy* ˏ*affair.* ˈ*Modern* ˌ*life is un*ˏ*easy.*

Таблица 2

Отрицательные существительные преффиксального образования и сложные слова, %

Акц. тип / Реализация		⊥ ⊥	⊤ ⊥	— ⊥	⊥ ⊥	⊤ ⊥	⊥ ⊤
Изолированное произнесение		40	35	25	28	21	51
Позиция во фразе	Нач.	60	30	10	52	19	29
	Сред.	0	20	80	27	11	62
	Кон.	0	30	70	31	18	55

Например: *The* ˈ*desk*ˈ*top is a com*ˈ*puter* ˏ*area. The* ˈ*file on the* ˈ*desktop is* ˏ*saved. The* ˈ*programmes are* ˈ*shown on the* ˏ*desktop.*

Эксперимент показал, что предпосылки орфоэпической вариативности акцентных типов многосложных слов заложены, с одной стороны, в их системной эволюции в зависимости от множества конкретных социоисторических обстоятельств, однако сильную зону сохранения их стабильности образуют факторы внутрисистемного характера, которые преобладают над вариативными.

Сравнительное рассмотрение акцентных вариантов, избранных для данного анализа морфологически разных классов слов в трех произносительных словарях, позволяет считать, что при сохранении типологически однородной модели их слоговыделенности, которая определяет «крепость нормы» и ее нормативную императивность в современном английском языке, имеют место две наиболее устойчивые тенденции в динамике их изменения. Они являются продуктивными при замене первичного ударения вторичным, т.е. редукции по степени проминантности одного из ударений и сокращении количества ударных слогов в слове.

При сопоставлении изолированного воспроизведения носителями языка сравниваемых слов обнаружилась неожиданная закономерность сохранения

в 38 % случаев хронологически их более раннего двухакцентного типа в первом издании произносительного словаря. Допустимое расширение границ и увеличение количества вариантов слоговыделенности английских многосложных слов есть объективная реальность их модификации в акцентно-ритмической структуре фразы.

Данные исследованного нами материала в комплексе влияющих факторов на степень контрастивности ударных слогов в слове показали потенциальную зависимость акцентного варианта слова от его позиции относительно паузы. Наиболее стабильной зоной идентичной реализации слоговыделенности в полисиллабическом слове являются абсолютное начало и конец фразы, что, очевидно, связано с увеличением длительности слогов в его просодической структуре, воспринимаемых аудиторами как двухударные слова в начале фразы при их произнесении с высоким ровным тоном или как слова с одним первичным ударением в зоне тонального завершения фразы ядерным кинетическим тоном.

В. Б. Пименова

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СТРУКТУР ФРАЗ ВЕЖЛИВОЙ ОБРАЩЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Избирательность вариантов конкретных речевых единиц этикетной номинации и, следовательно, просодических структур их устной реализации, как известно, зависит от исторически сложившихся национальных традиций, а также специфики ситуативно-коммуникативной сферы общения. Их дискурсивная функция с необходимостью предполагает гармонизацию отбора употребляемых вербально и синтаксически клишированных штампов.

Автоматизм выбора адекватной речевой единицы вежливой обращенности в английском языке основан на стереотипах, предписанных данной языковой общностью каждого территориально отдаленного речевого пространства в пределах единого полинационального языка.

В задачу предпринятого фонетического эксперимента входило сопоставительное рассмотрение объема и границ речеэтикетной вариативности американского и британского вариантов вежливой обращенности с учетом как предпочтительности используемых семантико-синтаксических структур фраз, так и функционально-стилистического расслоения в их просодической актуализации.

В качестве речевого материала для исследования были взяты вопросительные фразы, вычлененные из аутентичных образцов английской монологической и диалогической речи. Источник формирования выборки звукового материала – аудиоверсии устных текстов, художественных произведений американских и британских авторов, озвученные носителями соответствующих территориальных вариантов английского языка, владеющими орфоэпи-

ческой нормой. Объем речевой выборки включал 92 высказывания, соответственно количеству каждого варианта их реальной встречаемости в авторских текстах каждого территориального варианта.

При количественно идентичном инвентаре девяти синтаксически разных типов фраз вежливой обращенности была выявлена различная частотность их дистрибуции в сравниваемых национальных вариантах. Так, в британском варианте более частотными были фразы, которые начинаются с *Can/Could* (44% случаев); в американском варианте их количество в исследуемых текстах составляло только 17 %:

Can I ˩have another ˧buiscuit? ‘Можно мне еще одно печенье?’. *Could you ˩send the ˩samples to the ˧office?* ‘Не могли бы вы прислать образцы в офис?’.

Наиболее рекуррентными в американском варианте являлись разделительные вопросы (21 %), количество которых в британском варианте составляло 2 % случаев:

˩Give her my re˩gards, ˧willya? ‘Можешь передать ей мои наилучшие пожелания?’ *˩˥Tell him we ˩couldn’t ˩wait,* ‖ *˧will you?* ‘Можете сказать ему, что мы не могли ждать?’.

Сопоставление всех структурно-синтаксических видов вопросов в отдельности в письменном или устном предъявлении проводилось на уровне идентификации их различий по степени вежливости путем отнесения фраз к определенной группе методом предпочтительного выбора по шкале различий: наиболее вежливые/вежливые/менее вежливые. По данным носителей и неносителей английского языка с высоким уровнем его владения наиболее вежливыми в обоих территориальных вариантах являлись фразы с *Can/Could* и *Will/Would*. Разделительные вопросы, преобладающие по частотности употребления в американской версии, только в 7 % случаев были признаны наиболее вежливыми относительно других структурных видов вопросительной обращенности. Примечательно, что определение степени вежливости независимо от предъявления на разных языковых уровнях анализа показало однонаправленную тенденцию в прагматической эмотивности по оценкам всех аудиторов.

Проведенное просодическое транскрибирование фраз в обоих территориальных вариантах опытными аудиторами-фонетистами показало, что и в американском, и в британском вариантах образцы вежливости произносятся с одинаковым восходящим тоном, однако с разной частотной предпочтительностью в каждом из них. Если в британском варианте английского языка вежливая обращенность структур с *Can/Could* произносится в 28 % случаев, то в американском – только в 10 % случаев. И наоборот, структуры *Will/Will you/Won’t you/Wouldn’t you* имеют восходящий терминальный тон в 20 % случаев в американском варианте и только в 11 % случаев в британском варианте английского языка.

Американские фразы вежливой обращенности в два раза чаще отмечены эмфатическими ударениями по сравнению с британским вариантом.

Частичные ударения довольно рекуррентны в британском варианте и составляют третью часть от общего числа всех ударных слов в совокупном объеме выборки. Их количество в британском варианте существенно превышает представленность в американских аналогичных вопросах (20 % и 12 % случаев соответственно). Данное различие обусловлено, на наш взгляд, относительно более ровным или волнообразным движением тона в предъядерной части американских вежливых вопросов.

Британский вариант английского языка отличает определенная стилистически обусловленная делимитация разделительных вопросов вежливой обращенности короткими и средними паузами, в то время как, по данным анализа, членение американских вопросов чаще происходит без перерыва фонации. Число средних пауз в британском варианте вдвое превышает их число в американском варианте при одинаковой длительности звучания. Паузальное членение американских вопросов осуществлялось короткими паузами в 82 % случаев, а в британском – в 62,5 %. Длинные паузы в экспериментальных фразах не были зарегистрированы.

Проведенный сопоставительный эксперимент на материале отдельного речевого образца актуализации коммуникативно-прагматический стратегии вежливости показал, что категория вежливой обращенности проявляется не только в частотности употребления разных этикетных формул в двух территориальных вариантах английского языка, но и также регламентирована особой национальной спецификой их акцентно-тональной и делимитативной маркированности.

Л. В. Рускевич

КАЧЕСТВО ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Проблема определения качества произносительных умений говорящих на иностранном языке в настоящее время является одной из обсуждаемых как среди преподавателей, так и среди лингвистов, специалистов в области фонетики. Роль английского языка как основного языка международного общения в современном мире вызвала огромный спрос на изучение данного языка и, как следствие, – необходимость объективной оценки уровня владения английским языком как иностранным на разных этапах его изучения. В связи с этим возникает несколько проблем, требующих решения как на лингвистическом, так и на методическом уровне. Во-первых, определение места и роли произношения в общей оценке умений и навыков устной речи. Во-вторых, определение четких фонетических критериев оценки иноязычного произношения в плане легкости понимания речи собеседником (количество усилий, затраченных на восприятие содержания сообщения) и ее социолингвистической приемлемости (грубости/вежливости).

Различные международные экзамены на знание английского языка как иностранного (Cambridge Tests (Кембриджские международные тесты), IELTS (международная система оценки знания английского языка), TOEFL (тест на знание английского языка как иностранного в его североамериканском варианте) рассматривают произношение как часть устно-речевых умений и интегрируют его в общую оценку навыков говорения. Эта оценка складывается из пяти компонентов: беглость и связность речи (*fluency and coherence*), лексическое наполнение (*lexical resource*), разнообразие грамматических структур и точность их употребления (*grammatical range and accuracy*), произношение (*pronunciation*). Следует подчеркнуть, что все упомянутые компоненты имеет равный вес при выставлении общего балла.

Анализ шкал оценки и комментариев экзаменаторами-экспертами ответов экзаменуемых, которые приводятся на официальных сайтах и в рекомендованной учебной литературе, показывает, что главным критерием качества иноязычного произношения и основанием для его высокой оценки единодушно считается разборчивость речи *(intelligibility)*, обеспечивающая легкость ее восприятия собеседником. Достаточно привести следующие высказывания: *the speaker is effortless to understand* ‘ [речь] говорящего можно понять без всяких усилий’; *clear at all times* ‘[речь] всегда понятна’. В описаниях критериев оценки устной речи перечислены фонетические характеристики, которые оказывают наибольшее влияние на степень разборчивости и которые принимаются во внимание экспертами при оценке произношения и речевых умений в целом. К таковым, в частности, относятся правильное произнесение отдельных слов, т.е. отсутствие ошибок в звуковом составе и словесном ударении *(pronounces the individual words clearly, stresses the right parts of words)*. В нормах оценки произносительных навыков для IELTS приводится следующие критерии выставления наивысшего балла (9): *uses a wide range of pronunciation features with precision and subtlety,* ‘точно и тонко использует широкий набор фонетических (произносительных) характеристик’. Говорящий должен сохранять устойчивость их употребления в речи и гибко варьировать использование *(sustains flexible use of features throughout)*. Важнейшую роль в передаче смысла играет точная фразовая акцентуация *(makes good use of sentence stress to get her meaning across; stresses the right words in sentences)*. При этом во всех анализируемых нами источниках подчеркивается, что иноязычный акцент может проявляться в реализации некоторых звуков и отдельных ошибках в словесном ударении *(certain individual sounds and word stress are influenced by her/his first language)*, однако в случае незначительного количества таких ошибок акцент не мешает эффективной коммуникации: *L1 accent has minimal effect on intelligibility* ‘акцент говорящего оказывает минимальное влияние на разборчивость речи’. Эксперты Кембриджских тестов также подчеркивают важность выбора высотно-мелодических моделей *(your voice going up and down at the right times).*

Основанием для снижения отметки по произношению считается сужение диапазона используемых в речи произносительных характеристик и их недостаточная устойчивость в речи *(uses a range of pronunciation features with mixed control; shows some effective use of features but this is not sustained; uses a limited range of pronunciation features, lapses are frequent)*. Увеличение частоты ошибок в произнесении слов напрямую связывается с затруднением восприятия речи слушателем *(mispronunciations are frequent and cause some difficulty for the listener)*. Примечательно, что экзаменаторы IELTS (международной системы оценки знания английского языка) указали на слогосчитающий ритм как на очевидный недостаток, повлиявший, наряду с другими факторами, на выставление невысоких отметок (5,5 и 5 из 9) при сохранении достаточной разборчивости речи. Например: *His pronunciation is generally easy to understand, although his syllable stress can cause problems. His strong French accent and syllable-timed language have an effect on his rhythm and chunking* ‘Его произношение легко понять, хотя трудности могут быть вызваны ошибками в словесном ударении. Его сильный французский акцент и слогосчитающий ритм влияют на ритм и структурирование [его английской речи]’. Или: *Her speech is mainly syllable-timed and this leads to a rather mechanical rhythm* ‘Преимущественно слогосчитающая речь производит впечатление механической ритма’.

Приведенные выше комментарии и отзывы экспертов позволяют сделать вывод о том, что разборчивость речи рассматривается, с одной стороны, как ее самодостаточная характеристика и, с другой стороны, как результат соблюдения произносительных норм английского языка. Качество иноязычного произношения есть неотъемлемый компонент коммуникативной компетенции говорящего, который напрямую зависит от знания фонологической системы иностранного языка, коартикуляционных характеристик, правил расстановки фразового ударения, ритмизации, выбора и реализации просодических структур. Тем не менее, следует признать, что преподавателям требуется большая конкретизация фонетических характеристик, связанных с разной степенью разборчивости речи. В первую очередь это касается преподавателей, не являющихся носителями английского языка, хотя аналогичные пожелания высказываются и преподавателями-носителями. Еще одной проблемой для обучения является, как уже было отмечено, социолингвистическая приемлемость иноязычного произношения, в особенности интонации. Ответ на вопрос, какие именно черты устной речи иностранца, говорящего на английском языке, воспринимаются слушателем критически, можно получить только после проведения целого ряда экспериментально-фонетических исследований с обязательным привлечением носителей английского языка в качестве аудиторов.

О. Скакун

СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ ПАУЗАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ И ТОНАЛЬНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ИНТОНАЦИОННЫХ ГРУПП В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(на материале шотландского и североирландского вариантов английского языка)

В последние десятилетия особый интерес лингвистов к социолингвистической проблематике подтверждает ее актуальность с точки зрения важности, изучения форм и тенденций территориального (горизонтального) варьирования языка. При изучении вариативности английского языка шотландский и ирландский ареалы считаются недостаточно исследованными в плане установления системного описания и специфики их интонирования. И в большей степени это относится к проблемам нормативности и степени взаимовлияния при описании фонетических особенностей литературного и диалектного слоев функционирования английского языка в Шотландии и Северной Ирландии. Авторитетные специалисты считают, что их изучение позволит раскрыть как общие, так и частные закономерности языкового становления в отношении к историческому развитию общества, воссозданию истории отдельных языковых явлений, уточнению границ вариативности и устойчивости языковой нормы как динамического процесса.

Целью данной работы является соотнесение типов паузального членения и тонального завершения интонационных групп в региональных вариантах английского языка. Анализ особенностей ядерных тонов и их соотнесение с типами пауз позволил выявить определенную закономерность в частотности употребления терминальных тонов в региональных типах английского языка (на примере шотландского и североирландских типов) в двух жанровых разновидностях телевещания в Великобритании, а именно дикторской презентации шотландских, британских и североирландских новостных сообщений и интервью с носителями британской, североирландской и шотландской речевой культуры.

Тексты новостных сообщений дикторов и текстов интервью были взяты из сети Интернет. Общее время звучания составило 6 мин 30 сек. Тексты новостных сообщений дикторов *BBC, Scottish TV, UTV* и тексты телеинтервью, транслируемые *BBC, SIV, UTV,* были получены посредством сети Интернет. Отбор продиктован критериями их однозначной идентификации как типичных примеров общенационального английского и нормативных шотландского и североирландского образцов звучания.

Говорящий человек редко задумывается, что такое пауза, зачем она нужна. Считается, что пауза не играет особой роли, однако лингвисты и филологи могут с этим поспорить, для них пауза представляет особый интерес.

Следует отметить, что единой четкой и обобщенной классификации видов пауз нет. Лингвисты и филологи в своих работах выделяют различные виды пауз и разное их количество. Существует взаимосвязь с темпом речи:

число и длина пауз влияют на общий темп речи говорящего. Паузы могут быть немыми или не озвученными, есть паузы восприятия и озвученные паузы (паузы хезитации).

Немая или не озвученная пауза – это остановка фонации (работы голосовых связок). Они могут быть короткими, длинными и очень длинными. В основе этого исследования лежит данная классификация.

Паузы восприятия не характеризуются периодом остановки фонации, но эффект паузы есть, т.к. достигается он резкой сменой направления движения интонации. Графически эта пауза обозначается волнистой линией в отличие от неозвученных пауз, которые могут обозначаться пунктирной, прямой или двумя прямыми линиями, в зависимости от длины.

Нами было проанализирована соотнесенность типов паузального членения и тонального завершения интонационных групп. Количество паузальных перерывов в двух жанровых разновидностях телевещания практически совпадает, что является закономерным ввиду характеристик подготовленной речи, это исключает наличие долгих пауз в силу регламентации времени вещания (в *RP* – 21 %, *SSE* – 34,5 %, *NIE* – 21 %).

Что касается тонального контура, то наиболее частотным тоном перед длинными паузами является нисходящий тон в высокой и низкой его вариациях. Данная тенденция прослеживается во всех исследуемых вариантах английского языка. Это можно объяснить основным значением данного тона – категоричного утверждения, законченности, определенности.

Сегментация текстов в исследуемых вариантах английского языка осуществляется преимущественно с помощью коротких пауз (в *RP* – 54,5 %, *SSE* – 54 %, *NIE* – 68 %).

Превалирующий терминальный тон в позиции перед короткой паузой в RP – высокий нисходящий тон и высокий восходящий. Высокий восходящий тон в данной позиции характерен для NIE, однако несколько неожиданным оказался большой разброс терминального контура в новостных сообщениях, несмотря на профессиональную идентичность, дистрибуция тонов в шотландском варианте английского языка характеризуется большим разнообразием, терминальные тоны представлены здесь относительно одинаково. SSE является наиболее контрастирующим.

В телеинтервью также предпочтение отдается коротким паузам, однако средние паузы используются значительно чаще, чем в новостных сообщениях. Это объясняется относительной спонтанностью речи говорящего и отсутствием жестких временных рамок.

Анализ показал, что в интервью в позиции перед долгой паузой, во всех региональных вариантах английского языка, наиболее частотным является высокий и низкий нисходящий тон (*RP* – 40 %, *SSE* – 42,8 %, *NIE* – 60 %).

В позиции перед средней паузой тональные разновидности преобладают во всех исследуемых вариантах, наиболее характерным для RP является высокий нисходящий тон, в то время как для шотландского варианта – это низкий восходящий тон, а для североирландского варианта характерно равномерное использование нисходящего и восходящего тонов в двух вариациях.

Ввиду того, что короткие паузы также являются наиболее частотными в телеинтервью, во всех региональных вариантах наблюдается большая вариативность тонального контура, менее частотными являются низкий нисходяще-восходящий и восходяще-нисходящий тоны. Наиболее типичен высокий нисходящий тон. Стоит отметить полное отсутствие использования восходяще-нисходящего тона в шотландском варианте англий-ского языка в данной позиции.

Приведенный в работе сопоставительный анализ показал: кроме некоторых различий в использовании терминальных тонов в позициях перед различными видами пауз не наблюдается. Это может быть обусловлено профессиональной компетенцией дикторов в новостных сообщениях. Делая вывод о телеинтервью, отметим очевидную дистантность шотландского варианта английского языка. Это объясняется тем фактом, что шотландский вариант английского языка сформировался в результате сближения Scots, т.е. исконного шотландского диалекта с английским языком.

Хотя исследование проводилось на ограниченной выборке материала, оно доказывает наличие общих и контрастирующих признаков в просодическом оформлении новостных репортажей и телеинтервью.

Признается тенденция к значительному уменьшению их количества в ближайшие 30 лет, в силу их приближения к литературному стандарту. Это обусловлено такими факторами, как географическая мобильность населения, повышение уровня образования молодых людей, отток населения в крупные города и некоторые другие. Так, например, 50–60 лет назад жители англоязычных стран говорили на десятках различных диалектов, сегодня же эти диалекты весьма немногочисленны. Однако, по мнению других исследователей, это не означает, что диалекты когда-либо вообще исчезнут. Но, поскольку они реально существует в настоящее время, их изучение необходимо для понимания социального устройства общества.

Л. И. Трибис, В. В. Лопатько

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕЧЕВОСПРИЯТИЯ

В механизмах восприятия речи Н. И. Жинкин различал индивидуальный и коммуникативный аспекты. Индивидуальная идентификация происходит на всех языковых уровнях, предшествующих предложению и тексту, и заключается в узнавании языковых единиц нижележащего уровня в уровне вышестоящем. Акт понимания совершается на уровне предложения. В акте «коммуникативного понимания» реципиент воспринимает замысел говорящего и в семантически сжатом виде удерживает его, чтобы следить за развитием мысли (Н. И. Жинкин). Опознавая речевые единицы, реципиент «приписывает» им значения, опираясь на знания из своего прошлого опыта. Для адекватного понимания значения языковых единиц сообщения должны присутствовать в тезаурусе знаний реципиента (О. А. Каменская). В случае

их отсутствия возникают когнитивные затруднения, которые преодолеваются в акте коммуникативного понимания. Незнакомые слова при повторном употреблении в сообщении включаются в прогнозирующую догадку, облегчающую общее понимание текста. Закон повторяемости обеспечивает их семантизацию (В. А. Кухаренко). Понимание – это процесс перехода от словесной формы сообщения к его содержанию через догадку об описываемой ситуации. Сочетание лексических значений слов наводит реципиента на мысль о возможном денотате. В отличие от лексического значения денотат не задан заранее; он – динамическая единица речи, возникающая в мышлении и отражающая предметную действительность в акте коммуникации (А. И. Новиков).

Акт коммуникации включает вербальное сообщение, контекстную информацию, обусловленную лингвистическим окружением, и ситуативную информацию, обусловленную экстралингвистическими факторами (Л. Ф. Кистанова). Такие ситуативные параметры, как широта смыслового контекста общения, величина смысловой неопределенности восприятия коммуникантов в различных функционально-речевых условиях варьируют в значительных пределах. А. А. Поликарпов отмечал, что ситуативной характеристикой устной неподготовленной речи является ее высокая скорость, дефицит времени на обдумывание, сосредоточенность на содержательной (не грамматической) стороне фраз, неправильности, несогласованности, незавершенности, самоперебивы, возвраты, которые дезорганизуют мыслительное планирование речевого поведения. Научная речь, напротив, характеризуется последовательностью, логичностью и точностью изложения информации. Это выражается не только в отсутствии незаконченных, структурно неполных синтаксических конструкций, но и в логической развернутости, разнообразии средств логической связи между частями высказывания. Основа восприятия научной речи может быть определена как смысловая эксплицитность в отличие от смысловой имплицитности высказываний в разговорно-бытовой сфере (А. А. Поликарпов). Однако и при восприятии научной речи достижение информационного эффекта, запланированного говорящим, может быть не полным (А. Д. Урсул, А. А. Поликарпов). Ориентируясь на определенный уровень фонового знания реципиента, отправитель информации допускает «смысловые скважины», устранение которых возможно лишь при условии актуализации соответствующего уровня предметных знаний (Н. И. Жинкин).

В процессе восприятия научной речи реципиент сталкивается с проблемой взаимосвязи объективного и субъективного компонентов в структуре предметных знаний. Исследователи специальной лексики Е. В. Якимович, А. А. Опара отмечают, что некоторые объективные категории носят условный характер: вместо однозначности термина говорят о его моносемичности в рамках конкретной терминосистемы; вместо точности содержания терминов – о зависимости объектов номинации от определенной теории. В рамках одного и того же научного направления может наблюдаться содер-

жательное несоответствие одних и тех же специальных единиц, используемых различными исследователями. Для понимания системы взглядов ученого необходимо знать не только состав его терминов, но и их трактовку. Ю. В. Рождественский обращал внимание на то, что научные термины, принадлежащие науке в целом, постоянно переопределяются в научных сочинениях. Термином «фонема» пользовались А. И. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский и другие ученые. В текстах их сочинений определения этого термина различаются по содержанию. Отталкиваясь от объективных, сущностных признаков терминируемых понятий, различные исследователи производят индивидуально-специфическую оценку аспектов этих понятий и субъективное выделение и отбор наиболее значимых признаков.

Наряду с этими субъективными факторами, О. С. Ахманова отмечала объективные факторы асимметричности плана выражения и плана содержания в сфере лингвистической терминологии. К ним она относила полисемию, синонимию и дублетность специальных единиц. Д. С. Лотте кроме того выделил в числе «нежелательных» свойств терминов категориальную многозначность, когда в пределах одной и той же предметной области знаний одна и та же языковая форма используется для обозначения операции и ее результата, процесса и явления, объекта и его описания. Очевидно, метаязык предметной области, подчиняясь языковым законам, не может избежать асимметричного соотношения плана выражения и плана содержания. Абсолютная однозначность, точность значения, полное исключение синонимии находятся в глубоком внутреннем противоречии с той эвристической ролью, которую термины выполняют в процессе развития научного знания (В. В. Колесников). Преодоление неоднозначности при восприятии научной речи Н. И. Жинкин прогнозировал путем «углубления в специфические предметные отношения».

Н. В. Угринович

ИЛЛОКУТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РАЗДЕЛЕННОГО ВОПРОСА
(на материале немецкого и белорусского языков)

Несмотря на давнюю историю изучения вопроса в лингвистике все еще остаются «белые пятна», требующие анализа как самой типологии вопросов, так и некоторых типов вопроса с коммуникативной точки зрения. Так, например, разделенный вопрос, который является неотъемлемым естественным элементом диалогической речи, до сих пор не подлежал в немецком и белорусском языках детальному рассмотрению.

Разделенный вопрос представляет собой линейное двухсегментное образование, в котором каждый из сегментов является довольно автономным, однако коммуникативный смысл реализуется только в их сочетании: соединении невопросительного сегмента и морфологически независимого (в отли-

чие от английского языка) присоединительного вопросительного элемента: *Мы расстанемся сябрамі↘, ```так↗? < > Мы расстанемся сяб```↗рамі? < > Мы расстанемся сяб```рамі↘. Целью* данной работы стало выявление иллокутивной направленности данного типа вопроса в немецком и белорусском языках. В ходе исследования были проанализированы 270 диалогических единства на немецком языке и 210 на белорусском. Разница в количественной представленности объясняется меньшей частотностью разделенных вопросительных структур в белорусском языке на одинаковый объем текстового материала. Для определения их прагматических функций использовалась методика трансформационного анализа.

С точки зрения теории речевых актов вопрос является речевым действием, направленным на получение говорящим *неизвестной* ему информации. Свое речевое действие говорящий рассматривает как попытку побудить слушающего сообщить искомую информацию (Searle 1969). Вопросительная ситуация при этом имеет следующие характеристики: а) говорящий не знает ответа, б) он хочет знать ответ, в) он считает, что слушающий знает ответ, г) говорящий считает, что слушающий захочет дать ответ. Разделенный вопрос соответствует характеристикам вопросительной ситуации только в следующем аспекте: говорящий считает, что слушающий захочет дать ответ, неизвестная адресанту информация (о месте, времени, источнике, деятеле, качестве, свойстве, образе действия и т.д.) отсутствует.

Иллокутивная сила вопроса заключается, таким образом, в *запросе* информации. Способом достижения этой цели выступает вопросительный модус высказываний-предложений, который в разделенной структуре выражен отношением к пропозициональному содержанию высказывания (уверенность, сомнение), что оформляется восходящей мелодией в присоединенном элементе. Наряду с вопросительным сегментом вопросительный модус может находиться и в первой части, если первая часть вопроса передает уверенное предположение, оформленное эксплицитно модальными словами (*gewiss, sicher, wohl, bestimmt, natürlich, пэўна, магчыма, верагодна*), глаголами в форме условного наклонения, а также модальными глаголами, что отмечается в 38 % от всей выборки в немецком и 21 % в белорусском языке: *„Es ist* ***natürlich*** *alles abgemacht, nicht wahr? – „Genau”* (E. M. Remarque „Drei Kameraden“) ‘Все, конечно, уже решено, не так ли? – Точно.’

Как любое вопросительное высказывание, разделенный вопрос выступает косвенным средством оформления различных речевых актов, кроме поведенческих актов декларативов, комиссивов и экспрессивов. Так, разделенные вопросы используются в обоих языках в роли косвенных *директивов* для выражения просьбы, указания, рекомендации и т. д., поскольку представляют смягченную форму категоричного требования и допускают возможность несогласия собеседника, например:

(нем.) *Hagemann:* ***Lesen Sie doch mal bitte vor, ja****?! – Hallo!*

*Montag: – Ich glaube… Ich meine… Das kann ich nicht. (*M. Rinke. „Republik Vineta“) ‘Хагеман: Читайте же просто вслух, да? – Монтаг: Мне кажется… Я считаю… Я не могу’.

(белорус.) *– Дак от, **сядзі не дыш**, калі хочаш быць цэлаю, **ясно**? І калі яму дабра хочаш!*

Ганна адказала спакойна, дзёрзка: – Чаго ж, зразумела (І. Мележ. «Людзі на балоце»)

В таком случае первая часть вопросительной структуры может иметь морфологическую форму побудительного наклонения (39 % вопросов данного речевого акта в немецком языке и 17 % – в белорусском) и в немецком языке содержать частицу *bitte* ‘пожалуйста’: Мы считаем возможным отнесение таких конструкций к разделенным вопросам, поскольку пунктуационно они оформлены как вопрос:

*Habilitand: **Lass uns bitte nicht im Stich, ja**?*

Dissertant: (beim Telefon zu sich) Jetzt wird es aber unheimlich. (zu den anderen) Das Telefon funktioniert nicht (R.Wolf. „Frankfurt – New York oder Das Einstein-Podolky-Rosen-Experiment“) ‘Докторант: Не оставь нас, пожалуйста, в беде, да? Диссертант: (у телефона сам себе) Это уже чересчур. (обращаясь к другим) Телефон не работает’.

Разделенный вопрос служит средством выражения эмоций и отношений говорящего к сложившейся ситуации. Оформляя *эскпрессив*, он содержит в своем вербальном составе лексические единицы оценки (*wunderbar, klasse, prima, hervorragend, so schön, so hübsch, viel besser*; *дужа, вельмі цікава, вельмі хораша, вельмі прыемна*). Реакцией на данный речевой акт является подтверждение, оформленное синонимичными оценочными словами:

Tanzfläche, und eine hübsche schlanke Tänzerin wirbelte über das Parkett.

„Wunderbar, was?„ fragte er und klatschte.

*„**Hervorragend**!“ Kern klatschte mit.*

*„Die Musik ist **großartig**, nicht wahr?“*

„Erstklassig” (E. M. Remarque. „Liebe deine Nächsten“) ‘Танцпол, и хорошенькая, стройная танцовщица кружилась по паркету. «Прекрасно, не так ли?» – спросил он и зааплодировал. «Превосходно!» – Керн тоже аплодировал. «Музыка чудесна, не правда ли?» – «Первоклассная»’.

Отметим, что в немецком языке разделенный вопрос в функции экспрессива занимает позицию вопроса-стимула в диалогическом единстве, в то время как в белорусском языке в большинстве случаев (78 % вопросов данного речевого акта) он является одним из звеньев в вопросительной цепочки и служит для передачи эмоциональной реакции не на предыдущую реплику, а на сложившееся положение дел в целом. При этом на тип речевого акта указывает описание ситуации: *Некукарэка (**здзіўлена**): **Гэта... наш, ці што**? Які быў на тры вяршкі ад зямлі? Гэта... той?* (В. Ткачоў. «Дзе жыве Некукарэка?»)

Разделенный вопрос выражает косвенный *репрезентатив*, информируя собеседника о некотором положении дел, предоставляя собеседнику возможность не согласиться с высказанным предположением, выразить свое негодование либо усомниться в достоверности сказанного:

(нем.) *Ich zog ein Paket Zigaretten aus der Tasche. „**Abends braucht man welche, was?“** Sie nickte.* (E. M. Remarque. „Drei Kameraden“) ‘Я вытащил упаковку сигарет из кармана. «Вечером необходимы несколько, не так ли?» Она кивнула’.

(белорус.) *РАЗАЛІ: Але адкажы мне, чаму цябе пасадзілі і трымаюць пад замком? Ці можа ты здзейсніла нейкае злачынства ці зладзейства? Вось гэта мяне цікавіць. **Так проста ніхто не пасадзіць нікога ў хату пад замок. А?***

ГОЛАС МЫШЫ: Што ты, што ты. Мяне тут трымае адзін чарадзей (В. Ткачоў, С. Чыгрын. «Зачараваная хатка»).

Отметим, что в немецком языке в экспрессивах присоединительный элемент парцеллируется лишь иногда (3 % от всей выборки), а в белорусском языке он выносится в парцелированную синтаксическую структуру почти в 1/5 выборки.

Таким образом, разделенный вопрос в немецком и белорусском языках может актуализировать различные иллокутивные силы, сохраняя исходную вопросительную иллокуцию, выраженную присоединенным элементом. При этом иллокуция вопроса более типична для немецкой разделенной структуры, о чем свидетельствует частотность использования в нем средств эпистемики, которые оформляют также и вопросительный модус. Отмечаются несовпадения в частотности употребления различных речевых актов в двух языках: наибольшей частотностью отмечены *директивы* в немецком языке (18 % от всей выборки) *и экспрессивы* в белорусском (19 % от всей выборки). В зависимости от иллокутивной направленности первый, невопросительный, сегмент оформляется различным образом. Побуждение к ответу посредством разделенного вопроса оказывается успешным, о чем говорит реакция собеседника, которая фиксируется ответом «да / нет» в 73 % в немецком языке и в 87 % в белорусском языке или невербальным согласием с услышанным.

В. В. Устинович

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА ЛОКАЛИЗАЦИИ ЯДЕР КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ФРАНЦУЗСКОГО УСТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЕЕ МАРКИРОВАННОСТИ

На сегодняшний день существует большое количество исследований и экспериментов, в том числе и на материале французского языка, задачей которых является решение вопросов, связанных со взаимодействием коммуникативной структуры (КС) высказывания и синтаксиса, соотношением синтаксических и просодических границ в высказывании, выражением дополнительных коннотаций с помощью просодических средств (С. Брише, В. Оберже, 2002; Р. Годемен-Берлин, 2014 и др.). Многие из современных

исследователей КС полагают, что во французском языке существуют особые синтаксические конструкции, которые способны сами по себе придавать КС высказывания маркированный характер (М. Шароль, 2003; Х. Нольке, 2006; М.-А. Морель, Л. Данон-Буало, 1998 и др.). Кроме того, они наделяют маркирующим потенциалом выделительное ударение, а также смещение ядра ремы с прототипической – конечной – позиции в высказывании.

Для подтверждения или опровержения данных положений нами был проведен психолингвистический эксперимент с участием 16 носителей французского языка (3 мужчин и 13 женщин) в возрасте от 18 до 30 лет. Все они являются членами театральной труппы, которая проходит в Минске стажировку по актерскому мастерству. Привлечение носителей языка было обусловлено тем, что для неносителя языка выявление скрытых смыслов в высказывании не всегда представляется однозначной и легко решаемой задачей. В ходе эксперимента мы апеллировали к языковой компетенции информантов в сфере семантики и прагматики просодии.

Задача психолингвистического эксперимента заключалась в выявлении способности упоминаемых авторами синтаксических конструкций, смещения рематического ядра «влево», а также выделительного ударения привносить в высказывание имплицитные смыслы. При проведении эксперимента мы, вслед за Т. М. Николаевой (2000), исходили из представления о том, что маркированной является только такая коммуникативная структура, в которой создается ореол коммуникативных коннотаций.

Эксперимент основывался на следующих гипотезах, выдвинутых в результате обзора научной литературы и аудитивного анализа материала:

– смещение рематического тона влево с прототипической конечной позиции не приводит автоматически к маркированности КС;

– выделительное ударение (ВУ) выступает в роли интенсификатора, однако не обладает свойством самостоятельно, без участия рематического тона, изменять пресуппозицию.

Информантам было предложено для прослушивания 73 высказывания из радио- и теледебатов, разделенных на 4 блока: 1) высказывания с субъектно-предикатной структурой (*Il est éloigné de la réalité des Français moyens* ‘Он далек от реальности среднестатистических французов’); 2) тетические высказывания, вводимые презентативными конструкциями *c’est/il y a* (*Non, mais c’était un enjeu important pour le peuple* ‘Нет, но это была важная цель для народа’; *Derrière cela, il y a une humanité concrète* ‘За этим стоит конкретное человечество’); 3) высказывания с дислокацией подлежащего/дополнения «влево» (*Or, le problème, il est pas dans l’innovation* ‘Но проблема, она не в инновации’; *Le progrès, je le vois précisément dans la garantie des droits* ‘Прогресс, я вижу его именно в гарантии прав’); 4) высказывания с расчлененными структурами *c’est … qui/que* (*C’est quand même moi qui suis garant de la sécurité des étudiants* ‘Все-таки я являюсь гарантом безопасности студентов’). В каждом блоке высказывания, произнесенные мужчинами и женщинами, предлагались к прослушиванию отдельно.

При прослушивании высказываний информанты заполняли таблицу, в которой напротив каждой фразы им предлагалось отметить, является ли она, по их мнению, нейтральной или в ней присутствуют скрытые смыслы, а также была графа «затрудняюсь сказать». Информанты могли факультативно указать, почему они отнесли высказывание к той или иной категории или затруднялись дать однозначный ответ. Кроме того, участники эксперимента отмечали, какое слово/какие слова в высказывании несут наиболее важную информацию, что для нас являлось показателем распознавания локализации рематического ядра.

В ходе эксперимента при прототипическом (тема+рема) расположении компонентов КС в среднем 42,05 % высказываний со смещенным влево рематическим ядром были отнесены информантами к нейтральным (в высказываниях с конечной локализацией ядра ремы в бинарной КС процент их отнесения к нейтральным оказался ниже – 33,3 %). Характерно, что ¾ информантов регулярно отмечали в качестве наиболее важной в информативном плане словоформу, на которую смещался ядерный тон. При этом конечная словоформа либо вообще не отмечалась информантами как важная (т.е. 0 % информантов отметили словоформу как важную), либо отмечалась достаточно низким процентом участников эксперимента[1]. Напротив, в высказываниях с финальной – прототипической – локализацией рематического ядра процент восприятия конечной словоформы как важной составил 71,4–91,6 %.

В случаях, когда высказывания со смещенным рематическим ядром отмечались как содержащие дополнительные смыслы (в 50,3 % случаев), они отличались от нейтральных особыми рематическими тонами: равномерно нисходящий крутой тон широкого интервала или замедленно-ускоренный тон (1) с началом падения в высоком/средневысоком регистре, восходяще-нисходящий высокий/средневысокий тон (2).

(1) *Ils sont contre les conséquences* ***néga˩˧tives*** *de la migration* ‘Они против негативных последствий миграции’.

(2) *Il y a un* ***ma˧˥˩laise*** *dans l’hôpital* ‘(досл.) Существует недомогание в больницах’.

Кроме того, возникновение особых пресуппозиций, по мнению информантов, привносились также семантикой элемента, являющегося ядром ремы, и контекстом. Так, в (2) *malaise* определяется толковым словарем французского языка Larousse как *Sensation d’un trouble psychologique; brusque défaillance des forces physiques*[2] ‘Ощущение психологического расстройства; резкий упадок физических сил’.

Таким образом, результаты эксперимента показывают, что смещение рематического ядра «влево» приводит к маркированности КС при определенных условиях: наличии особого (эмфатического) рематического тона и присутствии коннотаций в семантике лексемы, являющейся ядром ремы.

[1] максимум 12,5 % информантов

[2] https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/malaise/48823

Что касается выделительного ударения, как показал эксперимент, его наличие необязательно приводит к тому, что высказывание воспринимается как содержащее дополнительные скрытые смыслы. Так, в ответах большинства[1] информантов 50 % высказываний с ВУ отнесены к нейтральным (3):

(3) *Elle est une nation* ***ˇméditerrané\enne*** ‘Она – средиземноморская нация’.

Акцентная единица, отмеченная ВУ, безусловно определялась информантами как имеющая высокую степень важности, многие из этих единиц имеют специфическую семантическую окраску (*aberration* ‘извращение’, *inquisitoire* ‘инквизиционный’, *pervers* ‘порочный, извращенный’). В случаях, когда ядерная словоформа ремы несет ВУ на первом слоге и реализуется посредством одного из типов особых рематических тонов, указанных ранее, информанты отмечали высказывание как маркированное

(4) *Il y a un phénomène de* ***ˇthéatralisa⟩tion*** ‘Существует явление театрализации’.

Высказывания с таким же тоном, но без ВУ на ядерной лексеме, носители языка также относили к маркированным. Другими словами, не представляется правомерным говорить о способности выделительного ударения маркировать КС высказывания кроме как в совокупности с общим просодическим воплощением ядерного элемента, а также семантическими особенностями последнего.

Таким образом, выдвинутые гипотезы нашли свое подтверждение в проведенном эксперименте. Восприятие носителями языка КС высказывания как маркированной при сохранении линейной синтаксической структуры высказывания не определяется автоматически смещением рематического тона, наличием ВУ, приводящим или нет к смещению ядра ремы. Ответы информантов свидетельствуют о том, что возникновение дополнительных коннотаций сопряжено с особенностями семантики ядерного элемента, его отношением с элементами контекста, а так же просодическим воплощением, также создающим перцептивно релевантную выделенность.

Я. В. Шелягович

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Детская речь, т.е. речь детей дошкольного и младшего школьного возраста, – особый этап онтогенетического развития речи.

Тайна того, каким образом ребенок учится говорить, интересовала и волновала людей еще со времен античности. Умственные способности ребенка во многих отношениях ограничены, однако он овладевает исключительно сложной структурой родного языка всего за каких-нибудь три или четыре года. Более того, каждый ребенок, сталкиваясь с новым для него явлением

[1] 75 % информантов и выше

родного языка, довольно быстро, практически без сознательной помощи родителей или с незначительной помощью «подводит» его под известную грамматику и становится полноправным членом своего языкового общества, способным производить и понимать бесконечное число предложений на языке, которым овладел.

Независимо от индивидуальных различий между детьми, речевой среды, в которой они воспитываются, независимо даже от особенностей постигаемого ими языка, общая стратегия усвоения языковых правил является для всех единой: сначала познаются самые основные, глубинные модели языка и основанные на них языковые правила. «Правила, предназначенные для широких классов явлений, формируются раньше, чем правила, относящиеся к подклассам: общие правила усваиваются раньше, чем частные правила», – пишет известный американский исследователь детской речи Дэн Слобин.

Освоение звуков начинается на первом году жизни, когда ребенок овладевает своими речевым и слуховым аппаратами.

Раньше и легче дети начинают произносить звуки, артикуляция которых соответствует рефлекторным реакциям: дыханию, сосанию, глотанию, крику. Из гласных звуков это, как правило, – [а]. Последовательность в овладении другими гласными определяется следующей логикой: дети сначала усваивают звуки, которые по своей артикуляции наиболее отличаются друг от друга: [и], [у]. Только потом в их речи появляются звуки «промежуточные»: [э], [о]. Наибольшую трудность из гласных вызывает [ы].

У большинства детей следующий порядок усвоения согласных: губные появляются раньше язычных, твердые губные – раньше мягких губных, а мягкие зубные – раньше твердых; смычные -раньше щелевых, свистящие – раньше шипящих. Подобный порядок наблюдается и в других языках мира, он универсален.

Характерной особенностью детской речи является наличие доминирующих звуков, которыми чаще всего заменяются другие звуки. Позднее появляющиеся звуки формируются из диффузных звуков раннего периода.

Для большей наглядности будут приводиться примеры из русского и английского языков.

К наиболее часто встречающимся особенностям детского произношения относятся:

- выпадение звуков (элизия), а именно согласных *кука* вместо *кукла*, *патье* вместо *платье*, *æt* вместо ant, *nəʊ* вместо *snow*;
- пропуски целого слога, а именно неударного *efənt* вместо *elephant*, *весипед* вместо *велосипед*;
- замена звуков, освоение которых представляет трудность для ребенка, как правило, это замена заднеязычных *к,г* переднеязычными *т,д: тутолка* вместо *куколка, дуси – гуси, ti – key, dəʊ – go, tæt – cat*; замена шипящих звуков на свистящие: *сапка – шапка, зук – жук, sʊ – shoe, dzʊs – juice*;

• уподобление (ассимиляция) под воздействием общего сходства слов, звуков: *бабака* вместо *собака*, *lellow – yellow*;

• удвоение слогов: *нюню* вместо *одну*, *wawə – water*, *taitai – tiger*;

• перестановка (метатеза) слогов: *pasghetti* вместо *spaghetti*, *manimal – animal*, *гофли – гольфы*, *шапля – шляпа*;

• добавление звуков: *реблята* вместо *ребята*, *иржавая – ржавая*, *buhlack horse – black horse*, *doguh – dog*.

Овладение правильным произношением в младшем дошкольном возрасте затрудняется неполным развитием моторики речевого аппарата и фонематического слуха, недостаточной устойчивостью нервных связей. У детей пока еще отсутствует сознательное отношение к несовершенствам своего произношения. Основной силой, побуждающей ребенка к совершенствованию произношения, становится потребность в общении. Овладевая словарем и грамматическими формами, он испытывает необходимость в более точном воплощении элементов смысла в речи. Речевая практика, успехи и неуспехи в вербальной коммуникации заставляют искать его новые, правильные способы фонетического оформления слова.

Л. Г. Щербакова

ФРАЗОВАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из важнейших компонентов интонации является фразовое ударение. Существует, однако, точка зрения, что фразовое ударение не всегда признается компонентом интонации, поскольку не имеет примарного акустического коррелята и является результатом взаимодействия нескольких просодических средств: высотного уровня, долготы, силы и тембра. Представляется, что основой для данного утверждения служат не функции компонентов интонации, а просодические средства их выражения.

Фразовое ударение, являясь важнейшим средством, определяющим закономерность распределения просодических характеристик в устной речи, выполняет функцию передачи семантического и экспрессивного содержания, а также функцию организации речевого потока. Исследователи фразового ударения в немецком языке основными функциями называют: конститутивную (организующую) и коммуникативную, а также централизующую (главное ударение создает иерархию выделенных слогов во фразе) и сегментирующую (членение речи на более мелкие фонетические единицы) (С. М. Гайдучик). Представляется, что организующая и централизующая функции фразового ударения заключаются в объединении компонентов фразы в единое целое, а сегментирующая функция фразового ударения представлена только в работах данного автора.

Ученые, исследующие фразовые ударения в английском языке, выделяют как основные функции конститутивную, коммуникативную, а также синтаксическую (определяет синтаксическую форму слова), экспрессивную (эмоциональную) (Т. Н. Шевченко) и ритмообразующую функцию (Е. А. Бурая).

Представляется, что некоторые различия при определении функций фразового ударения обусловлены факторами, влияющими на распределение фразовых ударений в данных языках. Большинство лингвистов, определяя причины выделения слов во фразе, выдвигают семантический фактор на первое место. Двумя другими факторами, определяющими фразовые ударения, являются грамматическая структура предложения и его ритмическая организация. Что касается грамматического фактора, то подчеркивается, что грамматическая структура предложения в значительной степени зависит от его содержания, что свидетельствует о том, что семантический фактор является ведущим фактором, обуславливающим распределение фразовых ударений. Однако анализ акцентной структуры фразы показывает, что слово, входящее в состав фразы, может быть выделено ударением не столько в зависимости от его семантики, сколько от его коммуникативного значения в данной фразе.

Сопоставительное изучение распределения фразовых ударений в немецком и английском языках показывает, что фразовая акцентуация в данных языках определяется идентичными факторами: семантическим (локализация ядерного акцента), грамматическим (слабая выделенность служебных частей речи) и ритмическим. При этом действие грамматического фактора нейтрализуется под влиянием ритмической организации речи, так как носителями фразового ударения могут стать семантически незначимые слова, а полнозначные слова – полностью безударными.

Многие исследователи, подчеркивая взаимодействие фразовых ударений и речевого ритма, отмечают, что ритмическая структура фразы должна изучаться в связи с особенностями фразовой акцентуации. Влияние ритма на распределение фразовых ударений проявляется в тактосчитающих языках в выравнивании речевых тактов по длительности (равномерность временных интервалов), в отсутствии накопления безударных слогов в связной речи. Ритмической организацией речи объясняется также перенос ударения, вызванный необходимостью избежать последовательности двух сильно выделенных слогов, появление ритмической выделенности коммуникативно незначимых слов и слабой выделенности после главноударного слога фразы.

Единство ударного слога и примыкающих к нему безударных слогов определяется как ритмическая группа, фонетическое слово, ритмический такт, акцентная структура. Исследователи просодии немецкой фразы употребляют термин «ритмический такт» (О. фон Ессен, Ф. М. Гайдучик, Е. В. Зарецкая), английской фразы – термин «ритмическая группа» (А. А. Метлюк, Т. А. Шевченко, Е. А. Бурая).

Анализируя ритмические такты (ритмические группы) по слоговому составу, авторы отмечают, что наиболее частотные ритмические такты в немецком языке состоят из 3–4 слогов с ударением на первом слоге, в английском языке – из двух слогов. Английская фраза характеризуется большей частотностью коротких ритмических групп и повторяемостью

однотипной структуры в пределах фразы (А. А. Метлюк), причем типичными для английского языка являются двусложные ритмические группы с ударением на втором слоге (например: односложные существительные с артиклем).

Следовательно, можно предположить, что число ударных слогов в текстах с примерно одинаковым слоговым объемом в английском языке может превышать их количество в немецких текстах.

Одним из важнейших вопросов при анализе фразовой акцентуации является вопрос о типах фразовых ударений, определение которых может различаться в зависимости от критериев, лежащих в их основе. В немецком языке таким критерием является локализация ударений в просодических единицах фразы и их функции: ритмическое ударение (ударный слог ритмического такта), синтагматическое ударение (последний сильно выделенный ударный слог в синтагме), главноударный слог (последний сильно выделенный слог во фразе) (С. М. Гайдучик).

Фразовые ударения в английском языке представляют собой пики выделенности во фразе, указывающие на большую или меньшую семантическую значимость входящих в нее слов. Наиболее важное в семантическом отношении слово выделяется главным (ядерным) ударением, другие, менее важные по смыслу слова, – полным ударением, а слова с наименьшим семантическим весом – частичным ударением (А. А. Метлюк).

Исследователи фразовых ударений ставили своей задачей также определить участие просодических средств языка в выделенности слогов, воспринимаемых как ударные. При определении характера фразовых ударений обычно исходят из сложившегося в лингвистике представления о том, что фразовое ударение представляет собой относительно абстрактное свойство звуковой структуры, фонетический коррелят которой состоит из комплексного взаимодействия таких акустических параметров, как частота основного фона, амплитуда интенсивности и длительность. На перцептивном уровне этим параметрам соответствуют воспринимаемые свойства выделенных слогов: перепад тона, громкость и длительность. Некоторые фонетисты называют также признаком ударного слога изменения в формантной структуре звуков или тщательность артикуляции.

Основываясь на результатах последних экспериментальных фонетических исследований выделенности слогов в высказывании, можно утверждать, что выделенность может осуществляться одним, двумя или тремя акустическими параметрами в их различном сочетании, причем один из них определяется, как правило, главным акустическим признаком ударного слова как для его реализации, так и для восприятия в конкретном языке. Таким признаком и для немецкого, и для английского языков является частота основного тона. При этом необходимо подчеркнуть, что для восприятия выделенного слога как ударного важны не абсолютные, а относительные

величины акустических параметров в выделенных слогах, так как эффект выделенности слога достигается не столько увеличением, сколько изменением воспринимаемых признаков по отношению к безударным слогам.

Значения акустических признаков различаются в зависимости от типов ударения и его локализации во фразе. Для начала фразы и в немецком, и в английском языках характерными являются тональный максимум и максимум интенсивности. Конец фразы отмечен тональным минимумом и минимумом интенсивности. Во фразах с постепенно нисходящей шкалой каждый ударный слог несколько ниже по сравнению с предыдущим, а безударные слоги (в идеале) находятся на одном уровне с ударными или немного ниже. Восприятие главноударного слога (ядерного ударения) объясняется позиционными факторами, так как эффект главного ударения создает резкое падение частоты основного тона в самом важном слове фразы. Нисходящий тон в данных языках более крутой и достигает самого низкого мелодического уровня, особенно по сравнению с родными языками обучающихся.

Выявление закономерностей реализации и локализации фразовых ударений в немецком и английском языках представляет большой интерес как в теоретическом, так и в практическом плане. Особенности акцентной структуры фразы в немецком и английском языках образуют сферу потенциальной просодической интерференции в условиях многоязычия при изучении второго иностранного языка, так как именно различия между системами создают области наиболее сильных интерферентных воздействий.

В. В. Яскевич, И. Д. Лепеш

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА

Во времена крупных социальных преобразований изучение феномена речевого конфликта приобретает особую актуальность. Столкновение старых и новых представлений приводит к возникновению различного рода конфликтов, которые можно наблюдать в средствах массовой информации и в условиях повседневной коммуникации.

Как известно, речевой конфликт – это состояние противоборства участников коммуникации, в ходе которой каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами.

Исследователи отмечают, что речевой конфликт представляет собой не однородное явление, а протекающее во времени коммуникативное событие, имеющее свое развитие. В связи с этим, как правило, выделяются определенные *стадии или фазы*: назревание конфликта (докоммуникативная фаза); нарастание, пик, спад конфликта (коммуникативная фаза) и разрешение конфликта (посткоммуникативная фаза).

Выявление существующих противоречий происходит чаще всего на вербальном уровне, поэтому актуальным становится изучение речевого пове-

дения участников данного типа взаимодействия с точки зрения средств и способов выражения. Существует целый ряд частных исследований, направленных на изучение дискурсивных особенностей речевого конфликта. При этом необходимо отметить, что вопросы интонационного оформления данного типа коммуникативного события часто остаются в стороне.

С целью изучения просодических особенностей речи на различных стадиях разворачивания конфликта нами был проведен фонетический эксперимент. Носителям южно-английской произносительной нормы было предложено инсценировать несколько ситуаций речевого конфликта в студийных условиях. Полученные аудиозаписи были далее представлены в печатном виде. В ходе аудитивного анализа специалисты-фонетисты сделали просодическую разметку диалоговых единств. Статистический анализ позволил нам выяснить частотно-дистрибутивные особенности тонально-мелодического оформления различных стадий речевого конфликта. Процентные соотношения различных типов мелодического завершения были далее представлены в виде сводной таблицы, которая приведена ниже.

Согласно полученным данным стадия нарастания конфликта характеризуется повышенной частотностью низких восходящих, ровных и нисходяще-восходящих тонов, что свидетельствует о некоторой нерешительности.

Как видно из таблицы, переход от нарастания к пику конфликта характеризуется рядом основных тенденций. В частности можно отметить увеличение доли нисходящих тонов, которые усиливают категоричность высказывания, увеличение частотности использования неразделенного варианта нисходяще-восходящего тона для передачи значения предупреждения, появление восходяще-нисходящего тонального движения, передающего эмоциональную окраску, а также эмфатических тонов, повышающих общую степень экспрессивности речи.

Т а б л и ц а

Частотно-дистрибутивные характеристики различных типов мелодического завершения в ситуации речевого конфликта

Тон	Стадии конфликта		
	Нарастание	Пик	Спад
ˋm	22,22	27,69	23,81
˨m	13,89	13,85	19,05
ˊm	0	1,54	0
ˏm	19,44	3,08	9,52
>m	25	21,54	4,76
˃m	0	1,54	0
˅m	2,78	12,31	23,81
ˋm ˏm	16,67	6,15	19,05
ˆm	0	4,62	0
ˋm	0	7,69	0

В момент спада эмоционального напряжения, связанного с конфликтом, заметно смещение нисходящего тонального движения в более низкий регистр диапазона голоса говорящего. Самой значительной модификацией можно считать еще более резкое увеличение доли нисходяще-восходящего тона, как разделенного, так и неразделенного вариантов. Однако в этот раз он, как правило, выражает импликацию извинения или примирения.

Таким образом, каждая из перечисленных выше стадий развития конфликта имеет свои просодические маркеры. Перспективу данного исследования составит анализ целого корпуса аудиозаписей различных конфликтных ситуаций, что позволит получить более надежные и обоснованные результаты.

В. В. Яскевич

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО РИТМА В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Речевой ритм представляет собой одну из основных формообразующих черт просодической структуры речи, которая создает ее уникальную окраску. Как известно из лингвистической литературы, английский язык является одним из ярких представителей так-то считающих языков. Следует, однако, отметить, что данный язык существует в многообразии своих вариантов, между которыми обнаруживаются значительные различия. Эти различия затрагивают лексический состав, грамматический строй и, безусловно, фонетические особенности. Задача данного исследования состоит в изучении специфики речевого ритма двух наиболее популярных вариантов – британского и американского.

С целью выполнения сопоставительного анализа нами были подобраны аудиозаписи монологических высказываний носителей сопоставляемых вариантов английского языка. Экспериментальным материалом послужили звуковые дорожки из учебного пособия *Perspectives*, издательства *National Geographic Learning*, которое предлагает задания на аудирование на американском и британском английском, при этом сохраняя лексическое содержание неизменным.

Специалисты-фонетисты выполнили просодическую разметку отобранных текстов. Затем звуковые дорожки анализировались при помощи программы PRAAT. Задача акустической части исследования состояла в выполнении точных замеров временных промежутков между полноударными слогами в пределах каждой фразы. Замеры осуществлялись между пиками интенсивности полноударных гласных. Ниже приведена таблица с полученными усредненными данными.

Таблица

Временные промежутки между полноударными гласными в американском и британском английском, мс

Статистический показатель	AE	BrE
$\overline{X}$	594	500
σ	259	162
V	43 %	32 %

Из представленной таблицы видно, что временные промежутки между полноударными слогами несколько короче в британском варианте английского языка. Одновременно можно констатировать, что степень изохронности этих промежутков также выше, поскольку коэффициент вариации оказался ниже на 11 % в одинаковых по составу совокупностях значений.

Таким образом, степень выраженности тактосчитающего речевого ритма в разных вариантах английского языка может существенно различаться. Данные настоящего исследования свидетельствуют о том, что более строгое соблюдение изохронности смежных акцентных групп характерно для британского варианта, в сопоставлении с американским вариантом английского языка.

Перспективу данного исследования может составить аналогичное изучение ритмической организации других национальных и региональных вариантов английского языка.

ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

Ю. В. Белобрудова

РЕФЕРИРОВАНИЕ И АННОТИРОВАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Реферирование и аннотирование позволяет передать информацию, перевод которой, ввиду объема, часто невозможен или нецелесообразен. Реферат – текст, построенный на основе смысловой компрессии первоисточника с целью передачи его главного содержания. В рефератах не допускаются субъективные оценки переводчика-референта, а материал излагается с позиции автора исходного текста, не содержит никаких элементов интерпретации.

Предельной краткости и необходимой полноты изложения содержания первоисточника позволяет достичь работа с так называемыми ключевыми фрагментами (ключевые слова, словосочетания и предложения).

Выделяются два основных типа рефератов: *реферат-конспект* и *реферат-резюме*. Р е ф е р а т - к о н с п е к т – подробное изложение материала (как в конспекте) с обобщением однородных фактов. Р е ф е р а т - р е з ю м е – сжатое изложение содержания первоисточника и, следовательно, большая степень обобщения, выделение главного и нового (он граничит с аннотацией).

Аннотация – предельно сжатая характеристика первоисточника, имеющая целью информировать о наличии материала на определенную тему.

Различают два основных типа аннотации: *описательную и реферативную*.

О п и с а т е л ь н а я аннотация – общая характеристика материала без конкретного развертывания ее содержания. Обычно она состоит из следующих частей: библиографическое описание материала (автор, название, выходные данные); тема; предельно сжатая характеристика материала.

Р е ф е р а т строится на основе ключевых фрагментов, выделяемых из текста подлинника с позиции его автора, т.е. без субъективной оценки реферата. Аннотация же пишется своими словами, следовательно, может предполагать критическое переосмысление материала.

Если объем реферата в среднем может составлять 10–15 % от объема оригинала, то аннотация по объему часто не превышает 3–4 предложений. Что касается техники реферирования и аннотирования, то она в основном едина, с той лишь разницей, что степень обобщения при аннотировании значительно выше.

Основные приемы, используемые при реферировании и аннотировании:

1. Реферирование и аннотирование иноязычного материала неизбежно сопряжено с предварительным чтением, а иногда полным или выборочным переводом текста;

2. В процессе чтения и/или перевода текста выделяются ключевые фрагменты (ключевые слова, словосочетания и предложения). При выделении ключевого фрагмента следует опираться на следующие правила:

а) ключевые фрагменты могут быть не связаны друг с другом (*higher productivity/better division of labour/bigger economies of scale*);

б) форма, в которой записывается ключевой фрагмент, может не совпадать с оригиналом (оригинал: *to boost productivity*; ключевой фрагмент: *higher productivity*);

в) число и порядок следования ключевых фрагментов произволен. Иногда в одном абзаце можно выделить несколько ключевых фрагментов, в то же время ряд абзацев могут не содержать ни одного;

г) фиксирование ключевых фрагментов требует извлечения имплицитного смысла. Если информация эксплицитна (открытая, явная, непосредственная), то читающий ищет необходимые обобщения в тексте. Если информация имплицитна, то действия читающего приобретают характер умозаключений или обобщения суждений, содержащихся в тексте. Понимание имплицитного смысла требует ряда умений:

– умение отвлечься от словарного значения данного слова или словосочетания и опереться на более широкий контекст (*... "allowing low-wage countries to specialise in labour – intensive tasks" …* – здесь слово *tasks* следует переводить как 'отрасли или виды производства');

– умение увидеть внутреннюю логическую связь между двумя высказываниями *("Inflation would not surrender. Interest rates too low".* – 'Инфляция никак не снижается, поскольку уровень ссудного процента слишком низок)';

– умение восстановить пропущенные логические звенья (*... "globalization is an unmixed blessing with the potential to boost productivity and living standards everywhere"*. Слово *everywhere* в данном контексте реконструируется в *in the advanced and developing countries*);

– умение сделать обобщение на основе ряда фактов и аргументов, которые приводит автор, но не обобщает их ("*Delayering". "Retooling". "Focus on excellence". "Putting the client first". When it comes to jargon, the World Bank's restructuring plan is indisputably world class.* – 'Если взглянуть на программу структурной реорганизации Всемирного банка с точки зрения формулировок, употребляемых в отношении совершенствования его деятельности, то она первоклассна)';

– умение пользоваться фоновыми знаниями для восполнения смысловых высказываний *(To many, the global capital market is a truly wonderful thing. To firms, to investors and to those in the middle – the dealers and brokers who make trades happen – the global market, and the frenetic trading activity it generates, seems to promise a handsome living.* В данном примере специальные знания помогут правильно понять значение слов *trades* и *trading* как 'сделки' и 'операции с ценными бумагами и другими финансовыми инструментами').

3. Выделенные ключевые фрагменты можно перегруппировать и составлять логический план текста. При составлении и редактировании собственно текста реферата следует помнить, что реферат – это самостоя-

тельный текст с собственной логикой изложения. Например, ключевые фрагменты, дублирующие друг друга, могут сливаться в один пункт, а ключевой фрагмент заключительного абзаца может быть перемещен в начало текста реферата, подчиняясь логике изложения содержания.

4. При составлении реферата и аннотации необходимо уметь использовать и систематизировать обобщения содержания материала, которые имеются в готовом виде в самом первоисточнике. Но для референта главное самому овладеть основными приемами обобщения:

а) замена частного общим, видового понятия родовым, т.е. наиболее распространенные и универсальные способы обобщения;

б) нахождение общих признаков у ряда явлений и их объединение (особенно при наличии массы показателей и статистических данных);

в) сведение ряда явлений к их сущности или, как это иначе называют, «обобщение обобщений» (часто применяется при сводном аннотировании нескольких источников или очень дробного материала).

5. При составлении реферата и аннотации оформляются следующие сведения: название статьи (текста) на языке перевода; название статьи (текста) в оригинале; имя автора; название и выходные данные журнала (сборника); указание страниц в журнале (сборнике); указание (при необходимости) на число рисунков, чертежей и схем в тексте оригинала.

Пример необходимой компрессии при реферировании и аннотировании:

Whether all of this is for good or ill is a topic of heated debate. One, positive view is that globalisation is an unmixed blessing, with the potential to boost productivity and living standards everywhere. This is because a globally integrated economy can lead to a better division of labour between countries, allowing low-wage countries to specialise in labour-intensive tasks while high-wage countries use workers in more productive ways. It will allow firms to exploit bigger economies of scale. And with globalisation, capital can be shifted to whatever country offers the most productive investment opportunities, not trapped at home financing projects with poor returns.

From “The Economist”

Ключевые фрагменты:

Globalization: a) *positive view;* b) *potential: higher productivity and living standards; better division of labour; bigger economies of scale; capital can be shifted; productive investment.*

В случае реферирования основную мысль данного абзаца можно с помощью компрессии передать следующим образом:

Сторонники глобализации видят в ней потенциал роста производительности труда и уровня жизни; углубление разделения труда и экономию на масштабе; сводное движение капитала и эффективные инвестиции в развитие производства.

Данный абзац характеризуется высокой информативностью, поэтому компрессия здесь минимальна. Но в ряде случаев основное содержание одного или даже нескольких абзацев в совокупности можно передать одним предложением.

В случае аннотирования компрессия будет максимальной:

Сторонники глобализации связывают с ней ряд позитивных тенденций.

Д. А. Букаев

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА

В рамках западной лингвистики в XX в. активное развитие получила такая ветвь языкознания, как фоносемантика. Основываясь на гипотезе, согласно которой естественные языки изначально имели иконический, т.е. звукоподражательный характер, еще в XIX в. многочисленные западные лингвисты начали исследовать особенности восприятия отдельных звуков и их эффект в рамках естественных языков.

К началу XX в. европейские и американские лингвисты, несмотря на ограниченность инструментария и сильный субъективизм первых исследований в данной области, сумели разработать теоретические основы и необходимый для исследований инструментарий.

Главная проблема исследований фоносемантики заключается в особенностях значения звуков. В отличие от лексем фонемы не обладают ни денотативным, ни коннотативным компонентом, которые обычно и формируют «значение» в привычном понимании. Семантический эффект фонем строится на ассоциативном компоненте, который хоть и является чаще всего субъективным и индивидуальным, но, как было выявлено фоносемантическими исследованиями, в некоторых случаях подниматся с индивидуального на надындивидуальный уровень, приобретая тем самым фактологический статус.

В целом фоносемантический эффект звуков можно разделить на 3 категории. Первую можно условно обозначить как общелингвистическую. Данная категория включает в себя фоносемантический эффект, характерный для определенных звуков во всех исследованных языках (в первую очередь это касается западноевропейских языков как наиболее исследованных). Эта категория включает в себя в первую очередь гласные звуки, а также некоторые согласные, такие как [r].

Вторая категория – конкретно-языковые ассоциации, характерные для носителей определенного языка. При этом необходимо отметить, что звук может иметь как общеязыковые, так и конкретно-языковые ассоциации. Так, например, звук [r] в немецком языке, помимо общеязыковых ассоциаций с опасностью и агрессией, вызывает и ассоциации быстрого перемещения. Предположительно так происходит из-за того, что в немецком языке многие лексемы, обозначающие быстрое перемещение, начинаются именно на этот звук (rennen, rasen, rauschen).

Третья категория – контекстуальный эффект. Наиболее частым примером является звукоподражание, однако существуют и другой вид контекстуальных ассоциаций. Так, исследователи выяснили, что носители французского языка воспринимают звук [s] чаще всего как свистящий, но в контексте, в котором упомянута змея (serpent), вместе с многочисленными звуками [s] данные звуки воспринимались как шипящие, т.е. упоминание змеи вызвало у носителей языка звукоподражающий эффект в таком контексте.

Необходимость создания адекватного перевода заставляет переводчиков нередко искать ответы на возникающие в процессе перевода вопросы, связанные с фоносемантикой. Особенно это касается художественной литературы, в которой фоносемантический эффект значительно сильнее нежели в обычной речи. Однако переводчикам приходится сталкиваться в процессе поиска ответов и с тем, что при наличии достаточного количества исследований западноевропейских языков другие языки изучены очень мало либо же вовсе нет. Такая проблема возникает и при переводе на русский и белорусский языки. Переводчику приходится либо полагаться на свою интуицию, либо отказаться от попыток передать конкретную фоносемантику данных языков. Тем не менее, существующие исследования дают переводчику возможность передать общеязыковые ассоциативные эффекты и контекстуальные звукоподражающие эффекты.

Из общеязыковых эффектов наиболее хорошо исследованы эффекты гласных звуков. Причем звуки могут формировать антонимические отношения. Так, звук [i] вызывает ассоциации *маленький, тонкий, близкий, светлый* и противопоставляется звукам [a], [o], [u], которые ассоциируются со словами *большой, толстый, далекий, темный*. Звук [i] также противопоставлен звукам [o] и [u] по параметрам «острое – круглое». Гласные также противопоставлены по параметрам «краткие (сильное, твердое, быстрое) – долгие (слабое, мягкое, медленное)». Среди согласных подобные ассоциации также существуют, хоть и не в таком объеме. Так, среди согласных звуки [r], [k], [t], [s] (мощное, сильное, быстрое) противопоставлены звукам [l], [m], [n], [g], [d] (слабое, нежное, медленное). Взрывные согласные противопоставлены фрикативным по ассоциациям *внезапность – постепенность*.

Необходимость создания адекватных переводов вынуждает обращаться к области фоносемантики, и нередко переводчики замечают определенные корреляции. Однако тут важно отличить индивидуальные ассоциации переводчика от ассоциаций, характерных для всех носителей определенного языка. Данный факт не ускользнул и от исследователей, которые предупреждают об опасности наделения индивидуальных ассоциаций фактологическим статусом. Так Арчибальд Хилл пишет: «В литературе, как и в лексике, если смысл известен, то мы можем увидеть конгруэнтность между смыслом и звуком, однако эта конгруэнтность редко настолько точная или уникальная, что мы можем на основе звука угадать смысл». Потому при

переводе стремление выявить и передать фоносемантический аспект исходного текста необходимо ограничивать фактологической базой существующих исследований и стремлением не внести в текст отсутствующую в нем фоносемантику.

Д. А. Валянская

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА В ХОДЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В рамках профессионального обучения устному переводу основной целью изучения дисциплин устного перевода является формирование переводческой компетенции. По окончании обучения студенты должны быть готовы выполнять устный перевод в различных переводческих ситуациях, осуществлять анализ выполненного перевода и определять степень его семантической, структурной и стилистической адекватности. Предполагается, что опыт осуществления перевода в различных ситуациях, полученный на занятиях, будущие переводчики смогут перенести на реальные, знакомые им ситуации перевода. Моделирование реальной ситуации устного перевода дает возможность интенсифицировать учебный процесс, повышает готовность студентов действовать в новой незнакомой ситуации, что свидетельствует о достаточно высоком уровне сформированности переводческой компетенции.

Процесс обучения переводу должен быть приближен к реальной деятельности переводчика в различных ситуациях. Стоит отметить, что для того, чтобы наиболее эффективно подготовить студентов к реальной ситуации устного перевода следует учитывать некоторые методические принципы, характерные для коммуникативно-когнитивного подхода к обучению устному переводу.

При помощи информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) можно моделировать как определенный аспект реальности для изучения его основных структурных или функциональных характеристик с помощью некоторого ограниченного числа параметров – имитационные ИКТ, так и создавать модели процесса или ситуации с целью их изучения, исследования для достижения большего эффекта погружения в реальную ситуацию – моделирующие ИКТ.

Имитационные ИКТ особенно полезны для создания условий дефицита времени и приближения учебной ситуации к реальной жизни. В частности, темп занятий при обучении переводу с листа должен быть высоким. Эффективно использовать программы, которые позволяют настраивать время автоматической смены заданий, как, например, презентации Power Point с возможностью создания титров и настройки перехода между слайдами, субтитры Subtitle Workshop и иные программы, которые ставят учащегося в условия дефицита времени и эмоционального стресса, удобно использовать для формирования навыков мгновенного переключения с одной задачи на

другую, для оттачивания мышления на иностранном языке и скорейшей адаптации в условиях стресса. Моделирующие ИКТ несут большую степень интерактивности. Например, довольно несложно смоделировать ситуацию деловой переписки в сети Интернет, перевод в суде. Сложнее смоделировать ситуацию, при которой приходиться переводить в переполненном зале с десятком выступающих. Данная идея звучит пока весьма утопично ввиду необходимого привлечения немалых денежных средств, но использование шлемов виртуальной реальности могло бы продемонстрировать весь спектр переводческих ситуаций.

Одним из важнейших принципов обучения устному переводу с листа является ситуативность. Ситуативность проявляется как в отношении отбора ситуаций, типичных для различных сфер переводческой деятельности: производственной деятельности человека, бытовых отношений, общественно-политической деятельности и др., так и в отношении организации учебного процесса. Каждая из сфер включает специфические ситуации, которые характеризуются общими условиями переводческих задач и являются основой для формирования переводческой стратегии.

Проблема моделирования ситуаций, приближенных к реальным условиям деятельности при обучении переводу с листа очень сложна, поскольку сама ситуация ограничена письменным текстом, переводчиком и потребителем (в случае с переводом с листа). Несмотря на это, были отобраны некоторые ситуации на основе требований учебных программ по переводу для студентов ФМК МГЛУ, анализа научной литературы и опыта переводческой деятельности автора.

Студентам сообщается о работе переводчика в международной организации. Моделируется ситуация получения прессы, ее просмотра и перевода отдельных статей с листа с предварительной подготовкой и без нее, при этом используются оригинальные статьи из интернет-СМИ, газеты. Моделируется ситуация перевода во время дипломатических или деловых переговоров, где очень важна точность и полнота перевода предъявляемых документов. При этом учащимся объясняется, что обстановка, в которой переводчику приходится работать, не позволяет предварительно ознакомиться с полученными документами, чтобы не нарушать непрерывность процесса переговоров. Моделируется ситуация социального перевода – это медицинский, судебный и другие виды перевода, востребованные в общественных государственных и негосударственных учреждениях (визит к врачу, судебное заседание). При его выполнении нужно учитывать психологическую нагрузку и степень ответственности за качество перевода. В ходе тренинга можно предложить обучающимся интервью с носителями языка, который говорит с акцентом, использует диалектизмы, просторечные выражения; рассмотреть набор типичных выражений в типичных ситуациях общения (клише врачебной, судебной тематики). Студентам также предлагается ситуация перевода в неформальной обстановке, во время работы экспертных групп, когда готовятся тексты договоров, соглашений или резолюций на двух языках

и переводчику приходится время от времени переводить с листа тот или иной документ или его части. В таких случаях ограничение по времени не слишком строгое, обстановка рабочая, перевод часто прерывается замечаниями, поправками, дискуссиями.

Целесообразно использовать на занятии аутентичные материалы с точки зрения представленности в них культурных особенностей страны изучаемого языка, а также тексты, представляющие особенности родной культуры и побуждающие студентов к сравнению и сопоставлению.

Учебный материал, используемый для обучения устному переводу, должен характеризоваться новизной и информативностью. Здесь предполагается варьирование видов переводческих ситуаций, изменение факторов и условий переводческой деятельности, характера взаимоотношений и особенностей коммуникантов, предмета обсуждения и т.д. В силу сказанного для организации процесса обучения устному переводу отбираются печатные, аудио или видеоматериалы материалы, предлагаемые на разных носителях, что обеспечивает аутентичность и новизну учебного материала, его приближенность к реальным условиям устной переводческой деятельности.

Обучение устному переводу должно осуществляться с учетом когнитивных аспектов устной переводческой деятельности, предполагающих использование знаний о мире в процессе осуществления таких мыслительных действий, как категоризация, анализ, синтез, обобщение и др. В когнитивной теории к числу знаний о мире относят энциклопедические и процедурные знания. Особую значимость в обучении ПСЛ имеют энциклопедические (фоновые) знания, которыми располагают коммуниканты. Применительно к условиям конкретной переводческой ситуации важными являются процедурные знания, связанные со стратегией действий переводчика в ходе решения переводческой задачи.

Эти знания после поступления в сознание индивида проходят определенную обработку и становятся частью его памяти. Для переводчика это означает способность сориентироваться в новой ситуации и найти способ решения переводческой задачи посредством сопоставления ее с ситуацией, хранящейся в памяти переводчика. В этой связи важно отметить необходимость наличия в сознании переводчика различных сценариев (фреймов) переводческой ситуации. Всякая конкретная переводческая ситуация ассоциируется у переводчика с уже известным сценарием, хранящимся в его памяти. В случае отсутствия в памяти подходящего сценария, переводчик опирается на свои процедурные знания и, прибегая к аналогии, производит необходимую корректировку.

Таким образом, обучение переводу с листа должно осуществляться в соответствии с тем, как происходит эта деятельность в естественной среде, по крайней мере, обеспечивая на занятии коммуникативный опыт, который максимально уподоблен переводу в реальной ситуации. Использование информационно-коммуникационных технологий на всех этапах обучения устному переводу с листа и следование методическим принципам ситуатив-

ности, аутентичности, учета когнитивных аспектов устной переводческой деятельности дает возможность моделировать реальную ситуацию и ознакомиться с разными способами оформления высказывания на языке перевода в зависимости от характеристик переводческой ситуации, обеспечивая реализацию избранной переводческой стратегии, в целом интенсифицировать учебный процесс.

А. В. Вдовичев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

При подготовке современных переводчиков особое внимание уделяется развитию профессиональных навыков устного перевода, т.к. в последнее время наблюдается возросший спрос на указанный вид лингвистических услуг. Устный перевод представляет собой передачу смысла устного высказывания, составленного на одном языке, с помощью языковых средств другого языка. При этом учитываются все лексические, грамматические и стилистические особенности двух языков. Преподавая устный перевод и моделируя процесс работы устного переводчика во время аудиторных и внеаудиторных занятий, преподаватель часто прибегает к информационно-коммуникационным технологиям, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни, включая обучение и воспитание. Практически все студенты пользуются современными смартфонами, планшетами и ноутбуками, которые позволяют в любое время совершить определенные операции, используют программное обеспечение или электронные ресурсы сети Интернет.

Принимая во внимание, что устный перевод (как последовательный, так и синхронный) ограничен по временным рамкам, переводчик практически не может воспользоваться словарями или справочниками. Но студенты должны знать набор электронных словарей или установить на свои устройства такие словари (оффлайн-словари), к которым они смогут обратиться для получения быстрой информации о значении или эквивалентах слова, словосочетания или фразы в процессе устного перевода. Самыми популярными словарями, по опросам пользователей, в индустрии перевода (опросы проводились в социальных сетях, а также среди студентов и преподавателей российских университетов) являются следующие: *Lingvo*, *Multitran*, *Multilex*, *Reverso Context*, *Linguee*. Для использования указанных словарей не требуется регистрация, контекстные словари *Reverso Context* и *Linguee* сразу предлагают контекст перевода на основе параллельных текстов (оригинал + перевод из проверенных источников), при хорошей скорости Интернета результат выдается в течение 10–60 секунд. Даже в ситуации устного последовательного (а иногда и синхронного) перевода этого времени достаточно, чтобы успеть сформулировать фразу на языке перевода без искажения смыс-

ла, максимально точно передавая авторский замысел. Преподавателям рекомендуется развивать навыки использования электронных и оффлайн-словарей на занятиях, оптимизировать поиск информации в словарных статьях, предлагать студентам задания на быстрый подбор эквивалента с параллельным устным переводом несложных текстов. Особое внимание необходимо уделить набору словарей, к которым может обратиться переводчик, расширяя его и предлагая новые разработки лексикографических ассоциаций.

Многие студенты задают вопрос, как можно самостоятельно совершенствовать навыки устного перевода, а именно технику последовательного и синхронного перевода, предполагающую переводческую запись, одновременное говорение, наличие хорошей оперативной памяти и др. Уверен, что многие преподаватели с первого-второго курса рекомендуют студентам веб-сайты с открытым доступам, где можно найти публичные выступления, прямую трансляцию заседаний в международных организациях, различные подкасты и видеоролики. Рекомендуем следующие сайты для совершенствования умений публично выступать и переводить в последовательном и синхронном режиме:

1) *www.ted.com*. Ресурс предлагает многочисленные публичные выступления продолжительностью 6–25 минут на разные темы. Можно использовать для тренинга как последовательного перевода, так и синхронного. Рекомендуется для организации самостоятельной работы студентов;

2) *www.un.org*. На ресурсе размещены аудио- и видеоматериалы на шести официальных языках Организации Объединенных Наций, предоставляет возможность (после регистрации) просмотра прямых трансляций заседаний органов и комитетов ООН, включает аудиовизуальную библиотеку, веб-ТВ, радио и т.д. Практически все материалы можно скачать. Информация является проверенной и полученной из достоверных источников. Рекомендуется для тренинга устного перевода во время аудиторной и внеаудиторной работы студентов;

3) *www.webgate.ec.europa*. Ресурс, подготовленный переводчиками Европейской комиссии, который позволяет выбрать язык, уровень владения, тему для перевода. Данный веб-сайт рекомендуется всем школам перевода в Европейском союзе для подготовки к сдаче экзамена для работы устным переводчиком в учреждениях и организациях ЕС. Рекомендуется использовать для организации самостоятельной работы студентов с использованием различных технологий обучения (проектной, кейсов и др.);

4) *www.americanrhetoric.com*. Ресурс, содержащий речи американских политиков. Рекомендуется для самостоятельной работы и развития навыков оценки качества перевода, т.к. содержит скрипты, которые позволяют фиксировать недочеты и ошибки в устном переводе с их последующим анализом;

5) *www.speakola.com*. Ресурс содержит в открытом доступе с возможностью скачивания видеоматериалы лучших публичных выступлений из

разных стран мира. Пользователям также предлагается скрипт выступлений. В отличие от www.ted.com на данном сайте публикуются не только подготовленные выступления, но и спонтанные, что представляет определенную сложность для устного перевода в силу наличия множества просторечных или разговорных фраз, которые «выбиваются» из официально-делового стиля, к которому устные переводчики быстро привыкают, считая, что будут работать только с такими выступлениями.

При подготовке устных переводчиков рекомендуется научиться пользоваться программным обеспечением, которое позволяет записывать собственную речь, что позволит не терять времени в аудитории на упражнения «эхо-повтор» или «синхронное чтение» и даст возможность студентам самостоятельно оценить свои достижения. К таким программам можно отнести *Sound Forge*, *Nero*, *Audacity*, *Free Sound Recorder* и др.

На старших курсах рекомендуется студентам указать на возможности использования специальных программ, позволяющих преобразовать аудиоматериалы в текст (*www.speechpad.ru*, *www.dictation.io*, *www.transcribe.realspeaker.org*, *Dragon Dictation*). Данные программы позволяют переводить человеческую речь в текст, редактировать текст, составлять титры, скрипты и т.д. Многие программы распространяются бесплатно или условно бесплатно.

Цифровизация образования позволяет внедрять новые технологии не только для письменных, но и устных переводчиков, открывая новые возможности для преподавателей разнообразить тренинги, формы контроля, организацию самостоятельной работы.

Т. И. Гаранович

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕАКТУАЛЬНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтаксические фразеологизмы (далее – СФ) – это предикативные структуры, представляющие собой модели с обобщенным субъективно-модальным значением и характеризующиеся идиоматичностью, воспроизводимостью и наличием в их составе постоянных и переменных лексических компонентов.

В белорусском языке неактуальность выражается синтаксическим фразеологизмом *якое там* / *дзе там* + *существительное* / *неопределенная форма глагола*:

– *А пра нож забыўся*?

– ***Які там нож***! – *махнуў рукой Мірон*. – *Спачатку зробім павець*, *пад якой можна было б хаваць агонь у час дажджу*. (Я. Маўр) ‘отсутствие ножа сейчас не актуально, главное – сделать навес для защиты огня’

Векторным соответствием СФ в английском языке является структура *never mind (about) + существительное / герундий*:

“*Have you had a luncheon*?” “***Never mind luncheon***! *What do you say to this*?” (E. Bailey) = (бел.) ‘Ты паабедаў? – Які там абед! Што ты скажаш на гэта?’ ‘вопрос обеда сейчас неактуален, есть более важные вещи’

В результате анализа употребления белорусского и английского СФ нами выявлены следующие особенности:

1. Белорусский и английский СФ характеризуются многозначностью и совпадают только в значении ‘неактуальность’. При этом белорусская структура также может выражать отрицание, несогласие, принижение, низкое качество, недостижимость, невозможность, ненужность, а английский СФ – незначимость, несущественность.

2. Неактуальность, выражаемая и белорусским, и английским СФ, относится не к объекту вообще, а имеет ситуационный характер и вытекает из приоритетности чего-то другого. Так, в приведенных выше примерах отсутствие ножа не актуально по причине необходимости сделать навес для защиты огня, что в момент речи является более важным, а вопрос обеда не является незначимым вообще, но в конкретной ситуации уступает по значимости тому, о чем собирается сообщить говорящий.

3. В то время как рассматриваемые СФ выражают неактуальность имплицитным способом, в их ближайшем окружении это же значение может выражаться эксплицитно:

Ён аж выглянуў з пуні на двор: *а можа, яна гэта паджартавала і стаіць дзе за вуглом з каўбасою*! ***Але дзе там жартаваць***! ***Ёй было не да гэтага***. (К. Чорны)

“*Feminine psychology is admittedly odd*, *sir*. *The poet Pope*...”

“***Never mind about the poet Pope***, *Jeeves*”.

“*No*, *sir*”.

“***There are times when one wants to hear all about the poet Pope and times when one doesn’t***” (P. G. Wodehouse) = (бел.) ‘Жаночая псіхалогія, як вядома, своеасаблівая, сэр. Паэт Поуп... – Які там Поуп, Джывс! – Так, сэр. – Часам хочацца паслухаць пра Поупа, а часам не, цитирование Поупа сейчас не-уместно’.

4. Белорусский и английский СФ характеризуются идиоматичностью постоянных компонентов. Постоянные компоненты белорусской структуры – вопросительное местоимение *які* и частица *там* – полностью утрачивают свои прямые значения, т.е. десемантизируются. Значение постоянного компонента английского СФ *never mind* хоть и не является суммой значений его элементов, однако вытекает из них и может выводиться путем трансформационного анализа: *never mind* ‘никогда не думай’ → *never mind*

about it because it's not essential ‘никогда не думай об этом, потому что сейчас это не актуально’ → *it's not essential* ‘это не актуально’. Таким образом, степень идиоматичности постоянного компонента белорусского СФ выше, чем английского.

5. В речи и белорусский, и английский СФ используются в качестве: а) ответной реплики при диалогическом общении;

б) элемента внутреннего диалога;

в) реакции на экстралингвистическую ситуацию.

6. И белорусский, и английский СФ относятся к структурам разговорного стиля.

А. М. Гёрен

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ. ОСОБЕННОСТИ И ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА

Политическое интервью рассматривается как один из жанров устного политического дискурса. Жанр политического интервью относят к устной диалогической разновидности политической коммуникации, поэтому его необходимо анализировать с учетом характерных особенностей диалогического дискурса. Своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике признаков, свойственных и политическому дискурсу, и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому тексту.

Стереотипы речевого поведения мужчин и женщин отражаются на всех уровнях языка и тем самым представляют значительный интерес при изучении политических текстов.

Обратимся к самому понятию гендерного анализа. Гендерный анализ – это процесс оценки различного воздействия, оказываемого на женщин и мужчин, предлагаемых или существующих программ, законодательства, государственных курсов политики во всех сферах жизни общества и государства.

Проанализировав интервью с Хиллари Клинтон, Терезой Мэй, Кейтлин Винн и Джулией Гиллард, мы приходим к выводу, что в них представлен ряд особенностей, которые выделяют Д. В. Будько, Робин Лакофф и Т. Б. Крючкова в речи женщин-политиков: «женские» темы, особое позиционирование женщин-политиков, необычная интонационная модель, сверхвежливая манера говорить, гиперкорректное использование грамматики языка, неуверенность в формулировке высказываний, смягчение высказываний, эмоционально-экспрессивная лексика.

Для начала следует отметить, что не у всех этих женщин одинаковый имидж. В то время как у первых трех наблюдается нейтральность, даже асексуальность, у Джулии Гиллард мы уже видим подчеркнутую женственность:

JG: Good morning Sarah, I'm here in the pink as you can see and the ground's starting to fill with everybody sporting their pink as well for Jane McGrath Day.

При этом темы и образ очень часто схожи. Говоря об образе, следует заметить, что он построен именно на позиционировании женщин-политиков, отображая их как более чутких и проницательных по отношению к нуждам народа в сравнении с политиками-мужчинами.

Следует обратить внимание, что специфика политической коммуникации диктует свои нормы, поэтому акцент только на женственность является нецелесообразным. Вот почему женщины-политики компилируют мужской и женский стили в политическом дискурсе. Например, у всех женщин наблюдается наличие перечислений, а также структурированность.

Далее мы проанализировали интервью четырех мужчин-политиков с точки зрения гендерного аспекта. Д. В. Будько, Робин Лакофф и Т. Б. Крючкова выделяют следующие характеристики мужского речевого поведения: более нейтральная речевая модель, более отрывистая речь, некорректное использование грамматических средств, большее использование кратких утвердительных предложений, побудительных высказываний, лексика с негативной коннотацией, обличительная лексика, использование эпитетов, которые служат для эмоциональной оценки неодушевленных предметов и явлений в политике, наличие перечислений, структурированность, эмфатизация агентивности.

Интервью президента Дональда Трампа является ярким примером мужского речевого поведения. Например, если рассматривать речь президента США на грамматическом уровне, то можно заметить, что у него присутствует некоторое пренебрежение к грамматическим правилам:

***General Kelly** — who's now Secretary Kelly — **he** said he totally knew, he was aware of it, and it was very smooth.*

В данном примере политик повторяет подлежащее, что нарушает грамматические нормы. В целом, все грамматические ошибки Трампа обусловлены тем, что его речь носит более разговорный характер.

Если рассматривать фонетический уровень в интервью главы Лейбористской партии Джереми Корбина, то сначала может показаться, что здесь представлена необычная интонационная модель, которая, как мы уже обнаружили, присуща именно женщинам-политикам. На самом деле все дело в том, что фонетика американского диалекта (Дональд Трамп) не тождественна британской (Джереми Корбин). Во-первых, американская речь отличается большей резкостью и быстротой за счет отличий в фонетических правилах. Во-вторых, в то время как американцы практически всегда используют только нисходящий тон, британцы предпочитают нисходящий именно для утвердительных предложений, восходящий – для вопросительных, ступенчатый – для разделительных вопросов и так далее.

В отличие от Джереми Корбина, речь премьер-министра Канады Джастина Трюдо и бывшего премьер-министра Австралии Тони Абботта более отрывистая. Этого эффекта политики добиваются за счет активного использования бессоюзной связи и простых предложений.

Однако следует отметить, что в речи канадского и австралийского политиков присутствуют также особенности женской речевой модели.

Во-первых, сама интонационная модель политиков довольна нетипична, поскольку наблюдается вопросительно-восходящий тон там, где должен быть нисходящий.

Во-вторых, их речь пронизана эмоциональной окраской. Она проявляется в наличии эмфатических приемов (в данном примере повтор слова *dropping*):

Well I mean, and that happened over a series of elections where we just kept dropping, and dropping, and dropping in the polls because the Liberal Party had turned away from Canadians.

Также в их речи присутствуют наречия-интенсификаторы:

*It is **extremely** important that Canada continues to be part of the fight against ISIS.*

*Last week was a terrific week – a **really, really** good week.*

При переводе политического интервью необходимо сохранять и передавать как элементы разговорного стиля, так и особенности, присущие политическому дискурсу. Немаловажным является максимально точное воспроизведение интонационной модели и импликации политиков с учетом выбранного регистра и гендерного аспекта.

Подводя итоги гендерного анализа, следует отметить, что не существует стопроцентной мужской или женской речевой модели, поскольку у обеих есть свои преимущества. В данных интервью мы обнаружили, что и мужчины, и женщины-политики заимствуют те или иные особенности, чтобы добиться конкретного эффекта, положительного результата.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что кроме нескольких перечисленных черт, есть особенности, присущие всем политическим деятелям без исключения. Во-первых, в речи любого политика присутствуют информативные высказывания с использованием дат, цифр, фактов, статистических данных и терминологической лексики, прежде всего общественно-политической и экономической. Это обусловлено тем, что занимаемые ими должности требуют особых знаний и высокого уровня компетенций в сфере социально-экономической жизни.

Во-вторых, в прагматическом плане для политических деятелей характерно использование тактик обещания, единения, комментирования, «косвенного позитивного нажима» независимо от пола.

Т. И. Голикова

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА-ПЕРВОКУРСНИКА МГЛУ

В соответствии с учебным планом по специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций» на факультете межкультурных коммуникаций МГЛУ студенты 1 курса изучают дисциплину «Введение в спе-

циальность», составной частью которой является раздел: «Перевод и переводоведение». По завершению цикла лекций по данному разделу студентам предлагается написать сочинение на одну из предложенных тем: «Роль перевода в современном мире», «Устный или письменный переводчик?», «Как я понимаю профессию переводчика».

Обзор студенческих сочинений показывает, что все студенты считают профессию переводчика весьма важной, не потерявшей своей актуальности в современном мире, несмотря на появившиеся средства и возможности использования разнообразного электронного сопровождения перевода. Напротив, студенты, уже на первом курсе, подчеркивают, что переводческая деятельность широко распространена и находит себя во всех сферах жизнедеятельности общества, прежде всего в политике, экономике, международных связях. Переводчик выполняет разносторонние функции посредника, а цель переводческой деятельности заключается в налаживании и установлении контактов и успешной коммуникации не только между разноязычными людьми, но между странами и народами. Труд переводчика, признанный во всем мире, способствует открытости общества, так как раздвигает границы познания.

Из каждой точки планеты мир следит за важнейшими событиями и новостями, приходящими из разных регионов и стран. Сбором новостей занимаются специальные агенства, сотрудничающие со СМИ, и в каждом агенстве работают переводчики, обеспечивающие профессионально точный и адекватный перевод на множество языков. Благодаря переводу люди имеют возможность знакомиться с результатами достижений в различных областях науки и техники, читать и смотреть произведения культуры. Нет такой области знаний, где бы ни требовался перевод и переводчик.

Возросла роль переводчика и в обеспечении иноязычной аудитории рекламой таким образом, чтобы привлечь внимание многомиллионной аудитории к рекламируемым на языке перевода продуктам и услугам. При этом переведенные слоганы и рекламные ролики должны оказывать на аудиторию такой же эффект, что и рекламируемые тексты на языке оригинала.

Естественно, в трудоемкой работе переводчика используются новые электронные средства, облегчающие его труд. Однако студенты считают, что ни одна компьютерная программа машинного перевода пока не может конкурировать с человеком в процессе осуществления перевода, будь то письменный или устный перевод. Ведь перевод далек от простой подстановки слов на одном языке и их трансформации на другой язык, даже с учетом всех норм переводящего языка. На сегодняшний день компьютерным средствам для осуществления адекватного перевода не хватает багажа фоновых знаний, которым может и должен владеть профессиональный переводчик.

Важно отметить, что в ходе лекций студентам объясняется роль фоновых знаний переводчика и обсуждаются пути их расширения. В своих сочинениях студенты отмечают, что переводчик должен изучать различные сферы жизни –

историю, литературу, науку, спорт, политику, экономику, культуру, психологию и др. Только на этом пути перед мастером перевода может открыться дверь к выполнению трудной миссии быть посредником не только между разными языками, но и между разными культурами. Отмечается, что работа переводчика, выполняющего устный перевод, более сложна и напряженна, так как устный переводчик имеет дело не только с разными языками, но и с разными людьми, представляющими многонациональный и мультикультурный мир. Переводчик – это эрудит, разбирающийся во многих сферах жизни. Интеллектуал и всесторонне развитый профессионал в своем деле. В этой профессии не простят незнания названий государств, их столиц и крупных центров, имен известных политических деятелей, аллюзий на исторические факты и события.

В сочинениях студенты размышляют над тем, почему в европейских языках существует два слова для обозначения одного и того же понятия «перевод». И приходят к выводу, что два вида перевода, устный и письменный, кардинально отличаются друг от друга и самим процессом осуществления, и различиями в требованиях к устному и письменному переводчику, и даже теми трудностями, с которыми встречаются переводчики при осуществлении данных видов перевода. К примеру, студенты впервые узнают о таком важном требовании к устному переводчику, как умение говорить без лишних пауз хезитации, умению организовать свою речь линейно, без вставок «а», «ааа», «гм…», «вот», «такой», «типа» и др.

Личные качества переводчика (врожденные и приобретенные) – важное дополнение к его профессиональной компетентности и необходимое условие для успешной переводческой деятельности. Для письменного переводчика важны такие качества, как усидчивость, работоспособность, готовность к многочасовой, порой монотонной работе; умение организовать себя и свое рабочее место; не отвлекаться на второстепенные дела, соблюдать сроки сдачи перевода, установленного заказчиком; самокритично относиться к полученному результату; уметь находить допущенные ошибки и своевременно их устранять.

Для устного переводчика важны другие качества: быстрота реакции, психологическая устойчивость, гибкость мышления, умение адаптироваться в новой обстановке, навыки общения с незнакомыми людьми, коллегами, представителями различных делегаций с учетом их возрастного, профессионального и социального статуса и многое другое, способность переносить психофизиологические перегрузки при осуществлении синхронного перевода. Хорошего устного переводчика отличает умение концентрировать внимание, знание профессионального этикета, вежливость, обходительность, коммуникабельность, дипломатичность, выдержка, спокойствие, физическая и психологическая выносливость, отсутствие страха выступления перед большой аудиторией, четкая дикция. В то же время ряд студентов связывают работу устного переводчика с некоторыми романтическими представле-

ниями: путешествия, переезды, незнакомые места, новые встречи, контакты, множество впечатлений. Вместе с тем, студенты отмечают, что устный перевод – стрессовой род деятельности. Поэтому задумывающийся о профессии переводчика должен уметь справляться со стрессовыми условиями и личными переживаниями. Один из авторов сочинений сравнивает переводчика, посвятившего себя работе с устным переводом, с героем, так как ему не раз приходится вершить судьбы людей и даже государств, обеспечивать успех или неуспех международных компаний.

Как справедливо отмечают студенты, не каждый человек, знающий два языка, может быть переводчиком. Это как сказать, что каждый умеющий излагать мысли на языке, может стать писателем. Действительно, в первую очередь нужно уметь хорошо облекать свои мысли в слова на родном языке. Если человек этого не умеет делать на родном языке, то он не сможет изложить мысль и на чужом языке. Для устного перевода важна хорошая дикция, умение четко артикулировать, гибкость и полетность голоса. Переводчик – профессия творческая, требующая разносторонних умений и талантов. И письменному, и устному переводчику нужно иметь широкий кругозор и быть начитанным человеком, уметь слушать других и уметь строить с людьми общение, чувствовать границы дозволенного.

Несмотря на то, что это нелегкая профессия, студентов не пугают трудности переводческой работы, поскольку она позволяет все время развиваться, так как обогащается сам язык с появлением новых явлений, понятий, новых слов и их значений. Студенты уверены, что у них все получится, так как в начале выбора профессии главное – не разочароваться и идти к намеченной цели, преодолевая трудности и преграды.

Обучающиеся отмечают, что переводчик – полноправный участник делового общения, который в зависимости от коммуникативной ситуации общения может и успокоить человека и незаметно поправить высказывание там, где в тесте оригинала могла быть допущена неточность.

Профессия переводчика открывает перспективы для развития личности и возможности карьерного роста. Труд переводчика связан не просто с передачей информации с одного языка на другой. Переводческая деятельность связана с огромной ответственностью за сказанное, написанное, за обеспечение успешной межкультурной коммуникации.

Подводя итог, можно отметить, что студенты единодушны во мнении, что профессия переводчика – заманчивая, потому что переводчик имеет возможность постоянно учиться, узнавать новое, а границы неизвестного постоянно расширяются. Молодое поколение оценивает труд переводчика как интересный, разнообразный, позволяющий постоянно совершенствоваться.

Н. Ю. Жданова, О. В. Марченко

СТРАТЕГИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВИЛЬНОГО ПОРЯДКА СЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ООН

В современном мире Организация Объединенных Наций считается оплотом дипломатии, а выступления ораторов становятся яркими примерами дипломатического дискурса. Известно, что таким выступлениям присущ определенный стиль, некоторые лингвисты даже говорят о существовании так называемого «языка ООН», который отличается некоторой архаичностью конструкций, обилием терминов и сложной синтаксической структурой.

Данное утверждение верно не только для русского языка. Все шесть официальных языков существуют в системе ООН в несколько другом виде, отличном от стандартного литературного варианта. Это можно объяснить тем, что в пределах одной организации эти языки живут в тесной взаимосвязи, оказывая друг на друга настолько серьезное влияние, что можно смело говорить о языковой интерференции. И эта интерференция больше всего заметна в английском языке, который негласно является доминантным, ведь именно на него в первую очередь переводят все выступления. Таким образом, английский является языком-посредником, например, выступление на испанском языке сначала переводятся на английский, и только потом на русский язык. В такой ситуации английский язык невольно вбирает в себя многие черты, присущие другим языкам, и в первую очередь это отражается на синтаксисе и порядке слов. Такая особенность зачастую усложняет восприятие текста, особенно ввиду сохранения длинных сложных предложений.

При переводе на русский язык именно соблюдение правильного порядка слов является одной из самых сложных задач для переводчика. Линейный перевод предложения как метод, которым часто пользуются английские переводчики, не подходит для русского языка из-за необходимости согласования всех элементов. Именно поэтому возникает потребность в определении общих и частных стратегий, которые помогут переводчикам более успешно справляться с задачей соблюдения правильного порядка слов для достижения так называемой «гладкости» предложения.

Говоря о стратегиях перевода, не можем не отметить, что текстам на русском языке в системе ООН присущи определенные правила порядка слов, знание и соблюдение которых уже можно считать первой переводческой стратегией. Перечислим самые употребительные из них:

- Устойчивые фразы, выражающие благодарность (напр. *we are grateful for*), необходимо переводить как ‘выражаем признательность’, далее следует должность, имя и предлог:

We also wish to convey our appreciation *to Secretary-General António Guterres and the other briefers for their insightful briefings delivered earlier today.* – ‘**Мы также хотели бы выразить нашу признательность** Генеральному секретарю Антониу Гутерришу и другим докладчикам за их содержательные брифинги на сегодняшнем заседании*’*.

•При переводе номера резолюции сначала пишется слово *резолюция*, затем реквизиты (номер и год) и название принявшего ее органа:

The United States is pleased to renew the mandate of the Panel of Experts under ***Security Council resolution 1718 (2006)*** – ‘Соединённые Штаты выражают удовлетворение в связи с продлением мандата Группы экспертов, созданной в соответствии с **резолюцией 1718 (2006) Совета Безопасности**.’

•В отличие от английского языка, в русском тексте сначала указывается пункт, потом статья соответствующего документа:

Article 2, paragraph 7, of the Charter of the United Nation – ‘пункта 7 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций’

•После одного из самых частотных глаголов *принять* и существительных *принятие* следует указывать принявшее лицо, затем дату принятия и в конце то, что именно было принято:

With political will and with improved responses, as enshrined in the global compact on refugees, which was adopted ***in December by the General Assembly as resolution 73/151****, it is possible and urgent to address those crises* ‘При наличии политической воли и более эффективных мер реагирования, закрепленных в глобальном договоре о беженцах, который был принят **Генеральной Ассамблеей в декабре в качестве резолюции 73/151**, возможно и необходимо безотлагательно урегулировать эти кризисы’ .

К сожалению, правил, регулирующих порядок слов, не так много. В связи с этим возникает вопрос: как правильно переводить особо сложные предложения? Для ответа на этот вопрос мы на примерах рассмотрим общие и частные стратегии перевода.

Самая главная стратегия при переводе – детальный анализ структуры исходного предложения и определение всех логических связей между его частями. Проведение такого анализа важно для последующего определения трудностей, которые предстоит решить для успешного перевода каждого конкретного предложения.

Discussions were also made on a treaty banning the production of fissile material for nuclear weapons or other nuclear explosive devices, facilitated by Ambassador Biontino of Germany, that addressed its scope of implementation and objectives as well as definitions, the issue of verification and legal and institutional aspects.

‘При содействии посла Германии г-на Биотино были также проведены дискуссии по договору о запрещении производства расщепляющего материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, касающиеся сферы применения договора, его понятийного аппарата и целей, механизмов проверки, а также правовых и институциональных аспектов’.

Для анализа данного предложения в первую очередь определяем, что это сложное предложение с двумя грамматическими основами. В предложении присутствует и причастный оборот, который располагается в середине. Наибольшую трудность представляет определение главного слова для прида-

точной части *that addressed the scope…* Путем логического анализа сочетаемости данной части со всеми возможными существительными определяем, что она относится к слову *discussions*.

Проведя подобный переводческий анализ, можно приступать к самому процессу перевода. Чтобы причастный оборот не разрывал предложение, его следует перенести в начало. Благодаря выбору правильного окончания в слове *касающийся* нам удается избежать двусмысленности, существующей в тексте оригинала.

Есть несколько основных трудностей, которые чаще всего выявляют переводчики в процессе анализа текстов выступлений в ООН. Далее мы очертим основные проблемы, а также стратегии их разрешения.

Во-первых, довольно часто в английской версии текста в словосочетаниях могут использоваться два главных слова с одним зависимым дополнением, при этом каждое из главных слов требует разного управления. При переводе на русский язык такие главные слова также требуют согласования дополнения в разных падежах. Чтобы не нарушать правила русского языка, возникает необходимость ставить дополнение в падеж, который используется с первым главным словом, а со вторым – заменять дополнение местоимением.

We therefore reaffirm our ***recognition of and support for*** *the National Assembly, the interim President of Venezuela, Juan Guaidó, and his representatives entrusted with that mandate* ‘Поэтому мы вновь заявляем **о признании** нами легитимности Национального собрания, временного президента Венесуэлы Хуана Гуайдо и его представителей, на которых возложены эти обязанности, и **заверяем их** в нашей поддержке’.

Одну из самых серьезных трудностей в вопросе правильного порядка слов вызывают вводные конструкции. И если для английского языка вполне нормально, что они могут разрывать смысловые части предложения, то для русского языка зачастую нужны перестановки. Линейный перевод в данном случае – очень редкое явление. Если в предложении есть несколько объемных вводных конструкций, то их следует распределять таким образом, чтобы не разрывать логически связанные элементы предложения:

In addition, as I am sure Mark Lowcock will describe, the plight of the people of Yemen has, if anything, worsened during this period. – ‘Кроме того, – как, я уверен, расскажет Марк Лоукок, – бедственное положение жителей Йемена в течение этого периода, пожалуй, только ухудшилось’.

Например, в данном случае вводные конструкции в начале предложения сохранили свою позицию, но изменилось положение слова *пожалуй,* так как было решено, что оно должно определять только то слово, к которому относится (т.е. *ухудшилось*).

Таким образом, мы установили, что для соблюдения правильного порядка слов при переводе необходимо руководствоваться принятыми правилами и проводить детальный переводческий анализ, а также выявили основные трудности, которые могут возникнуть при расстановке слов, и способы их решения. Данные стратегии обязательно помогут молодым переводчикам более осознанно подходить к анализу текста.

О. В. Железнякова

РЕФЛЕКСИЯ И САМОКОНТРОЛЬ В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ

Рассматривая устный перевод как особый вид речевой деятельности, можно утверждать, что все выделяемые психологами фазы деятельности (ориентировка, осуществление и контроль) приобретают в условиях устного перевода свою специфику. Что касается третьей фазы, фазы контроля, или сопоставления результата с намеченной целью, подчеркнем, что она заключается в оценке переводчиком правильности выполнения перевода. Развернув во внешней речи отрезок высказывания на языке перевода, переводчик обычно производит сличение результатов действия с его целью, корректируя, в случае необходимости, текст перевода. Эта фаза проходит через весь процесс деятельности, но основная часть операций сопоставления концентрируется в конце цикла деятельности, так как переводчик может удостовериться в правильности ориентировки и принятия решения лишь после восприятия последующих высказываний коммуникантов.

Рефлексивно-контролирующий этап обучения, соответствующий этой фазе переводческой деятельности, предполагает оценку переводчиком адекватности выбранной переводческой стратегии за счет сличения результата перевода со сценарием, хранящимся в памяти переводчика. С этой целью у будущих переводчиков необходимо формировать навыки самооценки адекватности выполненного перевода. На основании проведенного анализа выполненного перевода, в случае обнаружения смысловой ошибки или искажения информации, переводчик корректирует перевод предыдущего фрагмента в ходе устного перевода последующего.

Известно, что целенаправленное управление процессом обучения возможно лишь на основе оперативной обратной связи. Сравнительно большой опыт применения видеозаписи как формы обратной связи накоплен в профессиональной подготовке учителей, в том числе, учителей иностранного языка. На наш взгляд, видеозапись в этой функции может с успехом применяться также в обучении устной переводческой деятельности. С одной стороны, видео способствует осуществлению эффективного самоконтроля и самокоррекции а с другой стороны – накоплению студентами банка переводческих решений. Поскольку конечной целью обучения устному переводу является овладение студентами умениями эффективно осуществлять устный перевод в различных ситуациях межкультурного общения, значительное место на занятиях целесообразно отводить ролевым играм, когда занятие снимается на видеокамеру, а затем просматривается в аудитории с анализом и комментариями преподавателя. В ходе ролевой игры возникают ситуации, когда переводчикам приходится преодолевать различные межъязыковые и межкультурные барьеры, обусловленные непредсказуемостью возможного развития ситуации. При этом студентам необходимо быстро сориентироваться в ситуации и оперативно найти решение переводческой задачи.

Методический анализ видеозаписи ролевой игры позволяет акцентировать внимание на индивидуальных особенностях ролевого поведения будущих переводчиков. При этом студенты лучше осознают различные критерии оценки адекватности выполненного перевода, а также межкультурные различия, например, в отношении речевого этикета на родном и иностранном языках. В ходе анализа реализуются и развивающие цели обучения, связанные с профессиональными ценностями, этическими нормами, личностными качествами переводчика и др. Использование видеозаписи также создает условия для наблюдения различных этапов в формировании переводческих навыков и умений путем сравнения нескольких записей одного и того же студента. Таким образом, видео позволяет оценивать индивидуальный темп продвижения студента в обучении, т.е. обеспечивает этапность и контроль за процессом овладения обучаемыми умениями устного перевода.

Таким образом, в фазе сопоставления результата с намеченной целью видео позволяет осуществлять рефлексию в отношении овладения навыками и умениями перевода с учетом всех его особенностей, систематизировать возможные стратегии решения переводческих задач в различных ситуациях устной переводческой деятельности.

С целью формирования навыков самоанализа и самооценки и развития умений рефлексии в процессе овладения студентами устной переводческой деятельностью используются *рефлексивные* упражнения. Основными их видами являются *оценочные* и *корректировочные*.

О ц е н о ч н ы е упражнения предназначены для формирования у студентов навыков самостоятельной оценки адекватности выполненного ими перевода. Оценка в данном случае осуществляется на основе анализа видеозаписей переводов. Прежде всего, студенты знакомятся с критериями адекватности устного перевода и обсуждают их в группах. В случае необходимости преподаватель приводит примеры, иллюстрирующие тот или иной критерий. Студенты анализируют как свои переводы, так и переводы, выполненные профессиональными переводчиками и своими коллегами.

К о р р е к т и р о в о ч н ы е упражнения направлены на развитие умений рефлексии и внесение необходимых корректив в свое речевое и неречевое поведение. Данные упражнения выполняются параллельно с оценочными упражнениями как в аудиторной, так и во внеаудиторной учебной деятельности. При использовании указанных видов упражнений у будущих переводчиков вырабатывается способность к критической рефлексии (Н. Ф. Коряковцева), т.е. к переносу имеющегося опыта переводческой деятельности в новые ситуации. В психологических исследованиях указывается, что способность обучаемых осознавать себя в качестве субъекта деятельности непосредственно связана с развитием способности рефлексировать свой опыт учебной деятельности, пропуская его через призму индивидуального сознания и образовывая на этой основе индивидуальный опыт. Применительно к обучению устной переводческой деятельности это означает способность переводчика адаптироваться к изменениям условий переводческой ситуации, владение различными приемами перевода и их варьирование в процессе перевода.

Приведем примеры упражнений:

1. *Watch the video recording of your fellow student's interpreting. In the situation of stress the interpreter felt lost and could not start his interpreting. Using your notation suggest several appropriate variants of starting and continuing the statement neutrally*.

'Просмотрите видеозапись выполненного перевода. В стрессовой ситуации переводчик растерялся и не смог вовремя начать перевод. Опираясь на запись, предложите возможные варианты нейтрального начала и продолжения высказывания, подходящие в данном контексте'.

2. *Watch the video recording. The interpreter failed to render the nominative precision information. Think of the ways of rendering the text when names and family names/ posts/ titles/ ranks of the participants of the interpreting situation can be omitted.*

'Просмотрите видеозапись перевода. Переводчик неверно передал в языке перевода позиционно-номинативную информацию. Предложите варианты перевода, при которых можно опустить имя/должность/ титул/звание участника переводческой ситуации'.

Таким образом, опора на рефлексию в обучении устной переводческой деятельности заключается в формировании навыка самооценки адекватности выполненного перевода и развитии умений при необходимости вносить изменения в текст перевода, что способствует значительному повышению качества выполненного перевода.

Е. А. Завадская

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Перевод, являясь средством межкультурной коммуникации, предполагает постоянное преодоление многочисленных преград в процессе общения представителей различных лингвокультур. Особую сложность вызывает передача образности, т.к. собственно явление образности является динамичным и постоянно меняющимся, подверженным влиянию как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Существует множество классификаций образных средств выражения. В данной работе внимание акцентируется на фразеологических единицах, имеющих специфические составляющие. Согласно классификации Н. М. Шанского, выделяются две группы фразеологических оборотов:

– фразеологические обороты, образованные из слов свободного употребления, принадлежащих к активной лексике современного языка;

– фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями, то есть такие, в которых есть слова устаревшие или с диалектным значением [Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: «Высшая школа», 1985. – С. 108].

На наш взгляд, наибольшую трудность в принятии переводческого решения представляют фразеологические единицы первого типа данной классификации.

Исследователь Е. Н. Белая выделяет лексические переводческие решения (генерализация, конкретизация, смысловое согласование, адаптация) и грамматические (замена, добавления, опущения).

Для анализа были использованы 15 учебных переводов студентов 5 курса факультета межкультурных коммуникаций (год выпуска 2018), получивших специальность «референт-переводчик».

Объектом перевода послужила современная французская сказка «La princesse aux dents pourries» («Принцесса с гнилыми зубами») из сборника французских сказок «Les contes imbéciles» («Глупые сказки») авторов Альфреда и Оливера Ка.

Проведенный статистический анализ авторских переводческих решений позволяет придти к выводу о том, что наиболее применяемыми видами переводческих решений были замены (30 %), добавления (25 %), перестановки (20 %), смысловые согласования (15 %) и адаптации (10 %). Для обеспечения комического эффекта был осуществлен прием адаптации с учетом личных предпочтений авторов.

Таким образом, для адекватного перевода образных средств свободного употребления современных французских художественных текстов необходимо не только искусно использовать арсенал переводческих решений, но также учитывать состояние активной лексики, зависящей от экстралингвистической ситуации.

С. Г. Зверева

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ УСТНОГО ПЕРЕВОДА СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА

Качество перевода является результатом процесса перевода, который определяется его соответствием переводческой норме. Нормативные требования к качеству перевода применимы лишь по отношению к определенным условиям переводческой деятельности. Принципиально неверным является использование одинаковых критериев для оценки устного и письменного перевода, художественного романа и юридического документа, синхронного перевода и перевода с листа.

Разработка критериев контроля качества различных видов устного перевода в процессе обучения студентов языковых учреждений высшего образования представляет собой важную проблему. В Минском государственном лингвистическом университете на кафедре современных технологий перевода разработаны критерии оценки знаний студентов по устному переводу по 10-балльной системе.

Основными критериями, лежащими в основе оценки устных переводов студентов, являются:

– адекватность и полнота перевода;

– отсутствие смысловых ошибок в тексте перевода;

– использование различных трансформаций с целью создания текста перевода коммуникативно-равноценного тексту оригинала;

– творческий подход к выбору языковых средств для воссоздания семантических, структурных и стилистических особенностей исходного сообщения;

– устное оформление текста перевода в соответствии с нормами литературного языка перевода;

– соблюдение временных норм длительности звучания текста перевода, умение пользоваться приемом обоснованного переспроса;

– понимание коммуникативно-прагматической установки автора исходного текста и передача ее средствами языка перевода;

– владение темпоральными характеристиками речи, отсутствие неоправданных пауз хезитации;

– линейность речевого оформления текста перевода: отсутствие повторов, возвратов к началу предложения, заполнителей пауз и т.д.;

– владение нормами невербального поведения: соблюдение норм проксемики, наличие зрительного контакта с целевой аудиторией, отсутствие неоправданных жестов, презентация перевода.

На факультете межкультурных коммуникаций МГЛУ студенты обучаются различным видам устного перевода, в рамках таких дисциплин, как «Устный перевод» на 3 курсе, «Теория и практика транскодирования текста» на 4 курсе и «Синхронный перевод» на 4 и 5 курсах. Почти все вышеперечисленные критерии оценки перевода применимы для данных дисциплин, однако следует выделять особые критерии оценки для каждой из них.

В рамках дисциплины «Устный перевод» на 3 курсе факультета межкультурных коммуникаций происходит знакомство с различными видами устного перевода – последовательного, с листа, двустороннего, синхронного. Студентам предлагаются тексты на общественную, политическую, социально-гуманитарную и специальную научно-техническую тематику. Развиваются навыки восприятия устной речи на слух с однократного предъявления текста для перевода. В процессе прохождения дисциплины делается упор на постановке артикуляции, развитии и совершенствовании кратковременной памяти с использованием специальных упражнений по мнемотехнике, освоении универсальной переводческой скорописи, использовании готовых клише и устойчивых оборотов, характерных для устного перевода, так называемых «цветов».

Поэтому важной составной частью дисциплины «Устный перевод» является постоянный контроль, осуществляемый по следующим критериям:

– громкость, четкость и скорость речи при переводе;

– полнота и точность перевода, передача всех смысловых блоков и прецизионной информации;

– линейность и правильность речи;

– умение использовать готовые клише в ситуации устного перевода;

– быстрое переключение с языка на язык.

Задачей изучения дисциплины «Теория и практика транскодирования текста» на 4 курсе факультета является развитие у студентов навыков адаптации перевода с учетом потребностей целевой аудитории и навыков перевода с листа.

Основными критериями оценки устного перевода в рамках данной дисциплины являются:

– умение адаптировать перевод в различных переводческих ситуациях, используя навыки ведения краткой записи звучащего текста;

– адекватный выбор языковых и речевых средств в языке перевода для передачи коммуникативно-прагматической установки автора исходного текста;

– полнота и точность перевода, передача всех смысловых блоков и прецизионной информации;

– презентация перевода;

– соблюдение норм линейности речи и временных параметров перевода;

– отсутствие повторов, завершенность перевода;

– умение развить соответствующий темп перевода, исключающий неоправданные паузы хезитации и звуки-сорняки, используя навыки опережающего чтения.

На 4 и 5 курсах факультета межкультурных коммуникаций в рамках дисциплины «Синхронный перевод» закрепляются особые навыки синхронизации слуховой рецепции и речи. Происходит тренировка в практическом использовании приемов компрессии, смыслового развертывания, вероятностного прогнозирования и упреждающего синтеза. Совершенствуются перцептивные качества внимания, оперативной памяти, скорости реакции, устойчивости к интенсивным умственным нагрузкам. Осваиваются основные модели поведения в ситуации синхронного перевода, а также навыки работы с аппаратурой для обеспечения синхронной переводческой деятельности.

Проверка качества синхронного перевода происходит не только по критериям полноты, точности и презентации перевода, но и по следующим критериям:

– использование лексических и синтаксических соответствий, встречающихся на международных конференциях и саммитах общественно-политической, экономической, научной и культурной направленности при переводе с русского языка на английский и с английского языка на русский;

– умение принимать оптимальные переводческие решения в условиях жесткого лимита времени;

– соблюдение темпа речи, заданного оратором;

– применение механизма обратной связи (самоконтроля) и стратегии исправления ошибок;

– переводческое поведение и стрессоустойчивость;

– способность выдерживать интенсивные физические и психоэмоциональные нагрузки.

Таким образом, различные виды устного перевода не могут быть оценены по одинаковым критериям. Необходимо делать акцент на разных критериях оценки по каждой дисциплине и по каждому конкретному переводческому заданию. Кроме того, удачные решения переводческих задач могут учитываться при общей оценке перевода, компенсируя в определенной степени допущенные ошибки.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что оценка качества студенческих переводов остается нелегкой задачей, стоящей перед преподавателем. Проблема оценки качества перевода до сих пор является нерешенной. Можно с уверенностью сказать, что для разных дисциплин и для различных видов устного перевода необходимо выделять свои критерии оценки качества перевода.

Т. Ф. Иванова

О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭРРАТОЛОГИИ

В парадигме общелингвистических и психолингвистических исследований существует научно-исследовательское направление под названием «эрратология», служащее теоретической базой для анализа ошибок.

По нашим сведениям, впервые ввел в научный обиход понятие переводческой эрратологии А. Б. Шевнин, определяя данное научное направление как аспект переводоведения, который рассматривает, с одной стороны, результат процесса перевода с точки зрения достижения эквивалентности и адекватности, а с другой стороны, непосредственный результат перевода, т.е. ошибки. В настоящее время уже известно значительное количество теоретических и практикоориентированных исследований в данной области, которые занимаются классификацией переводческих ошибок, определяя пути их предотвращения, что способствует, в целом, достижению оптимального результата в реальных условиях работы профессиональных переводчиков и в условиях образовательного процесса будущих переводчиков.

Что касается классификации ошибок, то их систематизируют различными способами и на основе разнообразных критериев. Например, различают ошибки субъективные и объективные, принципиальные и непринципиальные, ошибки по степени их «грубости», такие как искажения, неточности и пропуски. Так, например, Г. М. Стрелковский и Л. К. Латышев,

подразделяя переводческие ошибки на смысловые и нормативные, делят смысловые ошибки, в свою очередь, по степени искажения смысла на две группы: искажения и неточности.

В основе классификации Р. К. Миньяр-Белоручева лежит критерий прибавления / потери информации, в результате чего его типология выглядит таким образом: ошибочное опущение, ошибочное приращение, неадекватная, ошибочная замена.

По мнению М. Ю. Бродского и О. Г. Скворцова, ошибки в переводе следует разделять на языковые, речевые, культурные, технологические. Подобное разделение можно наблюдать и в классификации переводческих ошибок, предложенной Е. В. Аликиной: искажение фактов, искажение логики, опущение, добавление, лексико-грамматические ошибка, фонологическое отклонение, самоисправление и повтор, стилистическая ошибка.

Исследователь А. Б. Шевнин вносит в классификацию ошибок и «психолингвистический» элемент, подразделяя ошибки на ошибки восприятия, ошибки порождения и ошибки восприятия-порождения. По сути, те же ошибки выделяет и Л. В. Волкова, классифицируя их с позиций лингвистики (фонетические, орфографические, лексические и грамматические), с позиций психологии и психолингвистики и с позиций теории коммуникации.

Как видим, существуют различные подходы к решению проблемы классификации ошибок при переводе, в результате чего ни одна из них не может считаться общепризнанной и, тем более, универсальной. За последние десятилетия было разработано немало теоретических подходов к данной проблеме. При рассмотрении этих подходов можно выделить две большие группы: *количественную* (quantitative model) и *неколичественную* (nonquantitative model) модели оценки качества перевода.

Неколичественная модель определяется скорее как теоретический подход. Например, один из представителей данного подхода, Катарина Райс, предлагает оценивать тексты в зависимости от функционально-стилистических особенностей текста и делит все тексты на 4 категории: тексты, нацеленные на содержание; тексты, нацеленные на форму; тексты с апеллятивной функцией; медийные тексты. Таким образом, К. Райс разграничивает лингвистические элементы и стилистические аспекты экстралингвистических элементов. Подобной концепции придерживается Кристиана Норд, для которой наиболее важным оказываются понятия цели, задачи и функции и которая, выделяя четыре функции текста (фактическая, референтная, экспрессивная и апеллятивная), не приводит какой-либо однозначной шкалы оценки качества перевода.

Количественные модели оценки качества перевода создаются, как правило, для определенных организаций с целью их практического использования для оценки качества переведенных текстов и оплаты труда переводчика. Этой темой интересуются крупные корпорации, международные организации по всему миру, и, безусловно, сами переводчики. Главной целью их методов считается вынесение конкретной числовой оценки перевода. Разрабатываются специальные шкалы для оценки, вводится

необходимый числовой коэффициент допущения и соответствия норме перевода, определяется сама норма, выявляются типологии погрешностей, в соответствии с которыми и формируются числовые коэффициенты. При этом все эти системы имеют недостатки и их нельзя считать универсальными. Данная проблема остается актуальной для выработки стандартов качества труда переводчика в целом. На повестке дня также анализ современного программного обеспечения для контроля качества перевода и справочных ресурсов Интернет, к которым обращается переводчик на этапе редактирования перевода и т.д.

Определение объективных параметров оценки качества перевода осложняется и тем обстоятельством, что и перевод, и оценка качества перевода несвободны от влияния субъективных представлений переводящего и оценивающего субъектов о «правильном» переводе. Если при этом учитывать, что в переводческой традиции существует количественная и неколичественная модели оценки качества перевода, то можно утверждать, что для оценки текстов, содержащих элементы выразительности, то есть для оценки художественных текстов, применима неколичественная модель. Важное место отводится при этом таким критериям оценки качества перевода, как адекватность и эквивалентность. Количественная модель больше подходит для оценки перевода специальных текстов (юридических, технических, деловых документов и т.п.). При рассмотрении публицистических текстов, где важна как точность передачи информации, так и сохранение индивидуального стиля автора, можно соединить два подхода к оценке качества перевода и использовать обе модели одновременно.

Наличие множества классификаций ошибок переводчика, зависящих от конкретного вида перевода и типа текста, приводит лингвистов и теоретиков перевода к необходимости и потребности 1) разграничения общей и частной эрратологии, 2) разграничения в рамках переводческой эрратологии ее отдельных научно-методических исследовательских направлений; 3) отказу от термина «переводческая ошибка» и использования термина «ошибки переводчика», что дает возможность представить ошибку как многоаспектное явление и включить сюда, наряду с содержательно-смысловыми ошибками, искажениями и неточностями, также стилистические, терминологические, культурологические и многие другие ошибки. Типология ошибок студента-переводчика в рамках изучения конкретного аспекта перевода может и должна в этом смысле играть существенную роль при обучении переводу.

Анализ ошибок в условиях системы обучения ставит перед собой несколько целей. Во-первых, исследование ошибок учащегося ориентирует преподавателя при подборе материала для дальнейшего обучения. Во-вторых, анализ ошибок представляет собой важный источник сотрудничества с сопоставительными методами изучения текстов на исходном и переводном языке в плане предсказания ошибок. В-третьих, путем анализа и классификации ошибок студента в процессе учебного перевода происходит опре-

деление контуров его языкового и «переводческого» развития, что значимо в психолингвистическом плане, поскольку предоставляет данные о тех препятствиях, которые стоят перед студентом на пути выведения правил пользования иностранным языком. В-четвертых, классификация переводческих ошибок стимулирует преподавателей перевода к составлению учебно-методических пособий по отдельным аспектам перевода, в первую очередь, специальных текстов различной тематико-стилистической направленности. Содержание таких пособий должно способствовать минимизации и/или предотвращению ошибок при обучении переводу конкретного типа текстов, что отвечает конкретным задачам обучения данному аспекту перевода и способствует оптимизации образовательного процесса в целом. Одним из существенных направлений деятельности педагога в формировании переводческой компетенции будущего специалиста следует считать при этом обучение анализу собственного перевода и перевода своих товарищей. Целью такого обучения является выработка критического отношения к процессу перевода в целом и нахождение, идентификация и устранение допущенных ошибок на основе определенных критериев качественного перевода, разработанных с опорой на типологию ошибок в учебных переводах текстов данного типа и «вес» этих ошибок.

И. С. Ильющенко

АНГЛИЦИЗМЫ В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Согласно толковому словарю Ефремовой, под англицизмом понимается слово, выражение, заимствованные из английского языка, или оборот речи, построенный по модели, характерной для английского языка. В нидерландских источниках встречаются оба эти определения, хотя более часто авторы склоняются к тому, что это изначально английские выражения, дословно переведенные на нидерландский. Например, вместо *Hoe gaat het met je?* можно встретить: *Ben je oké?* (от англ. *Are you ok?*)

Проанализировав корпус текстов на нидерландском языке, можно сделать вывод, что зачастую заимствования ассимилируются в языке, прибавляя при этом окончание нидерландского инфинитива – *en* и двойную гласную в закрытом слоге: *faal – 'fale', schinen – 'shine'*. Переводчику важно лишь распознать в кажущемся на первый взгляд нидерландском слове англицизм: *te dealen* есть не что иное, как 'to deal'. Значение при этом обычно сохраняется. Однако следует помнить, что это далеко не универсальная тенденция, особенно в случае с латинизмами и т.п., например, слово *concept* в нидерландском часто используется в значении 'первая, черновая версия документа', однако в английском оно обозначает 'методологию, идею, понятие'.

Вторую категорию заимствований составляют слова, не поменявшие и своей формы, и значения: *gamechanger, wazzup*. Данная категория слов трудностей для перевода не представляет.

Определенную сложность, однако, представляют собой случай расширения автором смыслового ряда свойственного тому или иному слову, путем использования смыслового ряда аналогичного слова в английском (характерно для заимствований в английский язык и нидерландский из латинского и других языков): *vocaal* – в нидерландском имеет только значение ‘гласный, гласный звук’. В английском же языке аналогичное слово *vocal* имеет более широкий смысловой ряд ‘активный, открыто выражающий свое мнение и т.п’.

При переводе на нидерландский переводчику необходимо учитывать, что существует также некоторая группа слов, которая заимствуется только для определенной сферы. Например, слово *tool*, будет ‘инструментом’ только применительно к современным технологиям, однако в техническом нидерландском по-прежнему доминируют исконное *werktuig, gereedschap* или заимствованное из латинского *instrument*. Работая в направлении «русский – нидерландский», также необходимо помнить о негласном «этикете» по отношению к англицизмам. Желательно избегать их при переводе отчетов, писем, корпоративных сайтов, особенно если в нидерландском языке существует полноценная замена. Про авторов, грешащих злоупотреблением англицизмов в случае наличия полноценного нидерландского эквивалента, говорят, что они подвержены *engelse ziekte* – ‘английской болезни’. Наиболее частыми ее проявлениями являются следующие: не мотивированное правилами орфографии раздельное написание составных слов (по аналогии с атрибутивными конструкциями в английском языке): *trein reiziger* вместо *treinreizige*; построение сочетаний «имя собственное + имя нарицательное» по английскому типу: *Groningen provincie* вместо *provincie Groningen*; неправильное построение формы множественного числа: *panties* вместо *panty’s*; употребление составной формы превосходной степени прилагательных там, где возможен суффиксальный способ: *de meest actieve vulkaan* вместо *de actiefste vulkaan*.

Наиболее явной причиной употребления англицизмов называют желание автора выделить то или иное слово, повысить привлекательность статьи, придать определенный шик и налет современности. Однако зачастую вследствие недостаточного уровня владения английским языком заимствованные автором слова могут приобретать странные формы (ошибки орфографии) и вид, а в случае с выражениями, буквально переведенными с английского языка, и вовсе теряют свой смысл, например, употребление слова *troepen* в значении ‘войска’ как калька с английского будет понятно абсолютно не каждому.

Обозначим некоторые тенденции заимствования/употребления английских слов, которые могут помочь «расшифровать» и распознать англицизмы:

• Окончания форм множественного числа и прошедшего времени не заимствуются, а используются нидерландские варианты: *hobby's, ik deletete*.

• Заимствованные атрибутивные конструкции пишутся слитно: *managementsupport, humanresourcesmanagement*. Однако раздельное написание сохраняют англицизмы, еще не до конца вошедшие в употребление: *marketing automation*. В то же самое время, в случае комбинирования английского и главного нидерландского слова в одной конструкции, писать такие конструкции следует слитно: *contentmanagementsysteem*.

• Английское слово в нидерландском языке приобретает в основном тот же артикль, что и его нидерландский эквивалент *de tekstschrijver = de copywriter*.

Вышеперечисленное, несомненно, представляет трудность для переводчика, так как ему приходится не только переключаться с одного языка на другой, но и интуитивно видеть, выделять в тексте «чужие» для нидерландского языка выражения, находить их оригинальный вариант на английском языке и работать уже, скорее, с первоисточником.

К. В. Каткова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ

В определении Л. Л. Нелюбина перевод представляет собой «процесс межъязыкового преобразования или трансформации устного или письменного текста, предъявленного на одном языке, в текст (устный или письменный) на другом языке». Для обеспечения адекватности воспроизводимого при этом содержания оригинала необходимо правильно интерпретировать это содержание и найти оптимальные средства его выражения в целевом языке.

В аспекте исследуемой темы это означает, что переводчик в первую очередь должен знать весь набор средств выражения побуждения белорусского языка и их системных соответствий в немецком языке. При этом важно помнить, что переводятся не изолированные языковые единицы, а смысл высказывания в целом, т. е. важно учитывать и специфику контекста, что требует системного подхода к изучению содержательных структур языка.

Очевидно, что вопросу выражения модальности побуждения в переводоведении уделяется недостаточно внимания. Пособий по переводу с белорусского языка на немецкий в ходе выполнения данного исследования найти нам не удалось. В учебниках по переводу для пары языков русский – немецкий для описания данных языковых явлений и способов их перевода используется, в основном, семасиологический подход.

Исследователь В. А. Выхота в своей книге «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» подчеркивает родственные связи между глаголами *мусіць* и *müssen*, а также параллелизм в глагольных парах *мусіць – müssen* и *павінен – sollen*: *Ich muss das noch machen.* – 'Я мушу гэта яшчэ зрабіць'. Автор также

подчеркивает, что будущее сложное время с *маю* ранее широко использовалось в белорусском языке, сегодня сфера его употребления ограничена, однако оно не полностью исчезло. Аналогом данной формы в немецком языке являются конструкции *„haben + zu + Infinitiv“*: *Ich habe das noch zu machen. – Я маю гэта яшчэ зрабіць*.

Далее будут описаны возможности перевода с русского языка на немецкий ввиду отсутствия источников для исследуемой пары языков и родственности белорусского и русского языков.

Ученые К. Г. Крушельницкая и М. Н. Попов в своей книге «Советы переводчику» касаются и темы «Категория наклонения. Модальность». Авторы подчеркивают значительное сходство способов выражения побуждения в русском и немецком языках – прежде всего, почти полное совпадение объема значений и сферы употребления повелительного наклонения. Тем не менее, они указывают и на некоторые различия в употреблении этого наклонения в обоих языках. Так, в русском языке побуждение, адресованное нескольким лицам, и вежливое побуждение, адресованное одному лицу, выражаются одной формой 2-го л. мн. ч., в немецком же языке во втором случае (а при необходимости, наряду с формой 2-го л. мн. ч., и в первом) употребляется специальная форма 3-го л. мн. ч., так называемая форма вежливости, ср.: *Заходите. – Kommt rein. – Kommen Sie bitte rein.*

Употребление личного местоимения *Sie* при императиве в немецком языке продиктовано самой системой языка, а в русском языке их употребление говорит о повышенной экспрессивности. При переводе данных конструкций на немецкий язык рекомендуется либо добавить обращение, либо использовать графические средства (выделение местоимения полужирным шрифтом, разрядкой и т.д.).

Важная роль в разграничении оттенков побуждения при переводе отводится точному воспроизведению семантики контекстуальных средств. К. Г. Крушельницкая указывает на это и в книге «Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков», приводя следующие примеры: *Gib das Buch sofort her! – Сейчас же отдай книгу! Gib mal das Buch her! – Дай-ка сюда книгу! Gib mir bitte das Buch. – Дай мне, пожалуйста, книгу.*

В русском языке, в отличие от немецкого, для передачи различных оттенков побуждения используются видовые формы глагола: *Ждите здесь! – Подождите здесь! – Вы подождите здесь!* Р. Дэт отмечает, что, вследствие отсутствия категории вида в немецком языке, при переводе эти оттенки должны выражаться дополнительными лексическими средствами: *Заходите к нам. – Kommen Sie doch gelegentlich einmal bei uns vorbei! Сказано тебе: иди в дом, иди! – Was hat man dir gesagt? Geh endlich ins Haus, geh!*

Относительно возможностей перевода других средств выражения побуждения авторы, в основном, ограничиваются указанием на их параллелизм.

Исследователи отмечают также несоответствие между на первый взгляд синонимичными конструкциями (перфект в немецком языке и форма прошедшего времени совершенного вида в русском языке): перфект, в отличие от прошедшего времени, имеет сему непреложности завершения действия. Потому для перевода перфекта рекомендуется использование псевдопридаточного предложения с союзом *чтобы*.

В качестве аналога формы прошедшего времени совершенного вида ед. ч., выражающей некатегоричное побуждение, предложена форма инклюзивного императива (*Поехали домой – Lass uns nach Hause fahren*), формы мн. ч., выражающей грубое распоряжение – безглагольные предложения (*Пошел на вокзал! – Zum Bahnhof!*).

Важно учитывать также частотность использования в качестве директивных речевых актов форм настоящего и будущего времени обоих языков: в немецком языке преобладает презенс, в русском – будущее время. Употребление сказуемого в немецком языке на первом месте усиливает категоричность требования, при переводе это может быть передано посредством целостного преобразования: *Bist du stille! – Хватит!*

При всем разнообразии средств передачи побудительного значения в обоих языках перед переводчиком стоит непростая задача: не исказить коммуникативную установку оригинала. В качестве переводческих ошибок авторами приводятся усиление экспрессивности (*Hören Sie schon auf! – А ну вас к черту!*) и неправильная степень категоричности побуждения (*Ермолай Алексеич, дадите мне еще взаймы! – Jermolai Alexejitsch, leihen Sie mir noch etwas!*)

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать, что разнообразие средств выражения побуждения в немецком языке, сходство конкретных составляющих в семантике этих средств в сопоставляемых языках обеспечивают принципиальную возможность воспроизведения их значений при переводе.

С. И. Ковальчук

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АННОТАЦИЯХ

Аннотация – это предельно сжатая характеристика материала, заключающаяся в информации о затронутых в источнике вопросах. Она сообщает, о чем написан первоисточник, т.е. дает только самое общее представление об источнике и является лишь указателем для отбора материалов по определенной теме, знакомит с наличием нужной информации и проводит ее систематизацию, но никак не может заменить собой первоисточник.

Необходимо различать следующие виды аннотаций: а) библиографические, или описательные; б) реферативные. Библиографическая аннотация только сообщает, о чем написано в первоисточнике и может состоять из назывных предложений, которые представляют собой план аннотируемой

статьи или книги. В библиографической аннотации указываются лишь выходные данные текста и тематические рубрики, к которым относится его содержание и назначение первоисточника. Реферативная аннотация указывает, что именно содержится в аннотируемом материале, т.е. информация в ней излагается в связанной, хотя и предельно сжатой и обобщенной форме. Она может передавать выводы по каждому из затронутых вопросов и по материалу в целом.

Как описательная, так и реферативная аннотации имеют одинаковые рубрики, хотя их последовательность может меняться:

1) библиографическое описание;

2) предметная рубрика;

3) тема;

4) сжатая характеристика материала (общие сведения);

5) дополнительные сведения;

6) критическая оценка первоисточника.

Аннотированный перевод – это вид научно-технического перевода, заключающийся в составлении аннотаций оригинала на русском языке. Стиль аннотируемого перевода книги или статьи отличается свободным переводом, т.е. дается главная характеристика оригинала. Такой перевод должен соответствовать определенным требованиям:

1) отражать все наиболее важные моменты первоисточника;

2) являться научно грамотным и не отражать субъективных взглядов автора;

3) быть написан лаконичным языком;

4) содержать неопределенно-личные и страдательно-возвратные конструкции;

5) терминология, сокращения, условные обозначения, используемые переводчиком-референтом, должны соответствовать нормам, принятым в конкретной области знаний.

Грамматический анализ вторичного документа предполагает рассмотрение его с точки зрения синтаксической структуры и используемых синтаксических средств. Так, аннотация содержит преимущественно фразы в виде простых или сложных эллиптических предложений, имеющих, как правило, инверсную форму. В эллипсис обычно включается субъект действия страдательного оборота, выраженного дополнением в творительном падеже: *(автором)… исследовались особенности структуры предложения*. В таких фразах сказуемое, как правило, выражено глаголом в возвратной форме (*рассматривается, обсуждается и т.п.*) или пассивной глагольной формой единственного или множественного лица (*исследован, найден, обсуждены и т.д.*). При этом фраза всегда имеет инверсивную форму.

Иногда аннотации состоят из последовательных (номинативных) предложений. Встречаются в аннотациях также фразы, являющиеся по форме реферативными, но по сути несущие в себе метаинформацию.

На практике бывает трудно провести грань между рефератом и аннотацией, хотя теоретически они четко разграничены: в рефератах должна содержаться собственно информация, а в аннотациях – информация об информации, т.е. метаинформация. Не случайно даже в инструкциях для рефератов в качестве примера реферата можно обнаружить реферативные аннотации.

В. В. Колесников

АДЕКВАТНОСТЬ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В СВЕТЕ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДА

В русле развиваемой нами моделирующей концепции перевода последний предстает как модель второго порядка, поскольку переводимый текст сам уже является моделью некоторой реальной или воображаемой действительности, при этом в мире текста реальное и воображаемое могут быть самым причудливым образом переплетены.

Переводческое моделирование, однако, не сводится к моделированию исходного текста как такового, оно стремится добраться до объекта-оригинала первого уровня – той действительности, которая воплощена в модели первого уровня – оригинальном тексте.

При этом, поскольку в исходном тексте (по воле, а нередко и помимо воли автора) в той или иной мере отображен также целый комплекс ментальных, когнитивных, психологических и других характеристик как самого автора, так и его целевой аудитории, все это должно также найти отражение в переводе. Но кроме того на это уже обладающее достаточно сложной структурой образование наслаивается аналогичный комплекс, характеризующий переводчика и целевую аудиторию перевода.

Именно поэтому адекватный перевод предполагает объемное, комплексное, многоуровневое моделирование средствами переводящего языка всего мира текста, а не только его языковой оболочки, как это происходит при машинном переводе и как это делают учащиеся, начинающие изучать иностранный язык, подыскивая словарные эквиваленты словам и выражениям исходного языка.

Упомянув понятия адекватности и эквивалентности, наверное, стоит уточнить, как мы трактуем эти понятия и как понимаем разницу между ними.

Эквивалентность является в некотором смысле более простым понятием: отношение эквивалентности – это симметричное отношение равнозначности. Если *A* эквивалентно *B*, то *B* эквивалентно *A*, если слово *bouleau* эквивалентно слову *береза*, то слово *береза* эквивалентно слову *bouleau*, и если высказывание *My tailor is rich* эквивалентно высказыванию *Мой портной богат*, то высказывание *Мой портной богат* эквивалентно высказыванию *My tailor is rich* (об адекватности применительно к переводу этой фразы см. ниже).

Адекватность представляет собой более сложное явление. Во-первых, это несимметричное отношение: тот факт, что, скажем, чье-то поведение адекватно ситуации, вовсе не означает, что данная ситуация адекватна его поведению. Объекты, связываемые отношением адекватности неравноправны, это отношение «хозяин – слуга»: то, чему некоторый объект должен быть адекватен, диктует указанному объекту рамки и алгоритм его поведения. Более того, создаваемый переводчиком перевод является слугой даже не двух, а целого множества господ. Ведь он должен угодить, т.е. быть адекватным и форме, и духу оригинала, и стилю автора, и явной, а то и скрытой цели создания оригинального текста, и ожиданиям своей целевой аудитории, и, возможно, еще и другим факторам.

Поэтому, приступая к переводческому моделированию, переводчик стремится проникнуть в мир исходного текста настолько глубоко, чтобы ощутить ту реальность, что стоит за этим текстом, реальность объективную, но пропущенную через субъективное видение автора, учитывающего к тому же вкусы и ожидания, культурный уровень и многие другие характеристики своей аудитории. При этом переводчик далеко не всегда может отрешиться от собственных взглядов, своего видения реальности, лежащей в основе переводимого текста, и должен, разумеется, при этом ориентироваться на собственную целевую аудиторию с ее ментальностью, убеждениями и вкусами.

Итак, если представить процесс переводческого моделирования упрощенно и схематично, то можно сказать, что переводчик моделирует:

– формальную структуру текста;
– реальность, стоящую за языковой тканью текста;
– образ автора;
– образ целевой аудитории оригинала;
– (чаще всего невольно) свой собственный образ;
– образ своей целевой аудитории.

Моделирование формальной структуры исходного текста имеет ограниченную глубину. В лингвистических теориях перевода эта граница обозначена так называемыми единицами перевода. Эти единицы представляют собой минимальные сегменты оригинального текста, которым могут быть сопоставлены в качестве формальных соответствий сегменты текста перевода, и задают таким образом оптимальное для каждого случая разрешение формально-языковой переводческой модели.

Реальность, стоящая за исходным текстом, структурирована иначе, чем ее формально-языковое воплощение. При этом ситуация осложняется тем, что содержание и форма текста представляют собой нечеткие и частично пересекающиеся образования. Так, некоторые элементы формальной структуры, например, звукопись, оказываются настолько содержательно значимыми, что их приходится учитывать в ходе моделирования содержательной стороны текста (ср. у П. Верлена: *Les sanglots longs des violons de*

l'automne blessent mon cœur d'une langueur monotone… или у Б. Пастернака: *В занавесках кружевных воронье / Ужас стужи уж и в них заронен. / Это кружится октябрь, это жуть / подтянулась на когтях к этажу*).

При этом из сопоставления процитированных строк П. Верлена и Б. Пастернака с их наиболее удачными переводами: *Долгие пени / Скрипки осенней / Зов неотвязный, / Сердце мне ранят, / Думы туманят, / Однообразно* (перевод В. Я. Брюсова) и *Dans l'orfroi gelé du givre, / Les busards. / Le froid noir qui vêt la vitre / De blizzard. / C'est octobre qui tournoie, / C'est l'étau / De l'horreur, oiseau de proie, Au vantaux* (перевод Элен Анри) видно, что степень адекватности этих переводов не находится в прямой зависимости от эквивалентности на формальном и даже на семантическом уровне единиц перевода. В оригинальном тексте «Осенней песни» Верлена нет ни *неотвязного зова*, ни *затуманенных дум*, а вместо привычных для городского пейзажа ворон у Пастернака в переводе Э. Анри вдруг появляется лунь.

Адекватность, таким образом, является интегральной характеристикой перевода, отражающей многомерный характер переводческого моделирования. Несводимость адекватности перевода к формальной или даже к семантической эквивалентности отчетливо видна на примере статьи времен последней президентской выборной кампании во Франции. Заголовок публикации *Fillon : My tailor is rich !* даже в точнейшем переводе: *Фийон: Мой портной богат!* поставит читателя в тупик и потребует разъяснений с упоминанием пресловутого французского учебника английского языка, первая фраза первого урока которого (*My tailor is rich*) вызвала невообразимое множество насмешек, поскольку трудно вообразить ситуацию реального общения, в которой эта фраза могла бы пригодиться, не говоря уже о том, что читателю надо быть в курсе скандальной истории с очень дорогими костюмами, оплаченными таинственным почитателем кандидата от партии Республиканцев. Адекватным переводом указанного заголовка была бы, на наш взгляд, также набившая оскомину фраза из советского фильма «Чародеи»: *Главное, чтобы костюмчик сидел*.

Во французской публицистике нередко встречается ироническое цитирование хрестоматийных текстов, ибо они обращаются к широкой публике. Даже в уголовной хронике можно встретить цитаты из творчества символистов, как эта слегка измененная строка из *Морского бриза* Стефана Малларме: *La chair est triste, hélas! et il a lu tous les livres de comptes – А плоть – увы! – слаба, и он прочел все книги… бухгалтерские* в статье об осужденном за растрату бухгалтере.

Недаром начинающим переводчикам нередко советуют ознакомиться с тем, что включено во французскую обязательную школьную программу по литературе и истории, чтобы распознавать те литературные и исторические аллюзии, которые на рефлекторном уровне узнает средний французский читатель. Такого рода сведения должны быть включены в ментальную модель мира переводчика, которая представляет собой матрицу, порождающую содержательную структуру текста перевода и обеспечивающую его адекватность нередко за счет частичной утраты эквивалентности на более низких уровнях.

А. А. Кульчицкая

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОГО ПОДЪЯЗЫКА В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Общеизвестно, что научно-технический прогресс является одной из причин изменения структуры современных языков. Все новое, нашедшее отражение в языке, требует языкового осмысления, вследствие чего возникает необходимость в использовании специализированных языковых средств, которые бы обеспечивали эффективную коммуникацию. Таким образом, в общем пространстве национального языка выделяется особая функциональная разновидность, обслуживающая профессиональную сферу общения как подъязык.

Исследовав работы Н. В. Кузнецовой, Н. К. Ерёминой и А. И. Глазыриной, мы пришли к выводу, что вряд ли какая-либо другая область жизнедеятельности человека, кроме медицины и связанных с нею сфер способна конкурировать со сферой информационных технологий в отношении количества возникающих новообразований. Благодаря постоянному увеличению числа пользователей персональным компьютером и повсеместному распространению глобальной сети Интернет, компьютерный подъязык неуклонно расширяет сферу своего функционирования, создавая условия для развития новых форм коммуникации и разновидностей языков общения и активно проникая в национальный язык.

Прежде всего, в области компьютерных технологий английский язык является первичным по отношению к большинству других языков, в частности французскому – практически вся лексика компьютерного мира исторически связана с англоязычными странами.

Компьютерная терминология пополняется словами английского происхождения и по сей день. Это объясняется тем, что Соединенные Штаты занимают лидирующую позицию в развитии информационных технологий, при наименовании нового явления используется именно английский язык.

Нами был проведен анализ продуктивности способов образования неологизмов в английском и французском компьютерных подъязыках на базе 400 ЛЕ – 200 английских ЛЕ и 200 французских ЛЕ, которые относятся к 5 распространенным тематическим полям (человек, компьютер и его комплектующие, рабочий стол, Интернет, единицы исчисления).

Результаты анализа позволяют нам сделать следующие выводы: английский язык, являясь языком-донором, в меньшей степени заимствует иноязычные термины, исключение составляют интернационализмы.

Для него в первую очередь характерна терминологизациия общеупотребительной лексики. Прим.: широко распространенное слово *word* ‘слово’ приобрело терминологическое значение в компьютерном подъязыке для обозначения единицы информации. Иногда процесс терминологизации осуществляется путем метафорического и метонимического переносов. Термины также подвергаются сокращению, что приводит к образованию аббревиатур, акронимов и сложносокращенных и усеченных слов.

Аффиксация, как и словосложение, являются не менее активными способами при образовании неологизмов сферы IT. Более того, компьютерная терминосистема английского языка характеризуется созданием собственных компьютерных аффиксов (*cyber-*, *e-* сокр. от electronic: *cyberspace* ‘киберпространство’, *e-book* ‘электронная книга’, *e-mail* ‘электронная почта’).

Проведя анализ наиболее продуктивных способов образования терминосистемы компьютерного подъязыка в английском языке были получены следующие результаты: наиболее частотным способом является словосложение сущ. + сущ., сущ. + сущ. + сущ., прил. + сущ.: *database* ‘база данных’, *database machine* ‘машина баз данных’, *database machine* ‘машина баз данных’. В образовании терминосистемы не менее активны процессы терминологизации, метонимического и метафорического переносов значения: *to click* ‘кликать’ – нажимать на клавиши мыши (метафорический перенос), *Windows* ‘окна’ → ‘операционная система’ (метонимический перенос). Особой частотностью также отличаются морфологический способ: сущ. + суффикс: *moderator* ‘модератор’, сущ. + префикс: *hyperlink* ‘гиперссылка’. Наименее популярны такие способы как аббревиация, акронимы, сложносокращенные слова, конверсия (*a click – to click* ‘кликнуть/нажать’) и усечение (*Internet* → *Net* ‘Интернет → Нет’) и др.

В отношении процесса неологизации во французском компьютерном подъязыке стоит отметить бережное отношение французов к своему языку, свидетельством которого является существующая на сегодняшний день политика «лингвистического дирижизма». Первым задокументированным примером такой политики является принятый в 1975 году закон Ба-Лориоля, который предписывает обязательное использование французского языка в объявлениях, рекламе, вывесках и других документах. На сегодняшний день власти также всячески поддерживают изучение языка и укрепляют его позицию за рубежом. Примером такой инициативы являются организации «Альянс Франсез» и международная организация «Франкофония», которая объединяет любителей французского языка по всему миру. И, наконец, самая фундаментальная организация Французского института – Французская академия, главная задача которой – защита французского языка от экспансии иностранных языков.

Однако, невзирая на существующую на сегодняшний день политику «лингвистического дирижизма», направленную на борьбу с проникновением англицизмов во французский язык, заимствование терминов из английского языка является одним из наиболее продуктивных источников терминообразования в сфере компьютерных технологий.

Это подтверждает проведенный нами анализ, согласно которому большую часть терминосистемы составляют слова, значение которых было изначально заимствовано из английского языка и преобразовано во французском. В эту категорию входят кальки (морфологические и семантические), а также слова, образованные морфологическим способом. В следующую

категорию входят английские слова, которые употребляются наравне с французскими эквивалентами: *spam* (m) *или pourriel* (m) ‘спам или нежелательная реклама’, *cookie* (m) или *témoin* (m) ‘куки-файлы’. Стоит отметить, что младшее поколение, как и специалисты сферы информационных технологий, отдают предпочтение английским эквивалентам. К следующей группе относятся английские слова, которые проникли во французский язык практически без изменений (при помощи грамматической и фонетической адаптации: англ. *to click* – фр. *cliquer* ‘щелкать мышью’ (адаптация новых глаголов к видовременной системе представленного языка), англ. *Trojan horse* – фр. *cheval* (m) *de Troie* ‘Троянский конь’ (фонетический принцип написания гласных и дифтонгов).

На категорию ЛЕ, значение которых было изначально заимствовано из английского и преобразовано во французском языке, в большей степени приходится: морфемное калькирование англ. *webmaster* – фр. *webmestre* (m) ‘веб-мастер’, семантическое калькирование англ. *motherboard* – фр. *carte mère* (f) ‘материнская плата’, морфологический способ – префиксация (*auto-*, *co-*, *con-*, *dia-*, *ex-* и др.): *connexion* ‘соединение, вход в систему’, *diagramme* (m) ‘диаграмма, график’, суффиксация (суффиксы *-eur* для обозначения профессии: **développeur web** (m) ‘веб-разработчик’, *-age* для обозначения процессов: *décodage* (m) – ‘декодирование’); наименее частотен способ аббревиации.

Таким образом, в ходе исследования мы выяснили, что для английского языка в большей степени характерен процесс терминологизации общеупотребительной лексики, где на семантическом уровне происходит сужение значения. Одним из наименее продуктивных способов, который постепенно становится популярным, является аббревиация, что является следствием тенденции экономии языковых средств.

При проведении анализа наиболее распространенных тематических групп компьютерного лексикона во французском языке нами были выявлены определенные тенденции. Как отмечалось выше, невзирая на существующую политику государства, направленную на борьбу с проникновением англицизмов во французский язык, заимствованные термины составляют значительную часть терминосистемы компьютерного подъязыка и характеризуются разной степенью графической, грамматической и семантической адаптации. В сфере борьбы с англицизмами с особенной яркостью проявляется также целенаправленный, искусственный характер формирования терминосистемы.

Для французского компьютерного подъязыка в первую очередь характерно заимствование значений слова из английского языка и их преобразование во французском. Вместе с тем, согласно полученным результатам, во французском компьютерном подъязыке присутствуют английские термины, которые используются наравне с французскими эквивалентами, а также английские термины, которые претерпели фонетическую и грамматическую адаптацию.

О. В. Курилович

БРИТАНСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ СЕРИАЛЫ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС ПЕРЕВОДА ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА»

На сегодняшний день благодаря сети Интернет существуют неограниченные возможности как для преподавателей, так и для студентов непрерывно совершенствовать свои знания в сфере обучения иностранному языку в целом и переводу в частности. Для того чтобы сформировался высококвалифицированный специалист, процесс развития должен идти непрерывно. В области изучения языка погружение в аутентичную иноязычную среду становится первостепенной задачей. В связи с отсутствием возможности у многих студентов и преподавателей совершать зарубежные поездки, а также поддерживать общение с носителями языка на регулярной основе, первостепенное внимание уделяется использованию оригинальных видеоматериалов в рамках обучения самостоятельной работе студентов. Наибольшую значимость использование аутентичных сериалов приобретает при обучении будущих устных и письменных переводчиков. При этом важными становятся, в числе прочих, функции видеоматериалов как аудиовизуального средства формирования комбинированного умения восприятия устного дискурса, как средства моделирования ситуации общения и взаимодействия и объективации речевого и неречевого поведения субъектов разных культур в той или иной ситуации, как стимула для высказывания и дискуссии.

Использование видео в процессе обучения дает возможность сочетать активность зрительного и слухового анализаторов, тем самым создается возможность формирования комбинированного умения восприятия как аудитивной, так и визуальной составляющей дискурса. Студенты учатся наблюдать за невербальным поведением говорящего, учитывать использование коммуникативных жестов, которые в некоторых случаях могут помочь выделению предикатов к теме. Наличие в видеоряде предметов и явлений, о которых идет речь в сообщении, способствует правильному выделению денотатов. Использование видеофильма учит студентов принимать во внимание коммуникативную ситуацию, извлекая из нее информацию, которая может помогать осмыслению и пониманию предметного и смыслового содержания звучащего текста. Одновременно будущие переводчики учатся правильно распределять внимание между звучащим текстом, видеорядом, субъектами и другими компонентами ситуации видеофрагмента. В процессе восприятия, осмысления и понимания информации дискурса внимание будущего переводчика направлено, в первую очередь, на лингвистический компонент; при этом учитываются также паралингвистический, невербальный и экстралингвистические компоненты.

К видеоматериалам можно отнести документальные и художественные фильмы, мультфильмы, сериалы. Однако, как показала практика, сериалы обладают мощной мотивационной силой в работе над языком, так как при их просмотре реализуется познавательная функция, удовлетворяется интерес и возможность идти в ногу со временем. Мотивация является основой любой самостоятельной деятельности. Она означает вложение студентом своих ресурсов, таких как энергия, время, знания, воля, в достижение желаемой цели. Это неотъемлемое условие эффективного процесса обучения и познания. Учитывая все вышесказанное, преподаватель МГЛУ может активно использовать сериалы в рамках обучения самостоятельной работе студентов по дисциплине «Практический курс перевода второго иностранного языка», так как параллельно с выполнением собственно переводческих задач идет активное дальнейшее изучение и усвоение английского языка. Преимущества сериалов над фильмами в том, что они заинтересовывают своим увлекательным сюжетом, имеют небольшие и компактные серии, обладают определенной тематикой и жанром.

На сегодняшний день существуют различные сайты, ресурсы и платформы для бесплатного просмотра сериалов на английском языке (*ororo.tv, fenglish.ru, english-films.com, show-english.com, lelang.ru, 123movies, bascino.me*). Студенты имеют неограниченные возможности выбрать как британский, так и американский вариант английского языка, а так же жанр, просмотреть рейтинг, отзывы и описание сериала. Сериалы на сайтах можно не только смотреть в превосходном цифровом качестве, но и вести персональный встроенный словарь, учить новые слова, выполняя упражнения по ходу просмотра.

Все упражнения, направленные на формирование комбинированного умения восприятия устного дискурса, можно условно разделить на: упражнения, направленные на подготовку к просмотру сериала; упражнения, выполняемые в ходе просмотра видеосюжета; упражнения, нацеленные на осмысление и понимание видеосюжета и выполнение различных заданий на его основе. В рамках данных подсистем выделяются упражнения, направленные на формирование простых и сложных умений.

Для самостоятельной работы студентам предлагается выбрать любой понравившийся сериал и посмотреть несколько серий. Устанавливается конечная дата, к которой должны быть выполнены определенные упражнения, такие как:

- составление скрипта к фрагменту или серии;
- составление переводческих карточек с указанием термина, ключевого слова и т.д. и их дефинициями;
- составление глоссария, согласно тематике фильма;
- устный перевод фрагмента в парах и тройках;
- озвучивание фрагмента на русском языке;
- перевод имен собственных, топонимов, названий организаций, периодических изданий, компаний и т.д.;
- перевод реалий;
- перевод терминов и неологизмов.

Анализ работы с сериалами в рамках дисциплины «Практический курс перевода второго иностранного языка» показал, что выполнение упражнений обеспечивает формирование навыков и умений в рамках следующих компетенций:

✓ восприятие и понимание культурно-обусловленного вербального и невербального поведения субъектов общения в типичных ситуациях бытового и делового общения;

✓ выделение данного и нового в тексте, в том числе и с опорой на невербальные средства общения;

✓ выделение основной мысли высказывания, определение регистра и тональности высказывания;

✓ восприятие и фиксация композиционной структуры высказывания различных жанров устного дискурса, набора используемых коммуникативных стратегий и тактик;

✓ владение этикетными номами вербального и невербального поведения в официальных ситуациях межкультурного общения в рамках обеспечения деловых переговоров, презентаций фирмы, совещаний;

✓ организация групповой и парной деятельности в рамках подготовки к ролевым и имитационным играм в сфере бытового и делового дискурса.

Таким образом, мы рассмотрели использование сериалов в самостоятельной работе студентов для формирования умения восприятия и понимания устного дискурса и передачу информации в нем средствами русского языка. Самостоятельная работа над фильмами обеспечивает формирование общекультурных и профессиональных компетенций будущего переводчика.

В. Л. Максимова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ЦВЕТОВЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Цветообозначения в разных языках мира традиционно являются популярным объектом изучения среди лингвистов. Несмотря на то, что цветовое восприятие является одним для всех групп людей, языковая концептуализация цвета различна в разных культурах. Восприятие цвета связано с определенными «универсальными» элементами человеческого опыта, которые по-разному концептуализируются в различных языках.

Изучая вербализацию цветового восприятия, лингвисты подразделяют цветообозначения на две группы – основные (обсолютные) и оттеночные. К группе основных цветообозначений принадлежат 11 цветонаименований: *белый (weiß), черный (schwarz), красный (rot), зеленый (grün,) желтый (gelb), голубой/ синий (blau), коричневый (braun), фиолетовый (violett), розовый (rosa), оранжевый (orange), серый (grau)*. Все остальные цветонаименования называют оттеночными, например, *салатовый (salatgrün), алый (rot, hochrot; blutrot), сиреневый (fliederfarben)* и т.д.

При переводе цветообозначений с одного языка на другой переводчики иногда сталкиваются с проблемой передачи названий цвета, так как поля цветовой семантики в разных языках не совпадают ни по количеству концептов, ни по их дифференцированности, ни по месту разграничения смежных концептов, например, *синий* и *голубой, алый* и *красный* в немецком и русском языках.

Для опытных переводчиков передача цветонаименований с одного языка на другой не вызывает особых затруднений, чего нельзя сказать о молодых начинающих переводчиках. При переводе даже основных цветонаименований-прилагательных студенты начальных курсов часто допускают ошибки, машинально заменяя эти лексемы немецкого языка их дословными соответствиями в русском языке (weiß – белый, schwarz – черный, rot - красный и т.д.), не учитывая сочетаемости лексических единиц в языке перевода. Например, при спонтанном переводе студентами словосочетания *braune Augen* можно услышать *коричневые глаза* вместо *карие глаза, braunes Haar* переводят как *коричневые волосы*, а не *каштановые волосы.* Словарными эквивалентами лексемы *braun* являются лексемы *коричневый, бурый, смуглый, загорелый, карий* (о глазах), *каштановый* (о волосах), *гнедой* (о лошади).

Для грамотного перевода немецких цветовых прилагательных переводчику необходимо знать их основные значения и русские «эквиваленты». В сочетании с определенными существительными эти цветонаименования могут передаваться совершенно другими лексическими единицами, сохраняя цветовой признак или совершенно теряя его.

Rote Lippen- красные губы, rotes Haar – рыжие волосы, rote Rübe – столовая свекла.

Der blaue Himmel – голубое небо, blaue Lippen – посиневшие губы, blaue Ferne (поэт.) – туманная даль, Karpfen blau – отварной карп, blauer Fleck – синяк.

Grünes Gras – зеленая трава, grünes Holz – сырые дрова, grüne Heringe – свежая сельдь , ein grüner Jung – зеленый юнец, молокосос (разг.).

Der gelbe Neid – черная зависть, gelbe Rübe – морковь (ю.-нем.).

Der grau Alltag – серые будни, das grau Elend – беспросветная нищета, graues Haar – седые волосы.

Weißer Schnee – белый снег, ein weißes Blatt Papier – чистый лист бумаги, weißes Haar – седые волосы.

При переводе цветовых имен прилагательных необходимо помнить, что каждое слово каждого языка имеет свой, присущий только данному языку круг и резерв сочетаемости. Иными словами, оно «дружит» и сочетается с одними словами и «не дружит» и, соответственно, не сочетается с другими. У каждого слова своя лексико-фразеологическая сочетаемость, или валентность. Она национальна (а не универсальна) в том смысле, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке.

Цветонаименование к тому же может иметь определенные метафорические и стилистические коннотации, а эти коннотации различны в разных языках. Поэтому это тоже не может не влиять на значение слова.

Blaue Jungs – матросы (разг.) (ассоциация по униформе).

Blauer Brief – синее письмо (конверты синего цвета с уведомлением об увольнении).

Weiße Ostern – белая Пасха (Пасха со снегом).

Grüne Weihnachten – зеленое Рождество (Рождество без снега).

Braune Vergangenheit – коричневое прошлое (обозначение национал-социализма).

Для грамотного перевода названий цветовых оттенков с одного языка на другой необходимо иметь подробный и хорошо составленный двуязычный словарь, достаточные фоновые знания и хорошее владение языками (исходным и переводящим). Изучая иностранный язык, нужно заучивать слова не в отдельности, по их значениям, а в естественных, наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку.

Я. Л. Мароз

ТРАНСФАРМАЦЫЙНА-СЕМАНТЫЧНАЯ МАДЭЛЬ ВЫКАЗВАННЯ З ДРУГАСНАЙ ПРЭДЫКАЦЫЯЙ У ПЕРАКЛАДЗЕ

У працэсе пазнання чалавекам навакольнага свету прадметныя сітуацыі адлюстроўваюцца свядомасцю і пры неабходнасці моўнага апісання афармляюцца пэўнымі моўнымі сродкамі. У працэсе камунікацыі аўтар выбірае тыя моўныя адзінкі, якія ў пэўнай сітуацыі адпавядаюць яго маўленчай інтэнцыі. Пры апісанні ўяўнага свету, які ствараецца ў мастацкім творы, аўтар таксама выбірае той спосаб прадстаўлення сітуацыі ва ўсіх яе аспектах, што ўяўляецца яму найбольш прыдатным. Адпаведна, калі мастацкі твор падлягае перакладу, неабходна прытрымлівацца ідэі захаваць аўтарскі падыход да прадстаўлення структуры сітуацыі, які з'яўляецца складнікам аўтарскага стылю, забяспечыўшы эквівалентнасць перакладу ў тым ліку і на сінтаксічным узроўні. Тым не менш, разважаючы пра граматычны бок устанаўлення эквівалентнасці, варта памятаць, што дакладнасць перакладу дасягаецца не за кошт захавання арыгінальнай структуры выказвання, але яго семантычнай мадэлі, пры неабходнасці звяртаючыся да пэўных трансфармацый, абумоўленых міжмоўнымі адрозненнямі.

Пры ўспрыманні сітуацыі прадмет думкі суадносіцца з пэўнай яго прыкметай, г.зн. адбываецца прэдыкацыя. У мове прэдыкатыўная аснова сказа, прадстаўленая дзейнікам і выказнікам (ці дзеяслоўнай словаформай – у аднасастаўным сказе), адлюстроўвае такую мадэль апісання сітуацыі суаднясення прадмета і яго прыкметы. Але складаная структура сітуацый рэальнага або ўяўнага свету можа прыводзіць да таго, што для іх моўнага апісання звяртаюцца да выкарыстання ўскладненых сказаў з канструкцыямі

другаснай прэдыкацыі, калі паміж прэдыкатыўнай асновай і кампанентамі выказвання ўзнікаюць паўпрэдыкатыўныя адносіны. У розных мовах такія адносіны могуць знаходзіць разнастайнае граматычнае афармленне, што робіць іх аналіз цікавым, у тым ліку і з пункту гледжання перакладу.

Параўнаем спосабы моўнага выражэння складаных сітуацый у англійскай мове на прыкладзе апавядання амерыканскага пісьменніка Э. А. По «Забойства на вуліцы Морг» («The Murders in the Rue Morgue») і яго перакладу на беларускую мову Уладзіміра Шчаснага. Аналіз арыгінальнага твора дазваляе адабраць і вылучыць наступныя мадэлі сказаў з другаснай прэдыкацыяй.

Монасуб'ектная мадэль, дзе суб'ект прэдыкатыўнай асновы з'яўляецца суб'ектам канструкцыі другаснай прэдыкацыі, якая апісвае дадатковае дзеянне ці прыкмету. Граматычна такая мадэль апісання сітуацыі афармляецца ў выказванне з прыслоўным абаротам. У перакладзе на беларускую мову структура выказвання захоўваецца, другасная прэдыкацыя перадаецца дзеепрыслоўным абаротам: He examines the countenance of his partner, *comparing it carefully with that of each of his opponents* 'Ён вывучае твар партнёра, *параўноўваючы яго з тварамі праціўнікаў*'. *Residing in Paris during the spring and part of the summer of 18..*, I there became acquainted with a Monsieur C. Auguste Dupin '*Жывучы ў Парыжы на працягу вясны і часткі лета 18.. года*, я пазнаёміўся з нейкім месье С. Агюстам Дзюпэнам.' But, *not trusting to their eyes*, I examined with my own 'Алё, *ня давяраючы іх вачам*, я праверыў усё сам'.

Цікавым для аналізу ўяўляецца сказ I now remembered that, in fact, a *fruiterer*, *carrying upon his head a large basket of apples*, had nearly thrown me down, by accident [...], дзе канструкцыя другаснай прэдыкацыі апісвае хутчэй прыкмету суб'екта, чым дадатковае дзеянне. У перакладзе для прадстаўлення сітуацыі выкарыстоўваецца канструкцыя без другаснай прэдыкацыі, якая мае, аднак, прапазітыўную семантыку і таксама паказвае прыкмету суб'екта: Тут я ўзгадаў, што сапраўды нейкі *гандляр з кошыкам яблыкаў на галаве* ледзь не збіў мяне знянацку з ног [...].

Полісуб'ектная мадэль, у якой суб'екты прэдыкатыўных асноў выказвання і канструкцыі другаснай прэдыкацыі не супадаюць. На ўзроўні дэнататыўнай сітуацыі суб'ект, прадстаўлены ў прэдыкатыўнай аснове, з'яўляецца сведкам або ўяўляе сітуацыю, прадстаўленую канструкцыяй другаснай прэдыкацыі. Марфалагічна і сінтаксічна гэта мадэль у англійскай мове рэалізуецца пры дапамозе суб'ектных, аб'ектных і абсалютных канструкцый з безасабовай формай дзеяслова. Падобныя канструкцыі не тыповыя для беларускай мовы, таму ў перакладзе выкарыстоўваюцца адпаведныя трансфармацыі на паверхневым узроўні пры захаванні глыбіннай структуры дэнататыўнай сітуацыі. Умоўна названыя сітуацыі можна падзяліць на некалькі тыпаў.

Сітуацыі, у якіх суб'ект вядомы і прадстаўлены экспліцытна. Напрыклад, "How was it possible," I asked, "that *you should know the man to be a sailor*, and belonging to a Maltese vessel?" '– Як гэта, – спытаў я, – *ты даведаўся, што гэты чалавек матрос*, ды яшчэ з мальтыйскага судна?', Presently *we heard him*

descending ‘*Мы пачулі, як ён пайшоў уніз’*. У выпадку з суб’ектнай і аб’ектнай канструкцыямі на беларускую мову яны перадаюцца даданымі сказамі з экспліцытна прадстаўленымі суб’ектамі. У сказе *Had heard it said among the neighbors* that Madame L. told fortunes – did not believe it семантычны суб’ект сітуацыі прадстаўлены экспліцытна, але ў сказе фокус увагі засяроджаны хутчэй на дзеянні, таму ён не займае ролю сінтаксічнага суб’екта. У перакладзе ж сітуацыя зноў выражаецца некалькімі прэдыкатыўнымі асновамі: Чуў, *суседзі гаварылі*, што мадам Л’Эспанэ займалася варажбой, але ён гэтаму не верыў. Гэта можна растлумачыць жаданнем пазбегнуць ускладнення ўспрымання выказвання, хоць сродкі беларускай мовы і дазваляюць захаваць арыгінальную канструкцыю: *Чуў, *сярод суседзяў гаварылі* [...].

Сітуацыі, у якіх суб’ект невядомы або разумеецца на падставе кантэксту. У такіх выпадках у перакладзе меркаваны семантычны суб’ект можа быць экспліцыраваным, як, напрыклад, у сказе *No one was spoken of* as frequenting the house ‘*Яны не маглі назваць нікога*, хто б часта наведваўся ў дом’. У той жа час сродкі беларускай мовы дазваляюць захаваць аўтарскі сінтаксіс і пакінуць суб’ект неназваным з дапамогай даданых няпэўна-асабовых сказаў, напрыклад, [...] *we find it stated* that “not understanding French this witness was examined through an interpreter” ‘[...] *мы ведаем, што, як было заяўлена*, сведка не разумее французскай мовы, таму допыт вёўся праз перакладчыка’.

Для англійскага пісьмовага наратыву таксама тыповыя адасобленыя абсалютныя канструкцыі другаснай прэдыкацыі. Суб’ект такіх канструкцый можа быць прадстаўлены экспліцытна: *The possible moves being not only manifold but involute*, the chances of such oversights are multiplied [...] і перадаецца поліпрэдыкатыўным складаным сказам: ‘*А так як шахматныя хады не толькі разнастайныя, але і шматзначныя*, то шанцы недагляду – вялікія [...]’. Тое ж: *This companion dying*, the animal fell into his own exclusive possession ‘*Кампаньён хутка памёр*, і матрос застаўся адзіным уладальнікам жывёліны.’ Магчымыя таксама выпадкі, калі семантычны суб’ект разумеецца з кантэксту і не супадае з сінтаксічным: *The first two or three rounds having been played*, he is in full possession of the contents of each hand [...]. У перакладзе такая канструкцыя прадстаўляецца выказваннем, дзе семантычны суб’ект таксама разумеецца з кантэксту, але не эксплікаваны: ‘*Пасля першых двух-трох хадоў* яму ўжо зразумела, што ў каго на руках [...]’.

Асаблівага разгляду заслугоўваюць выпадкі выкарыстання намінатыўных абсалютных канструкцый. Яны апісваюць дадатковае дзеянне або стан рэчаў, паралельны і адначасовы з тым, што перадаецца прэдыкатыўнай асновай. У перакладзе для захавання мадэлі сітуацыі экспліцытна ўводзіцца прэдыкат, які разумеецца з кантэксту. Мадэль можа быць прадстаўленай поліпрэдыкатыўным сказам або сказам з канструкцыяй другаснай прэдыкацыі: It was open, *with the key still in the door* ‘Ён быў адамкнёны, *і ў дзверцах яшчэ тырчэў ключ*’. The ape, *razor still in hand*, was occasionally stopping to look back and gesticulate at its pursuer ‘Малпа, *па-ранейшаму трымаючы ў руцэ брытву*, раз-пораз спынялася, азіралася, крывіла морду ў бок гаспадара’.

Разгледжаны матэрыял паказвае, што трансфармацыйныя змены, эксплікацыя суб'екта і прэдыката сітуацыі, выражанай з дапамогай канструкцый другаснай прэдыкацыі, абумоўленыя строем і асаблівасцямі мовы перакладу і нярэдка прыводзяць да зменаў у структуры выказвання ў перакладзе, аднак семантычная і сітуацыйная мадэль арыгінала захоўваецца, і тым самым забяспечваецца эквівалентнасць перакладу.

О. В. Морозова

О ПОДХОДЕ К ПРЕПОДАВАНИЮ ПЕРЕВОДА В УНИВЕРСИТЕТАХ КНР

По оценкам специалистов, ежегодно в мире осуществляется перевод около двух миллиардов страниц текста, не считая приблизительно пятисот тысяч страниц, переведенных членами ассоциации переводчиков Китая. Объем непрерывно растет, при этом меняется и тип переводимого текста. На перевод художественной литературы приходится около одного процента. Абсолютное большинство текстов – технические, юридические и политические. При этом учебники, посвященные проблемам художественного перевода, составляют около 95 % от общего числа.

Количество и объем текстов, подлежащих переводу, настолько велики, что появилась необходимость в большом числе специалистов, это в свою очередь привело к открытию курсов, факультетов, программ подготовки и переподготовки переводчиков по всей стране.

Исследователи отмечают, что в Китае остро стоит вопрос контроля качества подготовки переводчиков на разных ступенях обучения. Как распределяется учебное время между формированием переводческой компетенции и развитием исследовательских способностей в отношении переводимого материала? Какие различия в методике преподавания следует предусмотреть для студентов-переводчиков и для студентов, изучающих иностранные языки в иных целях, с учетом потенциальной возможности их переводческой деятельности?

Университетское образование – это не только сформированные переводческие компетенции. Университетское образование должно способствовать становлению профессионала с широкой эрудицией, надежными фоновыми знаниями. В современных условиях переводчику, особенно фрилансеру, нужно ориентироваться не только в собственно переводческой сфере: важно разбираться в маркетинге, юридических вопросах, связанных с индивидуальным предпринимательством, налогообложении, продвижении сайта переводческих услуг, оптимизации процесса перевода и применении CAT-технологий.

В университетах Китая, в том числе в Пекине, Гуанчжоу и Шанхае, обучение переводу заключается в основном в формировании переводческих умений и навыков. В связи с этим при наборе в университеты и на програм-

мы подготовки переводчиков предпочтение отдают тем, кто уже хорошо владеет иностранными языками (или хотя бы одним иностранным языком), что позволяет уделять основное внимание собственно переводческим навыкам.

На первый взгляд, это логично, но такая система скорее подойдет для курсов переподготовки, чем для университетского образования. Генри Уиддоусон отмечает, что важно различать обучение и образование. Обучение направлено на подготовку людей к решению определенной задачи по готовой формуле и ориентировано на конкретные цели. Образование же направлено на развитие интеллектуальных способностей, которые помогут решить любые, в том числе нестандартные задачи.

Следовательно, цель обучения состоит в том, чтобы усвоить набор готовых формул, при помощи которых можно решить поставленную задачу, стандартную в условиях минимального руководства. Цель образования – формирование профессионала, способного решать проблемы, для решения которых недостаточно известных формул.

Исследователь Сильвия Бернардини предлагает считать обучение кумулятивным процессом, в результате которого студенту необходимо освоить как можно более широкий перечень знаний в этой области; в то время как образование – генеративный процесс, целью которого является способность применить имеющиеся знания для решения нестандартных задач.

Можно сказать, что обучение помогает добиться краткосрочных целей, в то время как образование направлено на формирование профессионала, способного к самосовершенствованию.

Сложно предсказать, с какими текстами переводчику предстоит раб-тать спустя годы после окончания обучения, поэтому важно не обеспечить студентов набором формул и техник, а скорее придерживаться целостно-личностного подхода (whole-person approach). Такой подход позволит сформировать всесторонне развитого, креативного, гибкого профессионала. Другими словами, помимо обширной базы знаний и навыков перевода, необходимо развитие критического мышления и творческого отношения к процессу и результату перевода.

Учебная программа, согласно целостно-личностному подходу, должна быть составлена с учетом осознания того, что для подготовки профессионала необходимо сочетать обучение и образование. Студенты не только должны обладать современными переводческими навыками, но и быть целостными личностями, способными служить на благо общества. Чем ниже ступень обучения, тем большее внимание уделяется практическим навыкам, и наоборот, переход к теории осуществляется на более высоких ступенях образования.

Даже когда студенты разбиваются на специализации (художественный, специальный перевод), все же не разумно ограничивать преподавание слишком узкими областями, например, поэзией XVII века или юридическим переводом.

При применении такого подхода, будь то многопрофильный Университет Сунь Ятсена в Гуанчжоу, где Школа перевода ежегодно принимает 500 студентов на уровне бакалавриата, или специализированный университет по изучению иностранных языков и культур (например, международные университеты в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу, в которых курсы по переводу предлагаются как на уровне бакалавриата, так и в аспирантуре), или педагогический университет Хунань, базовые предметы должны быть по существу одинаковыми, особенно в течение первых двух лет четырехлетней программы.

Целостно-личностный подход призван создать прочную основу для эффективного преподавания перевода в условиях, способствующих психофизиологическому и интеллектуальному развитию студента.

Н. П. Науменко

СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Экспрессивность – свойство определенной совокупности языковых единиц, обеспечивающее их способность передавать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи, а также совокупность качеств речи или текста, организованных на основе таких языковых единиц. Экспрессивные единицы существуют на всех уровнях языковой структуры и отвечают за выражение чувств, эмоций, оценок. Лингвистическим механизмом экспрессивности является, главным образом, отклонение от стереотипов в использовании языковых единиц различных уровней.

В создании экспрессивности текста ведущую роль играют не столько заложенный в системе экспрессивный потенциал языковой единицы соответствующего уровня, сколько характеристики коммуникативной ситуации, прежде всего контекст. Несовпадение интенций говорящего/пишущего и презумпций читателя/слушателя также может выступать дополнительным средством увеличения экспрессивности.

Общей задачей экспрессивности является выражение или стимуляция субъективного отношения к сказанному. Со стороны говорящего/пишущего это – усиление, выделение, акцентирование высказывания, отступление от речевого стандарта, нормы, выражение чувств, эмоций и настроений, наделение высказывания эмоциональной силой, оценивание, достижение образности и создание эстетического эффекта. Со стороны читателя/слушателя это – удержание и усиление внимания, повышение рефлексии, возникновение эмоций и чувств. При исследовании актуализации экспрессивности в англоязычном публицистическом тексте особый интерес представляют морфологические средства ввиду их меньшей изученности в данном контексте по сравнению с лексическими и синтаксическими.

На морфологическом уровне экспрессивность в публицистических текстах может появляться из-за нарушения норм употребления реляционных и деривационных морфем. Каждая грамматическая форма имеет несколько значений, из которых одно можно рассматривать как главное, а другие – как переносные. Расхождение между традиционно-обозначающим и ситуативно-обозначающим на уровне морфологии представляет собой транспозицию, которую иногда трактуют как грамматическую метафору. Выражение экспрессивности, а иногда и функционально-стилистические коннотации осуществляются при этом за счет нарушения привычных грамматических валентных связей.

Наглядным примером того, что код представляет собой систему знаков, правил их функционирования, ограничений на эти правила, является функционирование артикля. Неопределенный артикль перед фамилией при отсутствии транспозиции создает оценочное метафорическое значение. Часто неопределенный артикль перед фамилией ничем не примечательного человека дает презрительное указание на какие-нибудь дурные черты носителя этой фамилии: *on Tuesday an arch-conservative Mr Cruz notably extended his support among moderate voters*. Неопределенный артикль перед фамилией может раскрывать и принадлежность к знаменитой семье. В этом случае всегда имеется оценочный компонент: *Voters are starting to desert a faltering Donald Trump.*

Одним из морфологических средств выражения экспрессивности является использование форм настоящего времени при описании событий прошлого. В таком случае автор желает представить себя и читателя/слушателя участниками описываемых событий: *After a vote by Greek MPs, Monday sees the start of the implementation of last month's EU agreement with Turkey.*

Императивные формы как средства агитационности и лозунговости (повелительное наклонение, инфинитив и др.) также служат выражению экспрессии*: Stand firm, Mr Trump*. Высокочастотным способом выражения экспрессивности является аналитическая форма с глаголом *do: 1. It is just as important to ensure that we do not go along passively with the discrimination that Christians do suffer even in refugee camps.* 2. *If he does believe this, he is on his own.*

Употребление в публицистических статьях аномальных реляционных морфем, например, замены в английском языке *are* на *is* социально значимы и способны выражать экспрессивность. Экспрессивное воздействие таких аномальных форм в тексте особенно велико в ситуациях парадокса, то есть когда социальная роль говорящего исключает использование аномальных форм: *According to D.Trump*, c*orporations is, indeed, more aware of their environmental impact than ever before, and they is taking steps to mitigate it.*

Дополнительные коннотации экспрессивного характера несет употребление континуумных (абстрактных, вещественных) существительных, имен собственных во множественном числе**,** что считается нарушением общепринятых норм: 1. *Immortalities will never be easy. 2. The Lebedevs would have had*

to spend a large fortune on sustaining print while investing in digital – which means video, mobile, whatever comes next. Во втором примере *The Lebedevs* – это не семья, а совокупность личностей с такими социально-личностными характеристиками, как известный российский миллиардер Лебедев.

Стоит подчеркнуть роль собирательности (использование местоимений *every, each*, наречий-интенсификаторов *always, never, anywhere*, и т.д.) в создании экспрессивности: *The secretive wealth of public power has been exposed as never before.*

Экспрессивность также выражается комбинированными лексико-морфологическими средствами такими, как авторские неологизмы, т.е. слова, отсутствующие в языковой традиции и создаваемые авторами по словообразовательным законам данного языка, но с необычной комбинацией морфологических элементов либо с нетрадиционной их сочетаемостью или порядком следования: *It brings us back to the one final tilt that is imposed by the reigning rich-versus-the-rest political economy: namely, inadequate public revenues.*

Следует отметить особую роль категории степеней сравнения имени прилагательного, которая, передавая степень интенсивности выраженным прилагательным признака, близка к стилистической категории экспрессивности. Особенно это касается элятива, грамматическое значение которого указывает на безотносительно большую меру признака: *Sunlight, according to a cliche favoured by Donald Trump, is the best disinfectant.*

При рассмотрении экспрессивности, обусловленной морфологической производностью, необходимо отдельно рассмотреть экспрессивность словообразовательных аффиксов. Например, суффикс *-ish* при добавлении к основе прилагательного может наряду с обычными эмоционально-нейтральными вариантами, указывающими на присутствие небольшой степени качества, образовать модальные «тактичные» слова, которые создаются как окказиональные, если говорящий не хочет выражаться слишком прямо, резко или категорично и называть вещи своими именами, образовывая при этом прилагательные с отрицательной оценкой, а иногда и презрительно-раздраженные: *Amateurish affair.* Суффикс *-ian* может создавать некоторую приподнятость, образуя прилагательные, характерные для книжной речи: 1. *An equivalent blast of Cameronian chutzpah. 2. A scarcely believable Dickensian set of conditions.*

Наиболее важными именными суффиксами отрицательной оценки являются *-ard, -ster, -aster, -eer* и полуаффикс *–monger*: 1. *But this is too costly and time-consuming an exercise for regular pollsters.* 2. *Indeed, as Brexiteer Boris Johnson dismisses the whole Panama story as the Guardian "blathering".* 3. *Nationalist sentiment and warmongering slogans are on both sides.*

Уменьшительный суффикс создает слова с указанием на малый размер и одновременно ласкательные, шутливые или презрительные: *-kin, -let, -ling, -y, -ie: Young people should at least take part in what could be the most important vote of their lifetime, rather than leave it to the oldies to determine.*

Отрицательные аффиксы, в частности префикс *un-*, также связаны с коннотациями экспрессивности, и частое употребление прилагательных с этим отрицательным префиксом отражает тенденцию к накоплению слов сильной выразительности: *unending struggle, earn unequal wages, undemocratic capitalist club.*

Таким образом, изучение экспрессивного языка связано с описанием лингвистического кода, реализующего эмотивную функцию языка и формирующегося в каждом языке своим набором средств.

Я. Э. Осипова

РИТМИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОСВЯЗАННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ У УЧАЩИХСЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ И НАВЫКОВ ТЕХНИКИ ЧТЕНИЯ

В процессе обучения учащихся учреждений общего среднего образования иноязычному произношению, внимание уделяется аппроксимации произнесения учащимися звуков и звукосочетаний. Одним из объектов контроля на выпускном экзамене по иностранному языку является чтение отрывка вслух. Основными требованиями к произношению учащихся, оканчивающих учреждения общего среднего образования, являются фонематичность (степень правильности фонетического оформления речи, достаточная для незатрудненного понимания) и беглость речи (130–150 слов в минуту). Важную роль играет просодия речи и входящие в нее аспекты: ритм, тон и интонация. По мнению Е. А. Ивановой, именно отсутствие у учащихся ритмико-интонационных навыков не позволяет им приблизиться к произношению носителей языка. Формирование фонетических навыков и навыков техники чтения происходит на I ступени общего среднего образования, на II, III ступенях предполагается их совершенствование с целью предотвращения возможной деавтоматизации. Мы считаем, что фонетические навыки и навыки техники чтения нужно совершенствовать взаимосвязанно. Исследовав работы И. А. Зимней, Е. А. Ивановой, Н. И. Жинкина, А. А. Леонтьева и др., мы пришли к выводу, что навыки техники чтения и фонетические навыки связаны общностью психолингвистических особенностей.

Сходство факторов, определяющих успешность восприятия обоих видов речи (слышимой и видимой), объясняется, прежде всего, законами памяти. З. И. Клычникова отмечает, что память является основой всех психических функций мозга, начиная от выработки простейших условных рефлексов и заканчивая самым сложным интеллектуальным поведением, каким является восприятие и порождение речи. При обучении учащихся иноязычному произношению и технике чтения необходимо учитывать свойства их кратковременной, оперативной и долговременной памяти.

При рассмотрении физиологического механизма речевой деятельности, можно обнаружить, что им является выработка речедвигательных стереотипов слов. Так, исследования Н. И. Жинкина и А. А. Леонтьева в области

физиологии и психологии обнаружили, что в долговременной памяти человека, который владеет речью, обнаруживаются следы артикуляционных движений от произнесения слов и словосочетаний. Отмечается, что «артикуляционная программа из речедвигательного центра задается не на отдельный звук или слог, а на целое слово или синтагму». Иными словами, мы запоминаем не звуки, а мелодику, интонацию и ритм тех высказываний, которыми окружены. Из этого становится понятной важность изучения интонационных паттернов на основе речевых образцов в процессе обучения учащихся иностранному языку.

Каждая речевая деятельность в норме обеспечивается совместной работой нескольких анализаторов, объединенных, как говорят об этом Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез, «единством рабочего действия». Однако функция каждого анализатора в любом виде речевой деятельности остается строго дифференцированной, а взаимосвязь между анализаторами – динамической, подвижной, изменяющейся от перехода от одного вида речевой деятельности к другому. Например, связь между слуховым и речедвигательным анализаторами не является абсолютной, а зависит от многих факторов, в первую очередь, от сложности умственных действий, от формы общения (устного или письменного), от речевого опыта учащихся. Говоря о фонетических навыках и технике чтения, можно заметить, что данные виды навыков базируются на одном и том же процессе восприятия речи, однако каналы восприятия различаются. Так, в случае формирования фонетических навыков задействуется слуховой канал восприятия, а в случае техники чтения – зрительный. За единицу восприятия в обучении учащихся технике чтения принято считать слово, ибо оно является минимальной языковой единицей, имеющей определенное значение. Такой единицей при обучении учащихся фонетической стороне речи принято считать фонему.

Обучение технике чтения и иноязычному произношению связано с развитием связей между речевым слухом учащихся и артикуляцией. Согласно И. А. Фроловой, под речевым слухом понимается сложная, сформировавшаяся при жизни человека способность воспринимать звучащую речь, распознавать и воспроизводить ее фонологически значимые средства: звуки, интонации, паузы, ударения и т.п. М. Г. Каспарова предлагает делить речевой слух на следующие компоненты: 1) фонематический, 2) акцентуационный, 3) интонационный, где под фонематическим слухом понимается умение учащихся слышать отдельные звуки в словах, разделять слова на звуки, а из заданных звуков составлять слова, различать на слух все звуки языка, относящиеся к разным фонемам, не смешивая их друг с другом, и способность соотносить услышанные звуки с определенной фонемой языка. Акцентуационный слух определяется умениями учащихся дифференцировать словоформы с разным местом ударного гласного, выделять ударный слог в слове и соотносить услышанное слово с определенной ритмической моделью. Сущность интонационного слуха заключается в умениях учащихся устанавливать тождество-различие между интонационными моделями,

предлагаемыми в слуховой модальности; расчленять звуковой поток на синтагмы; определять коммуникативный тип и вид высказываний и выделять в синтагме интонационный центр.

Навыки техники чтения и фонетические навыки считаются сформированными, если достигается их целостность, плавность и автоматизированность. Под целостностью понимается способность учащихся воспринимать слова, фразы и предложения в единстве их формы, функции и значения. Под плавностью понимается низкий уровень напряженности при совершении действия.

Фонетические навыки и навыки техники чтения также объединяет фонологическая осведомленность. Как известно, в процессе овладения иностранным языком, учащимся приходится учиться сопоставлять устную и письменную речь. Вместе с этим появляются проблемы в соотнесении звукового и печатного образа звука. Не все учащиеся понимают, что речь разделена на фонемы (в английском языке их 44), но не состоит из отдельных фонем, следующих одна за другой. В английском языке звуки «наслаиваются» один на другой для того, чтобы произнести их быстрее, чем каждый по отдельности. Это влечет за собой неправильное произнесение и прочтение учащимися слогов в словах, которые вызваны недостаточной сформированностью навыков фонологической осведомленности (Phonological awareness skills), что является предвестником проблем сначала с техникой чтения, а затем и с говорением на иностранном языке. Согласно определению, данному Хайнцем Виммером, фонологическая осведомленность – это широкий обобщенный образ, который включает распознавание связей, существующих между звуками и буквами, определение ритма и аллитерации, а также знание того, что звуки могут составлять различные слоги в словах.

Таким образом, для обучения учащихся фонетике и технике чтения, у них необходимо развивать все компоненты речевого слуха (фонематический, акцентуационный, интонационный) и создавать такие упражнения, в которых будут учитываться индивидуальные особенности протекания психических процессов обучающих для возможности их активизации и корреляции в зависимости от цели и задачи обучения. Наиболее эффективным средством, на наш взгляд, является использование на уроках иностранного языка рит-мических стихотворений.

Под ритмическим стихотворением предлагается понимать специально созданный поэтический текст, основанный на использовании естественного ритма языка, повторяющегося во фразах под такт или музыку, который соотносится с содержанием предметно-тематического общения. Ритмические стихотворения обладают рядом преимуществ перед аутентичными стихотворениями и песнями, так как они не перегружают текст большим количеством стилистических приемов и устаревших слов для достижения поэтического эффекта. Ритмические стихотворения являются мультисенсорными, позволяют создать на уроке благоприятную атмосферу, формируют социокультурную компетенцию, если включить в них материалы страно-

ведческого характера. Они являются эффективным средством взаимосвязанного формирования у учащихся фонетических навыков и навыков техники чтения за счет многократного ситуативно-обусловленного повторения ритмически-оформленных фраз. Ритмические стихотворения позволяют учащимся запомнить правила чтения, особенности фонологической и просодической организации речи, не прилагая к этому больших усилий. Технология создания ритмических стихотворений достаточно гибкая, учитель может использовать его в уроках на любую тематику, в них также возможно включать актуальный языковой материал, лексические и грамматические единицы разговорного стиля.

Таким образом, использовать ритмические стихотворения важно не только на первой ступени обучения, но и на всех последующих. Это необходимо делать для того, чтобы установить в сознании учащихся прочную связь между акустическим и графическим образами звуков, одновременно воздействуя на зрительный, слуховой и речедвигательный анализаторы обучающихся.

В. В. Пищиков

О РАБОТЕ НАД НЕМЕЦКО-РУССКО-НЕМЕЦКИМ ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ КОРПУСОМ

Примерно десять лет тому назад российский лингвист В. Плунгян, размышляя о значении созданного четырьмя годами ранее Национального корпуса русского языка, отметил, что появление корпусов дало лингвистам не только «мощный инструмент анализа фактов языка», но и частично изменило теоретические приоритеты в изучении данного явления, а также взгляды на его сущность. По мнению исследователя, в последние десятилетия в мировой лингвистике замечается смещение внимания от языковой системы к узусу, от языка к речи, от слова или предложения к тексту и дискурсу, а также усиление внимания к количественному компоненту языка, к его синхронной и диахронической вариативности.

Преподавание письменного перевода не может оставаться в стороне от этих тенденций и должно использовать релевантные идеи и инструменты лингвистики в целях подготовки будущих переводчиков. Корпус – один из инструментов письменного переводчика. Осознание данного факта обучающими и обучающимися и овладение этим инструментом – очевидная необходимость нашего времени. К такому выводу приводят, с одной стороны, наблюдения за тем, какими инструментами пользуются студенты-переводчики на начальных стадиях обучения. С другой стороны, говоря словами немецкого переводоведа С. Гёпферих, переводчики, в том числе начинающие, должны (иметь возможность) обращаться к корпусам текстов на языках, с которыми работают, и корпусам жанров текстов. При этом корпусы могут быть как одноязычными, так и двуязычными. В последнем случае мы имеем

дело с переводами и корпусами переводов, которые также могут быть привлечены для выявления межязыковых и межкультурных различий, при условии, конечно, что это переводы высокого качества. И, в-третьих, в переводческой индустрии есть близкий родственник корпуса – память переводов, с которым обучающиеся сталкиваются при изучении систем автоматизированного перевода (CAT).

Исходя из такого рода размышлений, автором данных тезисов совместно с доцентом кафедры теории и практики перевода № 2 Д. Н. Шаповаленко был начат сбор и выравнивание материала для локального немецко-русско-немецкого параллельного корпуса. Осознавая ограниченность собственных возможностей и ресурсов, создатели тем не менее видят полезность данного проекта для перевода и его преподавания, ведения курсовых и дипломных работ в следующем:

– отбор материала в корпус соответствует локальным интересам и запросам (составители, кафедра);

– корпус – инструмент поиска эквивалентов и примеров для переводов, пособий, учебных и экзаменационных материалов, студенческих работ, а также источник информации для сопоставительных исследований на уровне текста и группы текстов;

– материалы корпуса могут быть использованы не только для поиска по всем собранным переводам, но и для объединения текстов в требуемые группы, например, по жанру (международный договор, журнал, технический справочник, роман, повесть), по автору (произведения Э. М. Ремарка, М. Булгакова), а также для статистических исследований;

– корпус позволяет обратить внимание обучающих и обучаемых на данный инструмент и побудить их к его использованию и далее к использованию «больших научных собратьев», например, Национального корпуса русского языка;

– работа над корпусом позволяет освоить некоторые современные технологии обработки текста, которые затем могут быть продемонстрированы в учебном процессе.

Серверная версия поисковой программы корпуса, о которой сообщалось на ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов МГЛУ в 2016 г., оказалась неудачной, поскольку не смогла обеспечить необходимую скорость поиска с увеличением количества текстов. В настоящее время на кафедре теории и практики перевода № 2 установлена и тестируется вторая, портативная версия программы-поисковика, написанная на языке «Джава».

Классической разметки в корпусе нет. Вся совокупность текстов группируется по направлениям перевода и функциональным стилям согласно русской лингвистической и чехословацкой традициям: научно-технический, газетно-публицистический, официально-деловой, художественный, религиозный. В корпус включаются собственно переводы, переводы с элементами адаптации и «сопоставления», к которым составители относят тексты с неус-

тановленным исходным языком и тексты, являющиеся переводами с третьего языка.

Интерфейс новой программы поиска имеет поле ввода запроса, кнопку переключения направлений перевода (нем-рус, рус-нем, бел-нем, нем-бел), ограничитель поиска по стилям (художественный – специальный, специальный – четыре стиля, все), а также кнопки экспорта результатов поиска в формат Word. В поисковом запросе по-прежнему могут использоваться подстановочные знаки * и ?. Искать информацию можно также в сегментах на переводящем языке, т.е., например, при выборе направления *немецкий → русский* поиск может производиться и в сегментах на русском языке. Результаты поиска группируются по текстам и по страницам (пагинация) и могут быть экспортированы в формат Word либо целиком, либо по стилям.

На текущий момент в немецко-русском направлении в категории «Художественная литература» имеется 90 текстов, в категории «Публицистика и пресса» – 30, в категории «Официально-деловые тексты» – 30, «Научно-технические тексты» – 10. В русско-немецком направлении наиболее хорошо представлены художественная литература (10 текстов) и официально-деловой стиль (40 текстов), единичные тексты есть в категориях «Публицистика» и «Техника». Белорусско-немецко-белорусское направление представлено десятком текстов договоров РБ с немецкоязычными странами. Общее количество текстов в корпусе – 230.

Немецко-русское направление (художественные + специальные тексты) содержит около 435 000 сегментов (порядка 6,5 млн словоупотреблений), из них художественных текстов – около 395 000 сегментов, специальные – примерно 40 000. Русско-немецкое направление содержит около 53 000 сегментов (приблизительно 820 000 словоупотреблений), из них на художественные тексты приходятся примерно 37 000 сегментов и на специальные – около 16 000. Белорусско-немецко-белорусское направление – по полторы тысячи сегментов.

В дальнейшем предполагается постоянное увеличение объема корпуса, в том числе путем добавления переводов из открытых источников, и его совершенствование по всем функциональным стилям и жанрам текстов, а также расширение и совершенствование функциональных возможностей программы-поисковика.

А. Н. Подоляка

ИГРА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Репродуктивному методу как способу достижения значительной образовательной эффективности за счет повышения мотивации студентов

к обучению в условиях игры по праву отводится важное место среди прочих методов обучения переводу.

Игры – ролевые, деловые и имитационные – важны как для студентов, так и для преподавателей: первым они дают возможность воспроизвести полученные знания в относительно свободной непринужденной обстановке, реализовать творческий потенциал, а вторым позволяют оценить реальный уровень знаний студентов, привлечь интерес к предмету.

Проблема геймификации обучения затрагивается в работах ряда исследователей (см. работы И. С. Алексеевой, Е. Р. Поршневой, Ю. М. Алюниной и др.).

Однако предлагаемый авторами формат проведения игр по ряду причин не подходит при работе с иностранными студентами, чей активный и/или родной язык не совпадает с языком, с которого/на который осуществляется перевод.

Во-первых, на занятиях в подобных смешанных группах не соблюдается принцип аутентичности, согласно которому перевод во время подобной имитируемой игры должен осуществляться носителями языка либо, что чаще встречается в наших аудиториях, людьми, для которых хотя бы один из используемых языков является активным родным.

Во-вторых, абсолютное большинство игр, описываемых авторами, направлено на вырабатывание навыка устного последовательного либо синхронного перевода. Это могут быть переговоры, интервью, дискуссии и т.д. Их реализация предполагает высокий уровень владения обоими языками, что не является фактом в группах иностранных студентов. Соответственно, игра подобного рода может привести к противоположному результату – она скорее демотивирует студента.

При работе с иностранными студентами особенно остро встает вопрос применения дифференцированного подхода.

Соответственно, актуальной необходимостью является разработка игр, которые бы отличались индивидуализированностью, т.е. давали студенту возможность выбирать для себя уровень сложности, темп и тактику прохождения, высокой степенью контролируемости (во время проведения которых преподаватель мог бы работать со студентами индивидуально), дидактичностью (в процессе игры слабые студенты могли бы учиться у сильных), гибкостью и универсальностью, т.е. могли бы быть без значительных временных затрат модифицированы преподавателем в зависимости от уровня подготовленности группы и темы.

Как представляется, этого возможно добиться с помощью настольной игры, специфика которой заключается в том, что:

1) благодаря разбиению предлагаемого для перевода материала на три уровня (начальный, средний, высокий) студент сам определяет стиль работы. Стремиться к «профессиональному росту», т.е. пытаться постепенно повышать сложность предложений/тестов либо оставаться на начальном уровне, при этом получать меньше бонусов в виде денег и навыков;

2) студенты не только демонстрируют приобретенные знания, но и в процессе перевода предложений с карточек лучше закрепляют пройденный материал либо овладевают им;

3) игра посильна практически каждому студенту, даже тому, который не имеет достаточно прочных знаний в языке – слушая переводы других, они могут пытаться перевести по аналогии, прибегнуть к помощи коллег.

Кроме того, настольная игра реиграбельна и применима практически на каждом этапе обучения переводу, т.е. с ее помощью можно отрабатывать лексические, грамматические трудности на разных курсах.

Подводя итог, отметим, что дифференциация на занятиях по переводу в группах, неоднородных по уровню владения русским и английским языками возможна за счет включения в учебный процесс настольных игр, которые позволяют создать оптимальные условия для развития способностей каждого студента на принципиально новой мотивационной почве.

А. С. Пономаренко, И. Г. Марголин

АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ МОДИФИКАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ М. ФРАЯ «ТЕНЬ ГУГИМАГОНА» С РУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ

Исследование посвящено грамматическим трансформациям на материале фэнтезийной повести Макса Фрая «Тень Гугимагона» на русском языке с переводом Анны Серафин на немецкий и Полли Гэннон на английский язык.

С целью анализа грамматических трансформаций проводилось количественное сопоставление данных каждой выборки оригинала и переводов по следующим параметрам: количество слов, части речи, типы предложений, а именно: ПП, СП и усложненных; коротких, длинных и сверхдлинных; количество союзов, артиклей и т.д.; а также количество использованных в переводах трансформаций по каждой выборке переводов, и была совершена попытка интерпретировать полученные результаты.

Специфике перевода фэнтези с русского на немецкий язык в теории перевода уделяется недостаточно внимания, поскольку почти отсутствуют статьи и другие научные публикации, где рассматривалась бы эта проблематика. Анализу переводов фэнтези с английского и на английский языки посвящено большее количество работ, поскольку сам жанр, согласно различным источникам, появился впервые именно в англоязычной литературе.

Фэнтези – это авторская реальность. И каждый автор создает свою мифологию, и придумывает собственные правила поведения в мире своих существ, либо изменяет уже существующие. Особую трудность вызывает перевод реалий, относящихся к семантическому полю волшебного. Можно выделить специфические трудности, возникающие в процессе перевода: 1) лакуны и частичные несоответствия в национальных системах фантастиче-

ских образов; 2) реалии и реалии-неологизмы, основанные на аллюзиях и ассоциациях в этих системах; 3) квазисобственные имена, то есть имена значимые, выдуманные автором для обозначения несуществующих объектов.

Для каждой из выделенных подгрупп характерны свои переводческие ошибки:

1. При передаче реалий с частичным несоответствием они чаще всего обнаруживаются на этапе актуализации реалии в ПТ.

2. При передаче, построенной на аллюзии реалии, переводческая ошибка часто проистекает из непонимания происхождения данной аллюзии.

3. При передаче квазисобственных имен ошибки часто возникают на этапе анализа значений реалии, особенно, если это значение осложнено аллюзией, что связано как с недостаточным объемом справочных пособий, так и с недостаточностью знаний самого переводчика.

В процессе перевода художественного текста важной задачей является сохранение своеобразия стиля, а также максимально адекватная передача художественного образа. И для более корректной передачи смысла, в том числе художественного текста, переводчику необходимо знать и уметь использовать переводческие трансформации (лексические, грамматические или смешанные).

Перевод с одного языка на другой невозможен без грамматических трансформаций, которые могут быть обусловлены лексическими и грамматическими факторами, а также различием строя языков.

В выявленных данных можно отдельно выделить следующее:

Количество слов в оригинале оказалось меньше, чем в английском переводе (976 против 1157), что обусловлено неродственным характером обоих языков, а также преобладанием в английском языке, как и в немецком, аналитических форм (артиклей, вспомогательных глаголов, а также перфектных, пассивных и футуральных форм). Немецкий же перевод показал почти полное совпадение за счет того, что количество имен существительных в немецком переводе на 23 единицы меньше, чем в оригинале (186). А в английском – на 8 единиц больше. Таким образом, сокращение числа существительных в немецком языке и относительно небольшое их количество в английском позволило сохранить в переводах динамику оригинала.

Количество глаголов, как правило, указывает на динамику развертывания событий. Т.е., чем больше глаголов – тем динамичнее текст. В немецком переводе по сравнению с оригиналом их больше на 21 единицу, а в английском – на 36. Такой результат может быть обусловлен типологическим различием языков, а также может свидетельствовать о большей динамичности английского языка. Это утверждение подтверждается также тем, что в английском языке количество динамических глаголов (т.е. глаголов действия) преобладает над статическими.

Разница в количестве предложений между оригиналом (89) и переводами (74 в немецком и 95 в английском) существеннее в случае с немецким переводом (15 против 6), что является еще одним аргументом в пользу сохранения в английском переводе динамики текста оригинала.

Количество артиклей в английском переводе превышает соответствующее количество артиклей в немецком языке на 29 единиц. Большее количество артиклей в английском тексте свидетельствует о том, что он содержит большее количество имен существительных, чем немецкий текст (186 и 184 соответственно). С одной стороны, это свидетельствует о некотором замедлении динамики развертывания содержания английского текста, чему, как известно, всегда способствует употребление большого количества имен.

Анализ грамматических трансформаций, то есть использования самых частотных приемов, а именно: замен, опущений, добавлений и перестройки предложений, показал следующее:

В немецком переводе преобразований оказалось больше, чем в английском. Если брать количественное соотношение замен, опущений и добавлений, то пропорции будут следующие: немецкий текст – 36, 38, 13; английский – 23, 16, 5. Такие трансформации, как перестройка, используется практически в каждом предложении, поскольку неродственный переводной язык, каким бы он ни был, подразумевает иную структуру предложений.

По результатам данного исследования можно сделать вывод, что переводчица на немецкий использовала значительно большее количество грамматических трансформаций, чтобы передать специфику текста фэнтези. Как мы видим, переводчица прибегает к большему количеству опущений, что может говорить об определенной трудности выбора оптимального варианта перевода некоторых единиц на немецкий, и, как следствие, свидетельствует о некоторой потере значимых специфических слов. На это может влиять как лексическая сторона слов, так и особая реальность, которую использует Фрай.

Ограниченный объем тезисов, к сожалению, не позволяет привести все данные анализа, тем не менее, следует отметить, что грамматические трансформации представляют собой один из важнейших аспектов перевода, особенно на неродственные языки, поскольку учет типологических сходств и различий в грамматическом строе языков помогает в значительной степени минимизировать влияние их негативных последствий на качество перевода.

Е. А. Ревуцкая

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА
(на материале французского, белорусского и русского языков)

Ниже пойдет речь об эпистемически маркированных фрагментах произведений Натали Саррот – французской писательницы с русскими корнями, представительницы «нового романа». Саррот и сегодня переводят на другие языки чаще других представителей этого направления.

Эпистемическая модальность – важная составляющая авторской субъективности – заслуживает особого исследовательского внимания в аспекте перевода, поскольку, как нам представляется, может находить как верные, так и вольные переводческие решения.

Писательнице Саррот известна уникальной повествовательной техникой, оспаривающей конвенциональный, клишированный язык художественной литературы. В 1939 году вышла ее первая книга «Тропизмы» (*Tropismes*) – серия коротких эскизов и воспоминаний. Тропизмы – это мельчайшие психические реакции, образы, возникающие в сознании человека до того, как он успеет сформулировать их.

В свою очередь, автобиографическая повесть «Детство» (*Enfance*, 1983) – не роман и не автобиография – не соблюдает хронологии событий, но утверждает «приоритет письма над жанром» (Smyth, 1986), подчеркивая значимость языка для всякого автобиографического начинания (Wei, 1986), но также показывая, что точное воспроизведение эпизода прошлого невозможно и даже бессмысленно (Havercroft, 1993).

«Детство» – это книга воспоминаний о первых одиннадцати годах жизни писательницы, имеющая форму диалога между рассказчицей и «голосом, задающим вопросы» – читателем либо «авторским сознанием» (Jones West, 1991). По мере развертывания повествования этот голос становится все менее настойчивым, постепенно превращаясь в «голос двойника» рассказчицы (Van Roey-Roux, 1984). Вместе с тем именно вопросительная форма делает автобиографический замысел Саррот проблематичным (Smyth, 1986).

Необычный характер повести «Детство» уже привлекал внимание лингвистов – есть, например, исследования повествовательных возможностей настоящего времени, оформляющего реминисценции Саррот и «замыкающего фрагменты опыта» (Gratton, 1994). Не менее важной частью авторского замысла Саррот представляется эпистемическая модальность – оценка рассказчицей вероятности / возможности положения дел, составляющего содержание высказывания. Внимательный читатель обратит внимание на присутствие в тексте значительного числа эпистемических показателей: так, «голос, задающий вопросы», не только подталкивает рассказчицу к «погружению в прошлое», но и подвергает сомнению точность ее воспоминаний:

– Ah, n'essaie pas de me tendre un piège…

*– **Peut-être** le faisais-tu plus que d'autres, **peut-être** autrement…*

*– Non, **je ne dirais pas ça**… je le faisais comme le font beaucoup d'enfants… et avec **probablement** des constatations et des réflexions du même ordre… en tout cas rien ne m'en est resté…* (Sarraute, 23–24)

'– Ах, не старайся поймать меня...

– **Может**, с тобой это случалось чаще, чем с остальными, **может**, как-то иначе, по-другому...

– **Нет, не думаю**... в этом смысле я была такая же, как многие дети... и, **наверное**, они видели и думали то же самое... во всяком случае, у меня ничего от этого не осталось… ' (Саррот).

Мы видим, что русский перевод может сохранять исключительную верность оригиналу в части эпистемической оценки (*peut-être* '(быть) может'; *je ne dirais pas ça* 'не сказала бы, не думаю'; *probablement* 'вероятно, наверное'). Вместе с тем отметим «эпистемические несовпадения»:

– *Mais elle s'est* ***probablement*** *très vite efface et ce que je parviens à retrouver, c'est surtout une impression de délivrance…*

– ***Il n'est pas possible que*** *tu l'aies perçu ainsi sur le moment…*

– ***Evidemment***. ***Cela ne pouvait pas m'apparaître*** *tel que je le vois à présent, quand je m'oblige à cet effort… dont je n'étais pas capable…* (Sarraute, 85–86)

'– Обида, **наверное**, быстро улетучилась, и поэтому мне удается вспомнить, прежде всего, чувство избавления...

– **Вряд ли** ты так воспринимала это тогда...

– **Конечно, нет**. **Я не могла относиться к этому** так, как сейчас, когда заставляю себя сделать усилие... на которое не была тогда способна...' (Саррот)

Далее голос «двойника» становится менее категоричным в переводе, нежели в оригинале. Так, *il n'est pas possible que tu l'aies perçu ainsi sur le moment* передается как 'вряд ли ты так воспринимала это тогда', а не как 'ты не могла так это воспринимать тогда', а *il n'est pas possible que* дословно означает 'невозможно, чтобы'.

Степень уверенности рассказчика в достоверности сообщаемого меняют и авторы переводов Саррот на белорусский язык: *Il lui semblait qu'alors, dans un déferlement subit d'action, de puissance, avec une force immense, il les secouerait comme de vieux chiffons sales, les tordrait, les déchirerait, les détruirait complètement. Mais il savait aussi que c'était* ***probablement*** *une impression fausse* (Sarraute, 12) 'Яму здавалася, што тады, у раптоўным прыліве дзейнасці і сілы, ён іх страсяне на ўсю моц, як старыя завэдзганыя анучы, скруціць, раздзярэ і знішчыць ушчэнт. Але адначасна ён ведаў, што такое ўражанне, **вядома**, падманлівае' (Сарот).

Так, белорусское 'вядома' указывает на едва ли не полную уверенность рассказчика, в то время как в оригинале прочитывается всего только предположение, маркированное наречием *probablement*. Таким образом, переводчики могут как следовать авторской эпистемической оценке, так и допускать «эпистемические несовпадения», тем самым расширяя истолкование оригинала.

Г. С. Романов

О ПРЕПОДАВАНИИ ПИСЬМЕННОГО СПЕЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА (ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК) НА ВТОРОЙ СТУПЕНИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Курс «Письменный специальный перевод (французский язык)» предусмотрен для занятий студентов магистратуры МГЛУ, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» на второй ступени высшего образования. Задачей этого курса является сообщение специальных языковых и межкультурных знаний наряду с развитием профессионально ориентированных умений и навыков в области письменного специального пере-

вода с французского языка на русский. Обучение письменному специальному переводу строится на основе знаний и навыков, полученных студентами на занятиях по практике иностранного языка, по письменному переводу и по курсу «Теория перевода» первой ступени высшего образования.

Специальный перевод является особым видом межъязыкового и межкультурного посредничества коммуникации на специальные темы в определенной профессиональной сфере. Такое посредничество осуществляется с учетом структурных и функционально-стилистических особенностей текстов, различий между коммуникативными ситуациями и двумя культурами. Необходимым условием адекватности специального перевода является уяснение переводчиком ситуационно-деятельностного контекста специальной профессионально ориентированной коммуникации и владение основами понятийно-категориального аппарата соответствующей отраслевой информации.

Цель данного курса заключается в детальном анализе лексических и терминологических вопросов перевода специальных текстов с французского языка на русский и анализа значений и узуального употребления отдельных слов и словосочетаний, характерных для франкоязычной специальной литературы. Именно это и определяет основную задачу этого курса, который призван обеспечить обучение письменному специальному переводу как самостоятельной дисциплине. Это предусматривает, с одной стороны, закрепление и развитие навыков и умений учета лексико-семантических особенностей специальных текстов на французском языке и способов их передачи при переводе на русский язык, а с другой – знакомство со спецификой функционирования различных терминологических систем во французском языке.

С точки зрения словарного состава специфика специального текста заключается в предельной насыщенности характерной для данной отрасли знания терминологической лексикой, являющейся частью организованных особым образом терминосистем, а также в широком употреблении различных лексических единиц, свойственных для книжной письменной речи. Такая терминологическая лексика дает возможность наиболее точно, четко и экономно излагать содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание существа трактуемого вопроса. В специальных текстах термины несут основную семантическую нагрузку, занимая главное место среди прочих общелитературных и служебных слов.

Одной из особенностей специальных письменных текстов на французском языке является частое употребление терминологических и т. н. книжных научных слов, имеющих латинское или древнегреческое происхождение, значение которых не всегда бывает понятным адресату, что не может не вызвать определенных трудностей при их переводе на русский язык и поэтому обусловить необходимость использования элементов культурно-прагматической адаптации.

Определенную помощь в преодолении такого рода трудностей может оказать знакомство с процессами формирования подобных лексических единиц, в частности, с механизмом деривации, которая представляет собой образование слов путем добавления или замены аффиксов (префиксов, префиксов, суффиксов и инфиксов). Все это должно способствовать определению оптимальной стратегии достижения эквивалентности в письменном специальном переводе с французского языка на русский, для чего используются различные приемы и лексико-семантические трансформации (замены, транспозиция, конкретизация, генерализация, компенсация, перефразирование и др.) при выполнении заданий по переводу предъявляемых обучаемым микротекстов специальной тематики.

Особенностью специальных текстов является также широкое употребление аббревиатур, которые представляют собой свернутые до их начальных букв наиболее распространенные в определенной тематической области именные обороты, которые затем используются как обыкновенные слова, например: *HLM* (*habitation à loyer modéré*). Некоторые аббревиатуры произносятся как единое целое, в котором буквы произносятся уже не по отдельности, а образуют сочетания, характерные для определенного языка. В этом случае они становятся акронимами. Иногда они имеют абсолютные эквиваленты в другом языке, например: *un radar* (*Radio Detection And Ranging*) – ‘радар’, а иногда приходится прибегать к элементам описательного перевода: *une fivète* (*Fécondation In Vitro Et Transplation d’Embryon*) – ‘ребенок в пробирке’ или даже ‘оплодотворение в пробирке и перенос эмбрионов’.

Определенную трудность при переводе представляют случаи, когда в русском языке используются общепринятые аббревиатуры, заимствованные из третьего языка, как правило, английского (*NAFTA* – ‘НАФТА’), а во французском языке отдается предпочтение аббревиатурам, основанным на переводе их исходного варианта (*NAFTA* – ‘ALENA’, т. е. *Accord de libre-échange nord-américain*).

Условием эффективного преподавания указанного курса является активное использование современных технических средств в обучении практике письменного перевода (электронные словари, накопители переводческой памяти, базы параллельных текстов, различные интернет-ресурсы и др.).

В качестве учебного материала по дисциплине используются отдельные лексические единицы и термины, терминологические словосочетания и предложения, представляющие интерес с точки зрения методологии поиска адекватных переводческих решений, а также аутентичные специальные тексты на французском и русском языках по изучаемой тематике. Среди рекомендуемых форм контроля аудиторной и самостоятельной работы студентов магистратуры как второй ступени высшего образования можно выделить анализ в аудитории выполненных студентами письменных переводов, устный комментарий возникших при этом переводческих проблем и обоснование стратегии их преодоления, а также составление глоссариев по пройденной тематике.

Е. Стефанова

РЕКОМЕНДАЦИИ В РУКОВОДСТВЕ ПО СТИЛЮ («The Guardian and Observer style guide»)

«The Guardian and Observer style guide» – руководство по стилю, содержащее рекомендации для журналистов, пишущих статьи для газет «The Guardian» и «Observer», электронного ресурса theguardian.com, а также для редакторов указанных изданий. Эпиграфом служит высказывание Томаса Джефферсона: «Самый ценный из всех талантов – никогда не использовать два слова, когда можно воспользоваться одним».

Информация в руководстве представлена в алфавитном порядке. В данной работе остановимся на лексических, стилистических и орфографических аспектах. Для удобства презентации материала составлены следующие структурные блоки:

- **Акронимы, аббревиатуры:**

✓ *awol* (*absent without leave*) **‘**находящийся в самовольной отлучке**’**, **‘**пропускать занятия без уважительной причины**’**; *asbo* (*antisocial behaviour order*) **‘**нарушение общественного порядка’; *CAP (common agricultural policy*) ‘единая сельскохозяйственная политика’; *EGM (*extraordinary general meeting) ‘внеочередное общее собрание’; *GLA* (*Greater London authority,* а не *Greater London assembly)* ‘Администрация Большого Лондона’; *Ican (International Campaign to Abolish Nuclear Weapons,* а не ICAN**), ‘**Международная кампания по запрещению ядерного оружия’; *Rada* (*Royal Academy of Dramatic Art*) ‘Королевская академия театрального искусства’;

✓ использование аббревиатуры военного звания при первом упоминании: *Col Tommy Smith*, затем – только фамилия: *Smith*;

✓ армия: *Gen, Lt Gen, Maj Gen, Brig, Col, Lt Col, Maj, Capt, Lt, 2Lt, OCdt, WOI, WOII, SSgt, CSgt, Sgt, CoH, L/CoH, Cpl, Bdr, L/Cpl, L/Bdr, Pte;* ВМФ: *Adm, V Adm, R Adm, Capt, Cdr, Lt Cdr, Lt, SLt, Mid, OCdt, WOI, WOII, CPO, PO, LH, AB, Mne;* ВВС Великобритании: *Gp Capt, Wg Cmdr, Sqn Ldr, Flt Lt, Fg Off, Plt Off, MAcr, WO, Ft Sgt, Ch Tech, Sgt, Cpl, Jr Tech, L/Cpl, SAC, LAC, AC;*

✓ звания без аббревиатур: *Field Marshal, Admiral of the Fleet, Commodore, Marshal of the RAF, Air Chief Marshal, Air Marshal, Air Vice-Marshal, Air Commodore;*

✓ министерства Великобритании: *Department for Business, Energy and Industrial Strategy (BEIS), Department for Digital, Culture, Media and Sport (DCMS), Department for Education (DfE), Department for Environment, Food and Rural Affairs (Defra), Department for Exiting the European Union (DExEU), Department for International Development (DfID), Department for International Trade (DIT), Department for Transport (DfT), Department for Work and Pensions (DWP), Department of Health and Social Care (DHSC), Ministry of Defence (MoD), Ministry of Housing, Communities and Local Government (MHCLG), Ministry of Justice (MoJ).*

o **Избегать:**

✓ глагола *to dub* ‘окрестить’, ‘дать прозвище’ (таблоидная, бульварная журналистика);

✓ предлога *per:* лучше *a year*, чем *per year*. Используем *per*, когда за ним следует другое латинское слово, например, *per capita*, но не *per head*. Исключениями являются *miles per hour (mph),* но: *kilometres an hour (km/h),* а не kph;

✓ *синдрома премьер-министра Дэвида Кэмерона*. Здесь подразумевается конструкция *Prime minister David Cameron said*. При первом упоминании известных личностей достаточно написать имя и фамилию, при втором упоминании – их должность: *David Cameron said last night* (при первом упоминании), *the prime minister said* (при последующих упоминаниях);

✓ слов *bedblockers, bedblocking* ‘использование больничных коек пожилыми пациентами, которые находятся там из-за отсутствия места в интернатах, приютах’ (использование только при цитировании).

o **Имена собственные:**

✓ топонимы с определенным артиклем: *the Bahamas, the British Virgin Islands, the Cayman Islands, the Czech Republic, the Democratic Republic of the Congo (DRC,* отсутствие the, при повторном упоминании*), the Dominican Republic, the Gambia, the Marshall Islands, the Netherlands* (но: *The Hague), United Arab Emirates (the UAE), the United Kingdom, the United States;*

✓ топонимы без определенного артикля: *Central African Republic* (при повторном упоминании – *CAR*)*, Ivory Coast, Lebanon, Seychelles, Sudan, Ukraine, Vatican City* (но: *the Vatican*)*, Yemen;*

✓ правильное написание: *Kyiv* (не Kiev), *Dynamo* (футбольные клубы из стран бывшего СССР), команда из Румынии – *Dinamo, Ekaterinburg* (не Yekaterinburg), *Sanremo* (одно слово);

✓ предпочтение отдается написанию иностранных топонимов в форме, в которой их использует местное население. Исключения: *Archangel, Basel, Berne, Brittany, Catalonia, Cologne, Dunkirk, Florence, Fribourg, Genoa, Gothenburg, Hanover, Kiev, Lombardy, Milan, Munich, Naples, Normandy, Nuremberg, Padua, Piedmont, Rome, Sardinia, Seville, Sicily, Syracuse, Turin, Tuscany, Venice, Zurich;*

✓ китайские антропонимы: *Mao Zedong, Zhou Enlai, Jiang Zemin* (материковый Китай: написание в два слова); *Tung Chee-hwa, Chiang Kai-shek* (Гонконг, Тайвань: в два слова с дефисом); *Chiang Kai Shek Cultural Centre* (в три слова, когда здание, парк названы в честь человека). Корейские имена пишутся по такому же принципу: *Kim Il-sung, Lee Kuan Yew* (Сингапур, Малайзия: написание в три слова). Общий совет – передавать китайские имена в других странах с учетом пожеланий говорящих.

✓ малайзийские антропонимы: малайцы-мусульмане обычно не используют фамилии. Так, *Mahathir Mohamad (Mahathir –* сын, *Mohamad* – отец) при повторном упоминании – просто *Mahathir*. Китайско-малайзийские име-

на, как и сингапурские, пишутся в три слова: *Ling Liong Sik* (при повторном упоминании – *Ling*);

✓ исландские антропонимы: при повторном упоминании используется только личное имя: *Jóhanna* (премьер-министр *Jóhanna Sigurðardóttir*). Фамилия патронимична, т.е. указывает на отца: *Jóhanna Sigurðardóttir,* где *Jóhanna* – дочь (dóttir), а *Sigurðar* – отец. Существуют редкие исключения, поэтому необходимо проверять каждый отдельный случай.

✓ арабские *Muhandis/Mohandes* и *Qadi* – 'инженер' и 'судья' соответственно (не личные имена).

o **Паронимы:**

✓ *to flaunt* 'рисоваться', 'красоваться', 'выставлять напоказ'; *to flout* 'презирать', 'насмехаться';

✓ *palate* 'нёбо'; *palette* 'палитра'; *pallet* 'паллет/а', 'грузовой поддон';

✓ *callous* 'черствый', 'бессердечный'; *callus* 'мозоль' (правильный глагол – *to callous*, прилагательное – *calloused* 'мозолистый', хотя существует еще одна форма прилагательного – *callused*).

o Прилагательные, образованные от имен собственных, которые нужно писать со строчной буквы в английском языке:

✓ *danish pastry* 'датская выпечка'; *french horn* 'валторна', 'духовой медный музыкальный инструмент басово-теноровогo регистра'; *french polish* 'французская полировка', 'лаковая отделка мебельных изделий'; *french window* 'окно от пола до потолка', 'французское окно'; *sienna pigment* 'сиена', 'природный светло-коричневый пигмент'; *chicken kiev* 'котлеты по-киевски' и др.

Руководство поможет найти ответы на многие вопросы как в отношении правописания, сочетаемости слов, так и в отношении расстановки пунктуационных знаков. При отсутствии ответа на интересующий вопрос составители (David Marsh, Amelia Hodsdon) советуют обращаться к словарю Collins English Dictionary.

А. В. Титова

ТЕХНИКА РЕФЕРИРОВАНИЯ В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ

Устный последовательный перевод (УПП) – один из наиболее востребованных видов перевода, который используется для обслуживания встреч на высоком уровне и различного рода переговоров, а также для обеспечения совместной работы профессиональных, академических, управленческих и иных групп, смешанных по языковому составу. Одним из преимуществ УПП является непосредственное присутствие переводчика в ситуации перевода, которое дает возможность более полного восприятия и более быстрого и эффективного анализа коммуникативного контекста (восприятие и лингвистической, и экстралингвистической информации).

Очевидно, что основная сложность УПП наблюдается на этапе анализа и заключается в том, переводчику приходится работать с нематериальной информацией, обработка которой должна осуществляться на очень высокой скорости, что влечет неизбежную нагрузку на память, ведь значительный объем информации не может быть запомнен на поверхностном уровне. Следовательно, на этапе анализа переводчик должен выполнить компрессию информации без потери ее существенных элементов и смоделировать систему смысловых связей различного уровня и вида, обеспечивающую сохранность материала на период синтеза и проговаривания текста перевода.

Еще одна сложность в работе устного последовательного переводчика может возникнуть на этапе синтеза. Эта проблема обусловлена в числе прочего внешними факторами, а именно временными ограничениями, которые устанавливает организатор мероприятия. Поскольку использование УПП, как правило, приводит к увеличению общего времени встречи (переговоров, докладов и т.п.) почти в два раза, организатор (заказчик) может выдвинуть дополнительное условие переводчику: его перевод должен быть не только качественным и адекватным, но и по возможности компактным, емким. Следовательно, на этапах ревербализации и проговаривания переводчик должен скорректировать свою рабочую стратегию и сформулировать вариант перевода, точно отражающий смысл сказанного и не превышающий времени звучания оригинального отрезка (или даже уступающий по этому параметру). Кроме того, бывают ситуации, когда заказчик отдельно оговаривает, что вместо подробного перевода «слово в слово» он хочет слышать краткую, обобщенную версию сказанного (иногда даже предпочтение отдается сохранению прагматики высказывания – настроению, оценочности, эмоциональности, а не подробному воспроизведению содержания). В таких ситуациях переводчик может и должен применить технику реферирования.

В строгом смысле реферирование или реферативный перевод – это разновидность перевода, при котором происходит сжатие основного содержания исходного текста на одном языке средствами другого, переводящего языка. При реферативном переводе основным элементом является трансдукция, т.е. языковая трансформация, при которой происходит перекодирование исходного текста на одном языке и генерирование вторичного текста на другом языке, которые, в отличие от традиционного перевода, производятся при условии отхода от сигнификативного прагматического значения исходного текста и сохранения денотативного значения всей информации.

Как правило, реферативный перевод выполняется в письменной форме и предполагает выборочный подход к определению исходного уровня компонентов содержания исходного текста. В ходе вычленения основного смысла коммуникативных блоков более высокого уровня, чем предложение, наравне с отдельными словами и словосочетаниями могут опускаться целые предложения и абзацы. В устном переводе эта техника получила название «перевод-пересказ»: перевод выполняется в устной форме, однако в его основе лежит тот же принцип трансдукции. При этом важно понимать, что просто опустить

в устном переводе часть звучавшей информации нельзя. Такой ход может привести к риску нарушения логики высказывания, фрагментарности (бессвязности) в звучании перевода и существенным смысловым потерям. Таким образом, сокращение объема (времени звучания) перевода должно происходить за счет очень быстрого качественного анализа и грамотной компрессии.

К основным этапам реферативного перевода относят выделение ключевых фрагментов, полное или частичное перефразирование части выделенных ключевых фрагментов, обобщение смысловых частей реферируемого текста и их трансдукцию на языке перевода и изложение полученного ряда трансдуктов (конечного текста) при условии введения в конечный текст переходных элементов, подсказываемых логикой развития мысли.

Анализ ситуаций, где на практике применялся перевод-пересказ, позволяет сделать вывод о том, что успешность выполнения этой задачи и общее качество перевода зависят от того, насколько эффективно переводчик справился с первой сложностью УПП, а именно с удержанием в памяти большого объема информации, выделением логических связей, моделированием программы перевода и фиксированием ее средствами переводческой семантографии. Все эти операции выполняются на стадии анализа, или, точнее, на этапе девербализации. Под девербализацией понимают освобождение воспринятой информации от языковых средств, форм и структур исходного языка, т.е. высвобождение смыслов, заключенных в поверхностных формах исходного текста, из их языковой (вербальной) оболочки. На этом этапе УПП переводчик должен абстрагироваться от информации о том, какие именно слова, выражения и синтаксические конструкции избрал автор для выражения содержания. Важно понимать, что основная задача заключается не столько в подборе эквивалентов для каждого из элементов смыслового содержания текста оригинала, сколько в создании текста на языке перевода, адекватно передающего сумму смыслов оригинала в совокупности. На практике это означает, что на этапе девербализации переводчик должен максимально быстро проанализировать поступивший к нему отрезок информации и компрессировать его до смысловой формулы, которую можно зафиксировать на бумаге средствами переводческой семантографии, разгрузив таким образом объем краткосрочной памяти.

При выполнении перевода-пересказа на этапе девербализации переводчик должен выделить в звучащем отрезке ключевые фрагменты, несущие основную смысловую нагрузку, и зафиксировать их, максимально четко отображая логическую связь. Получившиеся в результате семантограммы служат своеобразной схемой или программой перевода-пересказа, гарантирующей сохранение не только ключевых смысловых фрагментов, но и логической связи. На этапе синтеза, при считывании получившейся смысловой формулы, переводчик должен отдавать предпочтение наиболее компактным конструкциям из всех возможных. Это может подразумевать использование максимально простых грамматических и синтаксических

конструкций, отказ от сложных оборотов и описательных конструкций, исключение повторов. Придерживаясь такой стратегии, переводчик сможет выполнить условие по сокращению времени звучания, не нарушив при этом смысловой и логической структуры оригинала.

А. В. Цохан

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА

В современном мире в эпоху глобализации роль переводчика становится все более значимой. В связи с чем возникает объективная необходимость в подготовке высококвалифицированных специалистов, владеющих необходимыми знаниями, умениями и навыками для обеспечения успешной коммуникации как в устной форме, так и в письменной.

Профессиональное обучение студентов языкового учреждения высшего образования письменному переводу предполагает использование проверенных методик, основанных на различных дидактических принципах, реализующих определенное содержание обучения и направленных на формирование у студентов тех или иных переводческих навыков и умений. Обзор российских и зарубежных научных публикаций по вопросам дидактики перевода позволил выделить несколько традиционных подходов к обучению студентов письменному переводу, отличающихся как по содержанию, так и по степени эффективности их реализации. Рассмотрим основные пути и способы обучения студентов языкового учреждения высшего образования письменному переводу с иностранного языка на родной.

Одним из наиболее традиционных методов обучения письменному переводу является trainer-centered method (в терминологии Д. Келли) или авторитарно-творческий метод (в терминологии И. С. Алексеевой). Данный метод исходит из предпосылки, что лучший способ научиться переводить – в многочисленных учебных переводах студентов и последующем сравнении результатов их работы с «правильным» преподавательским образцом. И. С. Алексеева уточняет, что в рамках данного метода в качестве преподавателя обычно выступает опытный переводчик. Д. Келли и Э. Мартин подчеркивают, что распространенность данной методики обучения письменному переводу в середине XX века объясняется как недостаточной разработанностью положений методики преподавания перевода, так и общими дидактическими принципами, характерными для 1950-60-х годов, согласно которым студент является, скорее, объектом обучения. Главными недостатками данной методики, по мнению Д. Келли, являются отсутствие систематизации задач обучения переводу, сосредоточенность обучения на результате (переведенном тексте), а не на процессе перевода и его закономерностях, недостаточная аргументированность выбора адекватного варианта перевода, а также создание у будущих переводчиков негативной установки на заведомую неполноценность результатов их труда.

Дальнейшее развитие педагогической науки в рамках субъектного и гуманистического подходов, а также разработка новых теоретических концепций в сфере переводоведения и прикладной лингвистики, обусловили появление новых методов и способов обучения письменному переводу, ориентированных на осуществление студентами активной и осознанной учебно-переводческой деятельности. Среди ключевых тенденций нового поколения методик обучения письменному переводу можно выделить следующие:

– коммуникативный подход к обучению переводу;

– смещение акцента в обучении с результата перевода на переводческий процесс и способы реализации выбранной переводческой стратегии;

– профессиональная ориентация обучения, симуляция будущей профессиональной деятельности;

– формирование и совершенствование в процессе обучения актуальных профессиональных компетенций и личностных качеств будущих переводчиков;

– формирование положительной учебной мотивации и позитивного отношения к будущей профессиональной деятельности.

Одним из первых зарубежных исследователей, разработавшим полноценную обучающую методику на основе существующих положений теории перевода, является канадский преподаватель перевода Ж. Делил. Придерживаясь коммуникативно-речевого подхода к переводу, Ж. Делил полагает, что обучение переводу должно всецело строиться на основе учета коммуникативного характера переводческого процесса и тех умений, которые нужно создать у переводчика. Следовательно, в процессе обучения будущие переводчики должны упражняться не в переводе отдельных фраз или словосочетаний, а в решении реальных коммуникативных задач. Важным достоинством методики Ж. Делила является стремление теоретически обосновать процесс обучения переводу и, в то же время, последовательная реализация ряда эффективных педагогических принципов.

Схожим образом трактует коммуникативный подход к обучению переводу немецкий ученый К. Норд, предлагая функциональную модель переводческого анализа текста и разработанную на ее основе методику. В качестве основного тезиса своей методической концепции К. Норд приводит утверждение о том, что обучение переводу должно симулировать реальную переводческую деятельность. Ставя перед собой реалистичные коммуникативные цели, студенты выполняют переводческие задания осмысленно и ответственно.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основе большинства методик обучения студентов письменному переводу лежат принципы коммуникативного подхода к переводу. Тем не менее, в каждой из рассмотренных методик реализуются различные аспекты данного подхода.

Наряду с традиционными методами, появляются и набирают популярность и инновационные, среди которых можно выделить:

– металингвистический подход, который описывает в одной из своих статей Е. Г. Логинова. Данный подход предполагает развитие у студентов навыков, позволяющих анализировать текст оригинала с позиции внеязыковых значений слов, то есть потенциал слова. В рамках металингвистического подхода предполагается научить студентов учитывать такие аспекты перевода, как лингвистический, прагматический, социокультурный. Кроме того, к перечисленным аспектам можно добавить и этимологический, так как от этимологии слова будет зависеть его адекватное восприятие в переводящем языке;

– методику обучения переводу научных текстов на основе учета этимологической составляющей терминов. По мнению автора методики О. С. Николаевой, в процессе обучения у студента переводческого факультета должна формироваться этимологическая компетенция, которая включает в себя умение обеспечить адекватность перевода терминов на основе знаний об их происхождении, функционировании и значений, которые они имели в прошлом.

Для решения проблемы отсутствия у студентов навыков работы со средствами автоматизации перевода также можно найти оптимальные подходы среди инноваций. Прежде всего, к таким инновациям следует отнести различные компьютерные средства автоматизации перевода. А. Б. Кутузов выделяет два больших класса таких технологий. К первому классу относятся так называемые программы автоматизированного, или машинного перевода. Второй класс представлен системами CAT (Computer-assisted / aided translation), которые, в отличие от средств первого класса, направлены не на полное замещение труда человека-переводчика, а на облегчение его труда только в некоторых его аспектах. К таким системам можно отнести программы Trados, OmegaT, DejaVU, WordFast и другие.

Наряду с различными компьютерными технологиями, в процесс обучения письменному переводу активно внедряется Интернет, который охватил практически все сферы жизнедеятельности современного человека. Однако нельзя забывать о том, что Интернет – лишь вспомогательное техническое средство обучения, и для достижения оптимальных результатов необходимо грамотно интегрировать его использование в процесс обучения. Тем более, когда речь идет об обучении такому сложному виду речевой деятельности, как письменный перевод. Огромное множество электронных словарей, доступных благодаря сети Интернет, различные обучающие программы – все это, безусловно, является подспорьем в обучении переводу, но только при условии, что широкие возможности Интернета будут грамотно использоваться студентами в процессе обучения.

Таким образом, рассмотренные инновации в обучении письменному переводу способны решить многие проблемы методики обучения переводу в учреждении высшего образования. Однако следует отметить, что они находятся еще на начальной стадии своего развития, поэтому их методический потенциал полностью не исследован и требует дальнейшего изучения.

Н. Шалесная

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ CAT-ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА

В условиях роста количества текстовой информации, требующей перевода, переводчики находят новые способы организации перевода, которые позволили бы, с одной стороны, сохранить время, а с другой стороны, повысить качество предоставляемых услуг. В связи с этим забываются старые способы осуществления письменного перевода с помощью бумаги и ручки, на их смену приходят текстовые редакторы, которых в дальнейшем заменяют переводческие платформы.

Многофункциональные платформы такого типа позволяют переводчику выполнять перевод текста самостоятельно с использованием различных инструментов. Таким образом, процесс перевода полностью контролируется человеком в отличие от систем машинного перевода, где ключевую роль играет сам компьютер.

Системы автоматизации перевода работают на основе специальных накопителей, которые принято называть CAT-инструментами (computer-aided or assisted translation tools). К основным таким инструментам относятся база памяти переводов (translation memory) и база терминов (term base). Более того, многие автоматизированные системы перевода предлагают возможность использовать контроль качества (quality assurance).

Особое значение для профессиональной подготовки переводчиков имеет умение работать с базой памяти переводов, которая содержит готовые варианты перевода предложений. Одна запись в базе памяти соответствует «единице перевода» (translation unit), которую называют сегментом. Во время работы переведенные сегменты попадают в базу памяти переводов, что позволяет исключить повторный перевод одних и тех же предложений. За счет этого значительно увеличивается скорость работы. Выполнив перевод сегмента, переводчику не нужно тратить время на его перевод снова. Компьютерная система обнаружит, что такое предложение содержится в базе памяти, и предложит уже готовый вариант перевода. Так, переводчики смогут обрабатывать тексты больших объемов быстрее и с меньшими трудозатратами. Кроме того, повторное использование ранее переведенных сегментов способствует достижению единообразия перевода.

База памяти переводов имеет практическую ценность при работе в команде, когда в рамках одного проекта все участники процесса перевода могут пополнять базу памяти, производить редакцию, обновлять в режиме реального времени либо совершать поиск по базе с целью поддержания связности, однородности и единого стиля. Соответственно, такой способ взаимодействия переводчиков значительно повысит производительность труда и качество переводческих услуг, что отразится на прибыли заказчиков и бюро переводов.

Обращаясь к CAT-инструментам, стоит также упомянуть, что переводческие программы позволяют подключать глоссарий. База терминов включает в себя единицы перевода, чаще всего слова и словосочетания. Преимущество использования базы терминов в первую очередь заключается в том, что переводчику не нужно изучать весь глоссарий, который может включать тысячи переводных пар. Достаточно загрузить его в базу терминов, и программа предложит перевод слова, как только обнаружит его в тексте. Отсюда сохраняется время, которое потратил бы переводчик на изучение всего глоссария или поиск слова. Необходимость использования базы терминов появляется при работе со специализированными текстами либо в тех случаях, когда над одним и тем же проектом работают несколько переводчиков, которые отвечают за качество предоставляемых услуг.

Одним из важных инструментов программ переводческой памяти является контроль качества (quality assurance), который позволяет обнаружить некоторые ошибки в тексте перевода. К ошибкам, которые выявляет компьютер, относятся:

1) пустой перевод;
2) неподтвержденный сегмент;
3) несоответствие чисел либо их отсутствие;
4) несоответствие перевода;
5) двойной пробел либо пробел в конце предложения;
6) повторяющиеся слова;
7) ошибки в тегах;
8) терминологические ошибки (несоответствия с базой терминов);
9) орфографические ошибки и др.

При работе с системами автоматизации переводов большое внимание должно уделяться составлению базы памяти переводов и базы терминов, ведь от них зависит качество и время, затраченное на перевод. Большинство переводческих платформ использует параллельные тексты как способ пополнения базы памяти. Достаточно загрузить два параллельных текста, и компьютер сопоставит их, используя программу для работы с электронными таблицами Excel. Переводчику нужно внести минимальные изменения и загрузить результат в подключенную базу памяти переводов.

Современные требования использования CAT-инструментов и разработки в области технологий для бюро переводов, заказчиков и переводчиков стали причиной появления многих переводческих платформ. Среди них выделяются Memsource, SDL Trados, SmartCat, memoQ, Déjà vu, Wordfast, Across, OmegaT. Все программные продукты отличаются различными возможностями и диапазоном цен. Многие из них предоставляют бесплатную версию, в то же время устанавливая на нее некоторые ограничения. Однако набор инструментов по прежнему остается неизменным.

Д. Н. Шаповаленко

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПЕРЕВОДА: ЗА И ПРОТИВ

Произведение каждого большого мастера художественного слова, тем более классика мировой литературы, достойно того, чтобы стать доступным самой широко читательской аудитории во всем мире, другими словами, достойно перевода на многие языки. В практике художественного перевода существует большое количество примеров, когда известные произведения переводились на один и тот же язык несколько раз. Причины этого явления многообразны: это и не вполне удовлетворительное качество ранних переводов, и стремление устранить очевидные огрехи, ошибки переводчика и недостатки, допущенные по вине редактора либо издательства, это и чисто коммерческие вопросы, связанные с износом тиража и фактической утерей произведения, когда оно становится со временем библиографической редкостью, и, вполне вероятно, существуют причины иного рода. В качестве весьма спорной причины часто выдвигается стремление преподнести современному поколению читателей новое прочтение произведения. Но ведь само произведение со временем не приобретает каких-то дополнительных качеств! Другое дело, что события, описываемые в произведении, отстают от современного читателя на многие десятки, а то и на сотни лет, что естественным образом затрудняет – в первую очередь для переводчика, а уже потом и для читателя – восприятие, осмысление и оценку авторской мысли и эстетики его труда.

Практика перевода художественной прозы в советское время и в современной России знает достаточно много примеров, когда одно и то же произведение переводилось – с немецкого языка на русский – два, три и даже четыре раза, например, роман Э. Ремарка «Искра жизни» существует в трех версиях, а «Три товарища» – в четырех.

Московское издательство «АСТ» начало публикацию новых переводов произведений Э. Ремарка и среди них представило в 2015 году перевод романа «Der Weg zurück» под названием «На обратном пути». Автор перевода – Е. В. Шукшина, переводчик с уже известным именем и большим опытом перевода художественной литературы.

Сразу же возникает вопрос, почему появилось новой название «На обратном пути», хотя ранее роман был переведен как «Возвращение»? Это маркетинговый ход издательства, чтобы привлечь внимание читателя к якобы новому, не переведенному ранее роману, или осмысленное решение переводчицы? Если первое, то эффект достигнут: продавцы книжного магазина, знакомые с творчеством Ремарка, недоуменно смотрели на эту книгу и рассуждали о целесообразности нового названия. Если второе, то решение абсолютно нелогичное. Ремарк вложил в это название двойной смысл: то, как происходило возвращение бывших молодых солдат Великой войны к мирной жизни, и к чему они в результате пришли, каким оказалось для них такое возвращение, что из этого получилось. Другими словами,

в названии романа одновременно прослеживается некий оттенок незавершенности действия и его завершенность, чего мы не находим в новом названии: семантика словосочетания «на обратном пути» предполагает возможность остановиться, передохнуть, переосмыслить что-то и т.д., но движение продолжается, а момент завершенности действия, достижения цели отсутствует. В слове *возвращение* мы же ощущаем одновременно и процесс, то, как это возвращение проходило, и результат, то, к чему это привело и чем все завершилось. В целом же, при переводе названий художественных произведений следует руководствоваться четко сформулированной позицией И. С. Алексеевой, которая в своих рекомендациях для переводчика подчеркивает, что прежде всего следует проверить, нет ли в языке перевода уже устоявшегося соответствия. Если нет, название переводится после обязательной консультации со специалистом (литературоведом, искусствоведом, историком и т. п.), который поясняет смысл названия.

Анализ двух переводов одного и того же произведения – задача достаточно сложная, исходя хотя бы из объема исследуемого материала. Поэтому методика проверки сводилась, во-первых, к выявлению степени формального соответствия исходному тексту, анализировалась полнота перевода и сравнивались соотносимые структуры и общие различия переводов и оригинала, во-вторых, определялись формальные соответствия и расхождения ИТ и ПТ на содержательном уровне, т.е. их качественные характеристики, в-третьих, выявлялась степень смысловой нагрузки и приемлемости для массового читателя.

Для удобства анализа оба варианта перевода – в электронном виде – подверглись сегментации с помощью программы ABBYY Aligner и были сведены в параллельные тексты с максимальным уровнем соответствий. Это дало возможность сравнить переводы относительно их соответствия на уровне законченного предложения либо высказывания (особенно в диалогах, когда их дробление на мелкие единицы искажает восприятие смысла) и позволило упростить зрительное восприятие и сопоставление исследуемого материала. Первое, на что было обращено внимание, – полнота передачи авторского текста. На этот счет серьезных замечаний нет, хотя – при сверке электронных версий переводов – статистические данные показывают, что новый перевод более «экономный»: текст И. А. Горкиной включает 69 776 слов, а Е. В. Шукшиной – 61 489, количество абзацев соответственно – 2 938 и 2 897. В целом структура и архитектоника авторского текста сохранены. Проверка на уникальность нового перевода по главам дала высокий результат – от 93 до 97 %. При этом следует заметить, что по данным проверки в режиме рерайт, наблюдается высокий уровень совпадений 50–55 % в новом переводе, что вполне объяснимо заданными свойствам ИТ и, в какой-то степени, его интерференцией.

Анализ уже первых строк обоих переводов заставляет задуматься о точности перевода понятий, связанных с военной тематикой и армейским узусом. Переводчиком допущено довольно большое количество ошибок содержательного плана. В ИТ, например, семь раз встречается слово *Urlaub*,

и при первом переводе И. Горкина в пяти случаях абсолютно правомерно преподносит его как *отпуск,* а два раза использует синонимическую замену *побывка*. В новом переводе Е. Шукшиной шесть раз встречается *увольнение* и один раз *отпуск*. И перечень такого рода несоответствий достаточно убедителен.

Особый интерес представляет перевод слов и выражений солдатского жаргона, что не всегда оказывается простой задачей, так как в русскоязычном узусе некоторые явления просто отсутствуют в армейской среде и не находят адекватной замены, как, например *Kaffeeholer*, ставшие в переводе Е. Шукшиной *пищевозами,* почему не *пищеносами?*

Если сгруппировать все замечания по точности перевода и особенно реалий, можно прийти к выводу, что в подавляющем большинстве случаев на это влияет недостаточное владение переводчиком темой.

В целом о передаче разнопланового содержания в новом переводе можно сказать: если неточности, явные ошибки наблюдаются, они зачастую и, к сожалению, остаются незамеченными массовым читателем, на которого и должен быть ориентирован перевод, такой читатель не воспринимает большинства ошибок и безоговорочно верит переводчику.

Можно с достаточной долей уверенности констатировать, что новый перевод имеет как свои плюсы, так и минусы. Новый перевод не устраняет недостатков первого, а подчас и усугубляет их.

Тем не менее, новые переводы – это, в первую очередь, свидетельство того, что к автору и его произведениям все еще проявляется интерес, что произведение живо, но только ни в коем случае не следует смотреть на повторный перевод как на некое соревнование двух переводчиков. Но если новый перевод не устраняет недостатки предыдущего, а дополняет его новыми неточностями и откровенными ошибками, то зачем нужен такой перевод?

Здесь как раз уместно обратиться к В. Набокову, который призывал переводчика подводить читателя к переводу, а не перевод – к читателю. Главная задача переводчика, которому читатель, безусловно, доверяет, должна заключаться в абсолютно правдивом, точном и ясном, неискаженном собственными прихотями переложении произведения на литературный язык, не в попытке потакать прихотям части читающей публики, а в прагматической адаптации текста в первую очередь для вдумчивой читательской аудитории, в воспитывающем влиянии идей произведения, ставшего мировой классикой. К. Чуковский назвал художественный перевод «высоким искусством», и он должен соответствовать этому высокому уровню. Для этого переводчику требуются глубокие знания иностранного и родного языков, значительный багаж фоновых знаний – дабы в тексте перевода не появлялись непростительные ошибки и неточности – и, не в последнюю очередь, стремление понять текст даже в мельчайших деталях, какими бы незначительными они не казались переводчику.

Таким образом, можно с большой степенью вероятности утверждать, что новый перевод – это, скорее всего, в чистом виде коммерческое мероприятие, и примеров этого, к сожалению, довольно много.

Е. В. Шестакова

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

На сегодняшний день перевод текстов различных тематик проник практически в каждую сферу жизни человека. До начала стремительного развития информационных технологий наиболее востребованными видами письменного перевода считались специальный (юридический, экономический, научно-технический, медицинский и другие), художественный и публицистический, однако сегодня специальный перевод стал самым популярным в переводческой среде.

Специальный перевод – перевод текстов, имеющих особую терминологию и относящихся к определенной отрасли. Сегодня большая часть переводимых специальных текстов относится к сферам бизнеса и коммерции, экономики и финансов, юридической и деловой документации, медицины и здравоохранения.

Повышенная степень трудности переводимых текстов, появление неизученных типов документов, уровень ответственности переводчика при работе со специальными текстами и сжатые сроки предоставления готовых переводов – все эти факторы требуют высокого уровня языковой подготовки и профессиональной компетентности переводчика. Задача подготовки и обучения переводчика специальных текстов с широким диапазоном навыков и умений заключается в адаптации обучаемых к реальным переводческим условиям путем оптимизации общепринятых форм обучения переводу с учетом новых требований, которые предъявляются к переводчику в условиях эпохи информационных технологий.

В настоящее время работа переводчика специальных текстов подразумевает широкое использование информационных технологий. Это обусловлено ограничением сроков выполнения переводов, а также спецификой текстов и терминологии, встречающейся в них.

К информационным технологиям, которые задействуются в процессе перевода, относятся офлайн-ресурсы, онлайн-ресурсы и ресурсы с возможностями как онлайн-, так и офлайн-доступа. Среди офлайн-ресурсов выделяют программы набора и редактирования текста (программы пакета Microsoft Office, Wordpad, Блокнот), программы для работы с PDF-документами (Adobe Acrobat, Foxit Reader), программы для распознавания текста (ABBYY Fine Reader), графические редакторы (Paint, Adobe Photoshop, Movavi Photo Editor) и другие.

Онлайн-ресурсы (интернет-словари, программы машинного и автоматизированного перевода, терминологические базы, корпуса текстов и другие) могут быть задействованы в процессе перевода только при наличии доступа в Интернет.

В современных условиях широкое распространение получили ресурсы с возможностями как онлайн-, так и офлайн-доступа. К таким программам относятся электронные словари и программы управления терминологией, программы автоматизированного перевода класса Translation Memory и программы проверки качества перевода (QA (Quality Assessment/Assurance)-программы).

Постоянное развитие и изменение различных сфер жизни общества приводит к тому, что в языке появляются новые термины, реалии, неологизмы. Зачастую отследить или предсказать появление той или иной новой лексической единицы в языке не представляется возможным, как и оперативно отразить все изменения в бумажных словарях. Следовательно, с использованием авторитетных электронных словарей у переводчика появляется возможность отследить актуальные изменения, произошедшие с той или иной лексической единицей, и выполнить перевод грамотно и адекватно. К электронным словарям и словарям, имеющим онлайн- и офлайн-функции, относится программное обеспечение ведущих британских и американских издательств (Oxford, Cambridge, Meriam-Webster, Longman, Collins), словари компании ABBYY Lingvo и другие.

При выполнении перевода специального текста переводчику всегда приходится работать с терминами, составлять глоссарии. Зачастую глоссарии составляются путем записи терминов списком в текстовом файле либо от руки или путем создания электронной таблицы либо базы данных. Однако с задействованием специальных программ переводчик также может упростить этот процесс, используя готовые терминологические базы, составленные авторитетными ресурсами. Например, к таким ресурсам относятся Termbases.eu, proz.com, база терминов ООН UNITERM и другие.

Чтобы облегчить и ускорить работу переводчика не только на уровне слова, но и на уровне текста, необходимо задействовать в работе программы, реализующие технологию Translation Memory («память переводов») (TM-программы). Эти ресурсы относятся к классу CAT-программ (Computer-Aided (Assisted) Translation). TM-программы могут быть бесплатными (например, OmegaT, SmartCAT, MemSource) и платными (например, Trados Studio, Déjà Vu, Wordfast, Across).

При выполнении перевода с помощью TM-программ сегмент (обычно сегмент представляет собой одно предложение), находящийся в работе, автоматически сравнивается с тем, который сохранен в базе данных. Если в базе данных имеется совпадение, то переводчику предлагается использовать переведенный сегмент. Переводчик может принять предложенный перевод или отредактировать его и занести в базу данных. Если сегменты не совпадают, то переводчик переводит текущий сегмента текста, и он зано-

сится в базу данных. ТМ-программы эффективны при переводе однотипных текстов, содержащих много повторяющихся лексических единиц или структур, например, контрактов, описаний к медицинским препаратам или инструкций по эксплуатации оборудования.

После завершения перевода переводчик осуществляет проверку готового текста на наличие ошибок разных типов, и этот процесс также возможно автоматизировать с использованием информационных технологий. В ТМ-программах имеются встроенные инструменты проверки качества, однако переводчик также может воспользоваться отдельными программами проверки качества перевода (QA-программы), которые имеют расширенный функционал. С помощью таких программ переводчик может проверить свой текст на полноту перевода, соответствие терминологии, отсутствие ошибок в оформлении и грамматических ошибок и так далее.

Необходимо отметить, что QA-программы проверяют только формальные критерии качества, они не могут оценить правильность или неправильность перевода. К таким программам относят Apsic Xbench, FineQA и TermCheck.

Применение информационных технологий в сфере перевода, как и в иных областях, может быть связано с трудностями, вызванными проблемой неприятия нового. Кроме того, многие программы, позволяющие облегчить процесс перевода, имеют расширенный набор функций, и, чтобы грамотно ими овладеть, переводчик также должен потрать на это немало времени. Однако, если сопоставить преимущества и недостатки процесса перевода с использованием информационных технологий и без них, можно сделать вывод, что автоматизация письменного перевода специальных текстов – необходимая составляющая процесса подготовки переводчика как грамотного специалиста, работающего в соответствии с требованиями современного рынка переводческих услуг.

В. В. Шостакович

ПРОЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ЕЕ УЧЕТ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА
(на материале русского и немецкого языков)

Перевод осуществляется человеком – носителем определенного родного языка. Помимо этого переводчик на экспертном уровне владеет иностранным языком. В связи с этим возникает несколько аспектов взаимопроникновения языков в процессе их использования переводчиком. Термин «интерференция», заимствованный из физики, начинают применять для обозначения взаимопроникновения языков с середины 1950-х гг. До последнего времени это понятие разрабатывалось в основном в контрастивной лингвистике, где под интерференцией понимается нарушение языковой нормы под воздействием элементов другого языка, а также процесс воздействия одного языка

на другой. В переводоведении последних лет появилось понятие «межъязыковая интерференция». Это понятие обозначает проецирование специфических черт исходного текста на переводящий текст, результатом которого оказывается нарушение норм, конвенций и дискурса переводящего текста. Одной из самых обширных является классификация В. В. Алимова. Он выделяет следующие типы интерференции: звуковая, орфографическая, грамматическая, лексическая, семантическая, стилистическая и внутриязыковая. Интерференция может иметь место не только при употреблении отдельных слов и устойчивых словосочетаний, но и при построении предложений и даже текстов. Так как различия между системами родного языка и изучаемого иностранного языка часто приводят к разным видам интерференции, представляется целесообразным проводить подробный анализ таких различий в процессе изучения и обучения.

Так, на лексическом уровне давно замечена так называемая терминологическая интерференция, приводящая к возникновению «ложных друзей переводчика». Она возникает на базе частичной межъязыковой омонимии, когда слово исходного языка звучит почти так же, как слово переводящего языка, и переводчик, опираясь на свой языковой опыт, считает, что оба слова совпадают в своем значении (нем. *reklamieren* – ‘предъявлять рекламацию’ и рус. *рекламировать*; нем. *planieren* ‘выравнивать’ и рус. *планировать* и мн. др.). Лексико-семантическая интерференция зависит от степени овладения словарным составом, семантикой и стилистическими признаками лексических единиц немецкого языка. Многочисленные примеры лексико-семантической интерференции связаны с расхождениями в соотношении значений и оттенков значений соотносимых лексических единиц в изучаемом языке и родном. Достаточно типичными являются ошибки, связанные с нарушениями отношений внутри синонимических рядов, когда вместо одного синонима используется другой, неуместный в данном контексте. Например, вместо *Er kennt diesen Studenten* переводят *Er weiß diesen Studenten*. Лексические ошибки такого рода встречаются также и при употреблении многих других пар немецких глаголов, значение которых в русском языке может передаваться одной и той же лексемой, например, *работать* – ‘arbeiten’/‘funktionieren’, *звонить* – ‘anrufen’/‘klingeln’, *строить* – ‘bauen’/‘bilden’, *учить* – ‘lernen’/‘studieren’, *говорить* – ‘sprechen’/‘sagen’, *бросать* – ‘werfen’/‘verlassen’, *плыть* – ‘schwimmen’/‘fahren’, *встречать* – ‘treffen’/‘begegnen’/‘abholen’:

Будильник не работает ‘Der Wecker *arbeitet nicht’ (‘Der Wecker funktioniert nicht’).

На вокзале я встретил старого друга ‘Am Bahnhof habe ich einen alten Freund getroffen’/‘Am Bahnhof bin ich einem alten Freund begegnet’.

Мой друг встретил меня на вокзале ‘Mein Freund hat mich am Bahnhof *getroffen’ (‘Mein Freund hat mich vom Bahnhof abgeholt’).

Интересный случай представляет собой также смешение немецких глаголов *brauchen* и *müssen*, первый из которых, будучи обычно изученным на более раннем этапе, часто заменяет второй, что приводит к грамматической ошибке:

Мне нужен новый компьютер ‘Ich brauche einen neuen Computer’.

Мне нужно купить новый компьютер ‘Ich *brauche einen neuen Computer kaufen’ (‘Ich muss einen neuen Computer kaufen’).

Лексико-семантическая интерференция также часто возникает в результате прямого перевода устойчивых сочетаний и конструкций без учета лексических особенностей изучаемого языка. Причиной подобных ошибок является отсутствие необходимых лексических знаний или практических навыков, позволяющих быстро активировать данные знания в нужный момент. Хорошо известным примером подобной интерференции является прямая замена русского глагола *любить* в сочетании с другими глаголами немецким глаголом *lieben*, которая приводит к лексической ошибке, так как соответствующее значение передаётся в немецком языке с помощью личной формы смыслового глагола в сочетании с наречием *gern* или модального глагола *mögen*:

Я люблю путешествовать ‘Ich *liebe reisen’ / ‘Ich *liebe zu reisen’ (‘Ich reise gern’).

Прямая замена русской лексемы одной соответствующей ей немецкой лексемой без учета особенностей передачи данного значения в изучаемом языке также может привести к распаду устойчивых сочетаний лексем:

Моя сестра любит чистить картошку ‘Meine Schwester *putzt Kartoffeln gern’ (‘Meine Schwester schält Kartoffeln gern’).

Грамматическая интерференция в переводе также имеет место, хотя встречается значительно реже. Сравнительный анализ переводов научных текстов и их оригиналов с немецкого языка на русский показывает, что в русском переводе часто появляется неестественный «немецкий» порядок слов (глагол всегда на 2-м месте); распространенное определение с большим числом распространителей, которое не свойственно русскому научному тексту, и т.п. Кроме этих качественных нарушений, в области грамматических явлений типичными являются количественные: слишком частое использование в переводе на русский язык пассивных конструкций (их пропорция в русском нормативном языке тем самым нарушается); злоупотребление *praesens historicum*, который в русских текстах используется реже. Грамматическая интерференция при употреблении немецких глаголов часто проявляется в тех случаях, когда глагольное управление в изучаемом языке, требующее при определенном глаголе употребления имени существительного в определенном падеже и часто с определенным предлогом, нарушается под влиянием грамматических норм родного языка. Многие глаголы в русском и немецком языках имеют одинаковое управление. Так, русский глагол *любить* и немецкий глагол *lieben* требуют дополнения в винительном падеже, русский глагол *помогать* и немецкий глагол *helfen* – дополнения в дательном падеже. Предлоги, с которыми употребляются русские и немецкие глаголы, также часто совпадают. Так, русский глагол *встречаться* употребляется с предлогом *с*, немецкий глагол *sich treffen* – с *mit*, русский глагол *полагаться* употребляется с предлогом *на*, немецкий глагол *sich verlassen* – с *auf*. Разумеется, в подобных случаях также возможны ошибки, но их причиной будет скорее отсутствие необходимых грамматических

знаний, например, падежных форм артиклей, чем влияние норм родного языка. Существует, однако, немало глаголов в немецком и русском языках, которые существенно отличаются друг от друга в плане управления. Так, русские глаголы *звонить* и *мешать* требуют дополнения в дательном падеже, в то время как соответствующие им немецкие глаголы *anrufen* и *stören* требуют дополнения в винительном падеже:

Я позвоню тебе 'Ich rufe *dir an' ('Ich rufe dich an').

Твоя музыка мешает мне 'Deine Musik stört *mir' ('Deine Musik stört mich').

В процессе перевода обнаруживается и культурная интерференция. Она связана с различиями в культурных конвенциях, т.е. в правилах ситуативного словоупотребления, которые приняты в разных культурных сообществах. Так, в немецком и русском языках существенно различаются культурные конвенции, связанные с обозначением отрезков времени, с формулами вежливости, с употреблением междометий.

Интерференция при переводе является неизбежным явлением, и вместе с тем механизм перевода вполне способен ее преодолеть. Обусловленные межъязыковой интерференцией нарушения могут затрагивать лексический состав, грамматический строй, предметно-содержательные, лингвотекстуальные и культурные аспекты текста. Следовательно, межъязыковая интерференция представляет собой препятствие для достижения эквивалентности. Результатом интерференции нередко является нарушение взаимопонимания между людьми в процессе их речевого общения, поэтому изучение интерференции с точки зрения ее коммуникативного эффекта представляется чрезвычайно важным – оно позволяет предвидеть ошибки и облегчить задачу их исправления.

Эберхардт Юрген Гельмутович

РЕДАКТИРОВАНИЕ ТЕКСТОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Объем переводов на рынке за последние десятилетия удваивался каждые четыре года, но популярность профессии переводчика не увеличилась.

Многие быстро развивающиеся рынки восточной Европы и Азии требуют документацию на относительно редких языках, для которых не хватает переводчиков, например, объем переводов на арабский и китайский язык в XXI веке возросли больше, чем в 20 раз.

Машинный перевод набирает популярность на рынке переводческих услуг. Опросы показывают, что более 50 % российских и зарубежных переводческих компаний уже используют его в своей практике. Еще 10–20 % планируют начать внедрять эту технологию в свою деятельность в ближайшее время.

75 % всех пользователей Интернета применяет системы автоматического перевода, интегрированные в веб-сайты.

При этом машинный перевод является, скорее, информационной, чем переводческой услугой. По действующим стандартам результаты машинного перевода не допускаются к публикации без редактирования человеком. Но в связи с глобальными потоками информации они все больше и больше используются как источник информации.

Использование систем машинного перевода (МП) позволяет исполнителю переводческих услуг:

1) повысить производительность труда;

2) сократить сроки выполнения переводов;

3) компенсировать дефицит переводчиков;

4) сохранить конкурентоспособность в условиях, когда спрос заказчиков на услуги машинного перевода постоянно растет.

Однако заказчики и поставщики услуг должны понимать, что ни одна система МП, какой бы хорошей она ни была, не способна обеспечить перевод того же качества, что и человек-переводчик.

Поэтому в переводческой практике применяются разные способы повышения качества машинного перевода:

- предварительное редактирование исходного текста перед процессом машинного перевода;
- вмешательство человека в процесс перевода (интерактивные или адаптивные программы машинного перевода);
- постредактирование и другие проверки результата машинного перевода;
- смешанные способы.

Проверить и отредактировать машинный перевод (МП) – задача постредакторов. Постредактирование результатов машинного перевода сильно отличается от редактирования переводов, выполненных человеком, так как переводческие программы делают совершенно другие ошибки, чем человек.

Подготовка МП начинается с проверки исходного текста. В некоторых случаях рекомендуется отредактировать исходный текст, чтобы сделать его более пригодным для машинного перевода, например, заменить сокращения и аббревиатуры. Чтобы достичь хорошего качества переводов, исходные тексты можно писать для МПБ с применением набора стандартных слов, выражений и предложений.

В любом случае, предварительное редактирование облегчает редактирование результатов машинного перевода. Опыт показал, что тексты, написанные на элементарном языке, хорошо поддаются машинному переводу.

Сегодня почти все системы МП работают с постредактированием. Здесь современные информационные технологии как терминологические базы данных, электронные словари и специальные программы проверки качества перевода способствуют повышению эффективности переводческого процесса.

Процесс постредактирования

Постредактор должен отредактировать переведенный машинным способом текст таким образом, чтобы он был понятен, а содержание перевода соответствовало содержанию исходного текста и условиям договора между заказчиком и исполнителем перевода.

Постредактор получает исходный текст и машинный перевод текста в редактируемой форме, имеющиеся справочные материалы и необходимую информацию о достигнутых договоренностях, использовании системы переводческой памяти, системы управления терминологией и руководство по стилю заказчика.

Процесс постредактирования начинается с подготовки. Характер и объем постредактирования следует выбрать в зависимости от требований заказчика и качества необработанного МП. Поэтому постредактор определяет соответствующий вид постредактирования – полное или облегченное постредактирование.

Требование к полному постредактированию – обеспечение качества перевода, сопоставимого с качеством перевода, выполняемого человеком.

Для достижения уровня качества, соответствующего «человеческому переводу» (т.е. пригодности для публикации), рекомендуется использовать полное постредактирование.

На этом уровне постредактирования целевой текст должен быть не только правильным, понятным и грамматически правильным, но и не должен сильно отличаться от перевода, выполненного квалифицированным переводчиком.

Тем не менее, постредактор должен сохранить как можно больше текста МП.

Следует выполнить следующие требования:

– терминология должна быть единой по всему тексту перевода и соответствовать предметной области и целевой группе.

– дополнительные соглашения могут включать соблюдение терминологии клиента.

– правописанию, грамматике и аббревиатурам следует соответствовать общим правилам языка перевода.

– форматирование должно соответствовать исходному тексту.

Не допускаются:

– опущение или добавление информации;

– неправильные или неясные предложения.

Требования к облегченному постредактированию – достижение «достаточного» качества.

Заметно, что перевод был создан компьютером. Синтаксис, грамматика и стилистика могут быть не идеальными, но содержание воспроизводится правильно.

Как минимум, надо выполнить следующие требования:

- исправление предложений, имеющих неверный или непонятный смысл;
- отсутствие опущения или добавления информации;
- замена оскорбительного, неуместного или культурно неприемлемого содержания;
- соблюдение основных норм языка перевода.

Перед передачей заказчику перевод надо проверять на соответствие условиям договора. Постредактор должен обеспечить обратную связь с администратором системы машинного перевода, чтобы улучшить качество перевода и сам процесс машинного перевода.

Если в XX веке компьютеры и информационные технологии были в основном помощниками переводчика, то в XXI веке они стали конкурентами человека в разных областях перевода благодаря искусственному интеллекту. Данные опроса разных представителей переводческой отрасли позволяют предположить, что профессия переводчика будет трансформироваться, возрастет спрос на специалистов, которые готовы работать в тандеме с МП, т. е. переводчики не будут замещаться роботами, переводчики будут заменены теми переводчиками, которые используют роботов.

Цель применения систем РЕМТ не сокращение штата переводчиков, а повышение эффективности и качества переводческого процесса.

Е. Й. Юрьев

КОМПОНЕНТ С ДЕФИНИЦИЯМИ КАК МЕТАТЕКСТОВЫЙ ФЕНОМЕН ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ НА НЕМЕЦКОМ И НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Важную роль в типологии метатекстовых средств играют дефиниции, или определения применяемых в документе понятий. Метатекстовый потенциал данного элемента текста уже неоднократно становился предметом научных исследований (см. работы Е. В. Шиловой). Аналогичную точку зрения находим у А. Крисмора и Р. Фарнсворта, которые относили к метадискурсу «комментарий к коду» (code glossing), под которым следует понимать акт определения или объяснения слов, фраз или идиом, которые могут быть трудны для восприятия читателем. Определения являются эксплицированным авторским комментарием конкретных терминов, употребляемых в тексте; с помощью дефиниций адресант сообщает адресату, как правильно трактовать применяемые понятия, что позволяет избежать двусмысленности и разночтений.

В целях проведения исследования был осуществлен анализ дефиниций на базе обширного практического материала, представлявшего собой более 600 документов на немецком, нидерландском и русском языках, в роли которых выступили уставы юридических лиц, правительственные постановления и международные договоры Федеративной Республики Германия, Королевства Нидерландов, Российской Федерации и Республики Беларусь. Проведенное исследование позволило обнаружить ряд внутритекстовых дефиниций, интегрированных в основной текст документа и призванных облегчить восприятие и верную трактовку употребляемых понятий адресатами. В то же время обращает на себя внимание наличие значительного количества метатекстовых компонентов структуры документа (отдельные статьи, пункты, параграфы), посвященных раскрытию значения употребляемых терминов и оформленных в виде списков дефиниций.

Ниже приведен пример подобного композиционного компонента с дефинициями в уставе университета на нидерландском языке:

1.1 Definities

de stichting: de Stichting Universiteit voor Humanistiek

het stichtingsbestuur: het bestuur van de stichting, tevens raad van toezicht als bedoeld in de wet

de universiteit: de Universiteit voor Humanistiek <…>

de wet: de Wet op het hoger onderwijs en wetenschappelijk onderzoek <…>

de universiteitsraad: het medezeggenschapsorgaan bestaande uit medewerkers en studenten van de universiteit

1.1 Определения

фонд: Фонд Университета гуманитарных наук;

правление: правление фонда, являющееся также наблюдательным советом, предусмотренным законом;

университет: Университет гуманитарных наук <…>;

закон: Закон о высшем образовании и научных исследованиях <…>;

совет университета: консультативный орган, состоящий из сотрудников и студентов университета'.

Блок с дефинициями оформляется здесь в виде списка, оформленного как последовательность абзацев, а в число определяемых понятий входят, главным образом, лексические единицы, имеющие особое значение для тематической сферы документа и широко используемые на протяжении текста.

В ряде случаев компонент с дефинициями совмещен с определением сферы действия документа, например:

Artikel 1. Reikwijdte en definities

<…>

2. Dit besluit verstaat onder:

a.wet: de Wet op de vennootschapsbelasting 1969;

b.concern: de belastingplichtige tezamen met de met hem verbonden lichamen, bedoeld in artikel 10a, vierde lid, van de wet;

c.verkrijgingsprijs: de verkrijgingsprijs, bedoeld in artikel 13l, derde lid, van de wet

'Статья 1. Сфера применения и определения

<…>

2. Данное постановление подразумевает под понятиями следующие значения:

a. закон: Закон о налоге с акционерных обществ 1969 г.;

b. концерн: налогоплательщик вместе со связанными с ним лицами в соответствии с пунктом 4 статьи 10a закона.

c: цена приобретения: цена приобретения в соответствии с пунктом 3 статьи 131 закона'.

При этом распространенность такого метатекстового компонента неодинакова и варьируется в различных жанрах и лингвокультурах. Так, среди нидерландских уставов юридических лиц он встречается в 36 % проанализированных документов, в то время как в документах на русском и немец-

ком языке его частотность не превышает 4 %. Аналогичная картина наблюдается и в жанре правительственных постановлений, где компонент с дефинициями обнаружен в 92 % изученных текстов на нидерландском, 8 % текстов на немецком и 6 % текстов на русском языке. Более размытой является лингвокультурная специфика распространенности компонента с дефинициями в международных договорах, где соответствующий блок структуры текста встречается в 58 % документов Нидерландов, 46 % документов Германии, 40 % документов Российской Федерации и 30 % документов Республики Беларусь. Такая ситуация может быть объяснена наличием межкультурной интерференции, характерной для жанра международного договора, а также стремлением максимально эксплицировать интенцию коллективного автора для инокультурного адресата.

При этом можно проследить корреляцию среднего объема договора в отдельной группе документов и распространенности компонентов с дефинициями в данной группе: чем меньше средний объем документа, тем меньше в нем распространены метатекстовые компоненты с определениями понятий.

Среди основных маркеров рассматриваемого метатекстового компонента в русскоязычных текстах следует выделить такие сочетания, как *определение терминов* или *термины и определения*, а в договорах Германии – *Begriffe und Bezeichnungen* ‘понятия и наименования’. В нидерландских текстах основным языковым средством выражения этого компонента является композит *Begripsbepalingen* ‘определения понятий’, реже встречается заголовок *Definities* ‘определения’ или *Begripsomschrijvingen* ‘описание понятий’.

Анализ количественных данных позволяет предположить, что данный метатекстовый компонент (определение понятий) типичен в первую очередь для нидерландских деловых документов, в меньшей степени он распространен в немецкоязычном и еще реже – в русскоязычном деловом дискурсе. Можно высказать предположение, что функция данного метатекстового блока в документах Нидерландов напрямую сопряжена с реализацией такой базовой стилевой черты деловых текстов, как однозначность, точность, не допускающая инотолкования. В то же время в случае с текстами на иных языках, очевидно, предполагается, что фоновых знаний адресата вполне достаточно для верной трактовки документа. Тенденция нидерландской лингвокультуры, заключающаяся в достижении максимальной точности изложения, заметна также и в количестве определяемых терминов – в среднем их по 14 в каждом из рассматриваемых метатекстовых компо-нентов с дефинициями. Почти такое же количество дефиниций обнаружено и в соответствующих компонентах российских деловых документов, в то время как в белорусских и германских документах этот показатель примерно вдвое ниже.

Полученные результаты могут быть полезны как при переводе деловых текстов с нидерландского и немекого языков на русских язык, так и при порождении соответствующих текстов. Более детальное выяснение причин, обусловивших описанную тенденцию нидерландского делового дискурса, требует проведения углубленных социолингвистических исследований.

ГРАММАТИКА

М. П. Абраменкова

ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМ КАТЕГОРИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ
(на материале современного французского языка)

Ввиду неизменяемости формы наречий во французском языке анализ их морфологической формы совпадает с анализом словообразовательной модели, а любое наречное образование в позиции обстоятельства образа действия рассматривается как грамматическая форма наречия образа действия. Таким образом, класс качественно-количественных наречий является самым объемным по сравнению с другими классами наречий, к которому, помимо его категориальных единиц на *–ment*, относится множество раздельно-оформленных образований, различных по составу, своей структуре и степени морфологизации компонентов. Существуют различные взгляды на раздельнооформленные образования в позиции обстоятельства образа действия: ряд структур в этой позиции относят к аналитическим наречным единицам; предложно-именные сочетания не рассматривают как форму наречия; отдельные структуры считают «полусвободными» сочетаниями; наконец, вся совокупность структур определяется как сложные наречия.

Так, В. Г. Гак наряду с простыми наречиями отмечает широкое использование «составных наречий» или «адвербиальных выражений», которые «представляют различные степени идиоматизации: от совершенно свободного употребления слов (*avec attention, sans entrain*) до неразложимых речений (*d'emblée, à brûle-pourpoint*)». Объясняя такое положение проявлением аналитизма французского языка, В. Г. Гак пишет: «в силу недостаточности деривационных средств многие характеристики выражаются не наречиями, а словосочетаниями, представляющими собой транспозицию слов других частей речи».

Данный факт исключает формальную систематизацию частеречных единиц лишь по их принадлежности к морфологическому уровню и позволяет выдвинуть гипотезу о разноуровневом грамматическом статусе этих структур.

Предлагается трехуровневая организация форм категории обстоятельства образа действия, объединенных позицией обстоятельства образа действия как члена предложения. На морфологическом уровне располагаются синтетическая (с моделью Adj + ment: *lentement*) и аналитическая форма (с моделями prép. (à, de, en, par) N: *à pied, par coeur* и prép. (à, de, en, par) Adj: *à sec, en vain*); на преморфологическом уровне располагается преморфологическая форма (с моделью prép. (avec, sans) N: *avec douceur, sans regret*) и эллиптическое образование à la (manière) Adj / N: *à la douce, à la hâte*; на синтаксическом уровне расположена синтаксическая форма с моде-

лями prép. (à, de) (dét.) manière / façon / Adj: *à la manière (façon) douce*; à la manière / façon / prép. N: *à la manière / façon des singes*; N prép. N (*nez à nez*); Adj. prép. Adj (*petit à petit*); prép. N prép. N (*de minute en minute*); Adv prép. Adv (*peu à peu*); prép. N Adj / prép. Adj N (*à pas rapides*).

Сравнивая clairement и d'une manière claire, Анри Фрей отмечает, что «le renversement de la séquence est frappant …» взаимозаменимость структур поразительна; и делает вывод: «le type … répond à la courbe d'évolution de la langue et il suffirait qu'un ou deux exemples se généralisent pour qu'on obtienne ainsi un préfixe de manière …» о том, что эта модель (de manière Adj) отвечает эволюционным тенденциям языка и достаточно иметь один или два примера их обобщения, чтобы получить префикс образа действия.

Структуры **à la manière / façon Adj. / de N; de manière / façon Adj** относятся к постоянным позиционным синонимам синтетических форм на *-ment*: d'une manière claire = clairement, de manière indirecte = indirectement, de façon étrange = étrangement, etc.

Регулярное употребление *manière* / *façon* именно в позиции обстоятельства образа действия, сочетание его с прилагательным в качестве семантического центра, определенный порядок компонентов, их типичная и повторяющаяся сочетаемость с одним и тем же грамматическим значением, заставляет относить *manière* / *façon* к разряду служебных слов. Своеобразие этих имен состоит в том, что они являются служебными не по форме, а по их функции при формировании структур в позиции обстоятельства образа действия.

Несмотря на десемантизацию manière и façon, на данном этапе развития французского языка их невозможно отождествлять с «préfixe de manière», поэтому в вышеуказанной классификации категориальных форм обстоятельства образа действия мы обозначили их как Mg/s*[1], так как они сохраняют возможность распространения, бóльшую синтаксическую подвижность и представляют собой наименее грамматизованное (семантически неделимое) сочетание, функционирующее как категориальная форма обстоятельства образа действия.

К аналогичным параллелям (префиксов / суффиксов образа действия) А. Фрей относит структуры: d'un air Adj, d'un ton Adj и пр.

Синтаксические формы со структурами prép. **(à / de) (dét.) N Adj; prép. (à / de) Adj N** обладают постоянным категориальным значением образа действия. Грамматическим элементом в этих структурах (Mg) является предлог с десемантизированными существительными: *voix* 'голос', *ton* 'тон', *air* 'вид', *pas* 'шаг', *coup* 'удар, глоток…', набор которых постоянно пополняется: *allure* 'походка', *geste* 'жест', *mouvement* 'движение', *signe* 'знак' и пр. Последние имеют более конкретизированную семантику, нежели manière / façon, сочетающуюся, соответственно, с глаголами движения, говорения и пр., вместе с тем они также являются синонимами наречий на *-ment*: d'un air aimable – aimablement, d'un pas rapide – rapidement, à vive allure – vivement, etc.

[1] * Ms – лексический элемент, Mg – грамматический элемент. Элемент Mg/s тяготеет к грамматической функции, но еще не совсем утративший свое лексическое значение.

Для этих синтаксических форм характерна еще большая синтаксическая свобода, нежели для форм с *manière* и *façon*: *héler sur un ton ironique, expliquer d'un ton tout aussi vif, dire d'une voix très tendre et très féminine; ricaner d'un air de mépris, répliquer d'une voix nette, aiguë comme une épée* etc.

Но, расширяя глагольную сочетаемость (*se lever d'un coup* 'вскочить' *écarquiller d'un coup* 'вытаращить (глаза) резко', *disparaitre d'un coup* 'исчезнуть мгновенно', *boire à grands coups* 'пить большими глотками', etc.), эти синтаксические формы становятся все более многочисленными в современном французском языке и являются еще одной отправной точкой для пополнения категориальных форм обстоятельства образа действия.

Категориальные формы синтаксического уровня постоянно пополняются новыми единицами, которые, подвергаясь процессам грамматизации и морфологизации, приближаются к морфологическому уровню языка, и, возможно, когда-нибудь гипотеза, выдвинутая Ш. Балли: «De toutes ces formations (marcher d'un pas tranquille, parler à voix basse, etc.) qui feront oublier l'honnête suffixe -ment, l'une triomphera de nouveau et … tout sera à recommencer» найдет свое подтверждение – «из всех образований, типа 'идти спокойным шагом', 'говорить тихим голосом' возобладает одно, и все (круговорот аналитических и синтетических элементов) начнется сначала».

Таким образом, синтаксические формы обстоятельства образа действия à la manière / façon Adj. / de N; de manière / façon Adj.; d'un air Adj., d'un oeil Adj., d'un regard Adj., d'un ton Adj., находятся в той области периферийного синтаксиса, который является источником формирования преморфологических форм.

Л. С. Ахраменко

МОДАЛЬНОСТЬ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Отношение автора к содержанию сообщения является имплицитным индикатором реализации прагматической установки в научном дискурсе. Прагматической установкой текстов научного дискурса является: 1) для первичных жанров – доказать важность авторского научного исследования, его выводов для развития конкретной научной области; 2) для вторичных жанров – проинформировать адресата о научных фактах, закономерностях, связанных с конкретным научным объектом. В первом случае, для обоснования актуальности научного исследования автор с помощью логической модальности выстраивает денотатную структуру текста, т.е. иерархию концептов, выделяя среди них ключевой концепт, представляющий тему авторского исследования. Следовательно, логическая модальность, отражая значимость темы, имплицирует значимость авторского исследования, направленного на подробное рассмотрение данной темы. Далее логическая модальность позволяет автору выстроить иерархию высказываний внутри сверхфразовых единств: модаль-

ность важности увеличивает иллокутивную силу авторских выводов, что позволяет адресату выявлять коммуникативно-сильные высказывания в тексте. Такая же роль модальности наблюдается и во вторичных жанрах: логическая модальность позволяет адресату декодировать наиболее релевантные высказывания в тексте, что способствует формированию макропропозиции и, в конечном счете, концептуальной картины мира.

Композиционная структура научного текста является имплицитным средством последовательной реализации прагматической установки. Каждая часть текста создает оценочную пресуппозицию к восприятию информации в последующих частях, а значит, содержит промежуточную прагматическую установку. Так как для каждой части текста характерен доминирующий вид модальности, являющийся основанием для реализации вида модальности в следующей части, можно говорить о существовании закономерности последовательного взаимодействия модальных уровней, необходимого для реализации конечной прагматической установки в тексте.

Прагматической установкой автора во введении является формирование у адресата не только ситуационной, но и оценочной пресуппозиции, необходимой для мотивирования адресата в дальнейшем изучении научного объекта. Следовательно, мотивационная модальность является первым модальным уровнем, реализующем прагматическую установку введения, и выводится из логической модальности, в частности, из модальности важности. Для придания ключевому концепту наибольшей значимости по отношению к другим концептам автор использует преимущественно имплицитные средства выражения модальности важности: аксиологическую модальность, отрицание, модальные предикаты необходимости и долженствования.

Прагматической установкой основной части научных текстов является обоснование истинности авторской гипотезы (в первичных жанрах) либо усиление важности ключевого концепта (в первичных и вторичных жанрах). Функция эвиденциальной модальности заключается в создании оценочной пресуппозиции важности авторских выводов – научных ассертивов, подтверждающих правильность гипотезы, либо усиливающих важность ключевого концепта. Иными словами, эвиденциальная модальность создает основу для реализации имплицитной аксиологической модальности по отношению к авторским выводам. Еще одним видом логической модальности, оформляющем высказывания, подтверждающие релевантность авторских выводов, является модальность реляционности. Диалогическая модальность также необходима для реализации тактики аргументации ввиду того, что данная модальность участвует в логическом развертывании мысли. Более того, диалогическая модальность важна для декодирования адресатом наиболее релевантных аргументов, повышающих персуазивность авторских выводов, или научных ассертивов. Для усиления важности ключевого концепта используются такие модальные тактики, как отрицательная поляризация, рекурренция модальных предикатов потенциальности, полимодальность и полисубъектность оценки.

Прагматической установкой заключительной части текста является убеждение адресата в эффективности, целесообразности использования нового знания в конкретной научной сфере. Реализация данной установки возможна посредством взаимодействия следующих видов текстовой модальности: 1) телеологической модальности – оценке автором нового знания, т.е. результатов своего исследования с точки зрения достижения целей. Данная модальность, отражая связи между целями исследования, авторской гипотезой и результатами исследования, объединяет начало и конец текста в единое семантическое целое, и, таким образом, обеспечивает когерентность текста; 2) рациональной модальности – оценке автором собственных выводов с точки зрения целесообразности, пользы, эффективности для развития определенной научной области.

Таким образом, последовательное взаимодействие модальных уровней, а именно: мотивационной модальности, логической модальности, телеологической и рациональной модальности дает основу для реализации конечного модального уровня – импозитивной модальности, необходимой для внушения адресату авторской картины мира и реализующей конечную прагматическую установку в тексте.

Модальность является центральным фактором текстообразования, т.к. именно в данной категории можно обнаружить связи со всеми текстовыми категориями. Более того, модальность может являться фактором реализации таких текстовых категорий, как когерентность, когезия, континуум, проспекция, ретроспекция, партитурность, пресуппозиция, интеграция, автор, адресат.

Р. С. Барановский

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА «АВТОРИЗОВАННАЯ РАВНОЗНАЧНОСТЬ» С ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПОЗИЦИОННОГО СИНТАКСИСА

Под *авторизованной равнозначностью* предлагаем понимать ментальный акт приравнивания номинативных языковых единиц с одинаковым планом содержания и различной внутренней формой, выполняемый конкретным или обезличенным автором.

Композиционный синтаксис является одним из направлений исследования глубинно-семантической структуры предложения. Идеи данной методики разработаны Д. Г. Богушевичем, хотя истоки этой концепции, мы полагаем, можно рассматривать еще в рамках т.н. падежной и референциально-ролевой грамматик. Преимущество избрания данного способа отображения глубинно-семантической структуры предложения заключается в возможности специфицировать влияние коммуникативных факторов на распределение семантических ролей по синтаксическим позициям.

Семантическая конфигурация наиболее развернутой конструкции с семантикой авторизованной равнозначности включает следующие уровни и элементы:

– денотативный уровень: Отношение ментальной активности (R_m); Автор (A), Содержание (Cont); в свою очередь, последний элемент включает Отношение равнозначности (R_e), Наличный объект (O_n), Идентификатор (I);

– сигнификативный уровень: Ментальный предикат (P_m), Экспериенсив (Exp), Фактитив (F); в свою очередь, последний аргумент включает Предикат равнозначности (P_e), Объектив (Obj), Эссив (Ess);

– формально-синтаксический уровень: Подлежащее (S), сказуемое в активном залоге (V_{active}), дополнение (O), объектный вторично-предикативный комплемент (C_o).

Пример конструкции с семантикой авторизованной равнозначности: *We (A; Exp; S) have defined (R_m; P_m; V_{active}) consonants (O_n; Obj; O)… as sounds which are produced by an obstruction of the air passage, either complete, so that no air can pass, or partial, so that the air can escape, but with a frictional noise (I; Ess; C_o).*

Автор концептуализируется как Экспериенсив и экспонируется подлежащим; Отношение ментальной активности концептуализируется как Ментальный предикат и экспонируется сказуемым; Содержание концептуализируется как Фактитив и экспонируется сегментом «дополнение + объектный предикатив»; Наличный объект концептуализируется как Объектив и экспонируется дополнением; Отношение равнозначности концептуализируется как Предикат равнозначности, но не получает экспонента в формально-синтаксической структуре; Идентификатор концептуализируется как Эссив и экспонируется Объектным вторично-предикативным комплементом.

В подобных конструкциях в Центр эмпатии попадает конкретный Автор, а в Фокусе интереса оказывается Содержание. Указанные особенности семантической конфигурации позволяют говорить о том, что в конструкции равнозначности, отвечающей модели S + V_{active} + O + C_o, отношения равнозначности подаются *с перспективы конкретного автора*, по сравнению с конструкциями равнозначности, имеющими вид связочных предложений – *XisY*.

Д. Г. Богушевич

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Структура семантики предложения есть объединение двух структур: а) базовой структуры, которая есть отражение фрагмента воздействующего на нас мира (денотат); б) коммуникативной структуры, которая есть рамка, используемая для передачи базовой структуры собеседникам. Объединение этих структур производит третью структуру, а именно, семантическую, которая уже является глубинной структурой приложения.

Эти три структуры, во-первых, неизоморфны, во-вторых, компоненты этих структур имеют определенное, жестко ограниченное значение. Структуры состоят из: а) денотативной конфигурации: роли элементов и отношения между ними; б) сигнификативной: аргументы и предикат; в) семантической: роль + аргумент и отношение + предикат. Семантическая конфигурация реализуется в предложении, то есть структуре, в которой есть сказуемое и члены предложения.

Поскольку все структуры создаются одним и тем же набором слов, каждое слово имеет три функции: а) денотативная – то есть функции участников или функции отношений; б) сигнификативная – функции аргументов или предикатов; формально синтаксические функции: функции членов предложения.

Теперь перейдем к конкретному анализу предложений.

1. Формально синтаксический анализ

Рассмотрим предложение:

The doctor recommended the patient to drink juice.

Предложение анализируется по традиционному методу:

Doctor – подлежащее

Recommended – сказуемое

Patient – дополнение

Patient to drink – сложное дополнение

2. Сигнификативная структура

Задачи этого этапа заключается в определении характера пропозиции, а именно типа отношения и числа аргументов. Для этого совершаются следующие действия:

а) определение направленности-ненаправленности предиката; для этого производится функциональная перестановка основных аргументов, например, подлежащего и дополнения. Если перестановка возможна, предикат считается ненаправленным. Если перестановка невозможна, то предикат считается направленным, отношение между аргументами – иерархизированным. Например:

Peter looks like Frank → Frank looks like Peter.

Mike speaks English → English speaks Mike*.

б) определение динамичности статичности предиката

Динамика статика определяется несколькими способами. Автор предпочитает проверять, может ли предложение быть ответом на вопрос *what happened*? или *what does X do*? Если да, то предложение содержит динамичный предикат, если же нет – статальный.

Например:

Charles has a car.

What does Charles do? – [* Charles has a car].

What happens? – [* Charles has a car].

В основе этого предложения лежит статальная пропозиция.

Adam eats an apple.

What does Adam do? – Adam eats an apple.

What happens? – Adam eats an apple.

В основе же данного предложения лежит динамическая пропозиция.

Рассмотрим предложения, отражающие наиболее простым способом ситуацию разрушения.

Nigel suddenly broke the glass with a hammer in two pieces.

3. Денотативная структура.

Толковые словари позволяют считать, что это предложение отражает простую направленную ситуацию

Структура этой ситуации такова:

Деятель → Орудие → Объект →

Nigel. Hammer. Glass

Результат

Pieces

Пропозиция, лежащая в основе предложения, является направленной и динамической. Об этом свидетельствует тест на переустановку (он отрицателен) и обстоятельство. Пропозиция имеет структуру:

Агенс → Инструмент →

Nigel hammer

Патиенс → Цель

Glass. Pieces

Теперь можно представить семантическую конфигурацию предложения:

Д/А → Ор/И → Об/П → Р/Ц

Nygel hammer glass pieces

Представляем функциональное признаки слов:

Nigel деятель как агенс

Hammer орудие как инструмент

Glass объект как пациенс

Pieces результат как цель

Таким же образом определяются семантические функции компонентов в предложениях, иначе отражающих ту же ситуацию.

The hammer broke the glass into pieces.

The glass broke into pieces.

Рассмотрев дополнительное предложение, мы обнаружили, что денотативные роли слов в предложении в данной ситуации не меняются. Аргументные функции могут изменяться по определенным правилам. В английском языке мы имеем уже 5 правил перемещения ролей в нестандартные для них функции. Расширение словарных статей информацией, полученные указанные методики позволяют решить или, по крайней мере, облегчить решение многих лингвистических задач, начиная от проблем изменения лексического значения и заканчивая вопросами искусственного интеллекта.

Е. А. Бухаткина, С. А. Девятко

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ *TO KILL*

Понятие «смерть» является одним из базовых в любой культуре, поэтому анализ данного концепта неоднократно привлекал внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Вместе с тем, несмотря на достаточную изученность понятия «смерть» в психологии, философии, лингвистике и других науках, и большое количество исследований, проведенных в этих областях, по-прежнему остается круг нерешенных вопросов: в частности, вопрос о семантической конфигурации предложения с глаголом *to kill*, т.е. о соотнесении денотативного и сигнификативного аспектов предложения.

Прежде всего, построим модель ситуации лишения жизни, опираясь при этом на семантическую структуру глагола *to kill*, представленную в англоязычных толковых словарях, а также путем анализа и сопоставления предложений, эксплицирующих данную ситуацию. Основным значением исследуемого глагола является «cause the death of (a person, animal, or other living thing)» [Oxford], «to cause someone or something to die» [Cambridge].

Рассмотрение семного состава глагола *to kill* позволило выделить в семантической структуре следующие компоненты: субъект, адресат, инструмент, оценка, причина, место, время. Необходимо подчеркнуть, что инструмент воздействия эксплицитно либо имплицитно всегда присутствует в ситуации лишения жизни и может быть представлен материально (собственно инструменты) и нематериально (способы воздействия). В свою очередь среди материальных инструментов выделяют *неотчуждаемый* и *отчуждаемый*. Н е о т ч у ж д а е м ы й инструмент или «орган» представляет собой часть тела деятеля, которой он сознательно или несознательно пользуется для воздействия на другие предметы реального мира либо для того, чтобы достичь какой-либо цели. О т ч у ж д а е м ы й инструмент или «орудие» – это предмет реального мира, существующий независимо от субъекта и который им (субъектом) используется для воздействия на другие предметы реального мира. В подавляющем большинстве случаев «отчуждаемые» инструменты присутствуют в ситуации лишения жизни имплицитно, а в случае их эксплицирования таковым инструментом выступает холодное оружие, например, нож, пуля и т.п.

A knife in the heart, though … even demons can be ***killed by cold iron****, the singers say.* (G. Martin. A Storm of Swords)

He was ***killed by a bullet*** *as he climbed out of the communication trench with his first message*. (R. Aldington. Death of a Hero)

And Thomas Mowrer, the young "farmer" or farm hand, as he really was, whom Clyde on his first night had heard moaning – a man who had ***killed*** *his employer* ***with a pitchfork*** *…* (T. Dreiser. American Tragedy)

Неотчуждаемый инструмент всегда имплицитно присутствует в ситуации воздействия, однако на поверхностном уровне эксплицируется достаточно редко.

Что же касается *нематериальных* способов воздействия, то они реализуют функцию способа лишения жизни (путем чего или посредством чего реализуется взаимодействие) и при передаче его на поверхностном уровне эксплицируются предлогами **with** или **by**:

But it appeared to Dorian Gray that the true nature of the senses had never been understood, and that they had remained savage and animal merely because the world had sought to starve them into submission or to ***kill*** *them* ***by pain*** *...* (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray)

You have done your best to ***kill*** *me* ***with fear****.* (J. Conrad. Nostromo: A Tale of the Seaboard)

Само собой разумеется, что семантика глагола *to kill* предполагает также наличие в компонентном составе целевой составляющей (лишить жизни). На наш взгляд, оценочный компонент, а также компоненты *причина*, *место* и *время* представляются в ситуации лишения жизни комплементарными, именно поэтому они не будут отражены нами в структурном минимуме ситуации. Таким образом, в модель денотативной области воздействия с целью лишения жизни, где в роли предиката выступает глагол *to kill*, вошли следующие элементы: субъект, адресат, инструмент, цель.

Содержание типовой ситуации лишения жизни в обобщенном виде можно эксплицировать следующим образом: некоторый субъект посредством инструмента осуществляет процесс воздействия, направленный на адресат, с целью лишения жизни.

Проанализировав ситуацию, отображаемую при помощи глагола *to kill*, целесообразно рассмотреть пропозицию. Как известно, предикат *to kill* обладает признаками направленности и динамичности и относится к классу векторных предикатов, то есть называемое им отношение имеет начало (исходную точку), конец (точку завершения) и некоторую длину. Следовательно, минимальное число аргументов в пропозиции равняется двум. Однако сигнификативная структура, предназначенная для языковой реализации денотативной области воздействия с целью лишения жизни, как правило, содержит три аргумента, а именно, агентив, инструментатив, патиентив. Первая аргументная позиция в сигнификативной структуре является точкой отсчета для перевода ситуационной структуры в пропозициональную: участника ситуации, занимающего данную позицию, следует рассматривать как центр эмпатии.

Центр эмпатии для денотативной области лишения жизни может размещаться на ситуативной роли субъекта: при актуализации семантической структуры Субъект-Агентив на поверхностном уровне глагол будет представлен активной залоговой формой (Субъект-Агентив – подлежащим, Инструмент-Инструментатив – дополнением с предлогом).

You kill *anybody in the war, Tommy?* (T. Morrison. Solomon’s Song)

Соотнесение денотатативного и сигнификативного аспектов предложения можно представить следующим образом:

Субъект-Отношение-Инструмент-Адресат.

Агентив-Предикат-Инструментатив-Патиентив.

Размещение центра эмпатии возможно и на адресате. В данном случае глагол в агентивной позиции всегда появляется с измененной залоговой формой, поскольку адресат ситуации лишения жизни представляет собой конечный элемент вектора ситуативного отношения:

***He** was all but **killed**, ma'am, when I come in*. (C. Dickens. Oliver Twist)

Субъект же ситуации лишения жизни в семантической структуре с адресатом в агентивной позиции будет представлен в предложении дополнением с предлогом **by**:

*Robert was **killed by a boar***. (G. Martin. A Dance of Dragons)

Соотнесение денотатативного и сигнификативного аспектов предложения можно отобразить так:

Адресат-Отношение-Инструмент-Субъект.

Патиентив-Предикат-Инструментатив-Агентив.

Следует подчеркнуть, что вариант перемещения *нематериального* инструмента в позицию агентива также возможен. В этом случае семантика глагола меняется: смысл глагола становится переносным.

***That story** just about **killed** me*. (J. D. Salinger. The Catcher in the Rye)

Данного типа предложения имеют общий оценочный характер, где глагол *to kill* приобретает частично десемантизированное и эмоциональное значение.

В сигнификативной структуре позицию инструмента (*материального* или *нематериального*) занимает инструментатив.

Корреляция денотатативного и сигнификативного аспектов предложения будет выглядеть следующим образом:

Объект-Отношение-Инструмент-Адресат.

Патиентив-Предикат-Инструментатив-Бенефактив.

Таким образом, в первую аргументную позицию в сигнификативной структуре предложения с глаголом *to kill* может помещаться субъект, адресат либо инструмент.

Е. А. Бухаткина, Е. Н. Стец

ФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ *TO CARE*

При рассмотрении формальной структуры предложений с глаголом *to care* возникает вопрос об использовании различных формальных маркеров, а именно предлога **for** либо **about**.

Одним из основных значений данного глагола является «to look after and provide for the needs of» (Oxford Dictionary), что предполагает наличие в де-

нотативном аспекте двух участников ситуации. Необходимо подчеркнуть, что направленность отношений и в ситуации, и в пропозиции идет от субъекта (агентива) к адресату (патиентиву). Участники ситуации чаще всего выражены одушевленным существительным или личным местоимением.

***He** took us home and **cared for us**.* (C. Simak. All Flesh is Grass)

*It was Rina who first made it clear to him that **his father** had **cared for him**.* (H. Robbins. The Raiders)

Думается, что предлог **for** появляется в формальной структуре предложения для того, чтобы подчеркнуть, уточнить характер глагольного действия, которое направлено от одного участника ситуации к другому и имеет положительное воздействие на него.

Вторым значением глагола *to care* является «to think that something is important and to feel interested in it or upset about it» (Cambridge Dictionary). В данном значении глагол также предусматривает наличие в денотативном аспекте двух участников ситуации. И в ситуации, и в пропозиции отношения направлены от субъекта (агентива) к адресату (патиентиву). Второй участник ситуации, как правило, выражен неодушевленным существительным или неопределенным местоимением. Предлог **about** используется, по-видимому, для того, чтобы подчеркнуть, что в данном значении глагол не предусматривает выполнения субъектом действия, влияющего каким-либо образом на другого участника ситуации. Здесь глагол *to care* приближается в своем значении к глаголам, описывающим различные мыслительные процессы, а именно, к значению глагола *to think about*.

*He didn't seem to **care about much of anything** – about anything, that is, that other people **cared** about*. (H. Robbins. The Raiders)

*I couldn't have **cared** less **about anything or anybody***. (J. Dickey. Deliverance)

Однако необходимо отметить, что существуют случаи, когда после глагола *to care* в формальной структуре предложения с предлогом **about** находится второй участник ситуации, выраженный одушевленным существительным или личным местоимением. Предполагается, что в подобных случаях глагол имеет значение «to be concerned about what happens to someone, because you like or love them» (Longman Dictionary). Как и в предыдущем случае, глагол лишь выражает мыслительную деятельность субъекта и, в большей мере, его чувственные отношения. В подобных примерах значение глагола *to care* приближается к значению глагола *to be worried about, to be concerned about.*

*Nobody least of all Lonnie seemed to care about this, but this was not because nobody **cared about Lonnie.*** (A. MacLean. Bear Island)

*I **don't care about them** and I **don't care about you** or Thorne or Benjen Stark or any of it.* (G. R. R. Martin. Game of Thrones)

Типичным для формальной структуры предложения с глаголом *to care* также является наличие факультативных элементов, выраженных обстоятельствами меры и степени, качества, условия и времени:

Remembering these, I thought that it might be that Martha ***cared*** *for them not* ***so much*** *because I had done them, but because they represented some side of me she didn't know.* (J. Dickey. Deliverance)

It was only half a lie; Lord Tywin Lannister ***cared*** *not* ***a fig*** *for his deformed son, but he tolerated no slights on the honor of his House.* (G. R. R. Martin. Game of Thrones)

I think – I am sure – he ***cared*** *for me* ***at first****.* (A. Cristie. The Mysterious)

На основе проведенного анализа формальной структуры предложений с глаголом *to care* можно сделать несколько выводов. Во-первых, самое незначительное, малейшее изменение в семантике данного глагола приводит, в свою очередь, к изменению в формальной структуре и предполагает использование различных формальных маркеров (предлога **for** или **about***)*. Во-вторых, первый участник ситуации (субъект), выполняющий действие, всегда выражен одушевленным существительным или личным местоимением, в то время как второй участник ситуации, на которого направлено действие, может быть выражен как одушевленным, так и неодушевленным существительным, а также неопределенным местоимением.

Е. А. Бухаткина, Б. В. Стоянова

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *GREY*

Рассмотрим конверсионные модели (вербализацию, субстантивацию и адвербиализацию) на примере прилагательного *grey 'серый' в качестве простой исходной основы.*

- Вербализация:

1. *To grey* means becoming grey in colour.

The sky ***greyed****, the wind blew – it was going to rain.* (Longman Dictionary)

2. *To grey is* when a person or their hair greys, their hair becomes grey or white, usually because of age. (Cambridge Dictionary)

Jungbeck was at least fifteen years his senior, a thick-set man with heavy shoulders, a five o'clock shadow and dark, curling hair just beginning ***to grey****.* (A. MacLean. Bear Island)

3. *To grey (of a person)* become older.

Plan for it because the world ***is greying*** *and Seniors are already using the Internet in droves.* (Oxford Dictionary)

Стоит отметить, что не всегда глаголы, образованные таким способом, могут широко использоваться: их заменяют, чтобы избежать постоянного повторения. В таких случаях приходят различные альтернативы, как, например, *to grow grey* в значении постепенного приобретения серого оттенка: *From the contagion of the world's slow stain they are secure and now can never mourn the heart grown cold, the head* ***grown grey****.* (A. MacLean. Bear Island)

- Субстантивация:

1. *Grey (mass noun)* means grey colour or pigment.

*He will wear more earthy tones such as brown, and of course, black, white and **grey**.* (Oxford Dictionary)

2. *Grey means grey clothes or material.*

*A man wearing a smart but casual suit of light **grey** sat behind one of the largest desks that Jasmine had ever seen.* (Oxford Dictionary)

3. *Grey* means grey hair.

*That was the first time I noticed the streaks of **grey** in his dark hair.* (Oxford Dictionary)

4. *Grey means* a grey thing or animal, in particular a grey or white horse.

*The four **greys** are both carriage and riding horses – Heloise, Marta, Tayten, and Nerid.* (Oxford Dictionary)

5. *Grey is* the colour that is a mixture of black and white, the colour of rain cloud.

*Overhead a seagull circled the treetops, pale feathers shining against the dark **grey** of a flat sky.* (Cambridge Dictionary)

6. *The Grey (often initial capital letter)* is a member of the Confederate army in the American Civil War or the army itself.

- Адвербиализация:

1. *Greyly* means lacking cheer or brightness in mood, outlook, style, or flavor. (Oxford Dictionary)

2. *Greyly* means dull in color. (Oxford Dictionary)

Характерным послелогом для образования фразового глагола с прилагательным *grey* является послелог ***out***, имеет следующее значение:

To grey something out is when a part of a computer screen has been greyed out, the writing in it appears in a dull colour in order to show that you cannot use it.

*I cannot access any of the background images in the desktop background options… they **are** all **greyed out**.* (Oxford Dictionary)

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что при образовании других частей речи от прилагательного grey ‘серый’ самым продуктивным способом образования оказалась конверсия. Также стоит подчеркнуть, что от данного прилагательного не образуются глаголы путем аффиксации и словосложения.

И. В. Дмитриева, Г. Б. Жураева

СЕМАНТИКА УГРОЗЫ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Угроза как речевое действие изучается, в основном, в терминах теории речевых актов. И хотя далеко не все номенклатуры речевых актов включают речевой акт угрозы, он выделяется в классификациях Г. Г. Почепцова и Дж. Лича.

Считается, что угроза является принципиально неперформативным речевым актом. Поэтому в лингвопрагматике основное внимание уделяется изучению тактик и стратегий угрозы. Гиперо-гипонимические отношения могут выстраиваться по-разному. Например, угроза может рассматриваться как разновидность конфликтива наряду с проклятиями, обвинениями и другими ликоущемляющими речевыми актами. Она сама по себе может рассматриваться как стратегия, реализуемая посредством различных тактик.

Другим направлением исследования языковой реализации угрозы является изучение функционально-семантического поля угрозы, в котором объектом анализа выступают различные языковые, как правило, лексические, средства выражения угрозы.

Ранее на материале английского языка было показано, что угроза является сложным речевым актом, в состав которого входят две иллокутивные силы: комиссив и директив. Комиссив описывает возможные действия адресанта, директив – требуемые адресантом действия адресата. Например, в *I shall hit you if you move* первая часть *I shall hit you* является комиссивом, в котором говорящий берет на себя обязательства выполнить нежелательные для адресата действия, а придаточное предложение условия *if you move* является вербализацией директива. Причем понимание директивной составляющей требует применения операции логического отрицания к вербализованной структуре, т.е. требуемое от адресата действие есть *do not move*. Обе составляющие находят свое представление в дефинициях соответствующего глагола английского языка *threaten*: «to say that you will cause someone harm or trouble (комиссив) if they do not do what you want (директив)» (Longman English Dictionary), «to say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. (комиссив) if you do not get what you want (директив)» (Oxford Learner's Dictionaries). Такая структура была признана канонической моделью менасива и рассматривалась как некая универсалия, не зависящая от конкретного языка.

Однако дальнейшее сопоставление содержания категории угрозы в английском и русском языках показало отсутствие полного изоморфизма понимания угрозы в рамках национально-языковых картин мира. Включение в анализ большего количества языков (и не только европейских) позволит выявить универсальные и национально-специфические характеристики категории угрозы, в том числе зависящие от типа лингвокультуры.

Представляемый раздел исследования включает сопоставление единиц со значением угрозы в туркменском и ряде европейских языков, прежде всего русском и английском.

В трех основных для анализа языках отмечается определенная корреляция количественного состава лексических единиц со значением угрозы (на данном этапе в анализ включены глаголы как имена действия). Так, в русском языке можно говорить о 4-х основных глаголах (*угрожать*, *грозить*(ся), *пугать*, *устрашать*), в английском представлено три основных глагола со значением угрозы (*threaten*, *menace*, *endanger*), в туркменском языке также имеется три глагола со значением «угрожать»: *howp salmak* – 'угрожать', *gorkuzmak* – 'пугать' и *haýbat atmak* – 'грозить, угрожать'.

Анализ словарных статей этих глаголов показал некоторые национально-языковые отличия в концептуализации угрозы. В Словаре русского языка С. И. Ожегова глагол *угрожать* имеет следующую словарную дефиницию: «произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-то; предупреждать с угрозой о чем-то». Существительное *угроза*, включенное в дефиницию, толкуется как «запугивание, обещание причинить кому-н. вред, зло». Английский глагол *threaten* – «to say that you will cause someone harm or trouble if they do not do what you want» (Longman English Dictionary). Туркменский глагол *howp salmak* ‘угрожать’ означает «Gorky, wehime salmak, gorkuly ýagdaý döretmek» ‘внушать панический страх, жуть, наводить / создавать пугающее состояние’, а глагол *haýbat atmak* ‘угрожать’ понимается как «Dazarylyp birini gorkuzjak bolmak, abaý etmek» ‘пугать угрозами’.

Словарные дефиниции русского и английского глагола прямо указывают на то, что угроза есть речевой акт, т.е. акт говорения: «произносить угрозы…», «to say that …». В туркменской дефиниции речеактовый характер угрозы не прослеживается. На первый план выходит воздействующий компонент угрозы: «внушать страх», «пугать угрозами». Для сравнения интересно сопоставление с дефинициями в других европейских языках. Так, в шведской словарной дефиниции способы того, как может быть выражена угроза, несколько расширены и конкретизированы: «med ord l. åtbörder» – ‘словом либо жестом объявлять’. Такое толкование предъявляет угрозу как коммуникативный акт, который не сводится к вербализованному речевому акту. Во французском языке вообще отсутствует фиксация речеактового характера угрозы, определение сразу указывает на воздействие путем запугивания: «chercher á intimider» – ‘пытаться запугать’.

Отличия прослеживаются также в степени отражения ожидаемого перлокутивного эффекта угрозы в словарных дефинициях. Исследователи прагматики речевого акта угрозы единодушно признают за ним средство воздействия говорящего на адресата с целью изменения поступков или эмоционального состояния последнего путем апелляции к чувству страха разной интенсивности. Прагматическая цель менасива – добиться от адресата какого-либо действия или бездействия, в то время как семантическое ядро – обещание причинить вред адресату. Эти два компонента реализуются в двух составляющих менасива: директивной и комиссивной.

Дефиниции соответствующих глаголов английского языка эксплицируют обе составляющие менасива: и обещание причинить вред (комиссив), и указание на определенные условия, при которых можно избежать нанесения ущерба адресату (*if*…). Угроза в русском языке понимается как обещание причинить какое-то зло адресату без конкретного указания на то, что от него требуется, прагматическая цель предстает несколько размытой («…добиваясь чего-либо») и не связывается непосредственно с действиями адресата. В туркменском языке в понимание угрозы включается, в первую очередь, воздействующая составляющая («внушать панический страх»),

адресант ожидает скорее психоэмоциональной реакции адресанта, чем какого-либо его действия. Интересно, что и во французской дефиниции проявляется психоэмоциональная составляющая менасива, но не адресанта, а самого адресата («… on mark à qqn sa colère» – ‘показывает кому-либо свой гнев’).

Таким образом, можно утверждать, что из проанализированных языковых трактовок угрозы только в английском языке прагматическая составляющая, директив, выводится на поверхность языкового сознания носителей языков. Она предполагает некоторый паритет участников коммуникативной ситуации угрозы. Адресат может предпринять какие-то действия, чтобы избежать негативного воздействия со стороны адресата. В русском языке угроза предстает как выражение агрессии и / или негативных эмоций говорящего и фокусируется на семантической составляющей менасива. А в туркменском языке угроза выступает как ненормативное инициативное речевое действие, она направлена на формирование определенного психоэмоционального состояния адресата, а не на его поступки или поведение.

И. В. Дмитриева, Е. Н. Базылева

ОСОБЕННОСТИ ЮВЕНАЛЬНОГО КОНФЛИКТИВА

В большинстве толковых словарей под конфликтом (от лат. *conflictus* ‘столкновение’) понимают ситуацию, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов. В результате такого столкновения одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (будь то физически, или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника.

В лингвистике речевое поведение, языковая реализация участников конфликтной ситуации получила название речевого акта конфликтива. Хотя конфликтив выделяется как самостоятельный речевой акт далеко не во всех номенклатурах речевых актов, существует уже много конкретно-языковых и общегуманитарных исследований конфликтивов, при этом еще не все аспекты этого явления получили свое описание. В качестве источника материала исследований чаще всего избирается сфера институционального, в основном политического, дискурса, публичной речи или сфера межличностного общения. Но в обоих случаях участниками анализируемых речевых действий и описываемых конфликтных ситуаций становятся взрослые люди. Как следствие представляется интересным рассмотреть возрастной аспект конфликтива и, в частности, сопоставить языковые особенности ювенального и возрастного конфликтива.

В описываемом исследовании предпринимается попытка контрастивно-сопоставительного анализа языковых средств выражения ювенального и возрастного конфликтива. Материалом для анализа послужили два произведе-

ния: «Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Трамвай желаний» Уильямса Теннесси, первое из которых предоставляет материал для выборки конфликтивных высказываний подростков, а второе – взрослых. Проанализированный материал позволяет сделать некоторые выводы о преобладающих средствах вербализации конфликтива в подростковой среде.

Прежде всего, обращает на себя внимание незначительная лексическая вариативность высказываний в формате конфликтива. Как для конфликтивов в подростковой среде, так и для взрослых людей весьма характерно активное использование ликоущемляющих речевых актов, которые не имеют прагматической цели победить, доказать, убедить, взять власть, а подразумевают личностное унижение оппонента. При этом можно отметить, что в ювенальном конфликтиве такие высказывания оказываются преобладающими и гораздо более частотными, чем в номенклатуре конфликтивных высказываний взрослых, как минимум, по результатам нашей выборки. Типичные конфликтивные высказывания носят, в основном, ликоущемляющий характер. Они содержат лексические единицы и устойчивые выражения, такие как «So you shut up», «Who cares what you believe – Fatty!», «You shut up, you fat slug!», «And you shut up! Who are you, anyway?».

Наиболее частотными в ювенальном конфликтиве являются краткие проклятия, не отличающиеся разнообразием: «Sod you!». Также часто вербализуется апелляция к личностным, чаще всего физическим, и, реже, социальным характеристикам собеседника. Например, в начале произведения «Повелитель мух», когда мальчики только знакомились, состоялся диалог между двумя ребятами:

He whispered. «They used to call me Piggy». Ralph shrieked with laughter.

«Piggy! Piggy!»

«Ralph? please!». Piggy clasped his hands in apprehension.

«I said I didn't want». «Piggy! Piggy! Piggy!». The expression of pain and concentration returned to Piggy's face.

В данном контексте ласковое прозвище «поросенок» преобразуется в уничижительное имя, в котором имплицитно содержится негативная оценка представителя противоположной стороны. Ликоущемляющий способ именования оппонента в конфликтивной ситуации является безусловной доминантой ювенального конфликтива. Прозвища *Fatty, Piggy, fat slug* служат подавлению чувства собственного достоинства и, как следствие, социальной значимости представителя противоположной стороны.

Ликоущемляющие высказывания взрослых в конфликтной ситуации представлены большей лексической вариативностью и, в частности, вариативностью номинации адресата: «You hens cut out that conversation in there!», «Drunk-drunk-animal thing, you!», «In bed with your-Polack!». В них присутствует апелляция как к личностным, так и к социальным и национальным характеристикам оппонента.

Синтаксические структуры вербализации ювенального конфликтива также не отличаются разнообразием. Наиболее частотными являются синтаксически неполные конструкции или нераспространенные предложения,

имеющие минимальный набор обязательных членов предложения. В этом плане они существенно отличаются от возрастного конфликтива, представленного в нашей выборке более развернутыми синтаксическими структурами. Вербализация конфликтивных высказываний взрослых осуществляется, как правило, предложениями, имеющими осложненную синтаксическую организацию с причастными или инфинитивными словосочетаниями или оборотами, и сложными предложениями с различными видами придаточных предложений: «And now you sit there telling me with your eyes that I let the place go! How in hell do you think all that sickness and dying was paid for?», «Yes, accuse me! Sit there and stare at me, thinking I let the place go!». Интерес представляют и сложносочиненные предложения, которые служат для противопоставления двух конфликтующих сторон: «Well, you can hear me and I said to hush up!».

Коммуникативные типы предложений-высказываний, актуализируемые в конфликтных ситуациях подростками, ожидаемо являются восклицательными, реже – вопросительными и наименее частотными оказались повествовательные предложения. Высказывания взрослых участников конфликтной ситуации, в нашей выборке, также могут быть оформлены как вопросительные и восклицательные предложения, но их прагматическая вариативность, например, разнообразие типов вопросительных предложений, гораздо богаче, высока частотность риторических вопросов.

Описанные выше характеристики ювенального конфликтива в сопоставлении с конфликтивными высказываниями взрослых, кроме всего прочего связаны с уровнем сформированности коммуникативных навыков участников конфликтивных коммуникативных ситуаций. Более высокий образовательный, интеллектуальный, социальный уровень, статус и опыт, ожидаемо, находят свое проявление в речевой деятельности адресанта и адресата конфликтива.

Е. В. Зуевская

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ

В немецком языке существует целый ряд средств выражения модальности побуждения, среди которых императив, презенс и футур I актив, безличный пассив, презенс конъюнктив, конъюнктив II, инфинитив I, причастие II, модальный глагол + инфинитив I, конструкции *sein* + *zu* + инфинитив и *haben* + *zu* + инфинитив, псевдопридаточные предложения с союзом *dass*, односоставные предложения, императивные междометия и перформативные глаголы. Данные средства способны выражать различные оттенки побуждения: категорический приказ, запрет, призыв, распоряжение, нейтральное приказание, совет, просьбу, мольбу.

Для проведения анализа функционирования средств выражения побудительности в немецкой молодежной речи из 12 серий молодежного сериала „Türkisch für Anfänger“ были отобраны высказывания, содержащие модальность побуждения общим количеством 537 предложений.

В отобранном корпусе материала наиболее частотной грамматической формой выражения модальности побуждения является императив, специализирующийся на выражении модальности побуждения в немецком языке. Побудительность, выражаемая им, охватывает широкую шкалу: за счет наличия частиц, модальных слов в ближайшем контексте, благодаря интонации и соответствующей лексике императив способен выражать различные оттенки побуждения (просьбу, приказ, предложение, требование и т.д.). Так, более чем в половине высказываний (60,7 %) побуждение было выражено императивными формами, напрмер: *Oh **hör auf** mich zu filmen, das verstößt gegen das Persönlichkeitsrecht.*

При этом информантами-носителями языка категоричность данных высказываний оценивалась от невысокой (2–3 по 10-балльной шкале): ***Schreib** ihr, was du für sie empfindest* (и интерпретировалась как совет, рекомендация) до максимально высокой (10 по 10-балльной шкале), как например в предложении ***Schreib** deine Grabrede!*, соответствуя категоричному приказу в достаточно грубой форме.

Также довольно часто (14 %) побудительность была выражена с помощью модального глагола в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола. Данное средство, в отличие от императива, способно выражать различные оттенки побуждения именно благодаря семантике модального глагола и соответствующей интонации. Контекст и лексическое окружение играют здесь существенно меньшую роль:

***Kannst** du sie nicht mal **mitnehmen** in die Gebetsschule?*

*Sie hat sich nicht getraut zu fragen. Du **musst** die erst mal **ausprobieren**.*

*Ich **will** mein eigenes Zimmer!*

Наряду с данными средствами для выражения категорического приказа регулярно использовался презенс и футур I в сочетании с побудительной интонацией (10,2 %):

*Jeder von uns **wird** im Haushalt **helfen.***

*Du **kriegst** die Probleme!*

Степень категоричности у данного средства выше, чем у императива. Данные формы употреблялись в тех ситуациях в сериале, когда у собеседников не оставалось иного выбора и они безоговорочно выполняли приказы. Такие темпоральные наречия, как *sofort, gleich, jetzt, endlich, nun* и другие только повышали степень категоричности высказывания, что поддерживалось соответствующей интонацией:

*So, **jetzt** räumst du hier dein Zimmer auf…!*

Небольшое количество побудительных высказываний (5 %) были оформлены конъюнктивом II и использовались для выражения вежливой просьбы, приглашения, пожелания: *Eh hallo…ich **hätte** gern die 34 und eine Cola. Danke schön.*

Стоит отметить, что в отобранном корпусе материала не было засвидетельствовано употребление формы кондиционалис, использовался только претерит конъюнктив, причем побуждение в 30 % случаев выражалось с помощью побудительно-вопросительных предложений:

***Könntet** ihr mal bitte **aufhören**, über eure Geschlechtsteile zu reden!?*

С помощью инфинитива I (3,7 %) в сериале были выражены категорические и твердые приказы. В таких приказах отсутствует указание на адресата, они носят довольно грубый оттенок и используются в соответствующих ситуациях:

***Hinsetzen** und **Klappe halten**!*

Также для выражения побудительности использовались односоставные предложения, выражавшие различные оттенки побуждения: приказ, призыв, распоряжение, просьбу:

Bitte! – просьба.

Mann, Yagmur, weg damit! – приказ.

Также обратил на себя факт регулярного использования в молодежной речи императивного междометия *hallo*:

***Hallo**?? Es gibt Heizungen und Fernseher.*

***Hallo, hallo**! Kein Türkisch in Konfliktsituationen!*

Крайне редко в диалогической речи молодежи использовались перформативные глаголы и псевдопридаточные предложения с союзом *dass*:

*Ich **lade** dich zum Zelten **ein**.*

*Ich praktiziere einen friedlichen Islam und ich **bitte** Sie das zu respektieren, damit es nicht zwischen uns eskaliert!*

***Dass du** dich noch traust hier aufzutauchen!*

Невысокую частотность имели и конструкции, характерные прежде всего для письменной речи: безличный пассив, *haben / sein + zu + инфинитив*:

*Jetzt **wird gebetet**!*

*Erstmal **wird** jetzt hier Frühstück **produziert**, klar!?*

*Ja, immer hin **hast** du ihr **zu verdanken**, dass du wieder…bescheuert aussiehst!*

В проанализированном нами материале не было обнаружено ни одного примера выражения модальности побуждения с помощью таких грамматических средств, как презенс конъюнктив, который абсолютно не свойственен разговорной речи, и причастие II, которое употребляется только в определенных ситуациях для выражения грубого и категорического приказа. Тот факт, что типичные только для разговорной речи псевдопридаточные предложения с союзом *dass*, перформативные глаголы, пассив и конструкции *haben*+*zu*+инфинитив, *sein*+*zu*+инфинитив были употреблены относительно редко, свидетельствует о том, что в разговорной речи предпочтение отдается более простым и частотным средствам выражения побуждения, имеющим меньшие ограничения касательно сферы использования и большую сочетаемость.

Выполненный анализ позволяет сделать вывод, что разная частотность отдельных средств выражения модальности побуждения имеет четкие тенденции в молодежной речи. Так, с одной стороны, практически не используются формы, типичные для письменной речи (например, презенс конъюнктив, пассивные конструкции и конструкции *haben / sein*). С другой стороны, редко используются конструкции, категоричность которых очень ярко маркирована и отражена в языковой системе, например, причастие II, инфинитив и псевдопридаточные предложения с союзом *dass*. Наряду с этим предпочтение отдается более простым формам, обладающим большей многозначностью и вариативностью употребления и, соответственно, более частотным в речи современной молодежи (императив, презенс, футур I).

Е. В. Зуевская, Е. В. Андриевская

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИНСТРУКТИРУЮЩИХ ТЕКСТОВ

В повседневной жизни мы сталкиваемся с огромным количеством текстов: художественными, официально-деловыми, публицистическими, научными. Одним из самых распространенных типов текста являются инструктирующие тексты, относящиеся к научному и официально-деловому стилю одновременно. Их основной коммуникативной целью является проинформировать адресата о порядке и способах выполнения определенных действий и побудить адресата к их выполнению. Стоит отметить, что ожидаемая ответная реакция невербальна – это конкретные действия или недействия адресата. Данная специфика выделяет инструктирующие тексты среди всех остальных видов текста.

В результате сопоставления инструктирующих текстов, относящихся к одной сфере, – кулинарных рецептов и инструкций к продуктам питания – были выявлены общие черты и различия.

Кулинарный рецепт, как и инструкция к продуктам питания, является малоформатным типом текста, кратко передавая большой объем информации, и состоит обычно из трех блоков: интродуктивного (название и компоненты), основного (способ приготовления, рецепт блюда) и заключительного (содержащего рекомендации по сервировке, подаче блюда, страноведческую информацию). Различия в структуре обоих видов текстов заключаются лишь в том, что тексты инструкций должны максимально полно проинформировать реципиента о продукте и, соответственно, всегда включают информацию о производителе и, как правило, данные об энергетической ценности продукта.

К лексико-семантическим особенностям анализируемых текстов относится наличие неэмоциональной лексики нейтрального фонда, лексики с тенденцией к мало- и моносемантичности, наличие заимствований, аббревиатур и терминов. Термины образуют одну из главных лексических групп текста кулинарного рецепта, т.к. своим значением строго прикреплены

к данной области знания, и делятся на три группы: термины кулинарного профессионального языка *(pochieren, panieren, gratinieren, karameliesieren),* термины фундаментальных кулинарных понятий *(braten, backen, dämpfen,)* имеющие национальные соответствия, термины, относящиеся к специфичным сторонам кулинарного производства, свойственные лишь для данной национальной кухни, которые переходят в другие языки как заимствования (*die Chillies, der Parmesan, der Ginseng).* При этом специальная лексика приводится, как правило, без дополнительных пояснений: *Vollmilchschokolade, Kakaobutter, Vollmilchpulver, Kakaomasse, Emulgatoren Lecithine, Vanillin, Sonnenblumenöl, Getreidecrispies, Hafermehl, Reismehl* и т.д. Как показал анализ, большинство узкоспециальных терминов являются заимствованиями: *Mayonnaise, Bouillon, Pueree, Kuvertuere, Marinade* (из французского языка), *Ananas, Tomate, Marmelade, Vanille* (из испанского), *Paste, Pizza, Spinat* (из итальянского). Помимо терминов заимствованной оказывается также общеупотребительная лексика. Наряду с большим количеством заимствований в текстах кулинарных рецептов и инструкций часто встречаются сложные слова из двух- или более частей и аббревиатуры: *Kakaobutter, Vollmilchpulver, Citronensäure, kg, g, kcal.*

Доминирующей тенденцией для синтаксиса текста кулинарного рецепта и инструкции является малое количество сложных предложений. Реципиент читает предложение за предложением и выполняет соответствующее действие.

Также следует отметить, что в этих текстах довольно широко распространены односоставные предложения, когда как двусоставные – явление не столь характерное для инструктирующих текстов. При этом инструкции и кулинарные рецепты демонстрируют определенную специфику: в инструкции большее распространение имеют назывные односоставные предложения, описывающие состав продукта, называющие ингредиенты. В кулинарном же рецепте наряду с односоставными назывными предложениями также широко распространены и односоставные глагольные предложения, содержащие информацию о действиях, выполняемых с продуктами, ингредиентами: *Vor Wärme und Feuchtigkeit schützen*. Соответственно этим задачам большинство односоставных глагольных предложений являются побудительными по цели высказывания: *Genießen Sie Schoko Rice verfeinert mit kalter Milch, Joghurt oder Quark*, а односоставные назывные и двусоставные – повествовательными: *Weizenmehl, Glukose-Fruktose-Sirup, Öl, Eier, Zucker, Alpenmilch, Schokoladenstückchen. Chicken Nuggets erhalten rohes Hahnfleisch.*

Анализ морфологического уровня организации текстов показал, что в исследуемых инструктирующих текстах преобладают имена существительные и глаголы, при этом бóльшая часть существительных содержится в односоставных назывных предложениях и выполняет назывную функцию, указывая на перечень необходимых продуктов, состав продукта и т.д. Глаголы же встречаются чаще в описании способа приготовления как в рецептах, так и в инструкциях и наиболее часто употребляются в форме инфинитива, оформляя односоставные глагольные предложения: *Den Reis in einer*

Sauteuse ***anrösten****, ohne Farbe zu* ***geben****. Mit der Hälfte der Milch und dem Wasser* ***ablöschen*** *und weich* ***kochen****.* В двусоставных же предложениях регулярно используются модальные глаголы *können, müssen, sollen*: *Pudding* ***soll*** *im Kühlschrank gelassen werden.* Соответственно, частотность данных частей речи аналогична распределению видов предложений в обоих типах текстов: в кулинарных рецептах глаголы представлены примерно в 2 раза чаще, чем в инструкциях к продуктам питания, а существительные, наоборот, более часто употребляются в инструкциях, нежели в кулинарных рецептах.

Используемые в текстах прилагательные составляют незначительную долю всех слов, описывая качество продукта, давая дополнительную характеристику ингредиентов: *Sie sind auch geeignet für Desserts und Getränke oder auch zum Einfärben von Gebäck (z.B. für* ***bunte*** *Rührkuchen) und sorgen somit bei jeder Gelegenheit für* ***besondere*** *Effekte*. С помощью наречий, употребляемых редко, дается характеристика глагольного действия, приводятся пояснения к процессу приготовления: *In einer beschichteten Pfanne* ***goldgelb*** *rosten.* Еще одним отличием исследуемых видов текстов явилось существенно бóльшая употребительность количественных числительных в инструкциях, поскольку инструкция призвана давать детальный анализ составных компонентов продукта и энергетической ценности, для чего и служат числительные.

Таким образом, сфера употребления – кулинария – оказывает существенное влияние на выбор лексики, которая используется аналогично в обоих исследуемых видах текстов. Различия в синтаксической структуре предложений и морфологической организации текстов обусловлены одной из задач инструкции, отсутствующей у кулинарного рецепта: дать информацию о составе продукта, его энергетической ценности и производителе. В блоке, информирующем адресата о порядке и способах выполнения определенных действий и побуждающем адресата к их выполнению, грамматические конструкции, используемые для реализации этих целей, аналогичны.

Е. В. Зуевская, М. Пекарская

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕЖДОМЕТИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМАХ

Междометия представляют собой особый пласт слов эмоционально-оценочной лексики. Они делают нашу речь более живой, интересной и экспрессивной. Благодаря им мы привлекаем внимание нашего собеседника к определенным моментам высказывания, соединяем части предложения в единое целое и делаем нашу речь более эмоциональной. Наряду с этим междометия являются средством экономии языка при выражении эмоциональных состояний.

Основой для выделения междометий в отдельный класс слов являются не только их семантические признаки, но и их способность самостоятельно образовывать высказывания и обладать синтаксическими характеристиками.

От знаменательных слов они отличаются отсутствием номинативного значения (выражая чувства и ощущения, междометия не называют их); в отличие от служебных частей речи междометиям не свойственна связующая функция. Междометия отличаются от схожих с ними звукоподражаний тем, что обязательным компонентом последних является денотативное значение, которое называет понятие, предмет, а факультативным – коннотация. Для междометий, наоборот, коннотация является основным и ведущим компонентом.

Для установления специфики функционирования междометий в немецкоязычных художественных фильмах методом сплошной выборки был отобран материал из трех фильмов: „Barfuß“, „Das Leben der Anderen“, „Good Bye, Lenin!“. Общий корпус материала составил 261 микроконтекст.

На первом этапе анализа были исследованы междометия с точки зрения их формы и происхождения. Исходя из полученных количественных данных следует отметить, что в анализируемых фильмах преобладают первичные междометия (57 % контекстов). Данный факт объясняется тем, что они выступают как языковое средство для экономии времени и затрат говорящего: ***Ach**, da bist du ja! **Hey**, hier bin ich.*

Производные же междометия являются менее употребительными. В большинстве случаев они образованы от имен существительных: ***Donnerwetter!***, глаголов: ***Komm**, sag das!*, наречий: ***Bravo*!** и частиц: *Der war gut, **ja**?* Наименее употребительными являются междометия, образованные от предлогов: ***Aber**… versetzen Sie doch für einen Moment in seine Lage* и словосочетаний: ***Mein Gott**, ich habe dich nicht mal erkannt.*

В ходе семантического анализа используемых междометий были установлены следующие закономерности: наиболее частотными в немецком языке являются эмотивные междометия, будучи используемы примерно в 35 % случаев, например: ***Ach**, da bist du ja!* (междометие *ach* выражает удивление), ***Oh**, nein!* (междометие *Oh* выражает разочарование).

Количество волитивных, этикетных и междометий-хезитаций примерно одинаково (около 20 %). Они могут использоваться следующим образом:

1. *Na, wer macht der Anfang?* – междометие *na* выражает побуждение к ответу;

2. ***Hey**, hier bin ich!* – междометие *hey* выражает призыв обратить внимание на определенного человека.

Группа этикетных междометий в большинстве случаев представлена такими словами, как *hallo, guten Tag, Entschuldigung*, которые являются словами благодарности, приветствия, извинения и пожелания. Например: ***Hallo**, Polizei!*

Междометия-хезитации используются в случаях, когда говорящему требуется пауза для размышления: *Ähm… das Spiel, wo man den Ball übers Netz schlägt.*

Наиболее редко используются когнитивные междометия, служащие, например, для выражения (не)согласия с собеседником: *Na gut. Tsja, man heiratet nur einmal im Leben*. ***Tja**, ich provoziere auch eben auch mal gern.* ***Na ja**, das ist viel Geld, aber du sagst, du hast doch super Job.*

Следует отметить, что в некоторых предложениях употребляется сразу не одно, а несколько междометий разной семантики. Однако частотность таких предложений очень мала. Например, в предложении ***Oh, Entschuldigung, ah*** *das war…* употреблено сразу 3 междометия. Междометие *oh* является когнитивным, выражает внезапное озарение, междометие *Entschuldigung* – этикетное, выражающее извинение, а междометие *ah* – эмотивное, выражает удивление. В большинстве случаев в высказываниях, содержащих два и более междометий, присутствует междометие-хезитация, Например, ***Oh****, Genosse Hauptmann,* ***ähm****…* Эмотивное междометие *oh* выражает удивление, а междометие-хезаитация *ähm* заполняет паузу в разговоре. В высказывании *Ist doch großartig,* ***hm?A?*** междометие-хезитация *ähm* дает время отвечающему на вопрос обдумать свой ответ, а волитивное междометие *a* призывает к ответу.

И. Н. Ковалевич

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ЭТАПЕ ПЛАНИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДРЕСАТА

Исследование выполнено в русле структурной прагматики, занимающейся структурированием прагматического аспекта языка и исследующей функциональные потребности общения. Для анализа отбирались эпизоды общения (термин Д. Г. Богушевича) с сильной результативностью, иллюстрирующие этап планирования деятельности адресата инициатором.

На данном этапе инициатор общения знает о планах адресата осуществить какое-то действие и может захотеть получить более подробную информацию, помочь или помешать адресату. Варианты речевых действий инициатора: 1) запросы информации – расспросы; 2) «выведывание» информации путем применения особых тактик; 3) предложение/совет; 4) ложный информатив/угроза как прямые/косвенные тактики отговаривания адресата от осуществления деятельности. Реакции адресата: 1) ответ-информатив (полный/неполный); 2) уход от ответа; 3) запрос информации о причине интереса к его деятельности; 4) благодарность за совет; 5) согласие отказаться от своего плана действий; 6) отказ подчиниться требованиям инициатора; 7) просьба не вмешиваться.

В таких эпизодах общения используется наибольшее количество манипулятивных коммуникативных тактик (далее – КТ), соответственно в вопросительных предложениях (далее – ВП), их оформляющих, отмечаются вторичные прагматические функции. Данный процесс обусловлен скрытым характером действий Инициатора, а также влиянием норм и конвенций английского языка. Мы полагаем, что факт возникновения дополнительных прагматических функций можно объяснить, исходя из анализа параметров матрицы коммуниканта (термин М. К. Ветошкиной), на которые происходит воздействие с помощью коммуникативных тактик.

Продемонстрируем это на примере следующего эпизода общения, взятого из романа Айн Рэнд «Источник». Ситуация: магнат Джоэл Сатон (адресат) уже практически остановил свой выбор на архитекторе Ховарде Роуке. Доминик (инициатор общения), используя стратегию дискредитации третьего лица, с помощью манипулятивных КТ, отговаривает Джоэла в пользу другого архитектора – Питера Китинга.

«You know, Joel,» she said, facing him across a table, her voice quiet, set, unsmiling, «it was a brilliant idea, your choosing Roark».

(1) ***«Oh, do you think so?»***

«I think so. You'll have a building that will be beautiful, like an anthem. A building that will take your breath away – also your tenants. A hundred years from now they will write about you in history – and search for your grave in Potter's Field».

(2) ***«Good heavens, Dominique, what are you talking about?»***

«About your building. About the kind of building that Roark will design for you. It will be a great building, Joel».

(3) ***«You mean, good?»***

«I don't mean good. I mean great».

«It's not the same thing».

«No, Joel, no, it's not the same thing».

«I don't like this 'great' stuff».

«No. You don't. I didn't think you would. (4) ***Then what do you want with Roark?*** *You want a building that won't shock anybody. A building that will be folksy and comfortable and safe, like the old parlour back home that smells of clam chowder. A building that everybody will like, everybody and anybody. It's very uncomfortable to be a hero, Joel, and you don't have the figure for it».*

«Well, of course I want a building that people will like. (5) ***What do you think I'm putting it up for, for my health?»***

«No, Joel. Nor for your soul».

(6) ***«You mean, Roark's no good?»***

В приведенной выше части эпизода общения инициатор, используя КТ комплимента и гиперболизации, заставляет адресата сомневаться в выборе своего решения. Единственный вопрос инициатора (ВП 4) содержит КТ, направленную на **параметр отношения адресата к третьему лицу**. В коммуникативной роли адресата ВП используются в следующих КТ: 1) КТ на **параметр отношения инициатора к действию адресата** (ВП 1), 2) КТ на заполнение **своего параметра знания** (ВП 2), 3) КТ на определение значения **параметра отношения инициатора к результату деятельности третьего лица** (ВП 3), 4) **к его действиям** (ВП 5) и 5) **к самому третьему лицу** (ВП 6).

She sat straight and stiff, as if all her muscles were drawn tight against pain. But her eyes were heavy, half closed, as if a hand were caressing her body. She said:

(7) ***«Do you see many buildings that he's done?*** *(8)* ***Do you see many people hiring him?*** *There are six million people in the city of New York. Six million people can't be wrong. (9)* ***Can they?»***

«Of course not».

«Of course».

«But I thought Enright…»

«You're not Enright, Joel. For one thing, he doesn't smile so much. Then, you see, Enright wouldn't have asked my opinion. You did. That's what I like you for».

(10) ***«Do you really like me, Dominique?»***

(11) ***«Didn't you know that you've always been one of my great favourites?»***

«I … I've always trusted you. I'll take your word any time. (12) ***What do you really think I should do?»***

«It's simple. You want the best that money can buy – of what money can buy. You want a building that will be – what it deserves to be. You want an architect whom other people have employed, so that you can show them that you're just as good as they are».

«That's right. That's exactly right. <...> Look, Dominique, you've hardly touched your food».

«I'm not hungry.»

(13) ***«Well, what architect would you recommend?»***

«Think, Joel. (14) ***Who is there, at the moment, that everybody's talking about?*** *(15)* ***Who gets the pick of all commissions?*** *(16)* ***Who makes the most money for himself and his clients?*** *(17)* ***Who's young and famous and safe and popular?»***

«Why, I guess … I guess Peter Keating». ГРА адреса – констатив-догадка.

«Yes, Joel. Peter Keating». ГРА инициатора – констатив.

В следующей части эпизода общения инициатор приступает к манипулированию, используя КТ, содержащие апелляции к разуму адресата (ВП 7−9, задействован **параметр отношения адресата к деятельности третьего лица**). После КТ лести (*That's what I like you for)* инициатора во встречной КТ адресата содержится запрос подтверждения **отношения инициатора к адресату** (ВП 10). Инициатор реагирует на данную КТ своей (ВП 10), направленной на апелляцию к чувствам адресата (задействован **параметр межличностных отношений**). Используемые инициатором КТ возымели должный эффект – заставили адресата сомневаться в правильности выбора своего решения, что вызвало с его стороны необходимость получения новой информации (ВП 12 и 13, в которых адресат заполняет **свой параметр знания** и проверяется значение **параметра отношения инициатора к действиям адресата**). Тем не менее, инициатор хочет, чтобы адресат сам догадался, для чего им используются «наводящие вопросы» (ВП 14−17), воздействующие на **параметр знания адресата о третьем лице.**

Весь перечень параметров матрицы коммуниканта, на которые могут быть направлены коммуникативные тактики в сценарии планирования деятельности адресата, приведен ниже в табл.

Таблица

Параметры матрицы коммуниканта в сценарии
«Инициатор общения планирует деятельность адресата»

Инициатор общения	**Адресат**
до генерального речевого акта • п. представления Адресата об Инициаторе общения • п. представления Адресата о себе самом • п. отношения Адресата к третьему лицу и к его деятельности • свой параметр знания о деятельности Адресата и ее результате • п. знания Адресата о деятельности и ее результате • п. управления деятельности у Адресата • п. отношения Адресата к выполнению действия и к деятельности • п. отношения Адресата к Инициатору общения	до генерального речевого акта • собственный п. знания об Инициаторе и его деятельности • п. знания у Инициатора общения • п. отношения Инициатора к Адресату • п. отношения Инициатора к действиям Адресата • п. отношения Инициатора общения к результату деятельности Адресата • п. отношения Инициатора к действиям третьего лица
генеральный речевой акт • п. выполнения действия у Адресата • отношение Адресата к собственному п. знания	генеральный речевой акт –
после генерального речевого акта • п. межличностных отношений	после генерального речевого акта • п. межличностных отношений

С. В. Кондракова, В. Бельченко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СЛЕДСТВИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Многообразие способов и средств выражения категории следствия порождает разноречивые интерпретации ее лингвистического статуса. Наиболее обоснован взгляд на категорию следствия как функционально-семантическую. Данную точку зрения высказывали А. В. Бондарко, Р. М. Теремова, Л. Е. Хиженкова, Т. А. Ященко и др.

Говоря о функционально-семантическом поле следствия в целом, можно сказать, что оно относится к типу поля с обстоятельственным ядром, в котором важными являются предикативные отношения. Функционально-семантическое поле следствия можно назвать полицентрическим, т.к. ядро

в нем выражено слабо, оно включает разнообразное количество микрополей. Два основных микрополя – микрополе реализованного и микрополе нереализованного следствия. В последнем можно выделить еще 2 сегмента: ожидаемое, но не наступившее следствие и нереализуемое следствие.

Взяв за основу классификацию средств выражения следствия, предложенную немецкими грамматистами во главе с Й. Буша, было проанализировано 80 аутентичных статей политической и экономической тематики (FAZ, DIE WELT, Der Spiegel), из которых методом сплошной выборки было отобрано 157 микроконтекстов. Анализ показал, что средства выражения следствия могут быть отнесены к разным языковым уровням: грамматическому и лексическому. В структуре же самого функционально-семантического поля следствия мы, вслед за немецкими грамматистами, выделяем следующие микрополя: микрополе реализованного следствия и микрополе нереализованного следствия.

Реализованное следствие можно выразить при помощи языковых средств, относящихся к грамматическому и лексическому уровням.

1. Грамматический уровень:

– сложноподчиненное предложение с союзом *so dass*: *Sie erwarte, dass das noch in der kommenden Woche gelinge,* ***so dass*** *noch vor der internationalen Konferenz am 10. Und 11. Dezember, die den Pakt annehmen soll, ein Beschluss des Bundestags falle*;

– с союзом *dass*: *Die Empörung über Merkel ist* ***so*** *groß,* ***dass*** *Seehofer sogar das für Februar geplante Versöhnungstreffen zwischen CDU und CSU infrage stellt*;

– с *weshalb, weswegen*: *Durch das Stricken bleibt der Stoff flexibel und lässt sich in alle Richtungen dehnen,* ***weshalb*** *sich der Schuh bequem an den Fuß anschmiegt*;

– сложносочиненное предложение с *daher/darum/deshalb/deswegen, so, also, folglich, infolgedessen, aus diesem Grund*: *Auch in großen Kliniken lässt sich die Zahl der Organspenden im Jahr an einer Hand abzählen.* ***Deshalb*** *sollen die Transplantationsbeauftragten jetzt für ihre Tätigkeit besser freigestellt werden*;

– устойчивые структуры *Es/Das ist zum…* + substantivierter Invinitiv: *Das ist* ***zum Davonlaufen****! – Es ist so, dass man davonlaufen möchte*;

– предложные словосочетания с *zu* (*werden zu, sich entwickeln zu, wählen zu*): *Zum Ärger der Nachbarn stellt er sein Radio immer auf volle Lautstärke*. *Der auf der improvisierten Pegida-Bühne von der Droge Anerkennung geblendete Zampano Bachmann* ***wurde zum*** *nützlichen Idioten für die AfD*.

2. Лексический уровень представлен:

– словообразованием – глагольным сочетанием *sich gesundschrumpfen, festbinden, festnageln*: *Der Betrieb hat sich gesundgeschrumpft*;

– сочетанием глагола и наречия *gesund pflegen, krumm biegen, leer trinken*: *Der Arzt* ***streicht*** *sie auf dem Tisch* ***glatt****: eine spanische Supermarkttüte mit aufgedruckter Organspende-Werbung*;

– частями речи – глаголом с семантикой следствия: *sich ergeben aus*, *zurückzuführen sein aus*, *hervorgehen aus*. Например: *Aus Sicht der Kritiker **führt** auch die „rassebewusste“ Aufnahmepolitik an Universitäten **zu** paradoxen, schlechten Ergebnissen. Alle Drohungen und echten Sanktionen der Amerikaner im Handelskonflikt mit China **haben** nichts **gefruchtet***;

– существительным с семантикой следствия: *Ergebnis*, *Erfolg*, *Resultat*, *Folge*, *Wirkung*, *Auswirkung*. Например: ***Die** wichtigste und allgemeinste **Folge** der Ohnmacht ist die Wut, die besonders durch ihre Ohnmächtigkeit gekennzeichnet ist*.

Исходя из количественных данных, можно сделать вывод, что наиболее употребительным средством выражения реализованного следствия является сложносочиненное предложение с *deshalb* (34,01 %). Сложноподчиненное предложение с *dass*, сложносочиненное предложение с *so*, *also* и глаголы с семантикой следствия встречаются примерно с одинаковой частотой (14,28–17,006 %).

В микрополе нереализованного следствия следует различать: ожидаемое, но не наступившее следствие и нереализуемое следствие. Не всегда следствие является результатом, которое ожидается от ситуации. По причине особых обстоятельств, которые зачастую остаются неизвестными, следствие может не наступать, поэтому следует различать ожидавшееся и наступившее (реализованное) следствие и ожидавшееся, но не наступившее (нереализованное) следствие. Сравним:

Der Junge hat grünes Obst gegessen, so dass er Durchfall bekommen hat (реализованное следствие).

Der Junge hat grünes Obst gegessen, ohne dass er Durchfall bekommen hat/hätte (нереализованное следствие).

1. Грамматический уровень представлен следующими средствами:

– сложноподчиненное предложение – придаточное предложение с *ohne dass*: *Erst ermöglichten sie, dass amerikanische Unternehmen ihre immateriellen Werte in Steueroasen verschoben, **ohne dass** Amerika eine angemessene Gegenleistung bekam*.

– инфинитивная конструкция *ohne…zu*: *Sie muss nun auch die Sicherheitskanzlerin sein, die den Sorgen vieler Bürger Rechnung trägt, **ohne** die freiheitliche Ordnung **zu** opfern*.

– сложносочиненное предложение с *aber/jedoch* и отрицанием: *Der Titelverteidiger startete als Letzter. Er konnte **aber/jedoch** diesen Vorteil **nicht** nutzen.*

2. Лексический уровень представлен различными частями речи – прилагательным/наречием (*vergebens*, *vergeblich*, *umsonst*) и существительным (отрицание существительного *Folge* и его синонимов посредством *ohne*, *kein*, *nicht*): *Die **vergeblichen** Bemühungen der Geschäftsleitung konnten den Konkurs der Firma nicht verhindern*. *Die schwere Krankheit blieb **ohne Nachwirkungen***.

Нереализуемое следствие представлено в текстовой выборке только средствами грамматического уровня:

– сложноподчиненными предложениями с союзом *als dass* + модальный глагол *können* (зачастую в конъюнктиве): *Keine These ist ihm **zu** plump, **zu** derb, **zu** heikel, **als dass** er sie, verpackt zwischen Buchdeckeln, nicht verkaufen würde – vorausgesetzt, der Inhaltbewegt sich im rechtlich zulässigen Rahmen*.

– инфинитивной конструкцией с *um ... zu*: *Darüber hinaus sei eine Zahl von fünfhundert Fahrgästen pro Tag **zu** gering, **um** eine Wiederherstellung der Strecke durch das Land Bayern **zu** fördern*.

Основываясь на количественных данных, можно сделать вывод, что наиболее употребительным средством выражения нереализованного следствия является инфинитивная конструкция с *ohne ... zu* (50 %). Одинаковая представленность у сложноподчиненного предложения с *als dass* и инфинитивной конструкции с *um ... zu* (10 %). В целом, можно заметить, что в выборке не представлены лексические средства выражения следствия.

Л. Г. Крот

ПРОБЛЕМА ТОПОНИМИИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Топонимическая лексика любого языка есть внутренне организованная и упорядоченная система. Изучение этой подсистемы имеет большое значение как для ономастики, так и для лингвистики в целом.

Жизнь человека тесно связана с различными местами, которые обозначаются с помощью особых слов – географических названий, или *топонимов* (от греческого слова *topos* ‘место’ и *onoma/onyma* ‘имя, название’).

Цель настоящей работы заключается в выявлении структурных, этимологических и мотивационных особенностей топонимической лексики английского языка.

Материалом исследования послужили 116 британских топонимов, полученных из топонимических словарей, справочников, карт, атласов и интернет-ресурсов.

Топонимы представляют собой языковые знаки естественного языка, обозначающие определенные фрагменты топографического пространства. Эти языковые знаки образуют систему, которая называется топонимической.

В данном исследовании под топонимической системой языка понимается вся совокупность топонимических номинаций территории. Исходя из этого, можно заключить, что значения единиц этой системы, т.е. топонимов, так же сложны, как и значения имен нарицательных, поскольку они обладают всеми типами отношений последних.

Несмотря на значительную степень языкового варьирования топонимов в пределах одного территориального варианта, эти единицы языка образуют целостный комплекс взаимосвязанных элементов, обладающих рядом структурно-семантических связей, которые отличают данный комплекс от анало-

гичных комплексов в других территориальных вариантах и языках. При этом топонимическая система языка характеризуется не только внутриязыковыми особенностями, но и внешязыковыми факторами, такими как территориальная, этнокультурная, историческая и хозяйственно-экономическая идентичность.

Каждый топоним рассматривается как результат познавательной деятельности человека, устанавливающего связи между различными сущностями в окружающем его мире и выражающего эту связь в создаваемом наименовании. Кроме того, в топониме прослеживается и другой тип связи, а именно, связь между субъектом и объектом топонимического наречения.

Согласно структурной (морфологической) классификации топонимы делятся на простые, производные, сложные и составные.

Количество простых топонимов (6,6 %) значительно уступает количеству сложных и составных, а их этимологизация во многом невозможна, так как многие названия перешли из других языков и воспринимаются как чистая основа. К простым наименованиям можно отнести топонимы типа *Comb, Barrow, Down, Stall, Moor* и др.

Более распространенными в количественном отношении являются производные топонимы (14,5 %), образованные при помощи аффиксов: *Stanton, Kingston, Birmingham, Scarborough* т.д.

К третьему, наиболее многочисленному типу (52,6 %), относятся сложные топонимы состоящие, как правило, из двух морфем: *Blackpool, Brentside, Wallingwells, Whitbarrow* и т.д.

Составные топонимы представляют собой словосочетания, состоящее из двух и более частей и достигают 26,3 % единиц от общего количества, например: *Cold Harbour, Standing Stone, Barton under Needwood, Black Notley* и др.

Диахронически производные топонимы подразделяются на три основные группы: топонимы, произошедшие 1) от названия рода, жителей, племени или народности, проживающих на этой территории, 2) от вида жилища или местообитания, 3) от топографического термина.

Топонимы первой группы наименее распространены в британской топонимической системе, например, графство *Essex* обозначает ‘территорию восточных саксов’ (*OE east + Seaxe*); графство *Sussex* расшифровывается как ‘территория южных саксов’ (OE *suth + Seaxe*). Во второй группе наиболее широко представлены топоформанты англосаксонского происхождения: *tūn* ‘огражденная земля, ферма, деревня’, например: *Ariton* ‘*Farmstead on the river Aire. Old river name + tūn*’; *hām* ‘ферма, деревня, поместье, имение’, например: *Akenham* ‘*homestead of a man called Aca*’ *OE pers. name + hām*; скандинавского происхождения: *bý* ‘усадьба, деревня, поселение’, например : *Barrowby* ‘*farmstead or village of the hill*(*s*)’. *OScand. berg + bý* и др. Третья группа объединяет элементы, представляющие собой топографические термины ‘река, озеро, брод, гора, хребет, поле, роща’ и т.д. Самыми продуктивными среди топоформантов такого типа являются англосаксонские элементы: *ford* ‘брод, пересечение реки’: *Dunsford* ‘*Ford of a man, called Dun*’.

OE pers. name + ford; *feld* ‘открытая местность, земля’ *Dronfield* ‘*open land infested with drones*’. *OE dran + feld*; *worth, worthig*(*n*) : *Cornworthy* ‘огражденные обширные земли’, например: ‘*enclosure frequented by cranes, or where corn is grown*’. *OE corn + worth, worthig*; *hyll* ‘холм’ ‘*Hill by the woodland pasture*’. *OE denn with the later addition of hyll*.

Таким образом, анализ исследуемого материала позволяет заключить, что наиболее заметный след в британской топонимии оставило завоевание Великобритании германскими племенами, так как топонимы англосаксонского происхождения, по данным нашего исследования, самые многочисленные и распространенные, хотя в топонимической системе данного региона содержатся элементы, которые берут свои корни из языков, по крайней мере, пяти различных народов – кельтов, римлян, англосаксов, скандинавов и французов. Все эти народы внесли свой вклад в топонимию страны и сделали английские топонимы такими, какими они являются сегодня.

Как видим, многие формы и значения топонимов были искажены или утеряны по прошествии лет из-за изменений, произошедших в языке и культуре, и приведших к исчезновению многих первоначальных названий.

Правомерно предположить, что без первоначальной мотивированности словесные знаки возникнуть не могут – внутренняя форма хотя бы исторически присуща любой лексической единице, но генетически не может сохраняться в слове, и в процессе своей эволюции в силу различных причин тенденция к произвольности языкового знака расшатывает былую мотивированность лексической единицы. С диахронической точки зрения, превращение мотивированного знака в немотивированный представляет собой процесс качественного преобразования языковой единицы. Он может быть представлен в виде некой цепи трансформаций определенных языковых состояний, последовательно сменяющих друг друга на оси непрерывного развития языкового знака.

Следовательно, с точки зрения синхронии в рамках теории мотивации явление утраты внутренней формы слова может быть рассмотрено как момент развития, а в диахронии – как одна из ступеней в общем развитии языкового знака.

Таким образом, комплексное исследование топонимической лексики английского языка может быть продолжено изучением соответствующих систем других территориальных вариантов, например, Австралии, Новой Зеландии, Канады, что позволит выявить этнокультурную специфику топонимических пластов английского языка.

Важным представляется также лингводидактическое направление топонимических исследований, поскольку изучение языка должно происходить в тесной связи с познанием культуры, истории, традиций народа, говорящего на этом языке. Топонимические номинации на уроках английского языка представляют собой один из наиболее ярких пластов лексики, который аккумулирует в себе культурологические знания о мире.

Н. В. Курбаленко

КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ АССИСТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Ассистивная каузация представляет особый научный интерес, поскольку практически не изучена в языках, не имеющих морфологического способа передачи данной разновидности каузативных отношений. В немецком языке рассматриваемое значение реализуется в синтаксических каузативных конструкциях (КК), организуемых глаголами со значениями ‘помогать’, ‘содействовать’, ‘способствовать’ и пр. Для выявления специфики использования КК со значением ассистивности в художественных немецкоязычных текстах были отобраны два произведения: Г. Бёлля «Глазами клоуна» и Г. Гессе «Степной волк».

Как показывают предыдущие исследования, в немецком языке ассистивную каузацию способны выражать многие глаголы (*begünstigen, beitragen, fördern, helfen, verhelfen, vermitteln, unterstützen* и др.). Однако в художественном стиле используются преимущественно КК с глаголом *helfen*, примеры употреблений КК с другими глаголами единичны: *Ich denke oft an ihn, er hat mir das Leben nicht leichter gemacht, er hatte nicht die Gabe, das Starke und Frohe in mir zu* ***stützen*** *und zu* ***fördern****, oh, im Gegenteil!* (H. Hesse); *Ich will … etwas zum Bild des eigentümlichen Mannes* ***beitragen****, der diese Steppenwolfmanuskripte hinterlassen hat* (H. Hesse).

Рассмотрим более детально особенности употребления КК с глаголом *helfen* в художественном стиле. Несмотря на то, что КК с глаголом *helfen* могут состоять из четырех компонентов: субъекта, объекта в дательном падеже и результата каузации, выраженного инфинитивом или предложно-именной группой (примеры 1 и 2), в художественных произведениях данный глагол употребляется преимущественно в составе трехкомпонентных КК, в которых не находит своего языкового выражения результат каузации (пример 3); также встречаются примеры использования данного глагола только с субъектом каузации (пример 4): 1) *Ich helfe Ihnen Ihre eigene Welt sichtbar machen…* (H. Hesse); 2) *… und wenn Marie ihr beim Aufräumen half, steckte sie ihr gelegentlich ein Paket Butter zu oder eine Tüte Zucker* (H. Böll); 3) *Ich werde sie schon erkennen, meinte sie, und sollte ich es daran fehlen lassen, so werde sie mir helfen, aber vorher dürfe ich nichts wissen* (H. Hesse); 4) *Manchmal hilft die Abendzeitung: sie macht mich so leer wie das Fernsehen* (H. Böll).

При этом сфера или область, в которой объекту каузации оказывается содействие либо помощь, может быть уточнена: *… wenn ich in Bonn war und sie anrief, hatte sie mich scherzhaft aufgefordert, ihr doch noch einmal* ***in Küche und Kinderzimmer*** *zu helfen* (H. Böll); *So verbrachte ich halbe Tage bei Maries Vater, dem alten Derkum, dem ich ein bißchen* ***im Laden*** *half und der mir Zigaretten schenkte, obwohl es ihm nicht sehr gut ging* (H. Böll).

Обращает на себя внимание тот факт, что субъект при глаголе *helfen* может быть одушевленным и неодушевленным, в то время как его объект выражается только одушевленным именем существительным или местоимением, его заменяющим: *Können Sie klettern, Fräulein? Ja? Also los, wir nehmen Sie zwischen uns und helfen Ihnen* (H. Hesse); *Ich konnte nicht einmal mehr richtig humpeln, wirklich nur noch kriechen, ich kroch auf den Balkon hinaus, um etwas Heimatluft zu atmen: auch sie [Heimatluft]half nichts* (H. Böll).

Глагол *helfen* может употребляться в безличных пассивных конструкциях, однако, как показывает наша выборка, такие случаи единичны: *Hoffen wir, daß andere Zeiten besser waren und wieder besser sein werden, reicher, weiter, tiefer. Aber uns ist damit nicht geholfen* (H. Hesse).

Отметим также, что в КК с глаголом *helfen* иногда находит свое языковое выражение такой компонент каузативной ситуации, как способ/ средство каузации, который может быть оформлен как предложно-именной группой с предлогами *mit, mittels* и др., так и придаточным предложением с союзом *indem*: *… er [Edgar] half uns sogar noch einmal mit Geld, als Marie die Fehlgeburt hatte* (H. Böll); *Manchmal half ich ihm dabei, indem ich die Fehler mit einem roten Tintenkuli anstrich…* (H. Böll).

В некоторых примерах употребления глагола *helfen* мы имеем дело с устойчивыми выражениями, например, *aus der Jacke helfen (= beim Ausziehen helfen)* или *aus der Verlegenheit helfen (= in einer peinlichen Situation helfen): … und es muß einem dabei gerade so appetitlich und spannend und dankbar ums Herz sein, wie einem Verliebten, wenn er seinem Mädchen zum erstenmal aus der Jacke hilft* (H. Hesse); *Ich wäre mir unhöflich vorgekommen, hätte ich Heinrich nicht aus der Verlegenheit geholfen* (H. Böll).

Наряду с глаголом *helfen*, в художественных текстах часто встречаются также его производные (*aushelfen, aufhelfen, mithelfen, hinweghelfen, sich behelfen* и др.), каждый из которых привносит свои нюансы в выражение искомого значения: *… weil meine Wirtin sich weigerte, mir mit Geld für das Taxi auszuhelfen* (H. Böll); *… sie [liturgische Texte und Melodien] helfen mir am besten über die beiden Leiden hinweg, mit denen ich von Natur belastet bin: Melancholie und Kopfschmerz* (H. Böll).

Любопытно, что оказывать помощь или содействие можно не только в «хороших», но и в «плохих» делах, что наглядно иллюстрируют следующие примеры: *… mein Vorfahr Luther hat seinerzeit den Fürsten und Reichen* ***gegen die Bauern*** *geholfen…* (H. Hesse); *Schon vorher war ich mit dem Professor uneins; er ist, wie die Professoren fast alle, ein großer Patriot und hat während des Krieges brav mitgeholfen,* ***das Volk anzulügen*** *– im besten Glauben natürlich* (H. Hesse).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в художественном стиле для передачи ассистивной каузации используется в основном глагол *helfen* или его производные. Данный глагол реализует искомое значение в четырехкомпонентной каузативной конструкции, в состав которой наряду с самим каузативным глаголом входят еще субъект, объект и результат каузации. Однако в художественном стиле рассматриваемый глагол активно

употребляется в трехкомпонентных КК, состоящих из субъекта, каузативного глагола и объекта каузации. Таким образом, результат каузации не является обязательным компонентом каузативной конструкции с глаголом *helfen*, что отличает его от других каузативных глаголов немецкого языка, способных организовывать синтаксические каузативные конструкции.

О. К. Листратова

ЗНАЧИМОСТЬ СТРУКТУРНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СЛОВА ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Сконцентрированность научного интереса на исследовании особенностей восприятия иноязычной лексики лицами с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи потребовала изучения вопроса об описанных в научных трудах способах обработки значения слова в процессе речевосприятия лицами с нормой слуха и речи. Анализ специальных авторских исследований по психо- и нейролингвистике показал существование двух альтернативных теорий, объясняющих механизмы обработки говорящим словесных единиц родного языка: одна из них утверждает идею извлечения слова из памяти в целостном виде, другая зиждется на интерпретации значения воспринятой ЛЕ путем разложения ее на структурные составляющие. Очевидно, что второй механизм является более сложным, поскольку диктует необходимость дополнительной обработки, которая заключается в членении слова на морфемы, их идентификации и выведении значения слова на базе синтеза значений выделенных структурных элементов. Вместе с тем огромным преимуществом использования данного механизма для индивида является возможность избежать запоминания каждого нового слова, что позволяет ему снять нагрузку на память как при освоении языка, так и при его дальнейшем использовании в коммуникации. Оба данных механизма обработки слова, действующие параллельно, представляют интерес для решения практико-ориентированных задач нашего исследования.

Поиск способов и путей оптимизации восприятия иноязычной лексики в условиях нарушения слуха и тяжелых нарушений речи требует освещения вопроса о структурных и семантических характеристиках ЛЕ, выступающих условиями для действия каждого из механизмов обработки воспринимаемого слова. Проведенный нами анализ теории словообразования показывает возможность выделить закрытый список характеристик слова, выступающих условиями для включения в действие механизма интерпретации его значения путем разложения на морфемы.

Первой характеристикой, обусловливающей действия данного механизма, является степень усложненности структуры слова. Так, очевидно, что простые слова в силу невозможности членения их на более мелкие значимые элементы, не могут быть обработаны путем разложения на структурные составляющие. Производные и сложные слова, образованные путем усложне-

ния структуры посредством сложения корней либо добавления аффиксов, выступают теми единицами, которые могут быть подвержены членению на структурные элементы. Как следствие, их семантика может интерпретироваться в процессе речевосприятия путем синтеза значений выделенных элементов.

Второй характеристикой, обеспечивающей обработку слова посредством рассматриваемого механизма, выступает регулярность входящих в его состав аффиксов. Регулярность аффиксов, проявляющаяся как их закономерная повторяемость, воспроизводимость в ряде слов, предоставляет говорящему возможность произвести практические языковые обобщения. Независимо от того, в какой модальности – акустической либо визуальной – поступает языковой материал, в задачу реципиента входит выделить в нем морфемы как двусторонние лингвистические единицы и сохранить их в памяти в качестве словообразовательных эталонов. Такие обобщения создают возможность идентифицировать аффикс в составе любого иного воспринимаемого слова, актуализировать его значение и интерпретировать семантику целого слова путем объединения значений составляющих структурных элементов.

Третьей характеристикой и условием, создающим возможность вывести значение целого на базе синтеза значений структурных элементов, выступает исключение идиоматичности значения ЛЕ, проявляющееся как отсутствие дополнительных смыслов, не отраженных в структуре слова,

В результате совокупность данных трех структурно-семантических характеристик слова выступает условием, ограничивающим действие механизма интерпретации значения воспринятой ЛЕ путем разложения ее на структурные составляющие.

Обработка тех ЛЕ, для которых не соблюдается хотя бы одно из описанных условий, осуществляется на базе альтернативного механизма. Такие ЛЕ воспринимаются, хранятся и извлекаются из памяти в целостном виде. К ним относятся: 1) простые слова, не обладающие структурной сложностью – первой из выявленных характеристик; 2) производные слова, в состав которых входят нерегулярные аффиксы, в силу их неширокой представленности в рядах слов, что можно квалифицировать как уникальность, языковые обобщения на их базе не производятся; 3) частично либо полностью идиоматизированные производные и сложные слова, имеющие в своей семантике дополнительные, внешне не выраженные смыслы.

Еще одним *значимым фактором* является частота актуализируемости значения единицы сознанием конкретного говорящего. Данный фактор, влияющий на действие механизма обработки значения слова в процессе речевосприятия, нельзя, однако, рассматривать в качестве характеристики ЛЕ. Так, неидиоматизированные структурно усложненные ЛЕ, образованные с помощью регулярных аффиксов, в результате частой актуализации значения могут становиться частью лексического компонента памяти говорящего и вследствие этого обрабатываться как целостные образования. Как было по-

казано в психолингвистическом эксперименте Л. В. Сахарного, неидиоматичные производные ЛЕ типа *вечерник, утренник, дневник*, образованные при помощи регулярных аффиксов, в зависимости от степени актуализируемости их значения для говорящих различных групп могут обрабатываться на основе различных механизмов. Например, значение ЛЕ *вечерник* ‘студент вечернего отделения’ испытуемыми из состава школьников в подавляющем большинстве случаев интерпретировалось на базе подбора однокоренных слов, что говорит о действии механизма разложения на морфемы и интерпретации значения на основе структурных элементов. Высокая частота актуализации значения данной ЛЕ испытуемыми-студентами обусловила ее интерпретацию 70 % испытуемых без обращения к однокоренным словам, что свидетельствует об извлечении ее из памяти в целостном виде.

Таким образом, характеристиками слова, обусловливающими действия каждого из выявленных механизмов, выступают структурная усложненность/простота, регулярность/нерегулярность входящих в состав аффиксов и отсутствие/наличие идиоматичности значения. При восприятии простых слов, производных слов, в состав которых входят нерегулярные аффиксы, а также частично либо полностью идиоматичных производных и сложных слов, говорящий использует механизм извлечения их из памяти в целостном виде. Механизм разложения слова на структурные составляющие и интерпретации его значения на основе структурных элементов задействуется в случае восприятия структурно усложненных (производных и сложных) неидиоматизированных ЛЕ, образованных с помощью регулярных аффиксов.

Выводы, полученные из проведенного теоретического анализа, важны для решения проблемы представления лексического материала лицам с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи в виде, способствующем освоению каждого из заявленных механизмов. Организованная подача лингвистических знаний о структуре и семантике иноязычного слова реципиенту, находящемуся в заведомо неблагоприятных обстоятельствах, позволит создать условия для управления интеллектуальной деятельностью по овладению каждым из механизмов интерпретации значения ЛЕ иностранного языка в процессе его использования в речи.

С. В. Паремская

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Для проведения диахронического исследования любых единиц и структур языка необходимо понимать, какой исторический период находится в фокусе исследования и к какому отрезку исторического развития относятся изучаемые явления. Это положение в равной степени имеет отношение и к предлогам, которые выступают объектом данного исследования.

Что касается современного немецкого языка, то он представляет собой продукт исторического развития от диалектного состояния до общенемецкого национального литературного языка. Он начинает развиваться во второй

половине V столетия, но до VIII столетия существует только в форме устных диалектов (О. И. Москальская называет этот период доисторическим). В конце VIII столетия появляются письменные источники на немецком языке, которые дают возможность проследить все процессы, происходившие в языке.

На протяжении двенадцати столетий в немецком происходит совершенствование всех элементов строя языка: 1) в системе согласных (1-е и 2-е передвижение согласных); 2) в системе гласных (монофтонгизация, дифтонгизация, растяжение); 3) в системе морфологических форм (редукция, синкретизм); 4) в лексике (расширение лексического состава языка, распространение словосложения); 5) в синтаксисе (потеря генитива).

Начиная с XVIII столетия, многими исследователями предпринимались попытки провести периодизацию истории немецкого языка, однако единой теории до сих пор не существует. Этот факт объясняется, прежде всего, тем, что разными лингвистами ставятся различные цели, а в основу периодизации кладутся разнообразные критерии (в целом около 20). Все критерии можно разделить на две группы – *языковые* и *внеязыковые*.

Я з ы к о в ы е критерии опираются на объективные языковые признаки, которые обнаруживаются в письменных источниках на определенном этапе развития языка. В н е я з ы к о в ы е критерии характеризуются достаточно большой вариативностью. К ним разные авторы относят такие признаки, как учет исторических личностей, оказавших большое влияние на развитие языка, факторы социального и экономического развития общества и др. Представленные в лингвистической литературе модели периодизации отличаются друг от друга, прежде всего, количеством и видами используемых критериев. О. И. Москальская применяет, например, только языковые критерии, но большинство исследователей учитывают как внутриязыковые, так и внеязыковые факторы, влияющие на развитие языка.

Кроме этого разные модели периодизации отличаются друг от друга количеством выделяемых этапов, их дроблением, наличием или отсутствием иерархизации между отдельными этапами. Наконец, в разных работах устанавливаются различные временные рамки для отдельных этапов развития языка и используются разнообразные названия этих этапов.

Начало периодизации истории немецкого языка было положено Й. К. Аделунгом (1782 г.), который с опорой на внеязыковые критерии (распространение языка, знаменитые личности, господство династий, культура и др.) выделяет, начиная с 375 г., шесть периодов развития немецкого языка. Эти периоды представляют собой временные отрезки, последовательно переходящие друг в друга, но никак автором периодизации не обозначаемые. В моделях периодизации других авторов все временные периоды имеют названия. В этой периодизации отсутствует иерархизация, что характерно и для некоторых более поздних моделей (Я. Гримма, В. Шерера, О. Бехагеля, О. И. Москальской). Иерархические модели периодизации появляются только в новейшее время, а именно в середине XX века (Джон Кристофер Уэллс, Петер фон Поленц).

Важную роль в создании теории периодизации немецкого языка сыграл известный немецкий лингвист Я. Гримм. В 1819 г. он предложил новую модель периодизации, в основу которой положил комбинацию внутриязыковых признаков (фонология, морфология, словарь). Его модель представляет собой трехуровневую структуру. Выделенные Я. Гриммом периоды получили названия Alt-, Mittel- и Neuhochdeutsch (древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, нововерхненемецкий). Впоследствии на эту периодизацию стали ориентироваться более поздние историки языка, использовавшие и названия отдельных периодов.

Значимое дополнение модель периодизации Я. Гримма получает в работе В. Шерера (1890 г.). Используя отличные от Я. Гримма критерии и хронологию, но сохраняя предложенные им названия периодов, В. Шерер вводит между средневерхненемецким и нововерхненемецким периодом дополнительную переходную форму – Frühneuhochdeutsch (ранневерхненемецкий). Это впоследствии стало использоваться другими историками языка, среди которых такие известные лингвисты, как В. Г. Адмони и О. И. Москальская.

Первая попытка периодизации, полностью ориентированная на синтаксические изменения, представлена в работе О. Бехагеля (1928 г.). Автор выделяет пять временных периодов развития немецкого языка, но при этом сохраняет названия отдельных периодов, предложенные Я. Гриммом, а внутри средневерхненемецкого периода дополнительно выделяет три промежуточных этапа – среднее, переходное и позднее средневерхненемецкое время.

Оригинальная попытка периодизации представлена в работе известного германиста П. Поленца (1991 г.), который начинает свою периодизацию с позднего средневековья и выбирает собственные обозначения периодов. При этом основной упор делается автором не на язык, а на историю культуры и общества и социоэкономику.

Как отмечает О. И. Москальская, значительные трудности представляет собой временное разграничение отдельных языковых периодов. Точное сравнение в разграничении временных периодов выполнить довольно тяжело, так как периодизации сильно отличаются друг от друга. Тем не менее, большинство авторов единодушны в своем мнении о том, что первый период, называемый в большинстве работ древневерхненемецким, охватывает почти 300 лет, с 770 по 1050 годы. Что касается средневерхненемецкого периода, то в лингвистической литературе отсутствует единое мнение относительно временных рамок этого периода. Например, Г. Пауль, Г. Эггерс, О. И. Москальская считают, что средневерхненемецкий период начинается с XI века, а В. М. Жирмунский и О. Бехагель относят его начало к XII веку. Кроме того, В. М. Жирмунский сдвигает рамки и нововерхненемецкого периода, считая его началом XVII век. Ранненововерхненемецкий охватывает временной отрезок с 1350 по 1650 годы. А нововерхненемецкий – с 1650 года по настоящее время.

Н. П. Петрашкевич

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Определение – название синтаксического класса, под которым объединяются довольно разнородные компоненты предложения, отличающиеся неодинаковыми семантическими и синтаксическими свойствами. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой статья об определении занимает 2 страницы и содержит 23 наименования разновидностей определения. Ключевой характеристикой определения, свойственной всем его разновидностям, является зависимость от субстантивного слова, вхождение в состав субстантивного словосочетания, которое может функционировать как любой член предложения, кроме собственно сказуемого (предикатора). Эта особенность определения – несамостоятельность в синтаксической структуре предложения – выделяет его из других конструктивных компонентов, которые являются собственно членами предложения (главными и второстепенными, структурно обязательными или факультативными) и участвуют в его построении. Определение же, согласно А. И. Смирницкому, является несамостоятельным членом предложения, который развивает не само предложение, а распространяет какой-то из его членов. В этом смысле определение можно назвать «членом члена предложения». Синтаксическая зависимость определения от субстантивного слова (существительного) отражена в английском термине *Noun Modifier*, принятом в аутентичных грамматиках английского языка.

Вторая, семантическая, характеристика, присущая определениям, – значение признака. Именно это свойство определения закреплено в термине *Attribute*, традиционно используемом в отечественных грамматиках английского языка. Отметим, однако, что признак (*Attribute*) может выражаться не только определением, но и другими членами предложения, в частности, субъектным и объектным комплементами (предикативами). На наш взгляд, термин *Noun Modifier* предпочтительнее, поскольку отражает универсальное синтаксическое свойство определения, в то время как термин *Attribute*, имеющий семантическое основание, применим не только к определению. Более того, определение может выражать не только признак (атрибут), но и детерминацию (дейктическую и квантификативную). Таким образом, элементы, предшествующие существительному в субстантивном словосочетании, подразделяются на детерминативы (determiners) – дейктики и квантификаторы – и определители (modifiers), в число которых входят эпитеты, выражающие субъективные и объективные качества, внутренне присущие (intrinsic) определяемому объекту, а также классифицирующие признаки. Например: *His six marvellous old Chinese vases*, где *His* – притяжательный дейктик, *six* – квантификатор, *marvellous* – субъективный эпитет, *old* – объективный эпитет, *Chinese* – классификатор.

В состав субстантивного словосочетания могут входят и постпозитивные определители существительного (qualifiers), которые привносят внешние (extrinsic) характеристики определяемого объекта. Они далее подразделяются на **именные**, выражаемые приложениями и аппозитивными придаточными предложениями, **обстоятельственные**, выражаемые наречиями, предложными словосочетаниями, относительными определительными предложениями темпоральной или локативной семантики, **атрибутивные**, выражаемые адъективными, причастными, герундиальными и инфинитивными словосочетаниями (оборотами), относительными определительными предложениями, абсолютными беспричастными конструкциями. Все эти разновидности постпозитивного определения менее тесно связаны с определяемым существительным, чем препозитивные, и не всегда образуют с ним неразделимое словосочетание. Постпозитивное определение неразрывно с существительным, если оно имеет ограничительную функцию (*large crowds of people, the end of the century, a man of exceptional talent, He always wore socks full of holes*). Такие определения ограничивают референцию существительного, образуя с ним единый информационный блок.

Нередко постпозитивные определения, особенно выраженные придаточными предложениями, оборотами с неличными формами глагола или же субстантивными словосочетаниями (обособленные приложения), служат для расширения объема информации о референте существительного. В этом плане они выделяются из субстантивной группы и могут быть сравнимы с самостоятельными второстепенными членами предложения. Такие определительные конструкции нередко вступают в обстоятельственную логико-семантическую связь с группой сказуемого:

- причинно-следственную – *The pudding, without protein, was unattractive*;
- уступительную – *Here she and I, who were never friends before, met on terms of long and unbroken intimacy;*
- последовательно-временную – *Julia, alone with me, said, 'Charles, I see great Church trouble ahead!'*
- сопутствующего или фонового обстоятельства или действия, – *'The hospital, where I went next morning, was a collection of bungalows...*'

Компоненты предложения такого рода, формально оставаясь определениями предшествующего существительного, связаны с ним слабой комплетивной связью, типичной для обстоятельств (в отличие от сильной атрибутивной связи, присущей препозитивным определениям). В семантическом отношении эти компоненты предложения выражают квалифицирующие или идентифицирующие атрибуты:

– A female voice, more strident than his, answered.

– In a few minutes, his host, an amiable Etonian of my year, returned to apologize.

Нередко постпозитивные обособленные определения имеют обстоятельственное содержание:

– His face, under a helmet, wore the same stolid watching kook of theirs.

– Holly, between her brother and her father, felt elated.

С точки зрения конструктивной обязательности их можно отнести к адъюнктам (adjuncts) – факультативным членам предложения, выражающим атрибутивные или обстоятельственные признаки существительного.

Препозитивные определения функционируют в предложении в составе его конституирующих членов, а постпозитивные являются самостоятельными факультативными членами предложения. На коммуникативно-информационном уровне препозитивные определения входят в состав темы либо ремы вместе со всей субстантивной группой, хотя часто несут информационный фокус, то есть информационно более нагружены, чем определяемое слово. Постпозитивные обособленные определения в коммуникативно-информационном плане являются, скорее, компонентами текста, чем предложениями. Они представляют собой «побочную» рему, которая выходит за рамки основного тематического движения текста, но может быть связана тема-рематическими отношениями с другими текстовыми темами, находящимися вне предложения, членом которого является данное определение.

Н. С. Радикевич

МОДЕЛЬ ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ «ОЦЕНКА» В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение категории оценки в философии, психологии и лингвистике, а также предварительно проведенный компонентный анализ словарных дефиниций 108 глаголов оценочного действия позволили смоделировать ситуацию оценки и выявить набор участников процесса оценивания с отношениями между ними. Данное исследование было дополнено конкретным языковым материалом, взятым из художественных произведений турецких писателей XXI века.

Под *субъектом* оценки – обязательным элементом оценочной структуры – следует понимать лицо или социальный коллектив, приписывающий ценность некоторому предмету путем выражения оценки. Именно от него зависит сама возможность реализации акта оценивания и появление оценочного высказывания. В словарных определениях турецких глаголов оценки данный компонент ситуации, как правило, выражен имплицитно, очень редко можно встретить прямое указание на него в виде наименований лиц определенных профессий (учитель, врач, судья), осуществляющих оценочное действие. Выразителем оценки может быть индивидуум или социум – совокупность лиц, образующих некоторую социальную группу с общими стереотипами: 1. *‘Soğuktan donacak neredeyse,’ dedi* ***Doktor****. Adamın kanaması veya kırığı var mı diye kontrol etti;* 2. *Ruhdaşımı kendi gözlerimle görmezden evvel, göremediği* ***insanlar*** *onu nasıl değerlendiriyor anlamalıydım.*

Всякое оценочное суждение предполагает, помимо субъекта суждения, также *объект* оценки, т.е. то лицо, предмет, явление, событие или положение вещей, к которому оценка относится. Любой объект, попадая в сферу оце-

ночной деятельности субъекта, может оказаться небезразличным для оценки. Об этом свидетельствуют и данные анализа словарных статей исследуемых глаголов: оценке могут подвергаться *kişi* ‘человек, субъект, лицо, личность’, *bir iş(i), bir şey(i), nesneler(in)* ‘объект, вещь, предмет’, *bir madden(in)* ‘вещество, вещь, материя’, *bir gerçeğ(i)* ‘факт’, *bir durum(u)* ‘ситуация’, *olay(ı)* ‘событие, явление, феномен’, например: 3. *Adaza,* ***duvara*** *baktı.* ***Resimdeki Kız Kulesi’ni, vapuru, martıları*** *inceledi.* ***Resmin altındaki fesleğeni, küçük radyoyu*** *uzun uzun süzdü*; 4. *Babam* ***bu halini****, denizcilerin dipte yediği* ***vurguna*** *benzetir, kent vurgunu, derdi*; 5. *Onu seven bir karısı ve iki güzel kızı vardı. Akılsızlar şanslı olur,* ***bunun*** *değerini bilmezlerdi.* Если субъект оценки зачастую лишь постулируется на основе контекста, объект оценки, как правило, бывает выражен всегда.

Стимулом для эмотивной реакции субъекта квалификации служат, как правило, некоторые свойства денотативной структуры объекта оценки, которые в целом могут быть описаны как качественные и количественные признаки, с учетом которых дается оценка, а базовой переменной, определяющей свойства объектов, выступает *аспект* оценки. Указанием на данный семный компонент служат слова, входящие в структуру общей объектной семы: *özellikler(ini), benzer veya ayrı yanlar(ını), seviye(sini), ayrıntılar(ını), özü(nü), anlam(ı), önem(ini), gerekliliğ(ini), çalışma(dığını), nitelik ve niceliğ(ini), değer(ini), miktar(ını) ve fiyat(ını), ağırlığ(ını)* belirtmek, değerlendirmek, tespit etmek, yargılamak, kıymetlendirmek, hesaplamak («вырабатывать/составлять мнение, суждение о *ценности, сути, значимости, важности, пригодности, полезности, нужности, достоинствах, особенностях, деталях, сходстве и различии, степени, качестве, размере, вместимости, количестве, величине, тяжести, расценке, цене, стоимости и т.д.* кого-, чего-либо»). На сентенциональном уровне аспект может быть эксплицирован: 6. *Karapınar Köyü’nde yıldızları izler, rüzgarların* ***hızını*** *ölçer, yağmur takvimi tutardı*, но гораздо большей частотностью отличаются примеры «скрытого» аспекта: 7. *Mevlâna gibi meşhur bir bilginin karısı olunca herkes sanıyor ki âlimlere fazla kıymet veriyorum ama öyle değil.*

В структуре оценочной ситуации особое место занимает такой необходимый ее элемент, как *основание* оценки – то, с точки зрения чего производится оценивание («точка отсчета» по А. А. Ивину, «критерий оценки» Е. М. Вольф). Данный элемент характеризуют выражения, сводимые в целом к тому, что оценка совершается «на основании опыта, анализа, эксперимента; тщательного изучения; размышлений; слушания (дела в суде); существующих норм, положений» и т.п.: 8. *Sorgu Merkezi diye bilinen ve yerin üç kat altına inen gizli işkence binasının planı üzerinde çalıştılar, nasıl baskın yapacaklarını konuştular.* ***Giriş noktalarını, nöbetçileri, alternatif yolları*** *hesapladılar;* 9. *Alay onun kutsal inancıdır kentte,* ***kendisi gibi olmayanı*** *küçümser.*

Субъект дает оценку на основании имеющейся в его «картине мира» *шкалы* (по которой расположены присущие объекту признаки) и соответствующих *стереотипов* («норма» на шкале оценок, стандарт). Данные

элементы оценочной структуры, как правило, имплицитные, но могут быть формализованы в предложениях: 10. *Biz burada acı çektikçe, iyiliği bu yüzden daha çok düşünüyor, kendimize* ***o terazide*** *değer veriyorduk.* В словарных дефинициях указания на шкалу оценок встречаются в виде комбинаций, эксплицирующих градуальность признака: *'sınıflara/kümelere ayırmak/bölümlendirmek/ sınıflamak/tasnif etmek', 'derece vermek'*.

Фразы, выявляющие инструментальную сему в лексикографических источниках, подкрепленные конкретным языковым материалом, формализуют *инструмент* как еще одного участника ситуации: 11. *Bazen müşterilerimi* ***böyle sözlerle*** *denerdim;* 12. *Koridorun ve demir kapının ötesinden sert bir ses geldi.* ***Kulak*** *verip dinledik. Aynı ses peş peşe yinelenince, bunun silah sesi olduğunu anladık. Sorgucular ya silahlarını deniyorlar ya da öfkeyle birinin canını alıyorlardı. Küheylan Dayı, 'Beretta bu,' dedi, silahları insanlar kadar iyi tanıdığını belli ederek.* Инструмент в ситуации оценки представляет собой некоторый предмет, живое существо, часть тела или действие, с помощью которого субъект осуществляет квалификативную операцию и реализует заранее мыслимый результат, т.е. цель оценки. В ряде составных глаголов, таких как *ele almak, elden geçirmek, göz gezdirmek, gözden geçirmek*, указание на инструмент оценки (рука, глаз) содержится в первом именном компоненте.

Анализируя компонентный состав английских глаголов оценки, нами была выявлена адресатная сема – то лицо, для которого предназначена оценочная информация. В турецких лексикографических источниках отсутствует указание на данный элемент ситуации, однако на сентенциональном уровне адресат находит свое выражение: 13. ***Yasemin Abla*** *ocakta su ısıttı, banyoya girip yıkandı... 'Küpemin kancası kopmuş, sen de onu tak.' Amber taşlı küpeleri elinden alıp karşılaştırdım, kancası kopuk küpeyi nasıl onaracağıma baktım.* Полезным исследовательским приемом для установления адресации является тест на возможность вынесения слова с бенефактивным значением в виде словосочетания с послелогом *için*: ***Yasemin Abla*** *için amber taşlı küpeleri karşılaştırıp kancası kopuk küpeyi nasıl onaracağıma baktım.* В целом, адресатный компонент более тяготеет к выходу в сложные смысловые и структурные блоки, т.е. сверхфразовые единства.

Конечной целью процесса оценивания является собственно оценка. Индикатором наличия семантического компонента *результат* оценки являются словосочетания *sonuca (bağlamak, tahlil etmek, analiz etmek), bir sonuca (varmak)* 'анализировать до достижения итога, результата', *küçültücü/alçaltıcı/aşağılayıcı* 'неодобрительно, презрительно, уничижительно' (*olarak değerlendirmek)* и т.п. Данный семантический признак имплицитно присутствует в самом значении глагольных лексем положительной и отрицательной оценки: *önemsemek* 'önemli saymak, önem vermek', *küçümsemek* 'değer ve önem vermemek, küçük görmek'.

Анализ лексического состава предложений показал, что результат оценки может содержаться либо в самом предложении с оценочным предикатом, либо выноситься за его пределы, причем средствами экспликации данного элемента ситуации могут быть не только слова или словосочетания, но и целые контексты, например: 14. *Doğayı* ***çirkin*** *buluyor, değiştirmek için iyiliğe kötülük katıyordu*; 15. *Çakmak Ali arkadaşlarından koptuğunu, yalnız kaldığını anladı. Sağına, soluna bakındı,* ***kimseyi göremedi****. Kardaki izleri inceledi, çalıların ardını yokladı.* ***Arkadaşları ya vurulmuş ya da başka yöne gitmişlerdi.*** Следовательно, можно предположить, что оценочное предложение является частью сверхфразового единства (более широкого контекста), а денотативная область оценки в целом более тяготеет к тексту.

Итак, максимально полная схема оценочной ситуации включает следующие девять компонентов: *субъект, объект, аспект, основание, шкала, оценочный стереотип, инструмент, адресат* и *результат оценки*. Обязательные элементы процесса оценивания – субъект и объект – связаны определенным динамическим оценочным отношением со значением «хорошо/безразлично/плохо», выраженным *оценочным предикатом*.

М. Г. Симакова

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ
(на материале немецкого языка)

На перфектирующую роль некоторых глагольных приставок указывают многое лингвисты. Актуальным поэтому представляется рассмотрение вопроса о влиянии приставки на семантику производного глагола в плане предельности / непредельности (П/НП).

Как известно, функция глагольных приставок в немецком языке не ограничивается изменением семантики глагола в плане П/НП. При этом в большинстве случаев существенно изменяется и лексическое значение глагола, т.е. приставка выступает одновременно и как словообразовательное средство, например, *stehen – entstehen – verstehen*. В русском языке также приставки, став средством образования видов, не утратили словообразовательной функции, связанной с изменением лексического значения и значения способа глагольного действия.

Далее будут рассмотрены производные основ, образованные от глаголов состояния путем префиксации. Необходимо установить, в какой мере приставки модифицируют значение глагола состояния в плане П/НП и способа протекания действия.

Проанализировав глаголы состояния *bleiben, stehen, liegen, sitzen, hängen* и их производные, можно выделить ряд общих закономерностей:

1. Приставки, которые не влияют на изменение значение П/НП у производного глагола, а конкретизируют лишь его значение в пространственном либо ином отношении.

– Приставка *an-* указывает на контактность, соединение чего-то с чем-то: *anstehen; anhängen*. Производные имеют непредельное статальное значение.

– С префиксами наречного типа *herab-, heran-, heraus-, herum-, umher-, um-* статальные глаголы соединяются редко. Статальный характер действия сохраняется, осуществляется лишь его конкретизация в пространственном отношении, например*, Bücher lagen herum.*

– Приставка *be-* редко присоединяется к статальным глаголам и придает им значение сохранения, существующего или имеющегося длительное время, лексическое значение глагола при этом полностью меняется, например, *besitzen.*

– Приставка *über-* придает производному глаголу непредельное статальное значение, например, *Der Turm hängt um 150 über.*

– Отделяемая приставка *unter-* встречается только с глаголом *liegen.* Производный глагол имеет значение «лежать, находится под чем-либо», т.е. сохраняется статальное непредельное значение. Отделяемая приставка характеризует лишь состояние в пространственном отношении.

2. Приставки, которые не влияют на изменение значение П/НП у производного глагола, а обуславливают лишь модификацию способа действия.

– Приставка *aus-*, придающая нестатальным глаголам значение движения или действия изнутри какого-либо пространства, не меняет значения статальных глаголов в плане П/НП, например, *aushängen, ausbleiben*. Во всех приведенных примерах производные глаголы сохраняют значение непредельности, но способ действия меняется на реляционный.

– Приставка *zu-* указывает на приближение, присоединение, закрытие, добавление, присвоение. У производных сохраняется статальное значение, но наблюдается конкретизация состояния *zubleiben.*

Иногда глагол получает значение реляционного способа действия, но указание на длительность в его семантике сохраняется: *Wieviel steht Ihnen dafür zu?*

– Неотделяемая приставка *unter-* не меняет аспектуального значения производного глагола. Способ действия изменяется на реляционный: *Er hat einem strengen Lehrmeister unterstanden.*

Однако в примере *Er unterlag ihm im Endkampf* производный глагол реализует значение предельности.

– Приставка *ab-* указывает лишь на удаление по отношению к какому-либо предмету, но значение статального способа действия может сохраняется: *abstehen.* В некоторых случаях в производном глаголе изменяется способ действия на реляционный: *abhängen*.

3. Аспектуальное значение начинательной предельности получают:

– Производные глаголы с приставкой *ent-*, которые обозначают действие, начинающееся в определенном пространстве и времени, т.е. получают значение начинательной предельности, например, *entstehen*.

– Производные глаголы с приставкой *er-* близки по семантике к глаголам с приставкой *ent-* и также имеют значение начинательной предельности, например, *erstehen.*

4. Значение предельности (результативный способ действия) + изменение лексического значения.

– Приставка *be-* формирует у производного глагола значение предельности (результативный способ действия) и изменение лексического значения: *bestehen.*

– Неотделяемая приставка *über-* меняет лексическое и аспектуальное значения производного глагола, например, *überstehen.*

5. Значение предельности (длительно-ограничительный способ действия с оттенком финитивности) + изменение лексического значения.

– Глаголы с приставкой *ver-* обычно указывают на то, что процесс, длящийся определенное время, находит свое завершение, т.е. данная приставка придает большинству глаголов значение предельности, изменяя одновременно лексическое значение глагола, например, *verhören.*

Ich musste die Zeit im Wartezimmer versitzen (длительно-ограничительный способ действия с оттенком финитивности).

Присоединяясь к глаголу *bleiben* приставка *ver-* не меняет его значения в плане П/НП, а наоборот производные более отчетливо выражают статальность. Глагол может выступать как в прямом, так и в переносном значении, например, *verbleiben*. Таким образом, приставка *ver-* не всегда выполняет перфектирующую функцию.

– С глаголом *sitzen* приставка *ab-* может формировать предельные значения, указывающие на переход из одного состояния в другое или на длительность с оттенком финитивности, ограниченную определенными временными границами: *absitzen.*

– Приставка *auf-,* содержащая в своей семантике указание на переход из состояния покоя в состояние движения, из горизонтального положения в вертикальное, или на внезапное наступление событий, обычно придает глаголам различной семантики значение предельности. Присоединяясь к глаголам состояния, приставка *auf-* также может придавать им значение предельности. При этом приставочные глаголы обычно обозначают изменение местоположения в пространстве: *aufsitzen.*

Таким образом, лексическая семантика непредельных глагольных лексем оказывает влияние на возможности образования от них производных основ с помощью приставок. Анализ показал, что большинство приставок не изменяет значение глаголов в плане П/НП. Разнообразия в модификации способов действия под влиянием приставок также не прослеживается. Как правило, у приставочных глаголов сохраняется значение статальности, или же он становится реляционным. Если приставки в незначительном количестве случаев и выполняют перфектирующую функцию, то наблюдается тенденция выражения производным глаголом значения начинательной предельности, т.е. обозначения момента вступления в состояние, называемое

бесприставочным глаголом. Приставочный глагол выражает также длительность, ограниченную временным пределом, с оттенком финитивности. В исключительно редких случаях возможно формирование значения результативности. При этом полностью меняется лексическое значение глагола и глагол выступает в переносном значении.

Ю. В. Хмельницкая

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДА В РАМКАХ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ГРАММАТИКИ

Уместность и необходимость использования перевода на занятиях для формирования грамматических навыков, как известно, подвергаются сомнению.

Ведущие подходы в современном преподавании иностранного языка (а под ними мы будем понимать функциональный и коммуникативный подходы) предполагают создание насыщенной речевой среды, которая способствовала бы организации общения на изучаемом языке, максимально приближая его к реальному процессу коммуникации. А это значит, что данная речевая среда должна гарантировать максимальное погружение в иностранный язык. Это должно мотивировать к его усвоению, создавать необходимость использования языка на протяжении всего занятия. Упражнения на перевод кажутся неуместными и нарушающими цельность иноязычной атмосферы.

Принцип функционализма в лингвистике – это подход в изучении языка, требующий обращения к понятию функции при описании основных свойств языка. Современная лингвистика стремится к функциональному описанию языковых средств, т.е. объяснению языковой формы ее функциями – для чего нужна та или иная форма. Язык рассматривается не просто как система уровней языковых единиц, а в первую очередь как совокупность всевозможных средств и структур из разных подсистем, вовлеченных в выполнение основных функций языка – когнитивной и коммуникативной.

Принципы функционализма в лингводидактике предписывают нам и то, как должна быть организована деятельность на занятиях по обучению языку (в частности, грамматике), и то, какие дидактические единицы нам принимать за основные в процессе обучения.

Среди требований к процессу обучения – его речевая направленность, ситуативность, ролевая организация, новизна предлагаемых речевых ситуаций, ориентация на личность в процессе общения, коллективное взаимодействие учащихся. Это коммуникативное обучение, которое предполагает речевой характер упражнений. В таком случае упражнения должны быть организованы так, чтобы они стимулировали относительно свободную речевую реакцию обучаемых (с использованием определенных грамматических

средств) на ряд условно-реальных, воображаемых обстоятельств, в которых имеется некоторая проблема или трудность, которую обучаемым нужно решить, используя язык в его основной функции – как средство коммуникации.

Таким образом, такие формальные задания, как *Put the following nouns in the plural* или *Open the brackets and use the required form of an Oblique mood* или *Translate the sentences into English*, должны быть заменены на задания, нацеливающие учащихся на совершение речевых поступков. Перед обучаемыми ставится некая речевая задача: они должны произвести осознанное речевое воздействие на своего собеседника с использованием тренируемого лингвистического материала – спросить о чем-либо, выразить сомнение, сравнить предлагаемые явления, посоветовать и т.п. Возникает вопрос: есть ли место упражнениям на перевод в рамках коммуникативного подхода?

Начнем с того, что даже на продвинутом этапе изучения иностранного языка невозможно использовать на занятиях исключительно так называемые ситуативные упражнения. Формирование грамматических навыков происходит поступательно, и всегда должно быть место формальным, языковым упражнениям, необходимым для создания стереотипов формы, прежде чем состоится переход к условно-речевым и речевым упражнениям. В процессе овладения грамматическим материалом важно уделить достаточно внимания и подстановочным, и даже имитационным упражнениям, которые закладывают фундамент для будущей речевой деятельности с адекватным использованием тренируемого грамматического явления, закрепляют связь образца с его функционированием, способствуют переходу от формальной к функциональной стороне формирования грамматического опыта.

Когда достигнута стадия относительно точного воспроизведения грамматической единицы, требуется варьирование условий ее использования. Перевод (наряду с другими упражнениями, направленными на развитие навыков и умений использования грамматики) как раз и помогает обеспечить многократное и разнообразное повторение изучаемой формы или структуры, ее осмысленное воспроизведение с учетом новых обстоятельств описываемой ситуации, меняющегося контекста.

Тут необходимо уточнить, что мы имеем в виду перевод именно предложений, а не отдельных слов или словосочетаний. Принцип функционализма в обучении грамматике предполагает, что предложение – исходная речевая единица. Она являет собой симбиоз структуры (относительно фиксированной последовательности расположения членов предложения), морфологических форм элементов этой структуры и интонационного оформления. Значит, перевод на занятиях должен быть организован так, чтобы грамматические явления сочетались с лексическими в коммуникативных единицах не менее предложения. Ведь знание отдельных слов или грамматических форм и структур не гарантирует их правильного употребления в конкретном высказывании.

Очевидно, что упражнения на перевод хорошо вписываются в тренировочный этап формирования грамматических навыков. Они позволяют расширить диапазон употребления грамматического явления и ведут к гибкости в его использовании за счет варьирования условий применения. Кроме того, перевод целых предложений дает нам сочетание разных грамматических и лексических явлений на основе нового содержания. Именно такое сочетание имеет место в обычной речи, где взаимодействуют грамматические средства и единицы других подсистем языка с целью формализации и передачи значений, т.е. с целью коммуникации.

Стоит отметить важную роль перевода в формировании именно синтаксических навыков (они отвечают за правильное автоматизированное расположение компонентов предложения в процессе высказывания). Перевод предложения с одного языка на другой ни в коем случае не осуществляется слово в слово. Предложение – это не просто набор слов, расставленных в определенном порядке. Это последовательность компонентов, связанных определенными отношениями. Причем, эти компоненты могут быть разной структуры и сложности.

Для правильного перевода на иностранный язык, как и для правильной организации высказывания в процессе общения, обязательно знание грамматических структур и форм, характерных для конкретного языка. Нельзя не учитывать степень совпадения значения той или иной изучаемой грамматической структуры в родном и иностранном языках. Именно типологической трудностью грамматического явления – его частичным, а не полным совпадением, или же полным отсутствием в родном языке обучаемых – можно объяснить некоторые распространенные ошибки, совершаемые в процессе овладения грамматическим материалом.

К таким ошибкам можно отнести неправильное использование или неиспользование вовсе артиклей. В русском языке их просто нет. Известные проблемы вызывает у изучающих английский язык такое явление, как вторично-предикативная конструкция. На его примере особенно ярко можно проиллюстрировать принцип функционализма, когда при описании одной и той же ситуации, связанной, например, с приездом врача, в английском языке можно воспользоваться несколькими структурами разной сложности для передачи одного и того же значения:

We expected the doctor's arrival.

We expected the doctor to arrive.

We expected that the doctor would arrive.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что, проведя сопоставление с коррелирующими явлениями в родном языке, учащиеся предпочтут первый или третий варианты. Чтобы они использовали второй вариант, нужно особо обратить внимание на его уместность, противопоставить данную структуру уже знакомым. Это можно сделать и на иностранном языке. Но именно при переводе языковая интерференция становится очевидной для учащихся, и они могут осознанно попытаться преодолеть отрицательное влияние родного языка.

Из всего вышесказанного следует, что упражнения на перевод имеют ряд достоинств, и отказываться от них совсем нет необходимости. А для того, чтобы обеспечить переводу как виду деятельности еще большее сходство с реальным процессом общения, можно предложить обучаемым на продвинутом этапе изучения языка даже не отдельные предложения, а отрывки текста. Текст – типичная среда для языковых явлений и образ будущего высказывания, которое редко бывает длиной в одно предложение. Текст обладает некой логической, семантической и структурной целостностью, которая не свойственна предложениям, взятым по отдельности. Поэтому было бы логично изучать особенности функционирования языковых грамматических средств на основе такой дидактической единицы, в которой находят выражение их подлинные грамматические свойства, формальные и смысловые.

И. В. Чучкевич

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ДЕНОТАТИВНЫХ ОБЛАСТЕЙ В ТЕКСТАХ АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

В ходе анализа денотативных структур текстов газетных статей было установлено, что узлами семантической сети текста являются денотаты, находящиеся в позициях центра эмпатии и фокуса интереса. Под узлом семантической сети мы понимаем денотат, который обеспечивает непосредственное взаимодействие денотативных областей в тексте, а также определяет их соединение и последовательность в денотативной структуре текста. Такие денотаты, т.е. денотаты, которые отражаются в тексте как в позиции центра эмпатии, так и в позиции фокуса интереса и являются связкой для денотативных областей, отраженных в текстовых предложениях, мы называем *доминантными денотатами*.

Например:

Газетная статья *Schoolboy, 11, bowls out Gladstone Small and two team-mates* ‘Школьник одиннадцати лет выбил из строя Глэдстона Смолла и двух членов команды’ (The Daily Telegraph, 15.09.2014): *Dee Jarvis; former professionals; Lara’s side; former wicketkeeper Keith Piper; Paul Nixon, the former England wicketkeeper* ‘Ди Джарвис, бывшие профессионалы, сторона Лара, бывший вратарь Кит Пайпер, Пол Никсон, бывший английский вратарь’;

Статья *Has Prince Harry reunited with Cressida Bonas?* ‘Воссоединился ли Принц Гарри с Крессидой Бонас?’ (The Daily Telegraph, 18.09.2014): *Prince Harry, Cressida Bonas, the closing ceremony of the Invictus Games* ‘Принц Гарри, Крессида Бонас, церемония закрытия Инвиктус Игр’;

Газетная статья *Oscar Pistorius banned from athletics for five years even if he is let out of jail earlier* ‘Оскару Писториусу запрещено заниматься атлетикой в течение пяти лет, даже если его освободят из заключения раньше’ (The Daily Telegraph, 21.10.2014): *Oscar Pistorius, the Rio Paralympics, Paralympic Movement* ‘Оскар Писториус, Паралимпиада в Рио, паралимпийское движение’;

Статья *Parents face nursery fees hike amid funding shortfall for free care* ‘Родители сталкиваются с увеличением платы за детский сад при недостатке финансирования государственных образовательных учреждений’ (The Daily Telegraph, 12.11.2014): *young children, childcare, childcare providers* ‘дети младшего возраста, уход за детьми, воспитатель’;

Газетная статья *Kate Silverton: Let's not encourage older mums* ‘Кейт Сильвертон: давайте не будем поддерживать позднее материнство’ (The Daily Telegraph, 24.11.2014): *Mrs Silverton, older working mums, children, motherhood and career* ‘Миссис Сильвертон, работающие мамы постарше, дети, материнство и карьера’.

Особенности расположения доминантных денотатов в денотативной структуре текста газетной статьи можно объяснить тем, что в позицию фокуса интереса автор помещает участника, которого считает наиболее значимым в рассматриваемой ситуации, т.е. это тот предмет или человек, о котором будет идти речь – тема сообщения. Позицию же центра эмпатии занимает компонент ситуации, с которым идентифицирует себя говорящий в каждом конкретном предложении текста. Таким образом, мы можем говорить о центре эмпатии в тексте как о некотором угле зрения, ракурсе, фоне, на котором излагается тема нашего сообщения. Поэтому нам представляется логичным назвать такие денотаты *фоновыми денотатами.*

Например:

Газетная статья *Schoolboy, 11, bowls out Gladstone Small and two teammates* ‘Школьник одиннадцати лет выбил из строя Глэдстона Смолла и двух членов команды’ (The Daily Telegraph, 15.09.2014): *Gladstone Small; England; a side, Matthew Hoggard, the former England bowler; the rest of the team; the prize, a case of wine; the match; Dee Jarvis’s opponents* ‘Гладстон Младший; Англия; сторона, Мэтью Хоггард, бывший боулер Англии; остальная часть команды; приз, ящик вина; матч; противники Ди Джарвиса’;

В статье *Has Prince Harry reunited with Cressida Bonas?* ‘Воссоединился ли Принц Гарри с Крессидой Бонас?’ (The Daily Telegraph, 18.09.2014): нет фоновых денотатов;

Газетная статья *Oscar Pistorius banned from athletics for five years even if he is let out of jail earlier* ‘Оскару Писториусу запрещено заниматься атлетикой в течение пяти лет, даже если его освободят из заключения раньше’ (The Daily Telegraph, 21.10.2014): *the remainder of any tariff, the International Paralympic Committee , Pistorius’s full sentence, rulebook, regulations, Briton Jonnie Peacock, American Richard Brown, Pistorius’s dominance of the sprint events* ‘оставшаяся часть любого тарифа, Международный паралимпийский комитет, наказание Писториуса в полной мере, кодекс, правовые нормы, британец Джонни Пикок, американец Ричард Браун, лидерство Писториуса в спринтерских видах’;

Статья *Parents face nursery fees hike amid funding shortfall for free care* ‘Родители сталкиваются с увеличением платы за детский сад при недостатке финансирования государственных образовательных учреждений’ (The Daily Telegraph, 12.11.2014): *parents, government funding for free childcare entitlements, money, nurseries and childminders, the government, the first five*

years of a child's life, chronic underfunding, the figures from the independent study, significant investment into the early years sector 'родители, государственное финансирование детских пособий, деньги, детские сады и няни, правительство, первые пять лет жизни ребенка, постоянное недофинансирование, данные независимого исследования, значительные инвестиции в сектор дошкольного образования';

Газетная статья *Kate Silverton: Let's not encourage older mums* 'Кейт Сильвертон: давайте не будем поддерживать позднее материнство' (The Daily Telegraph, 24.11.2014): *society, Kate Silverton's daughter, mortgage holidays, a way, not everyone* 'общество, дочь Кейт Сильвертон, приостановка выплаты ипотеки, способ, не каждый'.

Денотаты, появляющиеся в тексте как в позиции фокуса интереса, так и в позиции центра эмпатии, определяются нами как доминантные, потому что они являются предметом, о котором намереваемся рассказать. Чаще всего такой денотат впервые реализуется в тексте газетной статьи в позиции фокуса интереса, а затем в рамках определенного отрезка текста отражается в позиции центра эмпатии. Это объясняется тем, что сначала лишь называется данный предмет, говорится то, о чем пойдет речь, поэтому он помещается в позицию фокуса интереса. А затем сообщается дополнительная информация, но, опять же, о данном предмете, связанная с этим предметом; потому настоящий предмет в следующем предложении уже будет служить лишь фоном и перемещаться в позицию центра эмпатии. Однако здесь остается еще один нерешенный вопрос. Как приспосабливаются к денотативной структуре текста предложения, отражающие ключевой денотат только в позиции центра эмпатии? При этом случаев попадания данного денотата в позицию фокуса интереса в тексте не наблюдается. Такие предложения не столь существенны для понимания основного содержания газетной статьи, поскольку не являются его тематическим ядром. Данные предложения передают лишь второстепенную для содержания текста информацию и потому не всегда входят в его семантическую сеть.

Таким образом, можно заключить, что специфика единства семантических и структурных характеристик текста обусловлена интенцией автора и обеспечивается посредством взаимодействия фокуса интереса и центра эмпатии каждого текстового предложения. Денотат, отраженный как в позиции центра эмпатии, так и зафиксированный в позиции фокус интереса, рассматривается в качестве связующего звена между денотативными областями в семантической структуре текста.

Н. С. Шекунова

О ТИПАХ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ПОСЛОВИЦАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Метафора играет важную роль в пословицах английского языка, поскольку способствует выполнению пословицами их главной функции – дидактической. Метафора используется для повышения образности и наглядности описываемых ситуаций, позволяя с большей силой воздействовать на

сознание. Процесс метафоризации – перенос одного или нескольких участников из одной денотативной области (ситуации) в другую денотативную область либо номинация действия, описываемого в ситуации лексической единицей, характерной для другой ситуации.

Изучение процесса метафоризации в пословицах позволяет сделать выводы о функционировании метафоры в языке, а также о процессе порождения метафоры и тех механизмах, которые лежат в его основе.

Для пословиц английского языка характерны следующие типы метафоризации:

- метафоризация предиката;
- метафоризация аргумента или аргументов;
- метафоризация предикатно-аргументной структуры либо метафоризация всей ситуации.

В основе почти половины пословиц (48 %) лежит метафоризация предиката, в 27 % пословиц метафоризируется предикатно-аргументная структура и в 25 % – один или несколько аргументов.

При метафоризации предиката позицию агенса часто занимает каузатив, как, например, в пословице *Misfortunes tell us what fortune is* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000). Предикат в этой пословице отсылает к ситуации говорения. Каузатив, занимающий место предиката, провоцирует появление фактитива – результата действия. Результат ситуации говорения – получение информации, понимание. Получается, что благодаря несчастьям мы узнаем о том, что такое счастье. В данной пословице не только аргументы, но и то положение, которое они занимают в пропозиции, направляют пословицу от ситуации говорения, вводимой предикатом, к ситуации получения информации.

Также при метафоризации предиката аргументы могут отсылать к ситуации, описанной в пословице. Например, в пословице *It is better to play with the ears than the tongue* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000) инструменты *ears* ‘уши’ и *tongue* ‘язык’ направляют от ситуации игры, вводимой предикатом, к ситуации говорения и слушания. С помощью конструкции *it is better* вводится оценочный компонент, указывая на отношение говорящего к ситуации. Кроме того, значение глагола *to* play согласно Оксфордскому словарю – *engage in activity for enjoyment and recreation rather than a serious or practical purpose* – не изменяется, а лишь переносится в нетипичную для этого глагола ситуацию в сочетании с нетипичными для него аргументами. Поскольку аргумент *ears* в качестве инструмента может использоваться только в ситуации слушания, а *tongue* – в ситуации говорения и поглощения пищи.

Еще одним примером пословицы с метафоризацией предиката является пословица *He that strikes with his tongue, must ward with his head* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000). В данной пословице инструменты *tongue* и *head* указывают на денотативную область, которая является целью метафоризации – ситуацию говорения. В Оксфордском словаре значение глагола *strike – hit*

forcibly and deliberately with one's hand or a weapon or other implement, occur suddenly and have harmful or damaging effects on. В качестве оружия в пословице выступает инструмент 'язык', а позиция фактитива – негативных последствий, открываемая глаголом *strike*, позволяет сузить ситуацию говорения до микроситуации нанесения вреда либо причинения негативных последствий в процессе говорения.

При метафоризации одного аргумента пословица часто строится по схеме «агенс = контрагенс». Метафоризируемый аргумент называется по-другому, благодаря чему в его структуре выделяются важные для говорящего стороны. Например, *A good tongue is a good weapon* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000). Одно из значений существительного *tongue* 'язык' – *a person's style or manner of speaking* 'стиль либо манера говорения человека'. Значение существительного *weapon* 'оружие' – *a thing designed or used for inflicting bodily harm or physical damage* 'вещь, предназначенная или используемая для нанесения телесных травм либо причинения физического вреда'. Таким образом, с помощью пословицы в значении аргумента «язык» выделяется возможность его использования для причинения вреда. Кроме того, такая метафора является базой для дальнейшей метафоризации ситуаций, включающих концепт «язык», с использованием в качестве источника концепта оружия.

При метафоризации одного или нескольких аргументов в ситуации, вводимой предикатом действия, предикат отсылает к той денотативной области, к которой относится ситуация на самом деле. Например, *Who will not be ruled by the rudder, must be ruled by the rock* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000). Предикат вводит ситуацию руководства. Значение пословицы – *those who will not be guided by advice and warning must learn from disaster* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000). Подобно кораблю, который без управления налетит на скалы, человек, который не руководствуется советом, извлечет урок из несчастья. Значение предиката, а также применение лингвистической догадки в поиске ситуации, в которой в качестве аргументов могут выступать руль и скала, позволяет правильно интерпретировать пословицу.

В случае с метафоризацией предикатно-аргументной структуры правильно определить, к какой ситуации относится пословица, которая в этом случае является метафорическим выражением, можно только при анализе контекста либо использовании словарного значения. Поскольку невозможно определить без контекста, используется ли предложение в своем прямом значении либо в переносном. Например, пословица *A cat in gloves catches no mice* (Oxford Concise Dictionary of Proverbs, 2003) встречается в следующих контекстах: *Handle your tools without mittens; remember that the cat in gloves catches no mice* (Poor Richard's Almanack, Preface) или *A cat in gloves catches no mice. Why dirty your paws when your servants will do it for you?* (Oxford Concise Dictionary of Proverbs, 2003). В пословице говорится о принадлеж-

ности к социальному классу либо сословию, которое не занимается тяжелым физическим трудом, что становится понятно при изучении аргументного окружения пословицы.

Чаще всего в основе метафоризации пословиц лежит сравнение двух ситуаций, выбор схожих по некоторым параметрам участников этих ситуаций и замена одного из них другим, либо нескольких участников, либо всех участников в предложении. Например, *Dogs that bark at a distance bite not at hand* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000). При использовании этой пословицы в контексте ссоры сравнивается поведение собак, а точнее их лай, и ссоры людей. Пословица учит, что люди, которые ругают на расстоянии, не причинят вреда вблизи. Единственным компонентом ситуации, который не подвергся метафоризации, является расстояние. Этот компонент является общим для двух ситуаций.

В процессе метафоризации аргументов либо предикатно-аргументной структуры участники денотативной области-источника занимают позицию участников денотативной области цели, причем замещают друг друга участники, выполняющие одинаковые семантические функции. Так, бенефактив занимает место бенефактива, агенс – агенса, перцептив – перцептива и т.д. Например, в пословице *While two dogs are fighting for a bone, the third runs away with it* (The Penguin dictionary of proverbs, 2000) участвуют два агенса – собаки, патиенс – кость и бенефактив – собака, которая извлекла пользу из сложившейся ситуации и получила кость. В словаре указано, что пословица используется для описания ситуации ссоры. Метафоризируемая ситуация также включает два активных субъекта, борющихся за один предмет. Выгоду от этой борьбы получает третий участник ситуации, который и становится обладателем предмета. Таким образом, набор участников ситуации-цели и ситуации-источника совпадает. Одинаковый набор участников делает возможным существование такого метафорического выражения в языке, в то время как предикат *fight* относит описанную в пословице ситуацию к ситуации борьбы.

Таким образом, когда речь идет о метафоризации в пословицах, количество участников и состав участников ситуации-цели совпадает с количеством участников и их составом в ситуации-источнике. Связующим звеном между двумя ситуациями при метафоризации аргумента является предикат, который помогает осуществлять сдвиг в семантике. При метафоризации предиката аргументная структура отсылает к ситуации-цели, а в случае метафоризации предикатно-аргументной структуры контекст позволяет определить набор участников ситуации-цели и отнести пословицу к правильной денотативной области.

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

М. А. Веркович

СПЕЦИФИКА ОСНОВАНИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АРГУМЕНТАЦИИ С. ТУЛМИНА

Принято считать, что аргументация как таковая представляет собой процесс построения и выдвижения аргументационных конструкций или моделей. Первые попытки проанализировать и систематизировать логическую структуру аргументационных конструкций восходят к античности. Рефлексия над аргументацией, в частности, сыграла огромную роль в формировании риторики как науки. Пусть в своей «Риторике» Аристотель и не использовал сам термин «аргументационная конструкция», но те доводы, которые он исследовал и рассматривал контекстуально в рамках аргументационных ситауций, именно таковыми, по сути, и являются.

Выделяя изначально два типа аргументационных конструкций (силлогизм и индукцию), Аристотель обратил внимание на одну их особенность, а именно, наличие имплицитного дополнения к аргументу. Это дополнение состоит из предложений, которые не написаны и не озвучены, но логически подразумеваются в ходе аргументации. Согласно Аристотелю, рассуждение *Питтак щедр, ибо честолюбивые щедры. Питтак же честолюбив* является силлогизмом, в котором посылка *Питтак честолюбив* может быть опущена, т.к. собеседник способен понять суть умозаключения и без ее вербальной реализации.

Ввиду того, что Аристотель и его современники более не предпринимали никаких существенных попыток изучить характер имплицитных дополнений во всем их многообразии в рамках т.н. классической модели аргументации, в дальнейшем тема получила детальное систематическое рассмотрение лишь в XX веке благодаря исследованиям Стивена Тулмина.

Будучи преимущественно философом права, Тулмин также глубоко изучал вопросы практической аргументации. Он считал, что ключ к пониманию ее логической структуры дает аналогия с юриспруденцией. Именно сложность юридической аргументации подтолкнула его к выводу о том, что обычно используемая схема «посылки – заключение» недостаточно совершенна и что сила аргументации напрямую зависит от качественного обоснования утверждения. При этом аргумент в совокупности всех своих элементов может иметь как сильные, так и слабые стороны. Идея, по мнению Тулмина, заключена не в том, чтобы разбить контраргументы оппонента, а чтобы приблизиться к истине или реалистическим, осуществимым решениям максимально близко.

Модель аргументации Тулмина состоит из ряда элементов, каждый из которых выполняет определенную функцию. Как указывает автор, для того, чтобы сформулировать хорошую аргументацию, необходимо выстроить аргументационную модель посредством ответов на вопросы. Ниже приведены элементы модели в совокупности с корреспондирующими вопросами.

1. Claim (тезис, позиция, детерминирующая мысль) – утверждение, которое мы пытаемся обосновать. К утвержденям относятся умозаключения, интерпретации, выводы, мнения и предложения. Утверждения классифицируются по фактам, определениям, причинам, ценностям и стратегиям. Вопрос: что вы обосновываете либо пытаетесь доказать?

2. Grounds (данные) – фактическое обоснование тезиса или все, на что он ссылается. Это могут быть буквальные данные (статистика и результаты исследований), факты и артефакты, свидетельства, мнения экспертов и выражения общественного мнения. Вопрос: на чем основан ваш тезис?

3. Warrant (основание) – допущение, объясняющее механизм формирования утверждения на основе данных. Именно основание дает легитимность тезису. Основания различают по аналогии, знаку, примеру, причине, общему мнению, форме, обобщению и авторитету. Вопросы: как вы можете объяснить переход от обоснования к тезису? Откуда такой вывод?

4. Backing (поддержка) – дополнительные данные, необходимые для подкрепления приемлемости основания. Поддержка показывает, на чем базируется основание. Вопросы: действительно ли это безопасный шаг? Какую информацию необходимо предоставить, чтобы поддержать данное основание?

5. Rebuttal (оговорка) – опровержение возможного контраргумента, которое допускает существование противоположной или иной точки зрения на проблему, сформулированную в тезисе, с целью укрепления аргументации. Оговорки могут касаться не только утверждения, но также данных и основания. Вопрос: какие контраргументы возможны со стороны оппонента?

6. Qualifier (квалификатор) – ограничитель достоверности утверждения или условий, при которых это утверждение считается верным. Вопрос: в какой степени вы считаете это утверждение верным?

Ниже приводится пример развернутого аргумента, построенного на основе модели Тулмина:

It is highly possible (Qualifier), Jim treats his wife inconsiderately (Claim), as he leaves her at home to care for the children while he goes out (Grounds). Unless women have no objections to that (Rebuttal), men must not leave their wives at home (Warrant). Modern principles of gender equality require that (Backing).

В данной модели именно основание (Warrant), особенно выраженное имплицитно, представляется самым важным и сложным компонентом с точки зрения формулировки и идентификации аргументационной конструкции. В некоторых случаях основания вполне тривиальны, к ним можно не апеллировать явно, если высока степень уверенности, что основание является общим знанием для говорящего и адресата. Например: *All people should buy this toothpaste (Claim). It makes teeth look white (Grounds). People want whiter teeth (Warrant).* В другом примере эта связь может не быть настолько очевидной, и основание проблематичней идентифицировать, как и аргументировать его валидность: *You should buy this perfume (Claim). This couple in the magazine ad is happy and attractive (Grounds). Perfume makes people happy and attractive (Warrant).*

Поскольку некоторые основания позволяют переходить от фактов к заключению безусловно, а иные – лишь с определенной долей вероятности, нельзя не заметить его гипотетичности и того факта, что валидность основания определяется едва ли поддающимися классификации факторами, среди которых личные убеждения и опыт, основанные на полученном воспитании, уровень образованности и интеллекта, политические убеждения, социальные, религиозные и культурные ценности и т.д. В этой связи, для усиления аргумента становится очевидной необходимость непременно включать в аргументационную конструкцию поддержку (Backing). Например, для тезиса *Ahmed is a Muslim*, подкрепленного данными *He comes from Saudi Arabia*, правильным представляется поддержать основание *People from Saudi Arabia are Muslims* соотвествующей статистикой *At least 80 % of Saudi Arabian citizens are Muslims.* Особенно важно учитывать этот факт при имплицитно выраженном основании.

В заключение стоит упомянуть, что в качестве аргументационной конструкции модель Тулмина имеет огромную прикладную ценность как для определения и анализа уже существующих аргументов, так и при составлении и проверке своих собственных. И не только для юристов, но и всех, кто занимается научными исследованиями, интересуется дебатами, занят в индустрии убеждения, а также студентов-филологов практически любой специальности.

М. А. Гладко

КОММЕНТАРИЙ НА НЕГАТИВНЫЙ ОТЗЫВ КЛИЕНТА: ТАКТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Коммуникация управляет людьми, их жизнью, развитием, поведением, знанием мира и себя как части этого мира. Эффективная коммуникация в деловых переговорах отражает процесс, в результате которого партнеры с разными интересами, стратегическими позициями, ожиданиями находят взаимовыгодную область сотрудничества.

Однако в деловой коммуникации, как и в любом другом виде человеческого общения, иногда возникают преграды к достижению конечной цели общения. Такими преградами могут стать возражения клиента, выражение своего негативного отношения. В деловой коммуникации возражение характеризуется высказыванием адресата, которое содержит в себе негативное отношение к продукту, компании, сервису, выражающиеся по-разному: начиная с легкого сомнения, неуверенности, страхе в чем-либо до резкой критики, жалобы.

Любой негативный отзыв может иметь положительные стороны. Необходимо рассматривать каждый новый отзыв негативной тональности как источник перемен и как дальнейшее развитие компании. Обратная связь от аудитории может дать значимую информацию о том, как можно улучшить

качество продукции или услуги. Возражение дает возможность раскрыть и понять потребности и мотивы собеседника, понять его отношение (убеждения), какие стороны предложения встречают положительный прием, а какие – нет, в какой дополнительной информации нуждается адресат.

По статистике, один негативный отзыв отбивает желание приобрести товар у 26 потенциальных клиентов, даже если со своей стороны работа выполнена без нареканий. Если отвечать на негативные отзывы, можно добиться ряда преимуществ. Так, отели получают на 60 % больше бронирований через Интернет; общие рейтинги увеличиваются на 20 %; объем рецензий – на 17 %. Маркетинговые исследования доказывают, что поводом для критики в большинстве случаев выступает плохое обслуживание (60 % опрошенных указали, что писать в комментариях их заставил обман компании; 59 % напишут в соцсетях, если останутся недовольны сервисом; для 57 % поводом публично высказаться будет грубость сотрудников; 45 % разместят негативный отзыв, если сам продукт будет неудовлетворительным). В соцсетях легко сбросить напряжение, отметив в публикации аккаунт виновника раздражения. Поэтому чаще пользователи пишут в Интернете негативные отзывы, а не благодарности.

Объектом нашего исследования на начальном этапе стали Интернет тексты-комментарии в Интернете 10 компаний, работающих на белорусском рынке. Как оказалось, 25 % текстов содержат ошибочные тактики реагирования на негативный отзыв: спор; уход от ситуации (отсутствие ответа или не решение проблемы); оправдание. Общеизвестной истиной является положение, что спорить с клиентом бесполезно. Уход от ситуации вызван следующими соображениями: «Спорить с клиентом бесполезно. Пока он сам не примет какое-нибудь решение, лучше не вмешиваться». К тактике оправдания прибегают продавцы, не очень уверенные в себе или в достоинствах своего товара. Иногда, используя стиль оправдания, они пытаются показать, что согласны с мнением покупателя.

Как отмечают исследователи, каждый клиент хочет «сохранить лицо»: выглядеть знающим, компетентным и делающим «правильный» выбор. Именно поэтому ответ на негативный комментарий должен быть кооперативно-направленным, моделирующим у адресата ощущение заботы и доверия.

На основании этой информации мы составили схему грамотного реагирования на негативный отзыв клиента с ключевыми маркерами, вербализирующими каждую тактику в составе данной схемы. В целом он выстраивается по правилам конструктивной критики. Даже в жесткой форме – это идеальный негативный комментарий для владельца бизнеса. Цель отзыва – решить проблему, с которой столкнулся автор. Поскольку ответ будет доступен всем пользователям Сети, правильной будет следующая схема комментария.

1. Тактика обращения по имени в связке с указанием на ценность/значимость мнения адресата (*Уважаемый Виктор! Мы внимательно изучили/прочитали; Мы ценим Ваше мнение, для нас важен Ваш отзыв/Ваше*

впечатление; Мы благодарны за конструктивные замечания). Людям подсознательно нравится, когда к ним обращаются по имени и более того, проявляют заботу, подчеркивая значимость личности клиента.

2. Тактика эмпатии – сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека (*Мы понимаем Ваше (возмущение, недовольство, Очень жаль, что у Вас сложилось такое впечатление о нашей (компании)…, Мы понимаем, что Вы расстроены/обеспокоены… тем, что Вы не …, Мы поняли, что Вы не почувствовали внимательного отношения к себе, как клиенту*). Это весьма эффективный инструмент общения, который позволяет посмотреть на ситуацию глазами клиента, «вслушаться» в его эмоциональное состояние, с помощью воображения представить его чувства и подумать, как бы он себя повел, будь на месте собеседника. Все это создает благоприятную ситуацию, когда коммуниканты пытаются выстроить диалог, принять совместные решения или разрешить проблемы.

3. Тактики активного слушания (перифраз, повтор ключевых слов) (*Из Вашего отзыва понятно, Вы указываете, что… , Как мы поняли*). Это поможет устранить возможные недоразумения, обеспечит лучшее взаимопонимание. Недовольный клиент увидит, что его проблема изучается с полной серьезностью и компания готова к сотрудничеству.

4. Тактика уточняющих вопросов автору сообщения, чтобы разобраться, хочет ли человек компенсации или просто решил излить душу в инфополе. Не фейковый пользователь пойдет на диалог с представителем компании. Тролль будет избегать конкретики.

5. Тактика извинения (при необходимости) (*Мы приносим извинения, Очень жаль, что …, Мы понимаем, что Вы огорчены*). Извинения – это неотъемлемая часть ответа. Именно их обиженный клиент хочет получить в первую очередь. Извинившись, автор сообщения нивелирует негатив, а также настроивает клиента на конструктивный диалог.

6. Тактика решения проблемы (*Выходом из сложившейся ситуации будет… , Для того, чтобы помочь Вам, рекомендуем связаться с … , Мы будем рады помочь Вам и разобраться в сложившейся ситуации, Наш (менеджер имя) будет рад помочь Вам (сделать максимально комфортным…*). Сотрудникам компании необходимо создать атмосферу сотрудничества. Обиженный клиент или партнер должен быть уверен, что вы готовы помочь ему. Поэтому важно показать недовольному клиенту искреннее стремление урегулировать ситуацию. Кроме того, надо постараться найти решение проблемы и предложить его клиенту. Причем – решение должно быть в пользу клиента.

7. Тактика указания на результат решения проблемы. Необходимо обязательно сообщать клиенту, какие шаги компания предпринимает, чтобы его проблема была решена. Это важно для того, чтобы и другие пользователи увидели, что бизнес умеет работать в проблемных ситуациях и учитывает мнение своих клиентов. Как только проблема клиента, оставившего негатив-

ный отзыв, решена, чрезвычайно важно оставить комментарий о том, что вопрос закрыт, рассказать о том, какие меры были приняты, и что сделала компания, чтобы проблема больше не повторилась.

Таким образом, ключевыми, создающими каркас текста-ответа на негативный отзыв клиента, являются кооперативно направленные тактики: эмпатии, решения проблемы, а также тактики объективации – детализации информации (активного слушания, уточняющих вопросов, предоставления точных данных).

О. М. Долженкова

ПРАГМАТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЕ ХРОНОТОПЫ В НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

Научная статья обнаруживает типовую пространственно-временную структуру, состоящую из 4 хронотопов с разной степенью выраженности в тексте. Основные – это моделирующий хронотоп «объект исследования» и смешанный хронотоп «эксперимент». Эти хронотопы несут основную информационную нагрузку статьи и не принимают непосредственного участия в формировании прагматического содержания. Прагматика основных хронотопов выражается в силе самой концепции и аргументации.

Два оставшихся хронотопа являются вспомогательными и выполняют, в первую очередь, прагматические функции. Это моделирующий хронотоп «область науки» и физический хронотоп «данная статья». Вспомогательные хронотопы обладают эксплицитными прагматическими функциями соотнесения текста с ему подобными, пространственно-временной локализации автора, приглашения к диалогу, привлечения и управления вниманием адресата, подчеркивания ценности текста.

Рассмотрим подробнее характеристики и функции прагматически нагруженных хронотопов в научной статье. Хронотоп «область науки» в большинстве статей является простым, моделирующим, направленным в прошлое, динамичным, линейным, локализованным во времени, имеющим конкретную референцию. Он образуется ссылками, датами, именами собственными, временно́й лексикой и глаголами в прошедшем времени. Сюда же относятся выходные данные статьи, ее место в целом издании. Основой данного типа хронотопа является составление своеобразной сетки или карты публикаций и определение места статьи на этой карте. Временно́й точкой отсчета в этом случае является момент написания и/или публикации статьи, т.е. момент речи автора, который по отношению к адресату всегда находится в прошлом.

Хронотоп «область науки» выполняет в тексте как информативную, так и прагматические функции. Последние состоят в выявлении положения текста среди других подобных текстов и в выяснении связей между ними, а также в пространственно-временной локализации автора статьи. В большинстве статей указано только научное заведение, где базируется автор, мо-

жет быть дан адрес для корреспонденции, иногда приводится и поле научных интересов автора. Чем шире представлены данные об авторе, тем ярче проступает еще одна прагматическая функция хронотопа «область науки»: обеспечение канала связи между участниками общения, приглашение к диалогу.

Простой физический хронотоп «данная статья» с конкретной референцией и направленностью на настоящее является, образно говоря, путеводителем по статье. Он образуется подзаголовками: *Abstract, Introduction, Method and Procedure, Discussion, Conclusion, References*, отсылками к таблицам и рисункам, к другим частям текста, т.е. пространственной лексикой со значением «выше-ниже» и временной лексикой со значением «уже-еще», предложно-субстантивными сочетаниями и глаголами в форме настоящего вневременного.

Этот хронотоп можно назвать замкнутым или, в терминах Ю. С. Степанова, разом данным; это своеобразная «вещь в себе», он не выходит за свои собственные рамки, но при этом одновременно включает в себя и прошедшее, и настоящее, и будущее. Время в этом хронотопе ориентировано на читателя и момент чтения, т.е. каждый раз на новую точку отсчета в настоящем времени адресата (ср.: *as we will see, as we have shown, before exploring, to anticipate the results*). Пространство здесь является статичным, постоянным (ср.: *arrows indicate, columns show*), что предполагает непреходящую научную ценность результатов исследования. При этом данный хронотоп является самым прагматически нагруженным в научной статье, выполняя функции привлечения внимания читателя и управления его вниманием, облегчения восприятия информации, подчеркивания ценности данных с целью убеждения в правильности высказанной в работе позиции.

Таким образом, в научной статье у вспомогательных хронотопов «область науки» и «данная статья» основными являются дихотомии *линейность/временная данность, локализованность/нелокализованность во времени, обращенность к моменту написания/публикации статьи (авторскому хронотопу)/к моменту чтения (читательскому хронотопу)*. Кроме того, прослеживается базовое различие между моделирующим («область науки») и физическим («данная статья») хронотопом.

Пространственно-временная структура научной статьи является типовой и с незначительными вариациями сохраняется во всех рассмотренных статьях, что свидетельствует о ее важной роли в обеспечении целостности этого типа текста. Основные, наиболее информативные хронотопы научного текста («объект исследования» и «эксперимент») не имеют особых прагматических функций, отличных от общей коммуникативной направленности научной статьи.

Вспомогательные хронотопы («область науки», «данная статья») обладают эксплицитным прагматическим значением и функциями. Прагматика в данном случае отражает не только воздействие текста, но и его взаимодействие с элементами ситуации общения, с «внешним хронотопом»

(М. М. Бахтин). Хронотоп «область науки» отражает отношения статьи с другими подобными текстами и с научным дискурсом в целом, реализуя таким образом категорию интертекстуальности. Кроме того, этот хронотоп локализует автора текста и приглашает читателя к диалогу. Хронотоп «данная статья» подчеркивает научную ценность текста, связывает его с экстралингвистической ситуацией и с читателем, реализуя категории ситуативности и адресатности. Таким образом, вспомогательные хронотопы в научной статье принимают участие в обеспечении не только информативности и внутренней целостности текста, но и его успешного функционирования в ситуации общения.

А. А. Захарова

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В БЕЛОРУССКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Прецедентное имя (далее ПИ) является важным элементом публицистического текста. Данный феномен является одним из средств осмысления, постижения, оценки и описания действительности. Использование прецедентных феноменов помогает заинтересовать читателя и тем самым усилить эффект воздействия, который является целью многих текстов массовой информации.

Нами были проанализированы материалы газеты «СБ. Беларусь сегодня» в период с августа 2016 года по февраль 2017 года. Всего было отобрано 60 фактов. Аспектом нашего исследования стала географическая стратификация прецедентных феноменов. С этой точки зрения мы рассмотрели 60 прецедентных имен, включая названия предметов, событий, имена реальных деятелей и имена персоналий.

В общей сложности нами было обнаружено 23 имени, которые восходят к именам отечественных деятелей и персонажей. Из 23 прецедентных имен, восходящих к именам отечественных деятелей и персонажей, к периоду СССР можно отнести 16 имен, это самая многочисленная группа из представленных в данной классификации. Например, *Плющ, Паниковский, Балаганов, Фрося Бурлакова, Киса Воробьянинов, Остап Бендер, Гагарин, Гайдай, Мулявин, Якуб Колас, Малевич, Шаламов, Макаренко и др*.

Благодаря проведенному исследованию мы узнали, что в статьях белорусских средств массовой информации активнее всего используются прецедентные феномены инокультурного происхождения. В общей сложности нами было обнаружено 37 прецедентных феноменов, которые берут свое начало из сферы зарубежной культуры. Из них по 1 имени приходится на такие страны, как Уругвай (*Луис Суарес*), Швеция *(Нильс),* Бразилия *(Неймар),* Австралия *(Ник Вуйчич)*, Норвегия *(Карлсен)*, Португалия *(Мауринью)* и Непал *(Эверест)*. В культурное поле белорусских СМИ оказались вклю-

ченными деятели из Испании и Германии, но наиболее востребованными являются имена, названия событий и объектов, пришедшие из культуры Италии, Англии и США.

Поскольку публицистические тексты освещают различные сферы жизнедеятельности общества, в том числе и науку, авторы зачастую используют терминологию латинского происхождения. Поэтому не удивительно, что нами было обнаружено два слова латинского происхождения (*грандифлор* и *Проксима Центавра*).

Таким образом, количество прецедентных имен, которые восходят к именам отечественных деятелей и персонажей, представлено 23 единицами (38 %), а количество ПИ, которые восходят к зарубежным именам и персонажам, представлено 37 единицами (62 %). Это подтверждает тот факт, что инокультурные деятели, персонажи и названия предметов вызывают больший интерес у читателей и являются более популярными, по сравнению с именами отечественных деятелей и персоналий.

Выбор ПИ является показателем уровня языковой культуры. Расширение сферы деятельности средств массовой информации в современном мире позволяет говорить о том, что у людей в процессе глобализации все чаще возникает потребность в коммуникации и социализации. Анализ языка белорусских газет убеждает в том, что прецедентные феномены являются сознательно формируемой тенденцией, которая отражает ход развития современного общества.

Г. А. Каспирович

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА ЭКСПЛИКАТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ
(на материале текстов немецкоязычной рекламы)

В лексике немецкоязычных рекламных текстов обширно репрезентирована группа слов, так называемые *сложные слова со значением уточнения*, explikative Komposita, *Explikativkomposita*. По мнению Л. Эйхингера, экспликативные композиты относятся к подклассу определительных композитов.

Признанные немецкие языковеды И. Барц и В. Фляйшер именуют такие сложные слова *поясняющими словосложениями* (*verdeutlichende Komposita*). В. Фляйшер считает, что это словообразовательные структуры, наделенные поверхностным строением адъективных сложных слов, но с иной семантической конструкцией. Одна из двух НС (непосредственно-составляющих) имеет только фрагментарную вторичную мотивацию. Номинативная база таких сложных слов состоит в том, что одно слово поясняет другое, при этом подобное пояснение в содержательном плане выглядит избыточным, чрезмерным:

Ein CD ist ein C. Ein CD ist ein D, где C – частное понятие, а D – родовое понятие C.

Элементы экспликативных субстантивов взаимосвязаны оппозиционными отношениями. Существует известная степень обратимости этих отношений, как и иных оппозиционных (к примеру, Schimmelpilz (плесневый грибок)) «плесень» – разновидность грибков, но и «грибок» принадлежит к категории плесени). Однако субстантивы подобного типа тяготеют в целом к адъективным субстантивам, так как последний элемент в них выражает более обширное понятие, нежели весь комплекс в общем (ср.: Pilz и Schimmelpilz), тогда как первый выполняет функцию конкретизации.

Возможна замена сложного слова только первым (адъективным) элементом либо базовым, при этом новая лексема не теряет и не меняет своей семантики, смысла. Элементы экспликативного композита объединены отношениями включенности, т.е. определяющий элемент содержит сему, заключающую в себе значение базового элемента, и наоборот. Поэтому в плане лексического значения уточняющие сложные слова представляются «пустыми». Вторым компонентом в таких сложных существительных всегда выступают имена существительные. Первый компонент может являться как существительным, так и глаголом. Содержательной важностью здесь обладает первый элемент, второй существенно не влияет на семантику сложного слова. Удаление второго элемента не приводит к существенному переосмыслению слова, корреляция между его смысловым строением и семантикой сохраняется устойчивой, не усложняясь и не упрощаясь. В этом можно убедиться на примере замены деривативной конструкции первым элементом. Вот один из образцов:

Oder das variable Sitzsystem. Mit einfachen Handgriffen lässt sich die Sitzanzahl zwischen zwei und acht variieren.

Oder das variable Sitzen / die variablen Sitze. […]

Mit innovativen Managementkonzepten setzt KEPLER neue Trends in Fondsbereich.

Mit innovativem Management setzt KEPLER neue Trends bei Fonds.

Основу повторного именования, то есть именования уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества – составляет эквивалентная ссылочная отнесенность первого и второго элементов сложного слова. Проанализируем пример из рекламной публикации:

Schlagzeile: Der Toyota Avensis mit Clean Power Diesel.

Fließtext: Der Toyota Avensis […] mit emissionsarmem Clean Power Diesel Technologie.

Первый элемент экспликативного сложного слова употреблен в названии текста поначалу автономно, и только в пространстве текста расширяет свое значение при помощи второго элемента. То, что базовое слово в лексическом смысле здесь не подходит, воочию продемонстрировано неточной конструкцией с именем прилагательным: „emissionsarm“ отнесено только к „*Diesel*“, а не к „*Technologie*“, о чем свидетельствует грамматическая форма адъектива (точнее, его флексия), согласующаяся с субстантивом „*Diesel*“.

Один из факторов, детерминирующих образование сложных слов со значением уточнения, – необходимость расшифровки посредством таких слов неясной терминологии (с целью облегчения общения). Как правило, «чрезмерно поясняющие» сложные слова являются гибридными образованиями, состоящими из исконно немецкого и иностранного слов. «Переложение» иностранного компонента на немецкий язык в сложном слове служит внешнему выражению его мотивации: оба компонента являются равнозначными в плане содержания, либо немецкий компонент содержит содержательные признаки иностранного. Итак, для непроизводного иностранного слова в немецком языке характерна вторичная мотивация: *Blazerjacke, Bermudahose, Einzelindividuum, Container-Behälter, Breecheshose, Anwendungsapplikation, Angebotsofferten, Ausstellungsexponat.*

Сложные слова с основой „*Technologie*“ наиболее частотны в рекламе автомашин, так как специфические качества продукции наиболее ярко описываются такими словесными конструкциями. При этом первый элемент сложного слова нередко не мотивирован с точки зрения значения. Наличие в сложном слове второго мотивированного элемента задает адекватную и непротиворечивую интерпретацию единицы языка: *Sicherheitstechnologie, Hybridtechnologie.*

Среди композитов со значением экспликации также присутствует слово „*Modell*“ (применительно к названиям разных автомобильных марок): *LEXUS RX-Modell, Opel Modell, Opel Sondermodell, Volkswagen Tour-Sondermodell.* Изначально создается впечатление, что слово „*Modell*“ не относится к разряду «пластичных» лексем и общеизвестные словосочетания с названиями марок автомобилей являются номинативно уместными. Но при элиминации последнего элемента монолитность строения сложного слова ничего не теряет, что доказывается следующим примером:

[…] intelligente Features sind den LEXUS RX-Modellen ohnehin angeboren.

[…] und schenken Ihnen beim Kauf eines Opel Modells […].

Такие сложные слова одинаково частотны для всех четырех групп автопродукции («БМВ», «Фольксваген», «Лексус», «Опель»). Некоторые различия выявляются в первую очередь при отборе второго элемента.

Эти вторые элементы, являясь, по сути, абсолютно избыточными семантически, присутствуют в большинстве своем в текстах рекламы для формулировки аргументации. Они помогают выстраивать определенный содержательный комплекс текста, который должен на латентном уровне активно формировать у потенциального покупателя положительное впечатление от образа продукта и влиять на выбор при приобретении. Несомненно, сложные слова с экспликативным значением присутствуют и в иных областях общения, но итоги настоящего исследования подтверждают тот факт, что именно в рекламных текстах они наиболее частотны.

Е. Ю. Кирейчук, Е. Н. Радион

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБУЧЕНИЯ ЭТОСУ В КУРСЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Любое риторическое произведение для достижения максимального воздействия на адресата должно включать три основных компонента, а именно, установление контакта с аудиторией, называемое в риторике «этос», определение содержательной стороны сообщения и ее структурирование, обозначаемое термином «логос», и успешное вербальное выражение логоса и этоса, именуемое «пафос». Данный принцип, известный как «риторический треугольник», демонстрирует взаимосвязь и соотношение логического, эмоционального и этического посыла как основных риторических стратегий убеждения.

Опыт преподавания практической риторики на третьем курсе лингвистического учреждения высшего образования показывает, что наиболее затруднительным для восприятия и усвоения студентами являются понятия, связанные с этосом, а для овладения – структуры и приемы, базирующиеся на этическом посыле. К коммуникативным стратегиям этоса относятся учет фактора адресата и оперирование адресат-ориентированными коммуникативными кодами, основанными на ценностных приоритетах, нормах морали и убеждениях аудитории. Кроме того, к этическим коммуникативным стратегиям можно отнести языковые средства, используемые для позитивной саморепрезентации говорящего (т.е. создания и закрепления своего положительного образа в глазах аудитории) и критики либо дискредитации мнения оппонентов.

В сегодняшнем мультикультурном плюралистическом и толерантном мире для решения различных коммуникативных задач чрезвычайно важно как четкое понимание своих собственных ценностей и приоритетов, так и способность представлять основания, побудившие оппонента принять близкую последнему точку зрения. Как ни парадоксально, зачастую при выполнении практических и творческих заданий становится очевидно, что студенты не представляют себе, почему их оппоненты имеют точку зрения на обсуждаемую проблему, отличающуюся либо противоположную их собственной, и это при том, что аудитория, к которой они обращаются в условиях обучения, является относительно однородной и включает представителей той же или очень близкой говорящему возрастной, а зачастую и культурной, социальной, этнической и религиозной группы. Что же говорить о случаях, когда эти параметры будут различаться значительно, например, в условиях диалогов культур? Конструктивная и взаимно обогащающая полемика возможна только при учете этических параметров риторической ситуации.

Необходимо всемерно развивать и расширять понятие об этических персуазивных стратегиях. Этос – многомерное явление, находящееся в основе многих специфических понятий риторики, таких, как, например, имеющие

наибольшее распространение Тулминовская и Рогерианская модели аргументации, предполагающие анализ и опровержение противоположной точки зрения, что невозможно без представления о ценностях оппонента, под влиянием которых сформировалась его позиция по обсуждаемому вопросу.

В качестве примеров заданий для усвоения и тренировки элементов организации и структур аргументативного дискурса, базирующихся на этическом посыле, можно предложить следующие хорошо зарекомендовавшие себя в условиях учебной коммуникации форматы:

1. Анализ готовых аргументов в тулминовском и рогерианском стиле. Возможная схема анализа кратко приводится ниже:

1. Sum up the essay in 1 or 2 sentences.
2. Single out the claim.
3. Find or infer the warrant.
4. Find the thesis. How soon in the text is it exposed (# of the paragraph from the beginning)?
5. What are the strategies of support chosen by the writer?
6. How many grounds have been given? What are they?
7. How many counterarguments have been given? How many of them have been refuted?
8. Are there any qualifiers suggested by the author?
9. How is logos created in the text?
10. How is ethos created in the text?
11. How is pathos created in the text?
12. Which strategy seems the leading one in the essay?

2. Написание аргументов в тулминовском и рогерианском стиле. Особенную важность при этом следует придавать тренировке и закреплению следующих моментов:

1. Утверждение должно быть сформулировано как можно более емко, четко и недвусмысленно с введением исключительных обстоятельств как анализа границ собственного приятия либо неприятия проблемы или явления. Правильное понимание утверждения обеспечивается тем, что аудитория и говорящий понимают этические принципы и ценности, заявленные в нем, даже если не разделяют их.

2. В отличие от времен древних риторов, на современном этапе приветствуется эксплицитно выраженное основание, чтобы избежать возможного недопонимания либо неправильной интерпретации намерений и позиций говорящего и для поиска общих с аудиторией ценностей.

3. Средства убеждения, основанные на этосе, могут функционировать как самостоятельно, так и быть слитыми с логическими или патетическими.

4. Рогерианская стратегия предполагает практически двойной объем работы: помимо отыскания данных и поддержки в защиту собственной позиции, необходим не менее тщательный анализ гипотетической аргументации оппонента и поиск эффективных встречных аргументов.

3. Анализ политкорректных выражений.

Guess what or who these real-life politically correct terms might mean, find colloquial equivalents and show the difference in the values they imply and appeal to:

Anti-Sobriety Activist	Factually Unencumbered / Knowledge-Based
Newcomer	Non-Possessor
Academic Dishonesty	Differently Qualified / Specially Skilled / Uniquely Proficient
Technologically Challenged	
Street Activity Index	Earth Children
Utensil Sanitizer	Chronologically Gifted / Senior Citizens
Chemically Challenged	Involuntarily Leisured
To Achieve a Deficiency	Caucasian Culturally-Disadvantaged
Domestic Engineer	Least Best

4. Упражнения в формате devil's advocate (утверждения для защиты, заведомо расходящееся с ценностными установками говорящего):

Add grounds to the claim and defend the point of view:

Students should not be allowed to retake credits and exams.

1. So far, recycling is not worth the energy it takes. This is just a way to steal or launder the state's money.
2. The childfree are socially irresponsible and egocentric.
3. Isolationism is good.
4. Globalization is wrong.

5. Сравнение пословиц и поговорок различных культур.

1. What do the proverbs mean? Do you agree? Why/why not?
2. Finding Contrasting Values. Discuss the meanings of the following American and Arab proverbs. What values does each represent? Which proverbs reflect similar values? Which proverbs seem to contrast with each other?
3. *Working in a group, brainstorm 10 proverbs of your own culture, find English equivalents for them or translate them loosely into English and identify the values they express*.

6. Анализ намеренных ошибок в аргументации как манипулятивных тактик, основанных на неверном этическом посыле, типа «Обращение к фальшивому авторитету», «Аргумент к человеку», «Подмена тезиса».

7. Парные и групповые задания, в частности дебаты и инсценированный судебный процесс, предусматривающие командную работу, в ходе которой выявляются различия в ценностных приоритетах участников, обусловленные спецификой их индивидуального жизненного опыта и позволяющие более полно обсудить проблему или явление.

Необходимо отметить, что, даже в случае, когда этический посыл предполагает не только стратегию позитивной саморепрезентации и поиска компромисса, но и дискредитацию оппонента в глазах аудитории, необходимо иметь как можно более полное представление о возможных обоснованиях противоположной точки зрения. Учет ценностей как аудитории, к которой обращается оратор, так и потенциальных оппонетов – ключ к успеху. Верный

выбор средств убеждения и их соотношения является залогом удачного решения коммуникативных задач и главной целью в обучении номенклатуре практик аргументативного дискурса.

Л. С. Крохалева

О СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ КОМПОЗИЦИИ В ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

В филологических исследованиях проблематика композиции текста изначально трактовалась как проблема структурирования художественно-речевого целого, обусловленного такими содержательными параметрами, как «точка зрения», «образ автора», сюжет, мотив, тема, идея (В. В. Ви-ноградов, Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин и др.). Разнообразие существовавших и существующих концепций и подходов к трактовке феномена композиции объясняется как сложностью и многоплановостью самого объекта исследования, так и его пограничным положением в качестве иерархической ступени в организации формы и содержания художественного текста (И. В. Арнольд) – между собственно языковым уровнем (объект изучения лингвистической стилистики) и уровнем идейно-тематическим (литературоведческая стилистика).

В дальнейшем, в русле общей ориентации языкознания на исследование коммуникативного аспекта языка и создание коммуникативно-функциональной типологии текстов, продолжилось изучение конструктивных единиц речевого произведения на различных уровнях, включая архитектонический и композиционный – абзацев, сверхфразовых единств, способов изложения / композиционно-речевых форм, единиц контекстно-вариативного членения (И. Р. Гальперин, О. Н. Гришина, Л. С. Крохалева, С. Н. Плотникова и др.).

Собственно лингвистическое толкование теория композиции получает в рамках стилистики текста. Автор концепции В. В. Одинцов определяет предмет нового подхода как «описание стилистического эффекта, возникающего в речи благодаря структурной организации текста, функционированию языковых средств в процессе коммуникации».

Современный этап в развитии так называемой дискурсной концепции композиции связан с ее исследованием в таких направлениях, как коммуникативно-функциональное, жанрово-коммуникативное / тексто-типологическое, интертекстуальное, лингвопоэтическое. При текстотипологическом подходе изучение реально существующего многообразия текстовых форм приводит в соответствие приемы и принципы структурирования текста с ведущим композиционно-стилистическим типом изложения, что позволяет вести исследование любого текста с учетом его универсальных свойств и функциональной специфики. Так, в стилистике научной речи в качестве базового определения постулируется понятие композиции как структурно-смыслового

членения текста, «построения его содержания по определенной схеме, обусловленной речемыслительными законами научной деятельности и коммуникативной установкой автора» (В. Е. Чернявская). На поверхностном уровне этапы формирования научного знания представлены соответствующими единицами формальной организации текста – т.н. композиционно-прагматическими сегментами, каждый из которых отличается особым содержанием (обобщенной темой по М. М. Бахтину) и специфическим языковым оформлением. Как показывают наши исследования, разработанный на основе ядерных жанров (монография, экспериментальная статья) алгоритм анализа типовых схем развертывания научного тезиса работает и при интерпретации т.н. вторичных текстотипов (например, учебник), а также периферийных / контаминированных жанров (научно-информационная рекламная статья).

Дискурсивно-стилистическая концепция композиции развивается и на материале т.н. нежестких текстов. В частности, исследуя документальные газетно-публицистические жанры, Л. Г. Кайда приходит к выводу о связи структуры конкретного типа текста с формой выражения авторского «я» и о возможности определения на этой основе инвариантных семантических типов композиционно-речевых структур в испанской документалистике.

Для художественных текстов определенные перспективы для исследования их композиционного структурирования открылись в связи с изучением феномена интертекстуальности. Наряду с так называемой «узкой интертекстуальностью» – включениями в авторский нарратив различных форм «чужой речи», традиционно рассматриваемых в качестве маркеров композиционной полифонии (И. В. Арнольд, В. А. Кухаренко, Т. Ф. Плеханова), в научный оборот вводится и понятие «типологической интертекстуальности». По мнению автора концепции В. Е. Чернявской типологическая интертекстуальность предполагает целенаправленную «воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных текстообразующих признаков иного текстотипа, определяемых моделью его текстопостроения и восприятия – типом / жанром текста». Сигналы такой дискурсивной «открытости» художественно-речевого целого могут быть обнаружены на всех уровнях его организации, включая композиционный и сюжетно-тематический. В последнем случае мы имеем дело с т.н. «монтажом текстотипов».

В русле широкого общефилологического / лингвопоэтического толкования художественного текста внимание исследователей фокусируется не столько на поиске инвариантных жанрово-стилевых параметров его композиционной организации, сколько на выявлении тех особых конструктивных приемов, которые в совокупности с другими языковыми средствами способны передать идейно-художественный замысел автора конкретного речевого произведения. Как показывают результаты проводимых в этом направлении исследований, к способам «композиционной заявленности авторского “я”» (В. А. Кухаренко) могут быть отнесены: приоритетное использование и особая последовательность типов изложения (монолог, диалог, различные варианты несобственно-прямой речи), прагматически обусловленная смена

композиционно-речевых форм – описания, повествования, рассуждения (принципы т.н. «ритмической аранжировки» и «сюжетного скачка», по терминологии О. Н. Гришиной), специфическое объемно-прагматическое абзацное членение текста (т.н. «абзацная симметрия», по А. С. Сидоренко), характер соотнесенности «сильных позиций» – заглавия, начальных и конечных абзацев, содержательный и структурный контраст последовательно расположенных фрагментов текста, композиционно и зачастую графически выделенные маркеры межтекстового / интердискурсивного диалога, специфическая организация пространственно-временного континуума и т.д.

Возможно, что в результате дальнейшего изучения композиционно-содержательного членения художественного текста будут выявлены и его жанровые особенности на данном уровне речевой иерархии, однако это уже будет предмет стилистики конкретного литературно-художественного произведения, при интерпретации которого становится особенно очевидной необходимость синтеза собственно лингвистического и литературоведческого подходов.

С. Е. Кунцевич

ТЕОРИЯ ЦВЕТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Понятие цвета является одним из центральных в отношении человека и реальности, так как среди воспринимаемых нами признаков предметов значительное место занимают цветовые. Участие в нескольких арт-терапевтических сеансах, произошедшее ввиду случайного стечения обстоятельств, оказалось для автора данной публикации поводом для обращения к лингвистическому аспекту теории цвета.

Представители различных научных областей всегда интересовались природой цвета, его свойствами, эстетическим воздействием и т.д. Теория цвета – это область междисциплинарных знаний, связанных с проблемой цвета**.** В ее задачи входят: выявление характеристик цветов, принципов их смешения, визуального воздействия цветов и цветовых комбинаций на индивида, особенностей восприятия цвета, установление основных принципов создания гармонии, а также закономерностей цветовой номинации и т.п.

Ученые, работающие в области этнографии, психологии, культурологи, политологии, отмечают различную степень социальной значимости каждого цвета. Весомый вклад в исследование цвета и цветовой семантики внесли такие лингвисты, как А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина, Р. В. Алимпиева, А. А. Брагина, И. В. Мокиенко, Л. В. Лаенко, Н. Б. Бахилина и др. В процессе исследования цветообозначений в современной науке о языке появились понятия *лингвистики цвета* и *лингвоцветовой картины мира*.

Неоспоримо присутствие лингвистического аспекта в ходе психологической коррекции, называемой арт-терапией, где используются целебные силы искусства и индивидуального творчества, что по большому счету

выражается в метафоре. Она может создаваться с помощью самых разнообразных средств – пластилина, глины, красок, собственного тела и, вне всякого сомнения, слова (например, сочинение сказки на заданную тему). Любое творческое занятие дает заряд энергии, освобождает от негатива, снимает напряжение, если человек получает удовольствие от него.

Большинство авторов определяют арт-терапию как популярное направление современной психологии, использующее язык цвета, символов и образов вместо привычного вербального. Ведущую роль в общем перечне решаемых арт-терапией задач играет цвет, ведь не случайно существует отдельный раздел психологии – ***цветотерапия,*** которая занимается изучением значения цвета и его влияния на настроение и самочувствие людей.

Творческий подход помогает человеку посредством рисунка «впустить в свою жизнь» новые краски, чувства и события, в частности, с помощью зеленого, желтого и оранжевого цветов, которые для многих людей являются символами весны. В психологии **зеленый цвет** ассоциируется с молодостью, началом нового цикла жизни, возрождением. Он наполняет надеждой и энергией благодаря тому, что на подсознательном уровне вызывает представление о пробуждении природы; одновременно зеленый успокаивает и тонизирует, напоминая нам о своем внутреннем потенциале, о способности к обновлению. **Желтый цвет** символизирует солнце, давая ощущение тепла, начала дня, света, который позволяет разглядеть мир, увеличить пространство, убрать границы, избавиться от всего, что угнетает и подавляет. Солнце наполняет созревающий плод своей энергией, значит, прибавляет нам жизненных сил, излечивает плохое настроение и депрессию. **Оранжевый цвет** является цветом праздника и хорошего расположения духа, добавляет тепла и остроты в палитру ощущений, подобно оранжевым специям. Включение перечисленных цветов и их оттенков в жизнь человека способно дать толчок кпозитивным переменам, улучшает настроение и контакт с окружающими.

Любой цвет можно истолковать как слово, сигнал, знак или символ, однако «прочтение» цвета оказывается разным по своему качеству и бывает субъективным, индивидуальным, коллективным, общим для крупных социальных групп или культурно-исторических регионов.

Интерпретация значения цветов в рисунке дело непростое, поскольку существует множество теорий и подходов к толкованию цветового символизма. Несмотря на имеющиеся разногласия, большинство исследователей признают, что цвета отражают эмоциональное состояние индивида, его чувства, настроения, отношения. Выбор и использование того или иного цвета способны сигнализировать о наличии либо отсутствии равновесия жизненных сфер, о некоторых происходящих в организме соматических процессах.

При толковании значения цвета в рисунке необходимо учитывать несколько основных критериев: 1) как используется интерпретируемый цвет; 2) является ли это использование необычным, нетрадиционным; 3) какой объем в рисунке занимает данный цвет; 4) какой объект им закрашен; 5) ка-

кова интенсивность цвета; 6) какие цвета отсутствуют; 7) какова динамика применения цветов в серии рисунков одного и того же автора. Исходя из перечисленных критериев и символического значения цветов, вполне реально получить обширную дополнительную информацию не только о психологическом, но и физиологическом состоянии человека.

Стремление к «грамотному прочтению» цвета наблюдалось и на арт-терапевтических сеансах, которые нам удалось посетить. Если основу сеанса составлял рисунок, то процедура начиналась с введения темы, которую присутствующие должны были раскрывать спонтанно. Они передавали свои ощущения относительно прорабатываемой темы в цвете – карандашами, фломастерами, акварельными красками, гуашью, мелками. Неважно, что некоторые участники практически не умели рисовать, ведь далее следовало пояснение того, что автор пытался изобразить. Затем содержание каждого рисунка обсуждалось всей группой, но финальный аккорд ненавязчиво ставил арт-терапевт. Особо интересной показалась нам работа в парах, когда одна и та же проблема «прорисовывалась» либо с одним соавтором, либо со сменой партнера.

Вышеупомянутые рисунки в лингвистической терминологии можно квалифицировать как спонтанные иконические тексты, которые в нашем случае носят либо *монологический* либо *диалогический* характер. Напомним, что иконический текст сходен с отражаемым объектом подобно пиктограмме, картине, рекламному или иному рисунку; в отличие от словесного текста, он не делится на дискретные единицы, а выступает целостно. Визуальные знаки обладают значительным числом параметров, существенных для их интерпретации, и их значение варьируется в зависимости от кода, применяемого при восприятии.

Так, **черный цвет** обычно используется для обозначения чего-то неизвестного, пугающего, символизирует разрушение и смерть как противостояние жизни. Однако черный не всегда негативен, если трактовать его как уход старого для зарождения чего-то нового. Контрастирующий с ним **белый цвет** (в своем главном, исходном значении ‘свет’) был многозначным символом во все времена и у всех народов; прежде всего свет есть божество, благо, жизнь, полнота бытия. Белый цвет является атрибутом высшей красоты, так как для великого множества людей нет ничего красивее белых облаков, хризантем, жасмина, цветущей сакуры и белых лебедей. Белый цвет заключает в себе и негативную символику, поскольку в некоторых культурах ассоциируется со смертью, болезнью, злом, отчуждением, страданием.

Трактовка цветов в рисунке представляет собой чрезвычайно интересное, увлекательное и глубокое занятие. При интерпретации значения цвета в выполненном изображении следует помнить о возможных собственных проекциях, необходимо также учитывать особенности личности автора, немаловажную роль играет коллективное обсуждение рисунка. Таким образом, арт-терапия не может обойтись без использования естественного языка, без обращения к тексту в широком его понимании.

Исходя из изученного нами теоретического материала и некоторого практического опыта, попытаемся сформулировать несколько принципиальных выводов, к которым мы пришли: 1) цвет – это уникальный феномен, позволяющий получить культурно-исторические, этнографические, психолингвистические, лингвокультурологические и иные сведения о народе, психологические сведения о человеке; 2) в лингвистике изучены лексический состав и семантика цветообозначений, степень их символизации в языке; описан ряд выполняемых ими стилистических функций; проведены сравнительно-исторические исследования цветообозначений; 3) ученые рассматривают этнолингвистические, лингвокультурологические особенности цветообозначающей лексики, исследуют цветосимволику; 4) вопрос изучения цвета и цветообозначений на современном этапе становится особенно актуальным в рамках когнитивной лингвистики, типологической стилистики, лингвокультурологии, литературоведения и политологии.

А. М. Леус

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОМПОЗИТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
(на материале немецкого языка)

Антропоцентрический подход к изучению художественного текста ставит в центр исследования человека, его богатый духовный мир и определяет понимание литературного текста не только как самостоятельной данности, организованной оригинальным смыслом и идеями, нашедшими свое выражение в авторских языковых и стилистических средствах, но в первую очередь, как сложную систему, создаваемую языковой личностью, характеризующейся своим менталитетом, эмоциональными и психологическими особенностями восприятия действительности. Следовательно, актуальным в русле данного подхода нам представляется обращение именно к исследованию сравнения в языке художественного текста, так как сравнительные конструкции особо выделяются из всего многообразия языковых средств, способных раскрыть перед читателем автора произведения как личность с оригинальным внутренним миром.

Среди сравнительных конструкций особое место в немецких художественных произведениях, как показало наше исследование, занимают сравнительные композиты. И это находит свое логическое объяснение, так как в немецком языке самым продуктивным, фактически не имеющим границ способом словообразования является словосложение.

Исследуемые нами сравнительные композиты разделились на две группы: субстантивные и адъективные. В своей структуре субстантивные сравнительные композиты имеют два компонента – существительные, например: *die Kindergesichter, der Zwergplanet.* В структуре адъективных сравнительных композитов первым компонентом служит, как правило, существительное,

реже инфинитив, а вторым – прилагательное, например: *kuhäugig, goldgelb, sterbenslangweilig*. Следует заметить, что группа адъективных сравнительных композитов в художественных текстах представлена наиболее широко.

С точки зрения генезиса моделей сравнительных композитов в ходе анализа были выявлены полносложные и неполносложные соединения. К полносложным соединениям (без соединительного элемента) относятся как субстантивные, так и адъективные сравнительные композиты, первый элемент которых имеет форму основы, например: *der Zwiebelturm, stahlhart.* Данная группа сравнительных композитов наиболее многочисленна в художественной прозе. Менее распространены сравнительные композиты как неполносложные соединения (с соединительным элементом). В зависимости от используемого интерфикса могут быть выделены следующие подгруппы:

а) с интерфиксом *-n*: *der Puppengesicht, kerzengerade, leichenblass*;

б) с интерфиксом *-s*: *sterbenslangweilig.*

Сравнительные композиты являются, как правило, неидеоматичными. Они могут быть легко трансформированы в сравнительный оборот с *wie*, например: *kanarienbunt – bunt wie Kanarien; linsengroß – groß wie Linsen.* При том, что понимание семантики таких композитов не требует усилий, нельзя сказать, что значение всей единицы является механической суммой значений компонентов. Между компонентами, несомненно, существует связь, но она имеет латентный характер и лишь имплицирует тот характер отношений, который в реальном мире может связывать соответствующие референты. По словам Е. С. Кубряковой, сложное слово как «особая единица номинации свидетельствует, прежде всего, о том, что достаточно говорящему назвать два связанных между собой объекта, чтобы слушающий мог самостоятельно угадать тот тип связи, который имел в виду говорящий» В случае со сравнительными композитами такой связью являются отношения уподобления одного объекта другому. Более того, сходство обычно усматривается в тех чертах, признаках, которые не являются существенными, характерными для обоих сравниваемых предметов, явлений, а лишь для одного из них.

В художественном сравнении эмоциональное содержание преобладает над предметно-логическим. Целью такого сравнения является выделение и усиление интенсивности признака сравниваемого компонента, а также создание определенного настроения и отношения к нему, например: *Mit einem Lächeln hinter ihrem hauchdünnen Schleier nickte Barbara ihm zu.*

В художественных произведениях сравнительные композиты используются авторами чаще всего для того, чтобы четче выявить внешние черты человека или его внутреннее состояние с помощью соотнесения и уподобления его другим людям, природным явления, предметам быта и т.д. Вот, например, как писатель добивается раскрытия жесткого отношения человека к поведению другого. *Laetitia wandte ihren gefürchteten stahlharten Blick Elsa zu.* Сравнительный композит *sonnenwarm* несет позитивную окраску. Теплая, как солнце, кожа приятна герою произведения, и это переносится на его теплое отношение к собеседнице.

Через соотнесение с предметами характеризуется не только человек вообще, но и его состояние, например: *In der geöffneten Tür stand Alex, kalkweiß im Gesicht.*

Обратим внимание на тот факт, что абсолютное большинство уподоблений из мира природы связано с а) погодными условиями: *bltzschnell, schneeweiß;* б) формой: *hohläugig, kerzengerade, linsengroß*; в) температурными проявлениями: *sonnenwarm, eiskalt*; г) цветом: *feuerrot, porzellanhell, taghell, schlohweiß.*

Любопытен пример, когда природное явление уподобляется туалетным аксессуарам: *Die Bäume auf den Bergen waren schon mit einer Puderschicht Schnee bedeckt.*

Таким образом, мы видим, что в исследуемой нами художественной прозе, современные писатели проявляют большую фантазию при использовании сравнительных композитов. Многие из них основаны на новых ассоциативных параллелях, что расширяет наше представление о мире.

Е. О. Мамыко

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОППОНЕНТА И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время телевидение, а вместе с ним и Интернет, стали основными источниками развлечений для самой широкой аудитории. С этим связаны особенности подачи политической информации. Предвыборные теледебаты как одна из самых резонансных форм политического дискурса привлекают внимание все большего количества исследователей, поскольку имеют весомое влияние на распределение власти среди политиков и последующие государственные и мировые изменения. Успешность выступлений фигур политического дискурса напрямую зависит от используемых ими стратегий и тактик.

Каждая стратегия и тактика реализуется при помощи различных синтаксических и лексических средств, необходимых для достижения желаемой реакции электората, с целью манипуляции и внушения. Одной из самых широко используемых стратегий в политическом дискурсе является стратегия дискредитации оппонента.

Основными свойствами стратегии дискредитации оппонента являются прямое/косвенное выражение отрицательных эмоций, суждений в адрес фигуры претендента; демонстрация его несостоятельности, несоответствия «заявки» соискателя требуемым критериям; обозначение совокупного «врага», виновного в существующем положении дел.

Для исследования за основу был взят ораторский жанр политического дискурса, в частности, предвыборные дебаты в США за период 2004–2016 гг.

Для стилистического анализа были выбраны публичные выступления трех кандидатов на пост президента, одержавших победу в соответствующей предвыборной гонке, – Джорджа Буша, Барака Обамы и Дональда Трампа.

Проведя стилистический анализ речей вышеперечисленных кандидатов на предмет использования стратегии дискредитации оппонента, мы выявили схожие и отличительные языковые средства реализации данной стратегии.

Среди языковых стилистических средств, характерных для каждого из трех политиков, можно выделить: использование простых синтаксических конструкций (с целью быстрого понимания основной мысли выступления); риторических вопросов (для установления диалога с публикой); императивных предложений (чтобы установить большую интеракцию с избирателями, «переманить на свою сторону»); страдательного залога (делая акцент на незначительности достижения оппонента или его неучастии в государственных процессах).

Отличительными чертами в употреблении стилистических средств для реализации стратегии дискредитации оппонента являются:

Дж. Буш активно использует прием конформизации, цитирование (используя слова оппонента против него и выставляя его в неблагоприятном для избирателей свете), прогнозирование будущих ошибок конкурента с использованием модальных конструкций, глаголов настоящего и будущего времени.

Характерными для выступлений Б. Обамы являются антитеза (критикуя своего политического противника), анафора (делая эмоциональный акцент на сказанном), эпитеты, метафоры, слова с негативной эмоциональной окраской (дать эмоциональную оценку, выразить субъективное отношение к объекту речи), негативные конструкции, начинающиеся с отрицания.

Стратегия дискредитации оппонента у Д. Трампа проявляется следующими языковыми средствами: повторы (донести свою мысль и правильно расставить акценты), гипербола, перифраз (немного смягчая оскорбительное высказывание), параллелизм, метонимия (для выражения критики предыдущей администрации для их отчуждения от остальной массы американцев), создание круга «свои – чужие».

В качестве речевых действий, с помощью которых достигается дискредитация образа, выделяются оскорбление, издевка, насмешка, нанесение обиды, обвинение. В силу специфики традиционных коммуникативных норм американского политического дискурса, предвыборные кампании крайне редко допускают использование прямых форм оскорблений. Однако в выступлениях Дональда Трампа можно отметить ряд деструктивных элементов поведения, ранее не свойственных для американского предвыборного дискурса.

Г. А. Назина

РОЛЬ ЭКСПРЕССИИ В ХОДЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

На сегодняшний день такое многогранное событие, как военно-политический конфликт активно исследуется в русле многих направлений в лингвистике: критического дискурс-анализа; когнитивной лингвистики; лингвокультурологии. Несмотря на то, что по указанной проблематике достигнуты определённые результаты, тема военно-политического конфликта объёмна, актуальна и перспективна для исследований с рядом нерешенных задач.

В настоящем исследовании военно-политический конфликт рассматривается в рамках текстотипологического подхода современной дискурсивной парадигмы. Объектом исследования выступает англоязычный аналитический медиатекст США, Великобритании и Канады о военно-политическом конфликте в Косово и Сирии. Под аналитическим медиатекстом о военно-политическом конфликте понимается написанный журналистом / экспертом в области военно-политических отношений текст публицистического качества, отражающий проблематику актуального военно-политического конфликта в аппелятивно-аналитическом ключе, предназначенный для газеты или журнала. Предметом исследования являются структурные и семантические характеристики данного типа текста.

В ходе выявления его семантических характеристик было обнаружено, что экспрессивно-оценочная лексика, которая составила 71,5% ЛЕ (лексических единиц) от общего количества всех полученных ЛЕ, играет самую важную роль в экспликации военно-политического конфликта в англоязычных СМИ по сравнению с другими выявленными типами ЛЕ (смысловыми модификациями; нейтрального характера). Экспрессивно-оценочные ЛЕ являются основными лексическими средствами создания экспрессии в аналитическом медиатексте о военно-политическом конфликте, посредством которой адресант воздействует на адресата с целью формирования его адекватного отклика на современный военно-политический конфликт.

Под экспрессивностью Ш. Балли, основоположник современной концепции и методов исследования экспрессивных фактов речи, понимал эмоциональное восприятие действительности и стремление передать его реципиенту. В лингвистическом энциклопедическом словаре данное понятие трактуется как совокупность семантико-стилистических признаков языковой единицы, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средства субъективного выражения отношения говорящего к содержанию и адресату. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка.

В процессе выявления экспрессивно-окрашенных ЛЕ мы приняли во внимание точку зрения И. В. Арнольд, представителя коммуникативно-функционального направления, которая полагает, что «слово обладает оценочным компонентом значения, если оно выражает положительное или

отрицательное суждение о том, что оно называет, т.е. одобрение или неодобрение». Она также считает, что «слово обладает экспрессивным компонентом значения, если своей образностью или каким-нибудь другим способом подчеркивает, усиливает то, что называется в этом слове или в других, синтаксически связанных с ним словах».

Для подтверждения вышесказанного приведем пример ЛЕ, использующихся в ходе экспликации одной из тем, репрезентирующих военно-политический конфликт в англоязычных СМИ. Так, в процессе развития темы «прогноз развития военно-политического конфликта» обнаруживается превалирование экспрессии, что придает оценочный характер возможным последствиям военно-политического конфликта в негативном ключе. Экспрессия здесь создается посредством как образных словосочетаний, так и необразных экспрессивно-оценочных. К образным словосочетаниям относятся оригинальные, типа *a black hole of instability* ‘черная дыра нестабильности’, которое символизирует постоянный процесс нестабильности в стране военно-политического конфликта; *entrepreneurs of violence* ‘кому война, а кому мать родна’; ‘люди, наживающиеся на войне и на сопутствующих ей насильственных действиях’, акцентирующее идею зарабатывания денег некоторыми участниками военно-политического конфликта с помощью насилия; *a safe haven for al Qaeda and other Islamic extremists* ‘безопасный рай для Аль-Каиды и других исламистских экстремистов’, подчеркивающее идею о безопасных идеальных условиях для террористов и традиционные словосочетания, типа *a bumpy ride* ‘тернистый путь’, символизирующее представление о последствиях военно-политического конфликта как о поездке с трудностями; *to fuel tension* ‘подпитывать напряженность’, обозначающее разжигание напряженных отношений между участниками военно-политического конфликта; *to fuel separatist movements* ‘подогреть и усугубить сепаратистские движения ’, акцентирующее идею об увеличении активности сепаратистских движений; *to play host to extremists* ‘быть гостеприимными хозяевами для экстремистов ’, подчеркивающее мысль о предоставлении места для деятельности экстремистов на своей территории.

К необразным экспрессивно-оценочным словосочетаниям относятся такие, как: *inescapable consequences* ‘неизбежные последствия’; *damaging / serious complications* ‘разрушающие / серьезные последствия’; *negative repercussions* ‘негативные последствия’; *a dangerous precedent* ‘опасный прецедент’; *renewed violence* ‘возобновление насилия’; *violent secessionism / nationalism* ‘насильственный сепаратизм / национализм’; *aggressive separatists inclinations* ‘агрессивные сепаратистские склонности’ и т.д.

С помощью указанных выше экспрессивно-оценочных словосочетаний адресант репрезентирует прогноз развития военно-политического конфликта удручающим, тем самым проводя единую идеологическую политику США, Великобритании, Канады о крайней необходимости разрешения военно-политического конфликта и нацеливая участников военно-политического конфликта и адресата на такую мысль.

Таким образом, экспрессивно-оценочные ЛЕ, которые присутствуют в ходе экспликации всех выявленных восьми тем, описывающих современный военно-политический конфликт в англоязычных массмедиа, являются основными лексическими средствами для реализации в полной мере персуазивной функции аналитического медиатекста.

Л. П. Романова

ИНВЕРСИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, экспрессивность высказывания создается благодаря воздействию единиц разных подсистем языка: просодической, лексической, синтаксической. Характер взаимодействия между просодической и синтаксической подсистемами является менее изученным и требует уточнения.

Под феноменом экспрессивности в языке (речи) в широком смысле понимают одну из необходимых, коммуникативно обусловленных сторон речевого акта. В более узком смысле экспрессивность понимается как особая языковая категория, имеющая собственные содержательные и формальные признаки.

В семантическом плане экспрессивность создается специфической прагматической направленностью высказывания, обусловленной таким соотношением логико-модальных и субъективно-модальных значений, при котором последние играют превалирующую роль в формировании общего смысла высказывания. Потенциальной способностью к превалированию обладает целый ряд субъективно-модальных значений (коннотаций). Их общей характеристикой является ярко выраженное отклонение от нейтральности. Экспрессивность как обобщенная характеристика высказывания, однако, не нивелирует различия в конкретных субъективно-модальных коннотациях, набор которых весьма широк.

Понятие экспрессивности тесно связано с эмоциональной окрашенностью высказывания. Представляется правомерным рассматривать экспрессивность и эмоциональность как различные степени проявления одной и той же категории.

Формальные признаки рассматриваемой категории могут быть определены как отклонения от нейтральных форм: лексических, грамматических и просодических.

Сильным экспрессивным средством является инвертированный порядок слов. При этом всегда присутствует – как неотъемлемое средство оформления высказывания – интонация, сообщающая ему ту или иную степень эмоциональной насыщенности. В соответствии с таким пониманием структура экспрессивного высказывания представляет собой маркированный вариант по сравнению с нейтральным. Маркированный вариант просодической структуры, в частности, непосредственно реализуется через модификации составляющих ее параметрических признаков: высотно-мелодических, временных, динамических (энергетических).

Правомерность данной трактовки подтвердилась при исследовании просодии высказываний с инвертированным порядком слов.

Наша задача состоит в том, чтобы показать, каким образом различные языковые средства дополняют друг друга и выяснить экспрессивные возможности синтаксических средств.

Результаты наблюдений и исследований при сопоставлении высотно-мелодических характеристик экспрессивных и нейтральных повествований приводят к выводу о том, что при наличии синтаксических маркеров экспрессивности в высказывании употребление экспрессивной просодической структуры является нормативным. Большинство экспериментальных повествований с инвертированным порядком слов (структуры с глаголами места и действия *взбираться, приходить, лететь, идти, висеть, лежать, бежать, сидеть, стоять*) воспринимались носителями языка как экспрессивные («эмоционально окрашенные», «эмфатические»).

Просодическая структура считалась экспрессивной, если в ней имелось одно или более «специальных» просодических средств, таких, как эмфатические тоны и неправильные предшкалы.

Общее количество данных экспрессивных просодических средств существенно выше в высказываниях с инвертированным порядком слов, чем в высказываниях с прямым порядком слов.

Тенденция к кооккурентности различных видов экспрессивных средств в повествованиях с прямым и инвертированным порядком слов различна. Наиболее типичной для высказываний с инвертированным порядком слов является просодическая структура с элиминацией или ослаблением предъядерных ударений, в то время как для высказываний с прямым порядком слов подобные комбинации нетипичны.

Наиболее характерной чертой просодии высказываний с инвертированным порядком слов является сочетание эмфатического тона с другими экспрессивными средствами. Семантическим коррелятом эмфатического тона является увеличение смысловой значимости слова-носителя данного тонального акцента, как, впрочем, и всего высказывания в целом.

Из комплекса экспрессивных просодических средств, участвующих в реализации высказываний с инвертированным порядком слов, реже всего используется высокая неправильная предшкала, что позволяет сделать вывод о малой существенности высокой предшкалы с точки зрения ее экспрессивного воздействия. Важнее, однако, представляется сам факт отсутствия высокой предшкалы в инвертированных высказываниях. Предпочтительное употребление обычной предшкалы, конституируемой последовательностью просодически невыделенных слогов, обусловлено, на наш взгляд, текстовыми характеристиками инвертированного высказывания, его тесной смысловой связанностью с предшествующим. Наличие обычной предшкалы в интонационной структуре фразы служит, как известно, показателем неинформативности начальной слоговой последовательности. Это тем более верно для тех случаев, когда предшкала образована не предударными

слогами слова или полностью десемантизированными служебными словами (артикль и др.), а полнозначными или служебными словами, не утратившими своего лексического значения.

Таким образом, проведенные экспериментальное исследование позволило уточнить характер взаимодействия экспрессивных просодических и синтаксических средств. В частности, было установлено, что инвертированные структуры дополняют общую мелодическую и динамическую структуру, что представляет собой маркированный, экспрессивный вариант в пределах представленного типа повествования.

О. Е. Рымкевич

МОДАЛЬНЫЕ КОГЕЗИИ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале немецкого языка)

Модальность, являясь коммуникативно-прагматической категорией, играет важную роль как в формировании смысла, так и прагматики текстов газетной публицистики. Будучи непосредственно вовлеченной в процессы текстообразования, модальность, как правило, проявляет свои ингерентные свойства в комплексной контекстной реализации, вариативно создавая полимодальную надстроечную (по отношению к пропозициональному содержанию) формацию в текстовом пространстве публицистического дискурса и, более того, модифицируя в той или иной степени содержательную основу текстовой информации.

Модальные средства выражения способны создавать в текстовом воплощении так называемую модальную когезию, или даже сети модальных когезий, особым образом координирующие процесс взаимоорганизации отдельных смысловых фрагментов в единое целое.

Модальные когезии дают возможность автору дифференцированно представить свою позицию, осуществляя, сообразно своей интенции, влияние на адресата. Суть модальной семантики такова, что она может иррадиироваться в текстовом пространстве ретроспективно и проспективно, «окрашивая» таким образом своими оттенками как контактно, так и дистантно расположенные информационные отрезки.

В частности, модальные слова в различных частях предложения и текста могут модифицировать высказывание или весь текстовый фрагмент, передавая в текстовой реализации те или иные оттенки субъективно-модальной оценки. Подобный субъективно-модальный комментарий адресанта направляет в нужное русло процесс прочтения и интерпретации адресатом информации. Модальные средства выражения, выступая скоординированно, обеспечивают структурно-смысловую организацию текста и его связность. Например:

D i e P r e s s e: *Können Sie die Grünen heute noch wählen?*

K a s p a n a z e S i m m a: ***Können schon.*** («Die Presse». 03.06.2009)

Модальный глагол *können* в сочетании с частицей *schon* содержит в себе значение гипотетической возможности и вносит в повествование семантику сомнения или неуверенного предположения, настраивая адресата на соответствующую интерпретацию содержания всего последующего интервью, что далее в тексте подчеркивается соответствующей модальной лексикой.

D i e P r e s s e: *Wird es mit Ulrike Lunacek besser?*

K a s p a n a z e S i m m a: *Ich habe da* ***gewisse Hoffnungen****, aber nach den ersten öffentlichen Äußerungen tauchen* ***gewisse Zweifel*** *auf.* (Там же)

В словах *gewisse Hoffnungen* и *gewisse Zweifel* эксплицированы определенные надежды и сомнения адресанта, что, соответственно, воздействует и на адресата. В совокупности же данные модальные операторы со схожей семантикой дистантно формируют когезию, участвующую в текстообразовании.

В другом примере модальность вариативно создает единую когезию, поддерживая философские размышления автора о продолжительности жизни человека.

Natürlich *wissen wir, dass jemand, der hundert wird, mit hunderteins sterben kann.* («Süddeutsche Zeitung». 05/06.01.2019)

Модальное слово *natürlich* с семантикой уверенности в начальной позиции высказывания словно подытоживает предыдущие рассуждения автора и одновременно сигнализирует адресату проспективно о возможном ходе мыслей последующих, что контактно эксплицируется в противительном смысловом звене.

Aber *dann hat er zumindest die Grenze zum gefühlten Immer-weiter-geht`s überschritten.* (Там же)

Заданная автором модально-когезийная линия вариативно продолжается по ходу развертывания комментария, доминантно высвечивая предположительно-рассудительную тональность. А такие модальные средства, как *glaubten, sei nun tatsächlich ... gewesen, scheint, kann ... nicht stimmen* создают опорные смыслы в данных рассуждениях, побуждая адресата в том числе к собственному домысливанию.

Модально-прагматическое воздействие на адресата может сублимироваться в дискурсивном текстовом пространстве, когда схожая модальная семантика подхватывается разными авторами в статьях, посвященных одной тематике. Так, в серии статей на тему о хакерских атаках в погоне за личной информацией ряда политиков в Германии выстраивается в целом неуверенно-скептическая модальная линия по вопросу о защищенности этих данных. Мнения авторов оказываются созвучными, что, соответственно, усиливает убеждающий эффект. Например,

Die einzige Partei im Bundestag, die von dem Datenklau ***wohl*** *verschont blieb, war die AfD.* («Süddeutsche Zeitung». 05./06.01.2019, S. 1)

Модальное слово *wohl* указывает на достаточно высокую степень уверенности в защищенности данных одной единственной партии в бундестаге, что звучит достаточно скептически, лишь подчеркивая незащищенность

других. Далее в статье с меньшей степенью уверенности, *seien erbeutet worden*, говорится о том, что и личная информация канцлера стала добычей взломщиков.

In Berlin hieß es am Freitag, auch Daten der Kanzlerin ***seien erbeutet worden****, wenn auch keine sensiblen.* (Там же)

Далее, в продолжение модальной когезии, вновь вариативно подчеркивается прежняя мысль о защищенности лишь одной партии.

Als einzige Bundespartei ***scheint*** *die AfD* ***veschont geblieben zu sein***. (Там же)

В отношении же виновников автор использует модальность неуверенности и сомнения.

Die Identität des oder der Datendiebe ist noch ***unklar***. (Там же)

Модальные средства выражения *unklar, der Twitter-Account ... soll ... einem Yoytuber gehört haben, sei aber mutmaßlich gehackt worden* выстраивают линию неуверенности и неясности вокруг описываемых событий.

В другой статье об этой атаке в качестве определенного вывода звучат слова о необходимости личной бдительности каждого пользователя.

Doch auch der Einzelne ***muss lernen****, sich im Netz souveräner zu bewegen.* («Süddeutsche Zeitung». 05/06.01.2019, S. 4)

В заключении статьи с полной уверенностью звучит вывод автора об отсутствии абсолютной защиты от подобного рода атак.

Zur Wahrheit gehört *aber auch: Absolute Sicherheit, vollkommenen Schutz gegen Attacken gibt es weder in freien Demokratien noch in einem freien Netz.* (Там же)

Подводя итог сказанному, следует отметить, что модальные когезии выступают в качестве важного текстообразующего фактора в публицистическом дискурсе. Модальные смыслы коррелируют между собой в текстовом пространстве, вариативно подчеркивая интенционально значимую информацию и обеспечивая своим участием модально-прагматическую когерентность текста.

М. А. Салаўёва, Г. Ю. Баранчык

КАНЦЭПТ «ЛЮБОЎ» У САНЕТАХ У. ШЭКСПІРА І ІХ ПЕРАКЛАДАХ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Прадметам нашага даследавання было выяўленне тэкставых элементаў, якія рэалізуюць канцэпт «любоў» у санетах У. Шэкспіра і іх перакладах на беларускую мову.

Санеты У. Шэкспіра займаюць важнае месца ў сусветнай культуры, а іх пераклады сталі часткай нацыянальных літаратур, у тым ліку беларускай.

Пісьменнік У. Дубоўка з'яўляецца адзіным беларускім паэтам, які пераклаў увесь цыкл санетаў на беларускую мову. Асобныя санеты У. Шэкспіра прадстаўлены ў перакладах Ю. Гаўрука, М. Дуброўскага, Р. Барадуліна, Я. Семяжона. Сучасныя спробы перакладу працягваюцца Т. Дзям'янавай,

Г. Янкутай, М. Казлоўскай, А.Ф. Брылём, К. Маціеўскай, І. Крэбсам. У. Маркхелем.

Кожны з перакладчыкаў імкнуўся перадаць змест санетаў У. Шэкспіра, захоўваючы іх вобразнасць, пры дапамозе моўнага і культурнага кодаў беларускага народа, элементы якіх могуць сінтэзіравацца праз паняцце «канцэпт».

Даследчык А. С. Кубракова вызначае канцэпт як тэрмін, які служыць тлумачэнню адзінак ментальных або псіхічных рэсурсаў нашай свядомасці і той інфармацыйнай структуры, якая адлюстроўвае веды і вопыт чалавека; як аператыўную змястоўную адзінку памяці, ментальнага лексікону, канцэптуальнай сістэмы і мовы мозга, усёй карціны свету, адлюстраванай ў чалавечай псіхіцы. Паняцце канцэпта адпавядае ўяўленням аб тых сэнсах, якімі аперыруе чалавек у працэсах мыслення і якія адлюстроўваюць змест вопыту і веды, змест вынікаў усёй чалавечай дзейнасці і працэсаў пазнання свету ў выглядзе нейкіх «квантаў» ведаў. Гэта ментальныя адзінкі, якія з'яўляюцца элементамі канцэптасферы і мадэлююць моўную свядомасць індывіда і цэлай нацыі.

Канцэпт разглядаецца намі як палявая структура (В. А. Маслава), якая ўключае ядро, перад'ядзерную зону, зоны бліжэйшай і далёкай перыферыі. Каб максімальна поўна выявіць склад моўных сродкаў, якія аб'ектывізуюць канцэпт, і паказаць нацыянальную спецыфіку рэпрэзентацыі канцэпта, мы выкарысталі асобныя палі для рэпрэзентацыі канцэпта ў арыгінале і ў беларускай мове. Усе выяўленыя сродкі былі сістэматызаваныя паводле агульных кагнітыўных прыкмет (З. Д. Папова, І. А. Сцернін).

Ядро мадэлі склалі ключавая лексема «love» і яе эквіваленты ў беларускай мове «каханне», «любоў»: *I did strive to prove // The constancy and virtue of your love. – Я спраўдзіў сіламоц твайго кахання* (№ 117, пер. М. Казлоўскай).

У перад'ядзернай зоне мы вылучылі 3 падгрупы:

1) аб'ект: *my rose – цвеце* (№ 109, пер. У. Дубоўкі); *my mistress – любая* (№ 130, пер. Р. Барадуліна); *the master-mistress – пан і пані* (№ 20, пер. У. Дубоўкі);

2) прэдыкат: *lovest – палюбіш* (№ 136, пер. У. Дубоўкі)*; to hear with eyes – вачыма слухаць* (№ 23, пер. Ю. Гаўрука)*; bear your heart – пястую* (№ 22, пер. Т. Дзям'янавай)*; so shall I taste // At first the very worst of fortune's might – Няхай шчымяць, няхай жа рвуцца грудзі* (№ 90, пер. Ю. Гаўрука)*;*

3) сінонімы і антонімы. Для лексемы «love»: *Hast thou, the master-mistress of my passion – Ты пан і пані для душы маёй* (№ 20, пер. У. Дубоўкі). *Made old offenses of affections new – Сама любоў мне стала нібы жартам* (№ 110, пер. У. Дубоўкі). *Unlooked for joy in that I honor most. – А мне любоў для шчасця ён прынёс* (№ 25, пер. У. Дубоўкі).

У перакладах трэцюю групу склалі наступныя эквіваленты: *Я – зменны, але ў сэрцы любасць ёсць* (№ 109, пер. Ю. Гаўрука). *Ляціць к табе з прызнаннем і мальбою* (№ 23, пер. Я. Семяжона); *Усё найлепшае ў табе, што ёсць, // Перадаецца мне з замілаваннем* (№ 37, пер. У. Дубоўкі).

Антонімы лексем «love», «каханне», «любоў» утвараюць з імі апазіцыю і таксама ўплываюць на фарміраванне канцэпта: *Then hate me when thou wilt; if ever, now – Захочаш зненавідзець, лепш цяпер* (№ 90, пер. Р. Барадуліна). *O, never say that I was false of heart – Не гавары, што я няверны сэрцам* (№ 109, пер. Ю. Гаўрука).

Да зоны бліжэйшай перыферыі мы аднеслі асацыятыўна-вобразныя рэпрэзентацыі: *Haply I think on thee, and then my state, // Like to the lark at break of day arising // From sullen earth, sings hymns at heaven's gate; – Ды пра цябе раптоўна ўспамінаю – // І, як жаўрук над змрочнаю зямлёй, // Світанню гімн у небе я спяваю* (№ 29, пер. М. Казлоўскай).

На падставе таго, што канцэпт рэалізуецца не толькі ў словах, словазлучэннях, выказваннях, але і ў дыскурсе, тэксце, мы вылучылі канцэптаўтвараючыя санеты (18, 23, 24, 29, 56, 90, 91, 102, 116, 126, 130, 137, 147 і інш.), якія склалі зону далёкай перыферыі. У гэтых тэкстах У. Шэкспір змяшчае асабістае вызначэнне кахання, перадае адценні індывідуальна-аўтарскага светапогляду. Гэтыя санеты добра вядомыя носьбітам розных моў, могуць асацыявацца з паняццем «каханне» і, адпаведна, уваходзіць у поле канцэпта.

Наступныя кагнітыўныя прыкметы ўтвараюць перыферыю канцэптаў як моўных, так і тэкставых. Напрыклад:

− «каханне – прыгажосць»: *How with this rage shall beauty hold a plea, // Whose action is no stronger than a flower? – Як харaство ад змен уберагчы, // Што, нібы кветка, вяне вельмі скора?* (№ 65, пер. Ю. Гаўрука);

− «каханне – музыка»: *Music to hear, why hear'st thou music sadly? // Sweets with sweets war not, joy delights in joy: // Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly, // Or else receiv'st with pleasure thine annoy? – Чаму, музЫка, мУзыкі напой // Цябе ізноў захліствае самотай? // Ці не яна – сусвет адзіны твой // І ратаванне ў шале адзіноты?* (№ 8, пер. Т. Дзям'янавай);

− «каханне – найвялікшая каштоўнасць»: *Thy love is better than high birth to me, // Richer than wealth, prouder than garments' cost, // Of more delight than hawks or horses be; // And having thee, of all men's pride I boast – Мне даражэй, чым скарб, тваё каханне, // Чым рыцарскі сярэбраны шалом, // Чым харaство заморскага ўбрання // І ўцеха палявання з сакалом* (№ 91, пер. Я. Семяжона);

− «каханне – адзінства»: *Let me confess that we two must be twain, // Although our undivided loves are one – Хоць мы ўдваіх з табой дасюль былі, // Адна істота мы ў сваім каханні* (№ 36, пер. У. Дубоўкі);

− «каханне бясконцае»: *Love's not Time's fool, though rosy lips and cheeks // Within his bending sickle's compass come; // Love alters not with his brief hours and weeks, // But bears it out even to the edge of doom. – Любоў не мерыцца на тыдні, дні, // Яна бясконца, як жыццё на свеце, // Хоць можа час ружовыя агні // Згасіць на ёй, як на ружовым цвеце* (№ 116, пер. Я. Семяжона);

− «каханне зямное»: *My mistress' eyes are nothing like the sun; // Coral is far more red than her lips' red; // If snow be white, why then her breasts are dun; // If hairs be wires, black wires grow on her head. – На зоркі не падобны любай вочы // І вусны – не каралі, рот – як рот, // Не беласнежны колер плеч дзявочых, // І завіткі на скронях быццам дрот* (№ 130, пер. Р. Барадуліна);

− «каханне – жаданне»: *Will will fulfil the treasure of thy love, // Ay, fill it full with wills, and my will one. // In things of great receipt with ease we prove // Among a number one is reckoned none – Жаданні маюць права нарадзіцца, // Любімая, не згасла каб любоў. // Няхай кахання нашага скарбніцу // Яны ізноў напоўняць да краёў* (№ 136, пер. У. Дубоўкі);

− «каханне маўчыць»: *O, learn to read what silent love hath writ: // To hear with eyes belongs to love's fine wit. – Ці зможа толькі зрок пачуць літанне // І крык майго бязмоўнага кахання*? (№ 23, пер. Я. Семяжона);

− «каханне – залежнасць, падман»: *O, from what power hast thou this powerful might // With insufficiency my heart to sway? // To make me give the lie to my true sight, // And swear that brightness doth not grace the day? – Скуль у цябе магутнасці выток – // Каб нада мной ўладарыць слабіною // І вымушаць, згубіўшы ўласны зрок, // Прымаць за праўду спойванне маною?* (№ 150, пер. Т. Дзям'янавай);

− «каханне – вайна, барацьба» (з самім сабой, з часам, звяданнем): *And 'gainst myself a lawful plea commence: // Such civil war is in my love and hate – Куды любоў і ненавісць вядзе: // Я сам з сабой вайну распачынаю!* (№ 35, пер. У. Дубоўкі);

− «каханне – хвароба, смерць»: *My love is as a fever, longing still // For that which longer nurseth the disease – Каханне – ліхаманка… Жар залью – // І зноў нутро калоціцца ад смагі; Desire is death, which physic did except – Ды я ж яго не слухаў, бо кахаў... // І вось – мне недалёка ўжо да смерці…* (№ 147, пер. Т. Дзям'янавай);

− «страта кахання – самая цяжкая з пакут»: *And other strains of woe, which now seem woe, // Compared with loss of thee will not seem so – Пакуты, што мне доля прынясе, // Калі згублю цябе, малыя ўсе* (№ 90, пер. Р. Барадуліна).

Такім чынам, аналіз паэтычнай мовы арыгінала і перакладаў дазволіў выявіць найбольш тонкія нюансы сэнсавага напаўнення канцэпта «каханне». Пераклады, зробленыя рознымі аўтарамі, адрозніваюцца, бо ў кожнага сваё асаблівае ўспрыманне рэчаіснасці, сваё бачанне твораў У. Шэкспіра.

М. А. Соловьёва, К. В. Асадчая

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА

Доклад посвящен анализу лингвистических особенностей предвыборного дискурса в США. Политический дискурс отражает специфику борьбы за власть, которая является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения. Предполагается, что чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики (Е. И. Шейгал).

В настоящее время успех любого политика во многом зависит от того, какое влияние оказывают на аудиторию его выступления. Публичное выступление можно отнести к такому виду коммуникации, при котором

практически отсутствует непосредственная обратная связь между оратором и слушателем, и поэтому важным является выбор определенных лингвистических средств, а также стратегическое планирование речи (А.О. Велижанина). Власть в значительной степени осуществляется посредством языка, который помогает политику апеллировать к чувствам и сознанию аудитории.

Объектом исследования выступил политический дискурс предвыборной кампании США 2017 года. Предметом исследования являются языковые средства выражения особенностей политического дискурса.

Несомненно, «дискурс» относится к разряду таких терминов, которые трактуются неоднозначно, в зависимости от различных методологических подходов к его анализу. Обращение к многочисленным лингвистическим словарям показывает, что понятие «дискурс» имеет большое количество порой противоречащих друг другу интерпретаций.

В Oxford Advanced Learner's Dictionary можно обнаружить следующее толкование понятия «дискурс»: discourse: 1. (formal) *a long and serious treatment or discussion of a subject in speech or writing*. 2. (linguistic) *the use of language in speech and writing in order to produce meaning; language that is studied, usually in order to see how the different parts of a text are connected.*

В Лингвистическом энциклопедическом словаре можно найти такое определение дискурса: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими формами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)».

Исследователь З. Харрис в статье «Дискурс-анализ», опубликованной в середине XX века, трактовал это понятие предельно просто: как последовательность высказываний, отрезок текста больший, чем предложение.

Учитывая многочисленные подходы к определению термина «дискурс», мы решили остановиться на наиболее общем из них. Вслед за Т. А. Ван Дейком дискурс рассматривается как речевая деятельность в звуковой, графической или электронной репрезентации в широком психологическом, социальном и деятельностном контексте.

Понятие «политический дискурс», имеющее несколько определений, в широком смысле, включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти (А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич). Язык политического дискурса имеет функции, ориентированные на передачу информации, воздействие на адресата, выражение эмоций, объяснение смысла высказывания, установление и поддержание контакта, определение форм сообщения.

В результате исследования было выявлено, что в предвыборных речах большинство политиков не скупятся на цитирование, использование различных стилистических приемов и применение интертекстуальности. Многообразие средств и приемов, используемых политиком в процессе общения с аудиторией, призвано обеспечить убедительность его речи.

В качестве примера приведем отрывок из речи Д. Трампа, известного своей эмоциональностью и жесткими высказываниями. Так, на тему смены президента и нужды страны в новом лидере Д. Трамп говорит следующее: *Now, our country needs – our country needs a truly great leader, and we need a truly great leader now. We need a leader that wrote "The Art of the Deal."* Здесь интертекстом является ссылка на название книги «The Art of the Deal». Любопытно то, что идет отсыл к автору книги без упоминания его имени, а ведь книгу написал сам Д. Трамп. Такой ход делает речь кандидата менее дерзкой, так как он не говорит напрямую, что страна нуждается в Дональде Трампе, но аудитория в курсе, кого подразумевает кандидат.

Продолжая говорить о своей значимости, Д. Трамп вновь обращается к такому приему, как ссылка на слова других людей, в данном случае, комментаторов: *You know, one of the things that makes me happy. I heard one of my commentators this morning, said, "you know, I've been watching this stuff for 50 years and I've never seen anything like what has happened with Trump. One of them actually said – one of them – I'm special. You're special. I like you. I'm special.*

В то же время, как и Б. Обама, Д. Трамп порой обращается к цитированию великих политиков. Например, А. Линкольна: *What is conservatism? Is it not the adherence to the old and tried against the new and untried?* Такой ход объясняется тем, что авторитет 16-го президента США является бесспорным, ведь он – одна из самых значительных фигур в американской истории, хотя и не относится к отцам-основателям, определившим концептуальные основы американского политического дискурса.

Очевидно, цитируя чужие слова, политики, образно говоря, экономят собственные усилия и получают возможность существенно «сжать» речь, так как афоризму не требуется дальнейшая аргументация. Вводя цитату или афористическую единицу в дискурс, политики либо принимают суждение, изложенное в них, либо спорят с ним, что порой свидетельствует о ценностных приоритетах выступающего. Если же дискурс обращен к массовой аудитории – такой прием отражает то, какие культурные и ценностные модели востребованы в настоящее время в определенном языковом сообществе.

В предвыборной речи Д. Трамп также активно использует метонимию, которая направлена на формирование сплоченности населения: *But we are transferring power from Washington, D. C. and giving it back to you, the people.* Чтобы установить эмоциональную близость с аудиторией, Д. Трамп использует метонимию *Washington, D. C*, подразумевая исполнительную и законодательную власть США.

Следующие примеры иллюстрируют использование метафоры как средства образно-эмоционального воздействия на реципиента: *mothers and children trapped in poverty in our inner cities; rusted-out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation.*

Из синтаксических приемов будущий президент неоднократно использует в своей речи параллелизм. Параллельное повторение сочетания «we will», подразумевающего спонтанное волеизъявление, вовлекает американцев в процесс будущих изменений: *We will face challenges, we will confront hardships, but we will get the job done.*

На основании вышеизложенного можно заключить, что язык политического дискурса содержит в себе функции, ориентированные на передачу информации, воздействие на адресата, выражение эмоций, объяснение смысла высказывания, установление и поддержание контакта, определение форм сообщения. Одной из особенностей политических речей во время предвыборной кампании является интертекстуальность как отсыл к известным текстам, использование таких лексических средств воздействия на аудиторию, как метонимия и метафора, а в области синтаксиса – параллелизма. Такие приемы могут рассматриваться как метод компрессии, позволяющий добиться необходимого воздействия на слушателя посредством обращения к прецедентным текстам культуры и выразительным средствам языка или не явно манипулировать сознанием избирателей, создавая более благоприятный образ политика и его программы.

М. А. Соловьёва, М. Ю. Крот

ТЕМЫ ФЕМИНИЗМА И РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В РОМАНЕ М. ЭТВУД «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

Работа посвящена изучению того, как темы феминизма и религиозного фундаментализма раскрываются автором в тексте произведения. Целью исследования было найти ответ на два вопроса, которые чаще всего задают писателю: является ли роман феминистическим и можно ли его назвать антирелигиозным. Эти проблемы волнуют не только исследователей текста, но и общественность, что отражается в появлении публикаций на указанные темы во всемирно известных изданиях вследствие нынешней политики США и, во многом, благодаря экранизации романа. Достаточно вспомнить демонстрации 2017–2018 годов в США, где женщины протестовали с плакатами «Пусть «Рассказ служанки» снова станет литературой!». Сериал «Рассказ служанки» на данный момент является одним из самых популярных и обсуждаемых, что подтверждает актуальность затронутых произведением проблем.

Многие называют роман страшным кошмаром для женщин. Действие происходит в далеком будущем в Республике Гилеад, тоталитарном и теократическом государстве, образовавшемся на месте США. Фундаменталистское христианское реконструкционистское движение «Сыновья Иакова»

устраивает революцию и захватывает власть. Последователи движения лишают женщин всех прав и возвращают их в мир патриархата, где женщины выполняют предписанные им свыше функции. В зависимости от вида деятельности и способностей женщин делят на категории. Тех, кто способен к зачатию, превращают в так называемых Служанок, которых принудительно назначают рожать детей для господствующего класса. Повествование ведется от лица женщины-Служанки по имени Фредова, рассказывающей о том, как протекает жизнь, выстроенная религиозными фанатиками на основе извращенных библейских заповедей.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы изучили такие термины, как «феминизм» и «антирелигиозный».

Дать точное определение феминизму достаточно сложно, так как существует множество понятий, а также направлений феминизма. Большой энциклопедический словарь трактует это слово таким образом: феминизм (в широком смысле) – стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах общества; (в узком смысле) – женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнивание их в правах с мужчинами. Данное определение фокусируется на уравнивании в правах мужчин и женщин. Имеются также другие определения, акцентирующие внимание на уважительном отношении к женщине как человеческому существу.

Называя роман феминистическим, мы подразумеваем, что автор пропагандирует общие идеи феминизма, как это и трактует большинство исследователей произведения. Такая интерпретация основывается еще и на том факте, что многие считают М. Этвуд феминисткой. Однако автор всегда уклоняется от четкого ответа на данный вопрос, уточняя: надо понимать, что подразумевается под словом «феминизм».

Многие события и факты в произведении отражают все, против чего выступает феминистическое движение. Это то, что основной властью, в том числе властью над женщинами, обладают мужчины. Полное угнетение женщин, лишение их права выбора и господство мужчин дает многим повод называть роман одой феминизму. Однако позицию власти в произведении занимают не только мужчины, но и женщины (Тетки). Помимо этого, наказаниям и преследованиям за проступки подвергаются представители обоих полов. При этом мать главной героини, феминистка второй волны, ранее активно участвовавшая в демонстрациях и акциях протеста, подвергается критике за свою деятельность со стороны Фредовой.

Сам автор высказывается так: «Если вы имеете в виду роман, в котором каждая из женщин – это индивидуальность со своим характером и поведением, которые являются важнейшими составляющими романа, тогда да. В этом смысле многие книги можно назвать феминистическими». Давая такое определение феминизму, М. Этвуд утверждает, что ее произведение не более феминистическое, чем многие другие.

Перейдем к анализу антирелигиозной направленности романа. Обычно, термин «антирелигиозный» трактуется как «направленный против религии и религиозных убеждений». Многие считают, что исследуемое произведение

является нападением на христианство. Более того, «Рассказ служанки» занимает 37-е место в рейтинге книг Американской библиотечной ассоциации, которые чаще всего пытались запретить, в том числе из-за оскорбления чувств верующих. Роман подвергался осуждению как антихристианская пропаганда из индустрии развлечений, нацеленная на критику религии и разрушение христианских ценностей.

Писатель Маргарет Этвуд отрицает антирелигиозный характер своего романа. В эпилоге она указывает, что возродившееся пуританство, доминирующее в Гилеаде, преследует представителей других форм христианства, включая католиков, баптистов и квакеров. Помимо этого, можно заключить, что главная героиня романа, Фредова, которой должен сочувствовать читатель, религиозна, так как автор изображает ее во время молитвы.

Очевидно, самое главное, что хотел показать писатель, – это использование религии как средства тирании. В романе законы Гилеада строятся на выжимках из Ветхого Завета, однако трактуются слова из Библии лишь так, как это выгодно новообразованному государству. На протяжении всего повествования мы наблюдаем, как правители Гилеада оправдывают жадность, похоть, оскорбления и зло в целом с помощью извращения слов Священного Писания. Можно предположить, что опасной в романе является не сама вера, а ее деструктивное применение. Правители Гилеада на самом деле не являются истинно верующими. Они нарушают доктрины, которые пытаются навязать другим, и используют религию как средство достижения и укрепления власти, а также как возможность манипулировать другими людьми.

Можно заключить, что «Рассказ служанки» – это не нападение на христианство, а изображение религиозного фанатизма, извращенного использования веры. Роман дает возможность представителям всех религий и особенно тем, кто стоит у власти, задуматься о своем отношении к вере.

Таким образом, однозначно ответить на вопрос, является ли «Рассказ служанки» феминистическим и антирелигиозным произведением, сложно. Во-первых, трудно дать четкое определение термину «феминизм». Более того, феминизм как движение прошел через несколько стадий развития и имеет отдельные направления. Например, мать Фредовой, принципиальная феминистка второй волны, критикуется дочерью и, видимо, автором романа, поскольку Фредова подозревает, что установление существующего несправедливого строя было возможно благодаря деятельности воинствующих феминисток. Во-вторых, произведение указывает на необходимость эмансипации в тоталитарном обществе как для женщин, так и для мужчин.

Что касается вопроса, можно ли назвать роман антирелигиозным, анализ текста позволяет заключить, что автор не пытается склонить читателя к отказу от религии или убедить, что религия – это зло. М. Этвуд лишь показывает, как опасно извращенное использование религии, особенно власть имущими. Автор демонстрирует, что вера не должна вести к саморазрушению человека, уничтожению межличностных взаимоотношений, основанных на свободном волеизъявлении и личной ответственности. Произведение указывает на нарушение гармонии в жизни человека, когда религия

становится инструментом подчинения и ступенькой к политическому успеху, богатству или власти. Не случайно, что из триады «вера–надежда–любовь» в образе подушечек с надписями у главной героини в распоряжении остается только «вера», но и ее наличие – результат недосмотра, так как, будучи женщиной, Фредова не должна иметь доступа к чтиву.

Вышеизложенное позволяет заключить, что темы феминизма и религиозного фундаментализма подвергаются критическому изображению в романе, но своим произведением писатель приглашает читателя к размышлению, а не навязывает новые догмы.

М. А. Соловьёва, В. С. Шершань

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЛЕНОВ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ В СЕРИАЛЕ «КОРОНА»

Доклад посвящен исследованию британского сериала «Корона» («The Crown») как прецедентного текста англоязычного дискурса (А. П. Бабушкин, М. А. Соловьева). Фильм рассматривается как явление современного семиотического пространства, насыщенное культурными и историческими событиями (Ю. М. Лотман). Предполагается, что прецедетность произведения задается его темами, идеями, которые могут транслироваться посредством образов. В докладе представлен анализ образов двух представителей королевской семьи – королевы Елизаветы II и ее сестры принцессы Маргарет. Для выявления особенностей изображения членов королевской семьи были изучены основные понятия семиотики и семиотики кино, исследованы прецедентные тексты, посвященные британской королевской семье, определены характеристики членов королевской семьи в современном дискурсе, а также обозначена специфика образов членов королевской семьи в исследуемом феномене культуры.

То, что исторический сериал «Корона» можно рассматривать как прецедентный текст, может быть подтверждено тем фактом, что фильм является призером многочисленных телевизионных и кинематографических наград, представляет собой знаковое явление британской культуры и мирового англоязычного дискурса в целом. Более того, при запросе информации, относящейся к жизни британской монархии конца 40-х – середины 60-х годов XX века (периода, отраженного в фильме), поисковые системы сети Интернет, свободная энциклопедия Википедия осуществляют отсыл к сериалу. Такой уровень популярности, «цитируемости» объясняется не только исторической достоверностью фильма, но и тем, что в нем срываются маски. В сериале раскрываются как политические, так и личные секреты британской монархии. Члены королевской семьи предстают перед зрителями обычными людьми со своими переживаниями, семейными проблемами и политическими предпочтениями. Повествование проникает в реальную жизнь королевской семьи, где монархия и политика являются лишь обширным фоном напряженной личной истории.

Воплощение образов королевских особ, наряду с тщательным подбором нарядов, декораций и вниманием к деталям, осуществляется посредством речи персонажей, характеристики их устами других действующих лиц, поведения и поступков. Однако надо признать, что в кинематографическом произведении немая сцена и общее построение кадра могут сказать о человеке больше, чем слова. Помимо вышеперечисленного, удачный выбор актеров, сыгравших членов королевской семьи, способствует воплощению задуманных образов. Однако для соответствия подлинным историческим особам, кроме схожей внешности, требовалось умение говорить так, как это делали члены королевской семьи в определенный период времени, поэтому на съемочной площадке постоянно находился лингвист, следивший за тем, как актеры произносят реплики. Известно, например, что в 1950-е годы Елизавета II произносила гласные звуки совсем не так, как в наше время их произносит ее внук принц Гарри.

Тем не менее, некоторые критики осуждают преувеличение эмоций в речи персонажей и утверждают, что определенные ситуации переиграны. С точки зрения семиотики, это вполне нормальное и нужное явление в кино (Ю. М. Лотман). Сериал является историческим и основан, в большинстве случаев, на известных фактах, поэтому можно предположить, что если бы в фильм не были привнесены драматические элементы и художественный вымысел, то сериал не передавал бы новой информации и, соответственно, не имел бы такого значения, не вызывал бы большого интереса у публики. В тоже время зритель, наблюдая за достоверными событиями, подтверждаемыми демонстрацией ранее секретных или известных только специалистам документов и документальных кадров, верит и во все выдуманное автором. Слияние документальности и выдуманных реалий является еще одним явлением, изучаемым семиотикой кино (Ю. М. Лотман).

Можно предположить, что атмосфера разоблачения также детерминирует популярность сериала. Фильм является достаточно провокационным, чему содействует и оглашение в серии под названием «Vergangenheit» (с нем. «прошлое») сверхсекретной документации, в которой разглашается информация о связях Эдуарда VIII (дяди Елизаветы II, отрекшегося от престола) с Гитлером и нацистами. Тот факт, что при поиске в Интернете информации о достоверности этих документов осуществляется ссылка на сериал, является еще одним доказательством того, что фильм можно рассматривать как прецедентный феномен культуры.

Изложив теоретические основы исследования и особенности фильма, остановимся на образе Елизаветы II. Королева изображена человеком близким и понятным зрителю: молодой девушкой, затем замужней женщиной, матерью. Ее образ достаточно приземленный, чтобы быть легко воспринимаемым, но при этом ее положение достаточно привилегированно, чтобы она была интересна публике. Заболевание Георга VI и его ранняя смерть привели к коронации королевы Елизаветы II, и это событие рассматривается не как празднование начала царствования, а как траурный конец совсем иной, счастливой жизни. Только Елизавета II начала наслаждаться семейной жизнью с заботливым мужем, герцогом Эдинбургским, их сыном Чарльзом и дочерью Анной, как на ее хрупкие плечи легло бремя короны.

С момента восхождения на трон королева больше не принадлежит себе, своей семье и своим чувствам – она обязана служить короне и защищать ее величайший статус, во что бы то ни стало. На протяжении сериала мы наблюдем как при принятии решений Елизавета учится поступать как монарх, имеющий в приоритете долг перед страной.

Став королевой, Елизавета обретает огромное множество обязанностей. Одной из них является еженедельная встреча с премьер-министром Великобритании. Во время этих визитов королева осознает, насколько непростительным для монарха является отсутствие соответствующего формального образования и озвучивает свое сожаление об этом упущении. То есть Елизавета предстает перед публикой как недостаточно образованная женщина, несмотря на домашнее обучение истории конституции и другим предметам и работу механиком-водителем во время войны.

Главная особенность образа королевы в сериале заключается в том, что она изображена не только как достойный суверен государства, а как человек со своими чувствами, переживаниями, недостатками. В фильме Елизавета II – в первую очередь, хрупкая женщина, которой пришлось в один миг взять на себя тяжкую ношу и при этом не ударить в грязь лицом.

Сравнивая сериал «Корона» и фильм С. Фрирза «Королева», можно наблюдать серьезные различия в передаче образа Елизаветы II. На наш взгляд, это обусловлено тем, что королева изображена в разные эпохи ее правления. В фильме «Королева» она предстает перед зрителем в образе безжалостной, хладнокровной правительницы, ставящей свои личные амбиции на первый план. В сериале «Корона» Елизавета изображена юной девушкой, молодой женщиной, способной сострадать, любить и прощать. Сериал, обладающий временным преимуществом перед фильмом, дает возможность увидеть, как меняется королева и какие трудности она переживает на своем пути.

Антиподом образа Елизаветы II в сериале является принцесса Маргарет. Маргарет – дерзкая и не подчиняющаяся правилам. Она имеет свое мнение и не стесняется его высказать. Несмотря на сильный характер, она очень чувственная особа. Сериал демонстрирует, как складывается нелегкая судьба непокорной принцессы. Сначала мы наблюдаем, как Елизавета II, став королевой, перетягивает все внимание публики на себя и оставляет сестре лишь роль второго плана, что заставляет девушку страдать. Фильм повествует о запретной любви Маргарет к разведенному капитану Таунзенду, о браке с богемным фотографом Армстронгом и о напряженных отношениях с сестрой. При всей сложности личности принцессы ее образ в сериале заставляет зрителя сопереживать ей, так как ее жизнь показана в динамике развития.

На основе вышеизложенного можно заключить, что изображение членов королевской семьи в сериале содействует выражению тем и идей фильма, отражению трансформации характеров и созданию противоречивого, но правдоподобного портрета старшего поколения Виндзоров. Несовершенство личностей монарших особ вызывает эмпатию со стороны зрителя и, наряду с интригующим историческим фоном, раскрытием исторических тайн, определяет статус сериала как прецедентного феномена культуры.

Н. С. Сычевская

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ОРАТОРОМ И АУДИТОРИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Согласно риторической теории, речи построены на системе топосов. Под топосами понимают идеи, разделяемые как оратором, так и аудиторией. Такие идеи помогают создать ситуацию объединения оратора и его слушателей. При этом топосы – не любые идеи, которые кажутся аудитории правильными, а только те из них, которые основаны на ценностях и предпочтениях аудитории, обращаются к ее нравственным ориентирам, эстетическим идеалам, интеллектуальным интересам и пр.

Топос дает возможность оратору объединиться с аудиторией, найти с ней общий язык, помогает оратору склонить людей к своей точке зрения. Топосы – тематическое отражение в тексте ценностных суждений, которые признаются всеми (оратором и слушателями) в данной аудитории как правильные и проверенные общественным опытом.

В публичных речах оратор использует следующие ценностные группы: универсальные ценности (родина, любовь); общечеловеческие, т.е. моральные (честность, духовность), эстетические (красота, культура), политические (свобода, демократия); государственные ценности (патриотизм, уважение к флагу и гербу); групповые ценности (региональные, возрастные, партийные); индивидуальные ценности (эмоциональные, профессиональные) и пр.

Поиск топосов – это содержательный отбор слов и отрывков текста, основывающийся на той системе ценностей, которая принята в данной аудитории. Следует учитывать, что использование топоса – это не желание «подделаться» под аудиторию, а показатель желания договориться, найти общий язык, «присоединиться» к аудитории, чтобы повлиять на ее взгляды и убеждения.

Таким образом, с лингвориторической позиции топосы рассматриваются нами как области содержания речи, т.е. ее участки, которые отражают ценности общества и представляют собой постоянные, повторяющиеся в выступлениях микротемы. Рассматривая тексты политических выступлений и религиозных проповедей, путем пословного анализа линейной последовательности лексических единиц мы выделяем ключевые слова согласно их смысловой значимости, лексической связи с другими словами текста и частоты встречаемости в тексте. Ключевые слова объединяются и образуют макротемы и микротемы данного текста. Совокупность макротем, которые отражают главную тему конкретного текста, представляет собой содержательный компонент *главный эпизод*, который повторяется на протяжении всей речи. Микротемы представляют собой «отступления» от основной темы, которые раскрывают какие-то аспекты макротемы (например, содержательные компоненты *фон*, *эпизод-иллюстрация* и др.) и могут быть связаны с основной темой лишь опосредованно. При анализе последних нами были выявлены те, которые 1) повторяются в большинстве речей независимо от содержания главного эпизода и 2) отражают универсальные политические и духовные ценности

общества. Такие микротемы в лингвориторической традиции соответствуют понятию топосов, т.е. не любая микротема является топосом, а только та, которая соответствует обоим вышеперечисленным условиям.

Рассмотрим методику выделения топосов на примере речи кандидата в президенты США Б. Бредли. Анализ текста данного выступления позволил выявить ряд ключевых слов и словосочетаний. Путем последующего изучения роли данных единиц в различных суперструктурных компонентах этого текста, словарных дефиниций, частотности, контекстуальных синонимов и повторных номинаций ключевые слова были распределены по двум группам. В первую группу вошли ключевые слова, образующие макротемы и представляющие в совокупности главный эпизод речи: здоровье (*health* – 72, *illness* – 16, *sickness* – 6, *healthy* – 7, *pain* – 7, названия болезней – 6 и др.), здравоохранение (*healthcare* – 42, *medicine* – 28, *doctor* – 15, *patient* – 8 и др.), страхование (*insurance* – 35, *insure* – 18). Нами также была установлена макротема улучшения, которая реализуется главным образом не ключевыми словами (*help* – 12, *program* – 9, *expand* – 5, *provide* – 7, *change* – 5, *extend* – 3, *improve* – 3 и др.), а отдельными тематическими предложениями и словосочетаниями (*the end is the best possible health for Americans; could dramatically extend life expectancy; we are going to have the best health care system in the world; we will do so by making certain* … и др.) Таким образом, главный эпизод данного выступления – улучшение системы здравоохранения при помощи системы социального страхования.

Далее, мы рассмотрели менее частотные ключевые слова и объединили их в группы согласно значениям, указанным в словарях. Путем анализа распределения данных слов в тексте мы выявили скопления слов отдельных семантических групп, которые образовали микротемы. При анализе микротем мы также принимали во внимание контекстуальные синонимы, выраженные не только словами, но и словосочетаниями и предложениями.

Изучив содержание микротем данного выступления с позиции отражения в них ценностных значений, мы выявили в нем следующие топосы: семьи (*family, father*), нации/общества (*Americans, nation*), правительства/главы государства (*government, president, A. Lincoln, T. Jefferson*), профессиональной деятельности/работы (*waiters, waitresses, home care workers, taxi-drivers, gas station attendants, department store clerks*), старшего поколения (*elderly, senior citizens*), демократии (*Bill of rights, Declaration of Independence*), материального благосостояния (*afford, pay, poverty*). Затем мы провели такую же процедуру с текстами всех других политических выступлений и религиозных проповедей. Всего в политических выступлениях было обнаружено 876 микротем, которые были определены как топосы, Затем топосы были распределены по группам в зависимости от их частотности (в процентах от общего числа топосов). Наиболее частотными топосами политического выступления оказались топосы *нации/общества, правительства/главы государства, свободы и демократии, мировых проблем, экономического процветания и благополучия, семьи, образования и религии*.

Е. Н. Труш

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Многочисленными экспериментами доказано, что адресат рекламы в первую очередь обращает внимание на заголовок, иллюстрации и цветовой фон. Затем, если перечисленные элементы привлекают его внимание и возбуждают любопытство, он читает основной текст. Как правило, адресат не заинтересован в детальной переработке информации и воспринимает, прежде всего, эмоциональные раздражители, содержащиеся в структуре текста.

Основным принципом построения рекламного текста является тенденция к кажущейся упрощенности. Однако в действительности рекламный текст строится на гораздо более сложных принципах с целью «мотивировать, менять и усиливать взгляды, чувства, точки зрения и поведение потребителя».

В удачных рекламных текстах доминирует такое описание продукта, при котором информирование о его качествах уходит на задний план, уступая место положительной оценке продукта. Внимание адресата фокусируется на характеристиках продукта, во многом преувеличенных, часто выдуманных, но в любом случае эмоционально «заряженных». В этой связи рекламист предпочитает эмоционально-аффективный способ воздействия на установку адресата, который заключается в формировании эмоционального отношения к рекламируемому продукту посредством создания определенной положительной оценки данного продукта. Именно качественные характеристики продукта, составляющие его потребительскую ценность, образуют основу положительного имиджа и способствуют тем самым коммерческому успеху фирмы. Таким образом, информирование о рекламируемом продукте, понимаемое как фактологическое описание, «вытесняется» его абсолютно положительной оценкой.

Лингвистический аспект категории оценки составляет совокупность средств и способов ее выражения – лексических, фонетических, морфологических, синтаксических, отображающих элементы ситуации и ее оценку.

Стремясь к максимальному воздействию, реклама формирует у потенциального потребителя яркий образ товара при помощи изобразительно-выразительных средств языка, наиболее типичными из которых являются: тропы, многозначность, авторское (окказиональное) варьирование фразеологизмов, прямая цитация известных песен, стихов, аллюзии, различные стилистические фигуры и т.д.

Остановимся более подробно на стилистических приемах для выражения оценки в рекламе.

В качестве примеров могут служить следующие рекламные тексты:

RADO. Langlebig. Bleibende Schönheit. Eine Uhr für ein ganzes Leben. Dahinter steht eine Tradition mit visionärer Forschung und modernsten Materialientechnologien.

(https://www.rado.com/int_de/about/materials).

В приведенном тексте представлена реклама швейцарских часов «Rado». В тексте очевидно обращение к эмоциональным мотивам, отсюда большой объем оценочной лексики, выраженной эпитетами, дающими образное представление объекту: *langlebig* ‘долговечные’, *bleibende Schönheit* ‘непреходящая красота’, *ganzes Leben* ‘вся жизнь’, *visionärer Forschung* ‘дальновидное исследование’, *modernsten* ‘ультрасовременные’. Это позволяет убедить адресата в надежности рекламируемого товара, тем самым оказывая влияние на его выбор. Положительной характеристикой рекламируемого продукта является также ссылка на традицию, опыт, профессионализм фирмы-производителя. В данном тексте положительной характеристикой рекламируемого продукта является установление эквивалентного отношения между *Tradition* ‘традиция’ и *modernsten Materialientechnologien* ‘ультрасовременные технологии изготовления материалов’.

Эффективным считается использование в рекламных текстах антитезы – двух противоположных по значению слов. Антитеза – очень яркая стилистическая фигура – усиливает высказывание и служит для привлечения внимания:

Kleine Videokameras für große Momente.
(Stern. 02.12.2010).

Текст посвящен рекламе цифровой видеокамеры. Именно за счет контрастного противопоставления подчеркивается главное преимущество видеокамеры: маленькая видеокамера поможет запечатлеть самые трогательные моменты.

Оценочная информация может быть передана также в виде метафоры. Метафора придает описанию наглядность, делая ее понятней. Она позволяет сочетать понятия, в реальности, казалось бы, совершенно несовместимые:

Krombacher. Eine Perle der Natur.
(https://www.youtube.com/watch?v=B2Glw9Oumtc).

Благодаря метафоре в рекламном тексте сформирован оригинальный образ рекламируемого продукта и ненавязчиво выражена его положительная оценка. Немецкое пиво «Krombacher» отождествляется с природой *Perle der Natur* ‘жемчужина природы’, что подчеркивает экологическую чистоту продукта, о создании которого позаботилась сама природа.

Эмоционально-оценочная лексика – самый значительный пласт в рекламе, создающий образ продукта, который должен не только отличаться от образов марок-конкурентов, но и быть желанным для целевой аудитории.

Таким образом, за счет включения в текст стилистических средств достигается перлокутивный эффект речи, призванный формировать у потенциального потребителя исключительно положительное мнение об определенном товаре.

М. В. Турчинская

ПОЛИФОНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Изучение такого сложного и многогранного явления как полифония традиционно вызывает исследовательский интерес в русле разных направлений современной науки о языке. Анализ работ, посвященных изучению

данного лингвистического явления, свидетельствует об удивительном тематическом разнообразии и широте диапазона исследовательских интересов, охватываемых этой проблематикой. Так, термин «полифония» получает широкое использование в литературоведении, где он трактуется как наличие ряда отчетливо выделяемых «голосов» или различных, но равноправных «точек зрения». Традиционным стало использование данного понятия и в контексте интертекстуальности. В ряде исследований полифония изучается как восходящие к разным субъектам речи языковые средства. Особого внимания заслуживает и трактовка данного понятия Т. Ф. Плехановой, которая обращаясь к теоретическому наследию М. Бахтина, понимает «полифонию» как многоголосие или разноречие, альтернативное монологу и одному сознанию.

По утверждению И. А. Мельчука, «не только каждый язык, но и каждая лексема языка сама по себе является целым миром». Данное утверждение отражает актуальную для современной лингвистики идею о том, что значение каждого отдельного слова – это сложная комбинация признаков, репрезентирующих многогранность человеческого знания об объектах и явлениях окружающего мира. Ввиду данных наблюдений мы обратились к изучению понятия «полифонии» с позиций современной проблематики лексической семантики. Основной акцент этого направления исследования ставится на изучении не только наиболее существенных признаков, закрепленных в денотативно-сигнификативном значении слова, но и компонентов значения, которые не имеют лексико-семантического выражения в лексикографических (словарных) дефинициях и актуализируются лишь в контекстуальном употреблении лексических единиц и в семантике их дериватов. В свете данного подхода особый исследовательский интерес представляет изучение многообразия признаков, актуализируемых в значении слова и способствующих его полифоничности. Например, как свидетельствуют данные словарей, слову *mother* ‘мать’ в английском языке присуще следующее значение: *a woman in relation to a child or children to whom she has given birth* (Oxford Dictionary of English); *a female parent* (Cambridge Advanced Learners Dictionary). Но контекстуальные употребления данной номинации свидетельствуют о том, что в ее значении может одновременно профилироваться широкий спектр признаков, не зафиксированных в словарных дефинициях. Многочисленные факты языка свидетельствуют о том, что под влиянием контекстуальных факторов в семантике этого наименования реализуется многообразие признаков, указывающих как на особенности внешности, поведения, так и на иные характеристики, ассоциируемые с денотатом данной единицы. Например: *The rock undeniably looks like a mother; fed her like a mother; I look down on Tod, on John, as a mother; that girl Samantha was like a mother to him; You’re beginning to sound like a mother; she was more like a mother than a lover; I spoke to him like a mother; I felt like a mother* и др. (British National Corpus).

Результаты проведенного исследования указывают на то, что полифоничность лексических единиц реализуется не только в контекстуальном употреблении, но и в деривационных процессах. Так, в семантике производных единиц от слова *mother* реализуется не менее широкий спектр как индиви-

дуальных для отдельных носителей языка, так и общих для всего изучаемого языкового сообщества признаков, сопряженных с данной лексической единицей. Например, *thin in the sort of way that brings out the motherly best in women; motherly touch; a motherly expression; a motherly figure; motherly woman; a woman prime minister who was in fact a mother but was not nevertheless thereby motherly; This evening, motherly summer moves in the pond; She was motherly! Maggie had become motherly; said Maud in a motherly way; the result of unwise motherly feeding; the motherly old housekeeper; motherly smile; She wasn't a motherly type; She looks motherly; She put a motherly arm around her shoulder* (British National Corpus). Более того, употребляя данную лексическую единицу в высказываниях относительно лица мужского пола, *He is a motherly father too* '…его сын не просто отец в мужском смысле. Он еще и материнский отец (со свойствами матери)' говорящий апеллирует к элементам знания о том, что свойства отца и матери, как родителей по отношению к детям, не идентичны.

Важно отметить, что полифоничность лексической единицы отличается от полисемантичности, свойственной слову. Полисемантичность подразумевает наличие различных значений одной и той же лексической единицы, которые могут обыгрываться контекстуально и способствовать созданию, например, полисемантического каламбура. Полифоничность, в отличие от многозначности, заключается в одновременной актуализации нескольких признаков одного значения слова.

Таким образом, как свидетельствуют результаты исследований в области лексической семантики, полифония лексических единиц представляется специфическим свойством слов, которое реализуется под влиянием контекстуальных факторов и деривационных процессов и способствует актуализации различных граней знания о сущности, которую данное слово называет.

Э. А. Усилова, А. Жук

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА-АУТИСТА В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Современной тенденцией развития лингвистики является интерес к личности говорящего и к особенностям ее речевого поведения, позволяющие определить индивидуальные и прототипические характеристики самой личности говорящего.

В структуре языковой личности традиционно выделяются три уровня владения языком: 1. Вербально-семантический, или лексикон с грамматиконом. 2. Лингвокогнитивный уровень, или тезаурус языковой личности. 3. Прагматический, или прагматикон.

Для воссоздания лингвокогнитивной составляющей языковой личности подростка-аутиста по произведению современного английского писателя Марка Хэддона «The Curious Incident of the Dog in the Night-Time» перво-

начально осуществлен дискурсивный анализ художественного текста при помощи сплошной выборки лексических и грамматических единиц из прямой речи главного героя и из его внутреннего монолога. Далее лексикон и грамматикон систематизирован и организован с использованием толковых словарей и тезауруса Роже в 18 лексико-семантических групп (ЛСГ) общим количеством 2390 л/е, которые отражают индивидуальную языковую картину мира исследуемой личности.

Самая обширная лексико-семантическая группа в лексиконе, отражающем картину мира мальчика-аутиста, – «Лексика из различных областей знаний» (679 л/е, что составляет 28 %). Математика, география, юриспруденция, медицина, астрономия, физика и др. – науки, основанные на системности, логичности, точности и недвусмысленности, – представляют сферу особого интереса протагониста. Это проявляется в употреблении специализированной лексики и терминов соответствующих областей, что дает основания предположить наличие у подростка логически ориентированного мышления.

Второй по количеству в тезаурусе Кристофера является ЛСГ «Универсальные отношения» (394 л/е – 16,2 %), которая представлена подгруппами «пространство», «время», «количество». Мальчик с синдромом Аспергера чувствует себя комфортно в том, что знает и понимает, а новые места, незнакомые люди, непривычный распорядок дня и то, чего он никогда не делал, пугает его, приводит в замешательство, доставляет тревогу и волнение. Именно поэтому он стремится иметь точное представление о времени и окружающей его действительности. Временные и пространственные отношения передаются им в многочисленных деталях, что отражается в том числе в грамматиконе при помощи временных и пространственных предлогов и союзов.

С этой группой тесно связаны достаточно разнообразные в лексическом отношении ЛСГ «Движение» (187 л/е – 7,7 %) и «Предметы быта» (101 л/е – 4,1 %), занимающие в исследуемом корпусе 4 и 7 места соответственно. С одной стороны, детальное описание окружающих предметов и действий с ними помогает подростку в минимальной организации пространства, а также часто в убеждении самого себя в «знании» этих предметов, что внушает ему спокойствие, а, с другой стороны, возникает неспособность отделить существенную в каждом конкретном случае информацию от менее важной.

Третья по количественному параметру группа – «Предметы/качества, свойства, воспринимаемые органами чувств» (326 л/е – 13,4 %). Подросток-аутист испытывает трудности в социализации, так как не понимает переносного значения слов и практически не различает эмоций других людей. Можно предположить, что недостаток в области социальной коммуникации и социального воображения возмещается заметным преимуществом в других: у подростка хорошо развиты основные виды физических чувств – обоняние, слух, зрение, вкус, осязание, что подтверждается большим количеством лексических единиц и словоупотреблений из данной области. Особенности зрительного восприятия аутиста заключаются в том, что картинка видимого запечатлевается им во всех деталях, и он может воспроизвести ее с той же

фотографической точностью и по прошествии времени. Слуховая сфера и область обоняния также хорошо развиты: подросток в произведении различает 45 различных звуков и 19 запахов. Особенности тактильной сферы проявляются в непереносимости прикосновений даже с родителями, поэтому в тезаурусе Кристофера так мало слов, относящихся к этой области (6 л/е).

Важную роль в развитии аутиста играет его собственное интеллектуальное совершенствование, отмечается стремление подростка к обоснованию окружающих явлений через выстраивание причинно-следственных связей, что отражается в использовании специфической лексики. Группа «Умственная и интеллектуальная деятельность» – пятая в данной классификации (109 л/е – 4,5 %).

ЛСГ «Пища, прием пищи» отводится 6 место, она представлена 102 единицами (4,2 %). Подросток придает особое значение пище и ее качеству: он употребляет только известные ему продукты, определенного цвета, расположенные раздельно на тарелке «по его настоянию». Это дает основания сделать вывод о некоторых сенсорных трудностях, связанных со сферой вкусовых ощущений.

Разнообразие лексического состава 8 группы «Внешний вид» (88 л/е – 3,6 %) также свидетельствует об особенностях зрительного восприятия и фотографической памяти подростка с синдромом Аспергера, что помогает ему в составлении образа незнакомцев, формирования в его сознании определенной картинки, что является для него своего рода знакомством с окружающим миром.

Важное значение для протагониста имеют единицы 9 ЛСГ «Природа» (79 л/е – 3,3 %). Она представлена лексическими единицами из сферы животного (59 л/е) и растительного мира (20 л/е). Особое внимание к животным объясняется трудностями при коммуникации с людьми, использующими многозначные слова, шутки и метафоры, переносное значение которых непонятно герою. Ложь – та же выдумка, поэтому главный герой доверяет больше не людям, а животным, которых он понимает и которые не смогут обмануть.

Тем, что определяет существование и деятельность аутиста, является порядок, строгая приверженность им же выработанным правилам, а их неисполнение, минимальные изменения рутины, непредсказуемость окружения, неизвестность вызывают сильный стресс, тревогу, беспокойство. ЛСГ «Порядок, стабильность и их отсутствие» имеют 10 место в тезаурусе (63 л/е – 2,6 %).

Одиннадцатой по словарному разнообразию выступает ЛСГ «Экономика и производственные отношения» (60 л/е – 2,5 %). Нужно отметить, что подросток-аутист не знаком с финансовой сферой и сам редко вступает в экономические отношения.

Протагонист выделяет особое место описанию личного времяпрепровождения, которое проявляется в частых рассказах о следовании им распорядку дня и отдыха, повторяющихся способах развлечения, что свидетельствует об ограниченном круге собственных интересов, зацикленности на них. Группа «Досуг, развлечения» занимает 12 место (51 л/е – 2,1 %).

«Психофизические состояния», а также реакции, ставшие результатом внутреннего (повторяющиеся мысли, беспокойство) и внешнего воздействия, – 13 место (44 л/е – 1,8 %). Имеет место репрезентация аутистом внутренней речи, озвучивание всех своих чувств и переживаний, что свидетельствует о невозможности концентрации в стрессовых ситуациях.

Важно отметить, что, как любой человек, аутист дает положительную и отрицательную оценку ситуаций, поступков, характера людей и т. д., хотя это происходит не очень часто: ЛСГ «Оценка положительная/отрицательная» (38 л/е – 1,6 %) имеет 14 место в тезаурусе по данной классификации.

Образованию, в особенности самообразованию, протагонист уделяет значительное внимание: ставит цели сдать экзамен на степень по математике, физике и поступить в университет и пр. ЛСГ «Образование» (31 л/е – 1,3 %) отводится 15 место в тезаурусе героя.

ЛСГ «Коммуникация устная/письменная» (30 л/е – 1,2 %) занимает 16 место в данной классификации, что указывает на недостаточную эффективность Кристофера при социальном взаимодействии и на трудности установления связей в общении.

Самыми немногочисленными по словарному разнообразию (23 л/е и 22 л/е соответственно) оказались ЛСГ «Чувства и эмоции» и «Волеизъявление» – 17-е, 18-е места. Это объясняется трудностями, которые подросток испытывает в интерпретации мимики людей, их жестов, поз, и, следовательно, в сличении и дифференциации эмоций других людей, а часто и осознания собственного состояния, что приводит к особенностям его взаимодействия с окружающими.

Итак, проделанный эксперимент на материале современного британского художественного дискурса позволил реконструировать, систематизировать и выявить индивидуальные особенности лингвокогнитивной составляющей языковой личности мальчика-подростка с особенностями психического развития.

С. Ф. Чистая

КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЯЗЫКОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ НАУЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Популяризация научного знания, сводящаяся к научному обоснованию актуальных проблем современности при обращении к неспециалистам, итогом которого выступает акцентуация важности научных открытий и перспективы имеющих место на отдельно взятом временном отрезке явлений окружающей действительности, предстает стабильным деятельностным направлением медиасферы. Это позволяет рассматривать научно-популярный текст как дискретную единицу медиадискурса, а газетно-публицистический стиль как способ вербальной манифестации широко представленной в современных медиаисточниках научной журналистики. В ее поле зрения может находиться любая из традиционных для медиаконтента тем, или медиатопиков, которые, согласно канонам дискурсивных исследований языка СМИ, рассматриваются как критерий для типологической дифферен-

циации медиатекстов. В рамках таких глобальных медиатопиков, как политика, экономика, социальная сфера и т.п., научная база становится основой для освещения более узких тем. Например, в англо-американских научно-популярных статьях это предпосылки и закономерности политических изменений, тенденции бизнеса и финансового сектора, проблемы здоровья и системы здравоохранения, вопросы экологической ситуации и природных катаклизмов.

Отдельно следует подчеркнуть востребованность текстов научной журналистики. Она сопряжена с выполняемым научно-популярными медиатекстами социальном заказом, направленным на внедрение результатов научных изысканий в социум, и заинтересованностью в таковых определенной части массовой аудитории как их адресата, не имеющей отношения к науке, но стремящейся к осмыслению потенциальной пользы или вреда от происходящих событий посредством науки. Фактор адресации научного медиатекста массовому читателю, бесспорно, является базовой предпосылкой для фиксации в этой разновидности текста ряда дистинктивных черт, создающих его своеобразие и влияющих на способы вербализации передаваемой в нем информации. При этом демонстрация научного подхода к проблеме предполагает соблюдение принципов достоверности и доступности, а выбор СМИ в качестве канала донесения научного знания до широких масс позволяет постулировать выполнение соответствующими статьями общих с медиа задач.

Примечательно, что отличительные черты научно-популярных текстов, констатируемые как следствие достоверности транслируемого содержания и его доступности массовой аудитории, спектрально и терминологически поразному представлены у различных исследователей. Вместе с тем наблюдаемый плюрализм, являясь отражением разного исследовательского фокуса, сущностно указывает на схожесть толкования феномена научно-популярного изложения. Хронологическое воспроизведение трех следующих точек зрения позволяет в этом удостовериться. Так, Г. А. Васюченко полагает, что адресованность научно-популярного текста определяет его основные и производные черты, детерминирующие языковую специфику. К первым относятся ясность, эмоциональность, точность, ко вторым – доходчивость, простота, конкретизация и образность (Г. А. Васюченко, 1977). А. П. Девкин, считая главным признаком объяснения в научно-популярном тексте доступность в сочетании с научностью, утверждает, что доступность объяснения во многом обеспечивается изобразительно-выразительными средствами различных языковых уровней, совокупность которых образует систему, именуемую беллетризацией (А. П. Девкин, 1984). Упомянутые ученые изучали английские научно-популярные тексты, но их заключения созвучны универсальной концепции научно-популярного изложения В. В. Хорольского. По его мнению, научность в научно-популярных публикациях противостоит манипулятивному воздействию СМИ. Однако, если для собственно научного изложения характерны максимальные углубление в проблему, фактография и аргументация, то научно-популярный медиадискурс подразумевает образ-

но-оперативную презентацию истины, что влечет частичный или полный отказ от излишней детализации и максимальное соответствие сознанию массового адресата. В результате научно-популярные медиатексты совмещают документальное и художественное, научный факт и авторский вымысел, понятие и метафору (В. В. Хорольский, 2016).

Все перечисленные черты научно-популярного изложения, очевидно, коррелируют либо с объективным, либо с субъективным в предъявлении информации. В нем ясность и точность соседствуют с увлекательностью и личностно-интерпретационным ракурсом освещения вопроса, что свидетельствует об объединении объективной манеры подачи материала с приемами субъективно-оценочного письма, или комплементарности объективизации и беллетризации в научно-популярном изложении, не исключающей превалирования одной из данных тенденций. Последнее в значительной мере зависит от того, какая из двух магистральных стратегий, реализующих интенции авторов научно-популярных статей, доминирует. Таких стратегий, по обобщению Т. П. Карпилович, две: информирование и убеждение. Первая предполагает раскрытие сущности нового знания отдельной научной области и передачу конкретных данных о нем. Вторая связана с доказательством новизны и практической значимости результатов научных исследований (Т. П. Карпилович, 2017). В свою очередь, настоящие стратегии являются приоритетными коммуникативными стратегиями СМИ и соотносятся с классическими журналистскими форматами: информационными статьями, статьями информационно-аналитического или аналитико-публицистического характера, выступающими, как отмечалось, той платформой, при помощи которой новое в науке, будучи весомым в социальном или личном плане фактом, сообщается массовому читателю и происходит формирование суждений о нем. В этой связи беллетризация научно-популярного изложения, предполагающая использование приемов художественного повествования, минимально представлена в статьях сугубо информационного характера, ее присутствие более ощутимо в статьях информационно-аналитического характера и максимально в аналитико-публицистических статьях, что обусловлено закономерностями порождения названных публикаций. В отношении объективизации, скорее, следует говорить не о степени ее представленности в жанрах, а способах ее реализации. Объективизация научно-популярного текста достигается при помощи принятых в журналистике приемов беспристрастного предъявления информации. Однако отличительная особенность научных медиатекстов в части объективизации – апелляции к концептам выбранной научной сферы через оперирование закрепленными за ними терминами, т.е. терминологизацию, с их последующей адаптацией. Иным имманентным признаком объективизации научно-популярного письма выступает цитирование научных трудов. Цитация в принципе, как один из основных способов аргументации, предстает неотъемлемым атрибутом всех журналистских текстов, поскольку цитаты отсылают к авторитетному первоисточнику передаваемых сведений, усиливают доказательную базу и служат подтверждением состоятельности предлагаемого мнения. Тем

более неизбежным выступает обращение к научным цитатам в научно-популярном изложении, которое возникает в итоге переработки научной литературы через редукцию оригинального материала до объема релевантного для неспециалистов.

Л. М. Якубёнок

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИРОНИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТСКИХ РЕЧАХ

Адвокатская речь, произнесенная в защиту обвиняемого в присутствии обвинителей (объектов опровержения) и судей, присяжных (объектов убеждения), представляет собой пример публичной убеждающей речи. Для реализации своей основной стратегии и решения профессиональной задачи защитник (субъект убеждения) должен специфическим образом моделировать свои высказывания, используя разнообразные средства и приемы. Одним из приемов убеждения, по мнению исследователей публичных речей различных дискурсивных сфер, является ирония.

Под *иронией* понимается «употребление слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки. Насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления». В стилистике и риторике под иронией понимается фигура речи или прием. Ирония в прагматике – это прагматический эффект или прагматическое значение, которое создают в контексте употребления языковые единицы. Исследователи дискурса утверждают, что ирония – это дискурсивный феномен, и изучение специфики ее проявления нужно вести в рамках конкретного дискурса. Данное исследование посвящено изучению феномена иронии в судебном дискурсе, в частности адвокатских речах.

С какой целью адвокат прибегает при выстраивании процесса убеждения к преломлению основного содержания сквозь призму иронии? Доказано, что донесение мысли через игру с действительностью является мощным фактором формирования мнения у объекта убеждения. Смысл, донесенный в иронической форме, ориентирует на переосмысление событий, на отказ от конформизма. Позиция иронизирующего субъекта убеждения предполагает дистанцированность от отображаемой действительности, и это отстранение побуждает объект убеждения приобщаться к происходящему как активный, свободно выбирающий субъект. Именно поэтому адвокаты в защитительных речах широко используют прием иронии. Лингвистический интерес представляет описание языковых особенностей иронических высказываний в процессе убеждения.

Одним из наиболее распространенных способов создания иронического смысла в адвокатской речи является **цитирование** речи оппонента, сопровождаемое **конъюнктивом I**, формой сослагательного наклонения для передачи чужой речи, например:

Die Delegation spuckte den Opfern des Militärregimes regelrecht ins Gesicht. Es gebe „kein diktatorisches Regime“ und „keine systematische Anwendung von Folter”, befand sie.

Сопровождаемое соответствующей интонацией приведение чужой речи имеет иронический подтекст и служит убеждению слушающих в несостоятельности обвинения.

Иронический смысл создается при помощи **эвфемизма** или **литоты**, например:

Den Sicherheitskräften geht es mit ihren Maßnahmen (gemeint ist Folter, Anm. der Verteidigung) nicht darum, politische Straftäter zu maßregeln, sondern sie an ihrem staatsgefährdenden Tun zu hindern.

Замена неудобного понятия *Folter* ‘пытки’ на нейтральное *Maßnahmen* ‘мероприятия’ в речи защитника иронична и служит дискриминации оппонента.

В следующем контексте иронический смысл создается благодаря комплексному использованию таких средств, как **стилевой сдвиг** и **гипербола**:

Das Wort „Asylant” wird salonfähig und in Verbindung, mit „Asylantenströmen” und – „schwemmen”, die das gesamte Land und besonders West-Berlin überfluten, zum einzigartigen Bedrohungsszenario ausgebaut.

Слово возвышенного стиля *salonfähig* ироничным образом указывает на то, что говорить о проблеме беженцев стало модным в высшем обществе, лексические единицы *überfluten* ‘наводнить’ и *Bedrohungsszenario* ‘угрожающий сценарий’ подчеркивают надуманность и преувеличенность проблемы.

Наряду со смешением стилей ироничное отношение к точке зрения оппонентов может проявляться через использование **формальных признаков другого типа текста**, например:

Nach dem Motto, man nehme ein bisschen linke Gesinnung, etwas Kontaktschuld, dazu eine Prise Kollektivschuld und kommt „widerspruchsfrei” zum Schuldspruch.

В приведенном примере адвокат намекает на то, что обвинение было «состряпано». Это достигается метафорическим переносом содержания – информация подается в форме кулинарного рецепта, что выражается сослагательным наклонением *nehme* ‘нужно взять’, лексемой *eine Prise* ‘щепотка’.

Важным средством иронизации над действиями обвинителей является **риторический вопрос**, например:

Aber warum hat die BAW eigentlich keine Anklage wegen Hochverrat gewählt? Ging es der RZ etwa nicht darum die gewaltsame Änderung der verfassungsmäßigen Ordnung zu erreichen?

В форме вопроса скрыто утверждение, содержащее иронический упрек, недоумение по поводу хода обвинения. Эффект усиливается благодаря использованию модальных частиц *eigentlich* ‘собственно говоря’ и *etwa* ‘разве’.

В адвокатских речах ироничный оттенок могут иметь контексты, в которых используется **модальная лексика** со значением уверенности, например:

Das Verfahren findet selbstverständlich in einem Hochsicherheitssaal statt, mit Panzerglas gegen terroristische Angriffe von außen, einem gesonderten Eingang für Zuschauer, deren Ausweise kopiert werden und die weder eine Schachtel Streichhölzer noch einen Kugelschreiber mit hinein nehmen dürfen.

В данном примере насмешку выражает модальное слово *selbstverständlich* ‘разумеется’, не обозначающее согласие, а ставящее под сомнение разумность предпринятых оппонентами действий.

В отношении свидетельских показаний ироническое отношение может проявляться через их **положительную оценку**, например:

Die feinen Differenzierungen des Kronzeugen: „Ich bin mir sicher”, „Ich bin der Überzeugung”, „mit an Sicherheit grenzender Wahrscheinlichkeit”, „vermutlich”, „ich glaube”, „ich nehme an”, „meiner Ansicht nach”, „ich bin davon ausgegangen”, „meines Erachtens”, „ich habe gehört”. Eindeutige Priorität in der Hauptverhandlung hatten allerdings die Worte „Es ist mir nicht mehr erinnerlich”. Ein weites Repertoire über das der Kronzeuge verfügt.

В приведенном примере положительно-оценочные лексические единицы *die feinen Differenzierungen* ‘детальная дифференциация’ и *ein weites Repertoire* ‘широкий репертуар’ имеют обратный смысл, что дискриминирует показания в глазах объекта убеждения.

Еще одним способом иронизации над недостоверностью свидетельских показаний является прием **контраста**, например:

Ja, er fleht im Jahre 2000 förmlich darum, diesem schlechten Gedächtnis kein Vertrauen zu schenken, doch dazu ist es zu spät. Inzwischen sitzen fünf Personen bereits seit rund sieben Monaten in Untersuchungshaft.

Как видно из примера, ирония содержится в противопоставлении несерьезного поведения свидетеля: *flehen* ‘умолять’, *schlechtes Gedächtnis* ‘плохая память’ и серьезности ситуации, причиной которой стали его показания: *fünf Personen sieben Monate in Untersuchungshaft* ‘7 месяцев предварительного заключения 5 человек’, что в целом дискриминирует и свидетельские показания и обвинительный акт.

Таким образом, ирония активно задействуется при убеждении слушающих в своей правоте и неправоте оппонента, являясь мощным фактором формирования необходимого мнения у объекта убеждения. Ирония в адвокатской речи может передаваться интонационно, а также создается благодаря специфическому использованию таких языковых средств, как цитирование чужой речи, конъюнктив I, эвфемизм, литота, гипербола, стилевой сдвиг, использование формальных признаков другого типа текста, риторический вопрос (с модальными словами и без них), употребление модальной лексики в переносном значении, контраст, положительно-оценочная лексика и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОНЕТИКА

Абламейко В. С. Фонетические трудности восприятия речи на слух.....3
Аникеева Т. В. Идентификация профессиональной принадлежности носителей английского языка в различных речевых отрезках.....6
Воробьева Л. Г. Стилистическая вариативность просодии речевого воздействия в английской устной речи 7
Гвоздикова Н. Е. Особенности артикуляции и дикции в пении на разных языках 9
Долматова Е. Д. Реализация согласного как показатель связи между словами 13
Карневская Е. Б. Фонетическая дискретизация фонологически тождественных категорий (из опыта моделирования просодической структуры фразы) 14
Кохнович Т. К. Перлокутивный эффект извинений с позиций обоих коммуникантов 17
Лопатько В. В., Трибис Л. И. Просодическая экспрессивность интеръекционных единиц в устной речи 19
Маркарова Л. Д., Новикова Д. Л. Роль знаков препинания в фонетической интерпретации письменного текста в речи билингвов 22
Мацнева М. В., Яскевич В. В. Преимущества и недостатки синтеза речи на онлайн-сервисах 24
Медведева Н. Г. Идентификация территориальной принадлежности говорящих по просодическим признакам студентами разного уровня владения английским языком..... 26
Морозова Л. П. О дискурсивных функциях просодии.....28
Насонова Т. М., Мацнева М. А. Фонологический статус второстепенного словесного ударения в английском языке 31
Панова И. И. Вариативность акцентуации английских слов в орфоэпической норме и речевой реализации.....34
Пименова В. Б. Вариативность просодических структур фраз вежливой обращенности в современном английском языке 37
Рускевич Л. В. Качество иноязычного произношения как один из критериев оценки коммуникативной компетенции 39
Скакун О. Соотношение типов паузального членения и тонального завершения интонационных групп в региональных вариантах английского языка (на материале шотландского и североирландского вариантов английского языка).....42
Трибис Л. И., Лопатько В. В. О некоторых аспектах речевосприятия 44

Угринович Н. В. Иллокутивная направленность разделенного вопроса (на материале немецкого и белорусского языков) 46
Устинович В. В. К вопросу о восприятии носителями языка локализации ядер компонентов коммуникативной структуры французского устного высказывания и ее маркированности 49
Шулягович Я. В. Произносительные универсалии детской речи 52
Щербакова Л. Г. Фразовая акцентуация в немецком и английском языках 54
Яскевич В. В., Лепеш И. Д. Просодические особенности речевого конфликта 57
Яскевич В. В. Специфика речевого ритма в британском и американском вариантах английского языка 59

ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

Белобрудова Ю. В. Реферирование и аннотирование. Практические рекомендации 61
Букаев Д. А. Фоносемантический аспект перевода 64
Валянская Д. А. Моделирование ситуации устного перевода в ходе обучения переводческой деятельности 66
Вдовичев А. В. Использование информационно-коммуникативных технологий в преподавании устного перевода 69
Гаранович Т. И. Синтаксические фразеологизмы со значением неактуальности в белорусском и английском языках 71
Гёрен А. М. Гендерный аспект в политическом интервью. Особенности и приемы перевода 73
Голикова Т. И. Перевод и переводческая деятельность глазами студента-первокурсника МГЛУ 75
Жданова Н. Ю., Марченко О. В. Стратегии соблюдения правильного порядка слов при переводе выступлений в ООН 79
Железнякова О. В. Рефлексия и самоконтроль в обучении устному переводу 82
Завадская Е. А. Особенности перевода образных средств выражения в современном французском художественном тексте 84
Зверева С. Г. Критерии оценки качества различных видов устного перевода студентов лингвистического вуза 85
Иванова Т. Ф. О переводческой эрратологии 88
Ильющенко И. С. Англицизмы в нидерландском языке и способы их перевода 91

Каткова К. В. К вопросу о переводе побудительных речевых актов с белорусского языка на немецкий 93
Ковальчук С. И. Переводческие трансформации в аннотациях 95
Колесникова В. В. Адекватность и эквивалентность в свете моделирующей концепции перевода 97
Кульчицкая А. А. Структурно-семантические особенности компьютерного подъязыка в английском и французском языках 100
Курилович О. В. Британские и американские сериалы в рамках обучения самостоятельной работе студентов по дисциплине «Практический курс перевода второго иностранного языка» 103
Максимова В. Л. Особенности перевода немецких цветовых имен прилагательных 105
Мароз Я. Л. Трансфармацыйна-семантычная мадэль выказвання з другаснай прэдыкацыяй у перакладзе 107
Морозова О. В. О подходе к преподаванию перевода в университетах КНР 110
Науменко Н. П. Средства актуализации субъективности в публицистических текстах на морфологическом уровне 112
Осипова Я. Э. Ритмическое стихотворение как средство взаимосвязанного совершенствования у учащихся фонетических навыков и навыков техники чтения 115
Пищиков В. В. О работе над немецко-русско-немецким параллельным корпусом 118
Подоляка А. Н. Игра как способ реализации дифференцированного подхода при обучении переводу 120
Пономаренко А. С., Марголин И. Г. Анализ грамматических трансформационных модификаций в переводе повести М. Фрая «Тень Гугимагона» с русского языка на немецкий и английский 122
Ревуцкая Е. А. Эпистемическая модальность в аспекте перевода (на материале французского, белорусского и русского языков) 124
Романов Г. С. О преподавании письменного специального перевода (французский язык) на второй ступени высшего образования 126
Стефанова Е. Рекомендации в руководстве по стилю («The Guardian and Observer style guide») 129
Титова А. В. Техника реферирования в устном переводе 131
Цохан А. В. К вопросу о методах преподавания письменного перевода 134
Шалесная Н. Возможности использования cat-инструментов для осуществления письменного перевода 137
Шаповаленко Д. Н. Множественность перевода: за и против 139
Шестакова Е. В. Роль информационных технологий в обучении специальному переводу 142

Шостакович В. В. Проявление межъязыковой интерференции
и ее учет в процессе перевода
(на материале русского и немецкого языков) 144
Эберхардт Юрген Гельмутович. Редактирование текстовых результатов
машинного перевода 147
Юрьев Е. Й. Компонент с дефинициями как метатекстовый феномен
деловых текстов на немецком и нидерландском языках
в аспекте перевода на русский язык 150

ГРАММАТИКА

Абраменкова М. П. Характеристика синтаксических форм категории
обстоятельства образа действия
(на материале современного французского языка) 153
Ахраменко Л. С. Модальность как центральная текстообразующая
категория в научном дискурсе 155
Барановский Р. С. Семантическая зона «Авторизованная равнозначность»
с перспективы композиционного синтаксиса 157
Богушевич Д. Г. Семантико-синтаксический словарь 158
Бухаткина Е. А., Девятко С. А. Семантическая конфигурация предложений
с глаголом *to kill* 161
Бухаткина Е. А., Стец Е. Н. Формальная структура предложений
с глаголом *to care* 163
Бухаткина Е. А., Стоянова Б. В. Способы образования
от прилагательного *grey* 165
Дмитриева И. В., Жураева Г. Б. Семантика угрозы в русском,
английском и туркменском языках 166
Дмитриева И. В., Базылева Е. Н. Особенности ювенального конфликтива 169
Зуевская Е. В. Грамматические средства выражения побуждения
в немецкой молодежной речи 171
Зуевская Е. В., Андриевская Е. В. Структурно-грамматические особенности
немецкоязычных инструктирующих текстов 174
Зуевская Е. В., Пекарская М. Функционирование междометий
в немецкоязычных художественных фильмах 176
Ковалевич И. Н. Вопросительные предложения на этапе
планирования деятельности адресата 178
Кондракова С. В., Бельченко В. Языковые средства выражения
функционально-семантического поля следствия
в немецкоязычных газетных текстах 181
Крот Л. Г. Проблема топонимии в диахроническом освещении 184
Курбаленко Н. В. Каузативные конструкции со значением
ассистивности в немецкоязычных художественных текстах 187

Листратова О. К. Значимость структурных и семантических характеристик слова для интерпретации его значения 189
Паремская С. В. К вопросу о периодизации истории немецкого языка 191
Петрашкевич Н. П. Семантико-синтаксические характеристики определения 194
Радикенвич Н. С. Модель денотативной области «оценка» в современном турецком языке 196
Симакова М. Г. Аспектуальные характеристики производных глаголов (на материале немецкого языка) 199
Хмельницкая Ю. В. О целесообразности использования перевода в рамках функционального подхода в изучении грамматики 202
Чучкевич И. В. Специфика отражения денотативных областей в текстах английских газетных статей 205
Шекунова Н. С. О типах метафоризации в пословицах английского языка 207

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Веркович М. А. Специфика основания в практической модели аргументации С. Тулмина 211
Гладко М. А. Комментарий на негативный отзыв клиента: тактический инструментарий 213
Долженкова О. М. Прагматически нагруженные хронотопы в научной статье 216
Захарова А. А. Инокультурные прецедентные имена в белорусских средствах массовой информации 218
Каспирович Г. А. Проблема лингвистического статуса экспликативных композитов (на материале текстов немецкоязычной рекламы) 219
Кирейчук Е. Ю., Радион Е. Н. О некоторых проблемах обучения этосу в курсе практической риторики 222
Крохалева Л. С. О статусе категории композиции в дискурсивно-стилистической парадигме исследования текста 225
Кунцевич С. Е. Теория цвета в лингвистическом преломлении 227
Леус А. М. Сравнительные композиты в художественных текстах (на материале немецкого языка) 230
Мамыко Е. О. Стратегия дискредитации оппонента и языковые средства ее реализации в политическом дискурсе 232
Назина Г. А. Роль экспрессии в ходе экспликации военно-политического конфликта в англоязычных СМИ 234
Романова Л. П. Инверсия как средство выражения экспрессии в английском языке 236

Рымкевич О. Е. Модальные когезии как текстообразующий фактор в публицистическом дискурсе (на материале немецкого языка) 238
Салаўёва М. А., Баранчык Г. Ю. Канцэпт «любоў» у санетах У. Шэкспіра і іх перакладах на беларускую мову 240
Соловьёва М. А., Асадчая К. В. Особенности современного американского предвыборного дискурса 243
Соловьёва М. А., Крот М. Ю. Темы феминизма и религиозного фундаментализма в романе М. Этвуд «Рассказ служанки» 246
Соловьёва М. А., Шершань В. С. Изображение членов королевской семьи в сериале «Корона» 249
Сычевская Н. С. Риторические стратегии взаимодействия между оратором и аудиторией в политической публичной речи 252
Труш Е. Н. Языковые средства выражения оценочности в немецкоязычных рекламных текстах 254
Турчинская М. В. Полифония лексических единиц 255
Усилова Э. А., Жук А. Лингвокогнитивная составляющая языковой личности подростка-аутиста в современном британском художественном дискурсе 257
Чистая С. Ф. Ключевые предпосылки языкового своеобразия научного медиадискурса 260
Якубёнок Л. М. Языковые характеристики иронических высказываний в немецкоязычных адвокатских речах 263

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

18–19 апреля 2019 года

В пяти частях

Часть четвертая

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редактор *Е. И. Ковалёва*
Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*

Подписано в печать 30.12.2019 Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 17,90. Тираж 100 экз. Заказ 69.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.